

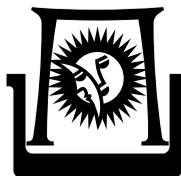

НАЦЫЯНАЛЬНЫ
ПОЛАЦКІ
МУЗЕЙ-ЗАПАВЕДНІК

Матэрыялы
навукова-практычнай
канфэрэнцыі

2014

Навукова-даследчая і асветная ўстанова культуры
«Нацыянальны Полацкі гісторыка-культурны музей-запаведнік»

НАЦЫЯНАЛЬНЫ
ПОЛАЦКІ
МУЗЕЙ-ЗАПАВЕДНІК

**МАТЭРЫЯЛЫ
НАВУКОВА-ПРАКТЫЧНАЙ КАНФЕРЭНЦЫІ**

*(па выніках навукова-даследчай работы супрацоўнікаў
Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага
музея-запаведніка ў 2014 г.)*

Полацк
«Медысонт»
2018

УДК [069+94](476.5-21Полацк)(082)
ББК 79.1(4Бей)я43
М35

Друкуецца па рашэнні навукова-метадычнай рады
Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка

Укладальнік:
намеснік дырэктара па навуковай рабоце *Т. У. Явіч*

Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі: (па выніках
М35 навукова-даследчай работы супрацоўнікаў Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка ў 2014 г.) / уклад. Т. У. Явіч. — Мінск: Медысонт, 2018. — 212 с.

ISBN 978-985-7199-29-7.

У зборніку прадстаўлены артыкулы ўдзельнікаў канферэнцыі, у якіх знайшлі адлюстраванне пытанні гісторыі і культуры Полаччыны, актуальныя праблемы музейнай дзейнасці.

Выданне адрасуецца музейным спецыялістам, гісторыкам, культуролагам.

УДК [069+94](476.5-21Полацк)(082)
ББК 79.1(4Бей)я43

ISBN 978-985-7199-29-7.

© Нацыянальны Полацкі гісторыка-культурны
музей-запаведнік, 2018
© Афармленне. ТАА «Медысонт», 2018

ЗМЕСТ

<i>Андреева Н. А.</i> К вопросу о роли чтения в процессе социализации личности младшего школьника в музейном пространстве.....	5
<i>Аниськович М. М.</i> Начальные и средние учебные заведения г. Полоцка в 1924—1928 гг.....	12
<i>Анучына Н. У.</i> Беларускае кнігадрукаванне ў замежжы ў 1950—1970-я гг.: вядучыя выдавецкія цэнтры і іх выданні ў фондах НППГКМЗ.....	23
<i>Бараненка Т. В.</i> Касцюм мяшчанак і яго асаблівасці на Беларусі ў XVIII—XIX стст.	27
<i>Воднева І. П.</i> Да пытання аб пачатковай адукацыі ў Полацку ў XIX — пач. XX стст.....	37
<i>Гаврилов В. В.</i> Электронный каталог изображений Козьянковского клада арабских куфических дирхамов IX—X веков из музейного собрания Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника ...	52
<i>Гаўрылава С. В.</i> Народная гаспадарка г. Полацка ў перыяд 6-й пяцігодкі і сямігодкі (1956—1965 гг.).....	58
<i>Даўгун В. М.</i> Полацкія фатографы канца XIX — пачатку XX стст.....	78
<i>Зуева Г. П.</i> Расійскія выданні пачатку XX ст. у фондах НППГКМЗ.....	86
<i>Кисляк А. В.</i> К вопросу об устройстве и деятельности органов Полоцкого городского самоуправления в период вхождения города в состав Российской империи (1772—1917 гг.)	95
<i>Лысенко Л. М.</i> Мир предмета в творчестве Геннадия Шутова	101
<i>Магалінскі І. У.</i> Драўляная аправа люстэрка пачатку XIII ст. з музейных збораў НППГКМЗ.....	111
<i>Мороз А. П.</i> Творчество Валентины Антоновны Ляхович.....	113
<i>Нарейко К. А.</i> 3-я Белорусская партизанская бригада: история формирования и боевой деятельности	123

<i>Орлова Т. А.</i>	
Историческая застройка кварталов, ограниченных с юга — чётной стороной пр. Ф. Скорины, с севера — ул. Коммунистической, с запада — ул. Свердлова, с востока — ул. Гоголя (по картографическим материалам середины XIX в.)	132
<i>Романенкова Г. Н.</i>	
Полоцк 1913: мозаика жизни.....	151
<i>Рудаков П. С.</i>	
Немецкие долговременные оборонительные сооружения в Полоцке на витебском направлении.....	161
<i>Салаўёў А. А.</i>	
Да вынікаў археалагічнага нагляду за будаўнічымі работамі на праспекце К. Маркса ў горадзе Полацку ў 2002 г.	166
<i>Сверж С. А.</i>	
Природоохранные территории Полотчины	172
<i>Смирнова Т. Р.</i>	
Гендерный фактор в формировании творческой активности личности в пространстве Детского музея	180
<i>Сырэвич И. В.</i>	
Полочане — участники Парада Победы 24 июня 1945 года	191
<i>Шумович Е. В.</i>	
Евангелие на престольное XVII в. в фондах НПИКМЗ: к вопросу датировки	200
<i>Явич Т. В.</i>	
Монументальная живопись XIX в. Спасо-Преображенской церкви в Полоцке: к вопросу датировки	202
<i>Звесткі аб аўтарах.....</i>	210

Н. А. Андреева

К ВОПРОСУ О РОЛИ ЧТЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНИКА В МУЗЕЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Изначально тема работы была связана с книгой, поскольку об этом музейном предмете (прямо или косвенно) будет идти речь в 3-м зале Детского музея. Во время работы над темой стало ясно, что более правомерно изучать вопросы, связанные с чтением, как процессом, который является мощным стимулятором активной, рефлексивной деятельности человека; важным средством и условием творческого мышления и познания в целом; способом осмысления и освоения законов жизни и, соответственно, фактором, формирующим человека и пробуждающим его личностный потенциал. Т. е. чтение можно рассматривать как способ решения актуальных социальных проблем, а всю деятельность, связанную с процессом чтения, как один из факторов социализации личности.

Проблеме социализации посвящено много работ в области социологии, общей психологии, педагогики. Опираясь на них, можно сказать, что социализация в самом общем смысле — это процесс социального становления личности, базирующийся на усвоении мировоззренческих и культурных ценностей и традиций, на знании законов и норм социального поведения, на владении обыденными и профессиональными знаниями и умениями, вербальными и невербальными каналами социальных коммуникаций, включая электронную среду. Очевидно, что процесс социализации личности происходит в течение всей жизни человека, позволяя ему адаптироваться в окружающей социально-коммуникативной среде.

Первичная, или детская, социализация является наиболее важной для формирования личности, поскольку формирует её базовую структуру. Детская социализация подражательная, эмоциональная и игровая по своей природе. В процессе первичной социализации происходит абстрагирование от конкретных ролей к ролям и установкам «вообще» — ребёнок способен к коллективному поведению. И принято считать, что первичная социализация завершается, когда человек способен к моральному поведению, т. е. когда он переходит от внешнего контроля к внутреннему. Индикатором степени социализации является уровень сформированности культурной компетентности личности [5, 12].

В последнее 10-летие и в Беларуси, и в России происходят значительные преобразования в системе общего среднего образования. В России — в связи с введением ФГОС (федеральных государственных образовательных стандартов), в Беларуси важнейшим приоритетом образовательной политики государства сегодня является повышение качества образования, наряду с расширением его доступности. В 2007 году в РБ была принята «Программа развития общего среднего образования на 2007—2016 годы», в которой говорится, что совершенствование содержания образования будет осуществляться в контексте культурологического подхода путём усиления формирования у учащихся базовых норм культуры в соответствии с динамикой его личностного развития [7].

- информационные (навыки деятельности по отношению к информации в учебных предметах и образовательных областях, а также в окружающем мире; владение современными средствами информации; поиск, анализ и отбор необходимой информации, её преобразование, сохранение и передачу),
- коммуникативные (знание языков, способов взаимодействия с окружающими и удалёнными событиями и людьми; навыки работы в группе, коллективе, владение различными социальными ролями. Ученик должен уметь представить себя, написать письмо, анкету, заявление, задать вопрос, вести дискуссию и др.),
- социально-трудовые (выполнение роли гражданина, наблюдателя, избирателя, представителя, потребителя, покупателя, клиента, производителя, члена семьи; права и обязанности в вопросах экономики и права, в области профессионального самоопределения),
- компетенции личного совершенствования (направлены на освоение способов физического, духовного и интеллектуального саморазвития, эмоциональной саморегуляции и самоподдержки. К данным компетенциям относятся правила личной гигиены, забота о собственном здоровье, половая грамотность, внутренняя экологическая культура, способы безопасной жизнедеятельности),
- общекультурные (общекультурная компетенция предполагает знание учеником особенностей национальной и общечеловеческой культуры, духовно-нравственных основ жизни человека и человечества, отдельных народов, а также культурологических основ семейных, социальных явлений и традиций, влияние науки и религии на человека и мир в целом).

Т. о. общекультурная компетенция представляет собой совокупность знаний, умений и навыков, элементов культурного опыта, позволяющих ребёнку свободно ориентироваться в социальном и культурном окружении, т. е. эта компетенция является результатом образования и (в большей степени) воспитания.

Составляющими общекультурной компетентности личности в самом общем плане могут быть следующие характеристики [3]:

- знание законов, норм, обычаев, принятых в данном обществе;
- знание культурных ценностей и традиций социума;
- владение определённым объёмом быденных и специальных знаний, умений и навыков, способность их использовать и интерпретировать;
- владение вербальными и невербальными каналами социальной коммуникации, включая цифровую медиасреду.

Все эти составляющие общекультурной компетентности формируются у человека в какой-то степени и под влиянием межличностных контактов. Но наиболее значимую роль играет обращение к текстовой информации, поскольку она аккумулирует проверенный научный, социальный и бытовой опыт, в ней проявляется личность автора, что оказывает эмоциональное воздействие

на читающего. При этом, если технический или естественнонаучный тексты развивают интеллектуальную сферу, то художественная литература оказывает влияние на нравственное и эстетическое развитие личности, в ней наиболее ярко отражается социальный опыт.

Процесс восприятия текстовой информации достаточно сложен. В нём можно выделить философский, психологический, педагогический, социологический, физиологический аспекты. Очевиден и личный, творческий характер чтения, которое проходит через разные этапы: вначале — рекреационный и эстетический, затем аналитический и, наконец, когнитивно-синтетический [3]. Т. е. процесс чтения — это специфическая познавательно-коммуникативная составляющая умственного труда.

Выделяют следующие разновидности чтения: инструментальное — направленное на получение информации и нового знания для решения научных, творческих, производственных задач, образовательное — предполагающее получение информации и нового знания для решения задач общего и профессионального образования; развивающее — для расширения культурного и научного кругозора, самообразования; рекреационное — для развлечения, досуга [3]. Все обозначенные разновидности чтения имеют различную степень значимости и функциональной нагрузки, но каждая из них необходима, и только в совокупности они обеспечивают информационно-знанию платформу для социализации личности. Более того, процесс социализации, происходящий вне рамок процесса чтения, будет неполноценным и не позволит адекватно воспринимать окружающий мир и реагировать на него.

Младший школьный возраст является сензитивным для формирования мотивов учения, развития устойчивых познавательных потребностей, овладения социальными нормами.

Говоря сегодня о повышении уровня общекультурной компетентности учащихся младших классов, мы исходим из возможностей повышения уровня культуры личности как в образовательном учреждении, так и за его пределами, поскольку культурно-образовательное пространство школьников не ограничивается учебным процессом. Расширение культурно-образовательного пространства младших школьников осуществляется за счёт использования различных видов образования, в т. ч. и неформального, музейного, и различных социальных институтов, в т. ч. музеев, где интересы и образовательные потребности ребёнка являются основой для разработок образовательных проектов.

Особая роль в формировании общекультурной компетентности молодого поколения, по мнению С. Л. Троянской, принадлежит музейной педагогике, как особой отрасли знаний, способной разрешить противоречия между объективной возможностью музеев активно влиять на формирование духовного мира человека и реальным уровнем их использования [11].

Согласно её исследованиям, структура общекультурной компетентности трёхкомпонентна [11, 12].

Мы с вами, включая музеи в образовательный процесс, определяем задачи обучения, способствующие развитию общекультурной компетентности и её компонентов.

<i>Компоненты ОКК</i>	<i>Задачи обучения</i>	<i>Способ реализации (методы и приемы)</i>
1. Когнитивный (подразумевает изучение и понимание, определяет познавательную направленность).	<ul style="list-style-type: none"> — формировать теоретические знания и умения в различных областях культуры; — учить видеть историко-культурный контекст окружающих предметов, оценивать их с точки зрения развития культуры; — стимулировать познавательный интерес. 	Рассматривание, сравнение и анализ, ситуативные игры, театрализация, диалог, изучение текстов, работа с артефактами и т. д.
2. Ценностно-ориентационный (предполагает приобщение к культуре в процессе духовного общения через эмоциональные переживания).	<ul style="list-style-type: none"> — развивать интерес к музею как источнику хранения культурных ценностей; — развивать способность эмоционально воспринимать и ценностно присваивать культурное наследие; — развивать способности к восприятию образного языка музейной экспозиции; — учить получать эстетическое удовольствие от общения с культурными ценностями, способность сопереживать; — развивать способность выражать личностное отношение к произведениям искусства, ценить их. 	Визуальное восприятие музейного предмета, эмоциональный рассказ музейного сотрудника, музыкальное сопровождение, тактильные ощущения, речь музейного педагога (как образец для подражания), художественная литература.
3. Коммуникативно-деятельностный (соответствует такому способу присвоения продуктов культуры как научение и сотворчество).	<ul style="list-style-type: none"> — совершенствовать навыки общения с культурными ценностями, навыки культурного поведения и выражения эмоций; — формировать умение работать с информацией: оценивать, перерабатывать, использовать информацию для саморазвития, в практической деятельности; — развивать коммуникативную компетентность (вербальная и невербальная коммуникации); — активизировать творческую деятельность. 	Музейные игры, проекты, детские выставки; диалог (ведущая роль — высказываниям детей), речь музейного педагога, тексты, документы, художественная литература.

Не секрет, что эффективность процесса неформального образования в музее в значительной степени определяется выбором адекватных целям обучения педагогических технологий. Специально организованная предметно-пространственная среда (как средство педагогического взаимодействия, т.к. она оказывает значительное воздействие на личность и активно участвует в образовательном процессе), музейная экспозиция, экспонат (или музейный предмет) — это основа музейно-педагогического процесса. Но реализация образовательного потенциала музейного пространства в процессе формирования общекультурной компетентности учащихся возможна при наличии определённых условий [11]:

- организационно-методических (учёт специфики музея, координация педагогического процесса в его среде, соответствие образовательных программ возрастному и общекультурному уровню развития детей, владение музейным педагогом комплексом психолого-педагогических и специальных знаний и умений);
- мотивационных (создание атмосферы эмоционального комфорта, презентация экспонатов в качестве образцов для творческой деятельности, стимулирование познавательной и творческой активности);
- содержательных (разработка адаптированных текстов музейных занятий, уроков, экскурсий);
- процессуальных (возможность свободного выражения мыслей, эмоций, чувств, творческого самовыражения, вариативность предметно-пространственной среды, создание ситуаций для игровой импровизации и т. д.).

В заключение хочется ещё раз подчеркнуть социальную роль музея, поскольку он не только аккумулирует исторический, эстетический, технический опыт, но и является проводником социальных норм и культурных ценностей. В условиях музея социализация и социальная адаптация детей связана с созданием особой атмосферы, которая предполагает уважение прав личности каждого и ответственности этой личности перед другими.

Список литературы

1. Глоссарий ФГОС начального общего образования [Электронный ресурс]. — 2008. — Режим доступа: http://brscola.moy.su/glossarij_fgos.doc. — Дата доступа: 04.02.2015.
2. Иванова, Е. О. Содержание образования: культурологический подход / Е. О. Иванова, И. М. Осмоловская, И. В. Шалыгина // Белорусская цифровая библиотека [Электронный ресурс]. — 2007. — Режим доступа: http://library.by/portalus/modules/shkola/readme.php?archive=1195596940&id=1193319770&start_from=&subaction=showfull&ucat=. — Дата доступа: 10.09.2014.
3. Кузнецова, Т. Я. Чтение как базовый фактор социализации личности / Т. Я. Кузнецова // Знание, мысли, новости [Электронный ресурс]. — 2015. — Режим доступа: <http://www.radnews.ru/чтение-как-базовый-фактор-социализац/>. — Дата доступа: 10.02.2015.

4. Куракова, Г. В. Теоретический анализ дефиниции «общие компетенции учащихся» / Г. В. Куракова // Электронный научный журнал «Fan-Nauka» [Электронный ресурс]. — 2010. — Режим доступа: <http://www.fan-nauka.narod.ru/2010.html>. — Дата доступа: 19.09.2014.
5. Мастеница, Е. Н. Социальная адаптация в контексте культурно-образовательной деятельности музеев / Е. Н. Мастеница // Музейная эпистема: сборник статей; под ред. А. А. Никоновой [Электронный ресурс]. — 2009. — Режим доступа: http://www.bvahan.com/museologypro/muzeevedenie.asp?c_text=101&li2=4. — Дата доступа: 19.08.2014.
6. Матвеева, Е. О. Роль книги начала третьего тысячелетия в социализации личности ребенка / Е. О. Матвеева // Творческое агентство «Вперед, к мечте!» [Электронный ресурс]. — 2014. — Режим доступа: <http://www.detlit.ta-vkm.ru/problems/e-matveeva-rol-knigi-nachala-tretego-tysyacheletiya-v-socializacii-lichnosti-rebenka/>. — Дата доступа: 23.08.2014.
7. Программа развития общего среднего образования в Республике Беларусь на 2007—2016 годы: постановление Совета Министров Республики Беларусь, 31 мая 2007 г. № 725 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 2007. — № 725 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://edu.gov.by/main.aspx?guid=18021&detail=17473>. — Дата доступа: 30.01.2015.
8. Симдянова, Г. М. Методика формирования общекультурных компетенций у учащихся начальной школы / Г. М. Симдянова // Вектор науки ТГУ. № 1(8). [Электронный ресурс]. — 2012. — Режим доступа: http://edu.tltsu.ru/sites/sites_content/site1238/html/media69595/084_simdjnova.pdf. — Дата доступа: 27.10.2014.
9. Современное состояние и тенденции развития детского чтения в Республике Беларусь: по результатам республиканского исследования / Национальная библиотека Беларуси; составители: М. Г. Шибытко, О. В. Гаврилович. — 2-е издание. — Минск: Национальная библиотека Беларуси, 2012. — 155 с.
10. Столяренко, Л. Д. Основы психологии / Л. Д. Столяренко. — Ростов-на-Дону, 1997. — 736 с.
11. Троянская, С. Л. Музейная педагогика и ее образовательные возможности в развитии общекультурной компетентности / С. Л. Троянская // Учебное пособие [Электронный ресурс]. — 2007. — Режим доступа: <http://elibrary.udsu.ru/xmlui/bitstream/handle/123456789/9940/2012566.pdf?sequence=1>. — Дата доступа: 22.09.2014.
12. Хохлова, Е. И. Пути и средства формирования общекультурной компетенции у младших школьников / Е. И. Хохлова // Сборник статей [Электронный ресурс]. — 2013. — Режим доступа: http://www.rusnauka.com/18_ADEN_2013/Pedagogica/4_142135.doc.htm. — Дата доступа: 19.01.2015.
13. Хуторской, А. В. Ключевые компетенции и образовательные стандарты / А. В. Хуторской // Интернет-журнал «Эйдос» [Электронный ресурс]. — 2002. — Режим доступа: <http://www.eidos.ru/journal/2002/0423.htm>. — Дата доступа: 10.11.2014.
14. Яничева, Т. Г. Образовательная среда — пространство социализации и индивидуализации / Т. Г. Яничева // Петербургский психологический журнал [Электронный ресурс]. — 2013. — № 5. — Режим доступа: <http://ojs.spbu.ru/index.php/psy/article/view/48>. — Дата доступа: 10.11.2014.

М. М. Аниськович

НАЧАЛЬНЫЕ И СРЕДНИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ Г. ПОЛОЦКА В 1924—1928 ГГ.

В 1924—1928 гг. в г. Полоцке шёл процесс реформирования начального и среднего образования советской школьной системы. Созданные после Октябрьской революции, девятилетние Единые трудовые школы двух ступеней в 1924 г. были преобразованы в полные средние семилетние школы, открыты специальные школы для взрослых. Во всех учебных заведениях был объявлен принцип национального образования и проводилась политика белорусизации. Основной её задачей было расширение сферы использования белорусского языка в общественной жизни.

Согласно декрету ЦИК РСФСР «Об передаче ССРБ 15 уездов и отдельных волостей Гомельской, Витебской, Смоленской губерний» в марте 1924 г. Полоцк вошёл в состав БССР. В июле того же года город стал центром округа, в составе которого было выделено девять районов, с населением 374,2 тыс. человек (1926 г.) [24, с. 374].

Для руководства учебными заведениями 15 августа 1924 г. был образован Полоцкий Окружной отдел Народного образования (ОКРОНО). Он подчинялся Народному Комиссариату просвещения БССР (Наркомпросу БССР) и «занимался вопросами развития народного образования, ликвидации безграмотности и малограмотности, строительства и расширения сети школ, подготовки и воспитания педагогических кадров и ведал всеми культурно-просветительскими учреждениями» [1, с. 42]. При Полоцком ОКРОНО был создан отдел правовой защиты детей, задачей которого было противодействие беспризорности и преступности среди несовершеннолетних [14, с. 50]. В период с 1924 по 1928 г. происходила частая смена заведующих Полоцким ОКРОНО. Эту должность в разные годы занимали В. Шимановский, Е. А. Южик, Е. А. Бутор, Микулич.

В 1924 г. в Полоцке вместо шести школ I ступени и двух трудовых школ II ступени, одной опытной школы, двух семилеток было создано 10 школ (7 семилетних и 3 четырёхлетние (см. приложение 1) [8, с. 34]. Число учащихся в них ежегодно увеличивалось, и охват детей, посещавших школы, возрос с 51,3% в 1925 г. до 68,6% в 1928 г. [22, с. 2].

Повышение общеобразовательного уровня населения создало благоприятные условия для успешного развития города и округа, однако не решило проблемы обеспечения сфер экономики и культуры квалифицированными кадрами. Для этого требовались специалисты со среднеспециальным и высшим образованием. Из архивных источников известно, что в 1925 г. 12 человек от Полоцкого округа были направлены для обучения в высшие учебные заведения: Московский и Смоленский медицинские вузы, Казанский институт народного образования, педагогический факультет Смоленского университета, Межевой институт в Москве [14, с. 77].

В 1924—1928 гг. в республике проводилась политика национально-культурного строительства — белорусизация. В июле 1924 г. на II сессии ЦИК БССР

Рис. 1. Полоцкая еврейская школа, 1925/1926 учебный год.
Из фондов НПИКМЗ

«О практических мероприятиях по проведению национальной политики» государственными языками были признаны белорусский, русский, еврейский и польский. Белорусский как язык большинства коренного населения был объявлен в качестве главного языка и основного для отношений между государственными, профессиональными и общественными учреждениями и организациями. В постановлении сессии отмечалось, что обучение, преподавание во всех учреждениях социального воспитания и профессионального образования должно проходить на родном языке [21, с. 246].

Уже с 1924/1925 учебного года в Полоцком округе началась работа по белорусизации общеобразовательной школы. Для координации и разъяснения нововведений Наркомпрос БССР направил в Полоцкий ОКРОНО «3 ответственных работника-белоруса». Уже через год работа администрации системы образования Полоцкого округа, переписка с вышестоящими органами власти велась на белорусском языке.

Белорусский язык вводился как обязательный предмет во всех начальных и средних учебных заведениях. Обучение в первых группах (классах) всех школ, за исключением еврейских и польских, было полностью на белорусском языке. На уроках родного языка большое внимание уделялось развитию «механизма чтения белорусской литературы» [5, с. 118]. Начальные школы были снабжены белорусскими букварями и другими учебниками. Среди них — «Разразная азбука», «Роднае слова», «Правапіс беларускае мовы» Я. Лёсика, «Граматыка для школ» Б. Тарашкевича, «Беларускі лемантар» С. Некрашевича [21, с. 233].

Для проведения активной белорусизации в округе в 1924 г. в Полоцке была открыта Ударная семилетняя школа на базе общей школы № 2 (ул. Ленина). Принимали в неё преимущественно детей из сельской местности. Заведующим школой был назначен выпускник Минского педтехникума С. А. Гольман, а в

Рис. 2. Ученики 3-й семилетней школы, 7-я группа.
Из фондов НПИКМЗ

1925 г. его сменил Д. Костюков. Преподавателями были опытные учителя города А. Пигулевский, М. Матисон, В. Рульковиус. В младших группах Ударной школы обучение велось исключительно на белорусском языке, в старших происходил постепенный перевод преподавания на нём всех предметов. На родном языке велась также воспитательная и внешкольная работа, ставил спектакли школьный драматический кружок. Постановки театра Ударной школы демонстрировали жителям города [14, с. 35].

Государственная национальная политика предусматривала также развитие школ на языках национальных меньшинств в местах их компактного проживания. В 1925 г. 42% (8094 человек) жителей г. Полоцка были евреями. 1,5% (5612 человек) от общего количества населения Полоцкого округа составляли поляки [11, с. 7]. Постановления 13 съезда КПБ(б) и 2-й сессии ЦИК БССР объявили приоритетный принцип национального обучения и комплектования школ по принципу «материнского языка». В Полоцке кроме белорусских были три национальные школы: две еврейские и одна польская. Преподавание в них велось на родном языке, при этом обязательными предметами для изучения были белорусский язык, история и география Беларуси.

Две полоцкие еврейские школы № 6 и № 8 были малочисленными, в них обучалось всего 290 детей. При этом в общих школах представители этой нации были в большинстве. Так, например, в 1-й школе было 68% евреев, во 2-й — 54%, в 3-й — 71%, в 4-й — 48%, в опытной школе — 34% [11, с. 29].

По причине того, что большинство детей в общей семилетней школе № 3 были евреями, обязательным уроком стал еврейский язык. В младших группах этой школы преподавание всех предметов велось только на родном языке [12, с. 654] (см. рисунок 1). Еврейская семилетняя школа № 6 размещалась в здании общежития бывшей учительской семинарии на ул. Троицкого, в доме Кулеша. Её заведующим был А. И. Хейфец. Еврейский язык и обществоведение

преподавал Б. И. Губельбах, русский язык и арифметику Б. А. Аронсон, учителем младших классов была С. Г. Рабинович [11, с. 6]. Более 50% детей этой школы были сиротами и из семей городской бедноты (см. рисунок 2). Начальную еврейскую школу № 8, находившуюся на ул. Безымянной за Двиной, возглавлял Б. Н. Брейдо.

В отчётах Полоцкого ОКРОНО отмечалось, что в городе не проводились мероприятия среди еврейского населения по популяризации национальных школ и значения учреждений культуры. В 1925/1926 учебном году детей евреев стали переводить из общих в национальные школы. В первую очередь это коснулось учащихся, не владевших белорусским языком. Заведующим общих школ было запрещено принимать детей евреев. В результате были укомплектованы младшие группы «евшкол». В школе № 6 количество детей увеличилось со 164 до 250 человек, в школе № 8 — с 40 до 80 человек. Из архивных источников известно, что нововведения вызывали недовольство и родители подавали жалобы прокурору [11, с. 29].

В 1925 г. полоцкая Польская национальная школа I ступени была преобразована в полную семилетнюю школу № 7 со специальным интернатом для сельских детей. Под руководством Я. Маниса в школе обучалось 113 детей и работало 7 учителей. Учебное заведение находилась на Рижской улице в ветхом здании, ранее принадлежавшем Польскому приходскому совету. Следует отметить, что кроме национальных польских школ были и общие семилетние школы с преподаванием польского языка. Дети поляков изучали родной язык в железнодорожной школе при станции Полоцк I [17, с. 21]. Для укомплектования польских школ квалифицированными кадрами и подготовки учителей в 1923 г. в Минске открылся польский педагогический техникум. Известно, что от Полоцкого округа для учёбы в техникуме были направлены М. Юревич, М. Антонович, А. Боронок, Я. Богданович [14, с. 105].

При проведении белорусизации были некоторые сложности, связанные с отсутствием педагогических кадров, свободно владевших белорусским языком. Хорошо подготовленных учителей белорусского языка по г. Полоцку было только четыре: Виноградов, Бородин, Пальчик, Кузьмичёв (см. рисунок 3) [11, с. 28]. В отчётах ОКРОНО отмечалось, что «проводя белорусизацию в школах мы одновременно вынуждены проводить её среди шкрабов». С этой целью

Рис. 3. А. В. Кузьмичёв, учитель белорусского языка. Из частного собрания

в 1924 г. для полоцкого учительства были открыты окружные 6-недельные курсы, краеведческие кружки, где изучались белорусский язык и белорусская культура [5, с. 118].

Более основательную подготовку давали курсы белорусоведения и белорусского языка, проходившие летом 1925 г., под руководством директора педтехникума Б. Ф. Тясто. Всего на курсы было зачислено 78 учителей Полоцкого округа. Большое внимание уделялось изучению белорусской литературы и истории Беларуси. Лекции по изучению родного языка читал преподаватель педтехникума Трубач, который окончил «Высшие курсы белорусоведения» в Минске.

По окончании занятий 10 учителей были признаны несоответствующими занимаемой должности и по этой причине уволены, 2 «шкраба» отправлены на пенсию по возрасту, 25 учителей имели недостаточный уровень образования и были направлены в Педтехникум для повышения квалификации. Более успешных выпускников курсов распределили по сельским школам Полоцкого округа [8, с. 65].

В докладах Полоцкого ОКРОНО было заявлено, что случаев негативного и враждебного отношения к белорусизации в г. Полоцке не наблюдалось, а «к голосу тех, вроде попов и других выроdkов, воспитанных на Российской великодержавии, крестьянство и рабочие не прислушивались, а учащиеся всех национальностей с большим вниманием и интересом усваивают белорусский литературный язык» [5, с. 118].

Однако 16 мая 1926 г. в республиканских газетах «Звезда» и «Савецкая Беларусь» появилась статья под названием «Вражда из-за языка» за подписью «Белорус» с обращением к президиуму ВЦИК СССР. Авторство её приписывают полоцким учителям А. Г. Пщёлке, А. Ф. Пигулевскому и П. О. Дейнису. В статье высказано несогласие с приданием белорусизации статуса государственной программы и методами её осуществления. В противовес официальной точке зрения, автор утверждал, что «население на 70—80% выражает свой громкий протест против своего языка, чтобы его не вводить в жизнь, в учреждения, в школы, чтобы его изъять из употребления. ...В сущности, говоря, [белорусский язык] служит лишь для того, чтобы портить, извращать фонетику, стиль, грамматику чисто русского языка» [2, с. 219]. В архивных источниках сохранились сведения и о создании в Ленинграде так называемого Полоцкого землячества для противодействия белорусизации, которое «в плане работ на 1927 г. первым пунктом ставит изжитие насильственного введения в Полоцком округе белорусского языка» [2, с. 223].

Текст письма вызвал недовольство у руководства БССР. Председатель ЦИК БССР А. Г. Червяков в записке к бюро ЦК КП(б) БССР от 24 мая 1926 г. отметил, что «население Полотчины относится враждебно к белорусскому языку». Однако при этом он заметил, что письмо произвело на Полотчине неоднозначную оценку и «школьные работники пожелали созвать собрание, чтобы обмежеваться от писем «Белоруса». А. Г. Червяков предложил отправить в Полоцкий окрисполком директиву с предложением «использовать инициативу учителей по обмежеванию от «Белоруса» [2, с. 222].

26 июня 1926 г. Полоцкий ОКРОНО отметил, что «размещённая статья взбудоражила учительство Полоцкого округа» и принял решение не допу-

сказать «группу учителей-шовинистов к дальнейшей работе в школах г. Полоцка». На общем собрании педагогов учитель физики Сенкевич внёс предложение о смещении П. О. Дейниса с работы в городских школах-семилетках. Однако при голосовании мнения разделились. Также было принято решение об «откомандировании Пигулевского под приказ ОКРОНО» [17, с. 42].

Статья «Вражда из-за языка» стала предметом обсуждения и резкой критики её авторов на II (XIII) съезде Советов Полоцкого округа. В заключительной его части было заявлено, что «великодержавные шовинисты Пщёлко, Пигулевский и другие стремятся из-за угла парализовать большой темп развития белорусской культуры». На съезде также была принята резолюция по вопросу деятельности «Полоцкого землячества» в Ленинграде. Основными её решениями были следующие:

- деятельность «Полоцкого землячества» направлена против белорусизации и национальной культуры и является «наглой провокацией»;
- присоединение Полотчины к Советской Белоруссии является волей всего трудящегося населения Полотчины;
- белорусский язык является родным языком для 89% населения Полотчины и благодаря строительству культуры, открытию школ на родном белорусском языке дети с большими успехами овладевают наукой и просвещением [4, с. 2].

Из архивных документов известно, что учитель русского языка А. Ф. Пигулевский пытался реабилитировать своё имя. Он направил жалобу А. Г. Червякову о несправедливом обвинении в составлении статьи «Вражда из-за языка». Принимая во внимание это письмо и по предложению наркома просвещения БССР А. В. Балицкого, закрытое заседание ЦК КП(б)Б от 6 сентября 1926 г. приняло решение о восстановлении права А. Ф. Пигулевского работать учителем в одной из школ г. Полоцка [2, с. 225]. Директор семилетней школы П. О. Дейнис в 1926 г. переехал в г. Гомель на постоянное место жительства, где продолжил преподавательскую работу в медтехникуме и других учебных заведениях. Учитель истории А. Р. Пщёлко с 1927 г. работал в посёлке Старая Торопа Тверской области.

Несмотря на количественное увеличение полоцких учителей с 96 человек в 1924/1925 учебном году до 139 в 1926/1927 учебном году, их профессиональный уровень оставался низким [5, с. 128]. Только 9% из них имели высшее образование. Так, например, учителем химии и биологии 1-й семилетней школы

*Рис. А. В. К. Озерников вместе с женой
Т. И. Озерниковой, 1927 г. Из частного
собрания*

Рис. 5. Слушатели вечерней школы повышенного типа для рабочей молодёжи. 1929/1930 учебный год. Из частного собрания

был В. К. Озерников, ставший одним из первых выпускников педагогического факультета Белорусского государственного университета (см. рисунок 4). В основном в школах работали педагоги со среднеспециальным или общим средним образованием (67%). Четвёртая часть полоцкого учительства имела лишь незаконченное среднее образование [5, с. 128].

Средняя зарплата учителя по городу в 1924—1928 гг. была довольно низкой и составляла 24 рубля в месяц, что было примерно в два раза меньше средней зарплаты в промышленности и транспорте. При большой педагогической нагрузке учитель мог заработать и 40—50 рублей [5, с. 66]. Инспектор Полоцкого ОКРОНО И. И. Хрилёв отмечал: «Мизерный оклад содержания вынуждает педагогов заниматься и в других школах» [8, с. 44]. Постепенно денежное довольствие учителей увеличивалось и составило в 1926 г. 30 рублей на ставку. Повышенную заработную плату (60—80 рублей в месяц) получали заведующие школами и руководство ОКРОНО [5, с. 27].

С 1925 г. учителям начали выплачивать пенсию. Условием её назначения было наличие 25-летнего педагогического стажа, 5 лет из которых необходимо было отработать в советских учреждениях образования, при этом засчитывался стаж периода немецкой и польской оккупации. Размер пенсии был установлен в объёме 240 рублей в год. Педагогам, продолжавшим работать по найму, пенсионные выплаты сокращались наполовину [8, с. 181].

В период 1924—1928 гг. продолжалась компания по ликвидации безграмотности взрослого населения. В Полоцке было учтено 3933 неграмотных, что составляло около 20% от общего числа жителей города. В 1924 г. к борьбе за грамоту была привлечена широкая общественность в лице добровольческой орга-

низации «Прочь неграмотность». Основными направлениями её работы были массовая печатная и устная агитация среди населения, накопление материальной базы посредством сбора членских взносов с граждан и пожертвований от организаций. В 1926 г. организация открыла свою ячейку в г. Полоцке. Её целью стало открытие ликвидпунктов на языках национальных меньшинств, увеличение термина обучения грамоте до пяти месяцев.

В тот период в Полоцке работало 3 ликвидпункта, в которых обучалось 203 человека [11, с. 6]. Один ликвидпункт находился при Рабочем клубе на пересечении ул. К. Маркса и Интернациональной, два ликвидпункта размещались на ул. Троцкого в доме Кулеша. В них работали учителя начальных школ, которые за отдельную плату проводили занятия по вечерам [5, с. 3]. В здании семилетней еврейской школы № 6 в 1924 г. была открыта школа малограмотных. В разное время её посещало от 31 до 51 человека [20, с. 130]. В железнодорожной школе был открыт ликвидпункт для поляков, занятия в котором проходили на родном языке [20, с. 21].

Одним из важных направлений работы ликбезов стало обучение неграмотных допризывников и заключённых Полоцкого Исправдома. Для допризывников в г. Полоцке было открыто 2 ликвидпункта при Рабочем клубе. Из 330 зачисленных только 40% курсантов обучились основам грамоты. Уроки для 63 неграмотных заключённых проводились в камерах, т. к. отсутствовали специальные помещения для занятий [11, с. 6].

Работа с неграмотными велась на их родном языке, что значительно упрощало процесс обучения. На занятиях пользовались учебниками «Беларуская граматыка для школ» Б. Тарашкевича, «Граматыка беларускай мовы. Марфалогія» Я. Лёсика, букварём на белорусском языке для взрослых «Наша сіла — ніва ды машына» С. Некрашевича, «Лемантар для дарослых» Ю. Пушкевича и другими учебниками, изданными в 1922—1927 гг. [1, с. 101].

Взрослое население могло получить среднее образование в специально созданных учебных заведениях. Для этого в г. Полоцке были открыты вечерняя школа повышенного типа для рабочей молодёжи и вечерняя школа для взрослых.

Вечерняя школа повышенного типа для рабочей молодёжи открылась в г. Полоцке 25 сентября 1925 г. (см. рисунок 5) В неё было зачислено 40 человек, с которыми работало 4 учителя [20, с. 130]. Все предметы преподавались на белорусском языке, а русский язык изучался как предмет. В связи с тем, что 90% слушателей школы были евреями, обязательным уроком стал и еврейский язык [16, с. 54].

Целью работы вечерней школы для взрослых было «повышение общеобразовательного и политического уровня рабочих, а также подготовка для поступления в высшие учебные заведения». Заведение открылось в г. Полоцке в 1924 г. и частично заменило РАБФАК, Наполняемость школы была достаточно высокой: 3 русские и 2 еврейские группы посещало 135 человек [20, с. 139]. В школе был также введён белорусский язык как предмет, а через два года на нём преподавались все предметы. Исключениями были еврейские группы.

Важным звеном воспитательной работы школ в 1924—1927 гг. была деятельность детских пионерских и молодёжных комсомольских организаций. В

тот период наблюдался их численный рост. Так, например, в октябре 1924 г. по г. Полоцку было 58 пионеров, в конце ноября того же года уже 735 [11, с. 44]. В 1924 в г. Полоцке появился окружной клуб пионеров, который находился на улице Крестовой в клубе коммунистического союза молодёжи. Для координации пионерского движения в январе 1925 г. были организованы краткосрочные курсы для подготовки пионерских работников. Курсы закончили 25 человек, которые были направлены в районы Полоцкого округа [14, с. 47] Работа в пионерских отрядах и клубах проводилась на белорусском языке. При национальных школах также открывались пионерские кружки. Так, например, в 1925 г. при полоцких еврейских школах было организовано 5 пионерских отрядов, работа в них велась на родном языке. Комсомольская организация в г. Полоцке также значительно увеличилась: в 1922 г. она насчитывала 252 члена, в 1925 г. — 2527 членов, в 1926 г. — уже 3900 членов. Полоцкие комсомольцы проводили большую работу по защите интересов рабочей молодёжи, вели борьбу со спекуляцией, организовывали экскурсии для детей за город [23].

Таким образом, в 1924—1928 гг. в г. Полоцке шёл процесс формирования советской школьной системы, расширения общего семилетнего обучения, наблюдался более полный охват детей всеми типами общеобразовательной подготовки. Ощутимыми стали сдвиги в работе по ликвидации безграмотности среди подростков и молодёжи, появились школы нового типа для взрослых и рабочей молодёжи. В учреждениях образования проводилась политика белорусизации. Благодаря ей, белорусский язык вводился как обязательный предмет во всех начальных и средних учебных заведениях, а также получили развитие школы на языках национальных меньшинств. Польское и еврейское население могло изучать родной язык и использовать его в государственных учреждениях. Однако быстрые темпы и принудительно-административные методы белорусизации, нарушение принципа добровольности в г. Полоцке давали основание для недовольства этой политикой среди населения.

Список литературы и источников

1. Васілеўская, Н. Развіццё адукацыі і навукі / Гісторыя Беларусі: у 6 т. Т. 5 Беларусь у 1917—1945 гг. — Мінск, 2007. — С. 225—232.
2. Беларусізацыя, 1920-я гады: дак. і матэрыялы / Бел. дзярж. ун-т, гіст. фак., каф. сусвет. і айчын. гісторыі, археагр. каміс. Дзярж. кам. па арх. і справаводства Рэсп. Беларусь; пад агул. рэд. Р. П. Платонава і У. І. Коршука. — Мінск. : БДУ, 2001. — 268 с.
3. Головин, С. А. Имущественная дифференциация доходов населения СССР в 20—30-е годы XX века / С. А. Головин // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена [Электронный ресурс]. — 2008. — № 66. — Режим доступа: <http://cyberleninka.ru>. — Дата доступа: 10.02.2015
4. Другі акруговы з'езд саветаў Полацкай акругі // Чырвоная Полаччына. — 1927. — 2 красавіка. — С. 2
5. Зональний державний архів в г. Полоцке (ЗГА в г. Полоцке). Фонд 112. — Опись 1. — Д. 1. — План работы отдела, отчёты и доклады, сведения о состоянии народного образования в округе 1923/1924 гг.

6. ЗГА в г. Полоцке Фонд 112. — Оп. 1. — Д. 8. — Постановления СНК БССР и протоколы заседаний президиума исполкома Полоцкого окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.
7. ЗГА в г. Полоцке. Фонд 112. — Оп. 1. — Д. 11. — Указания Наркомпроса БССР, планы работы и сеть политико-просветительских учреждений.
8. ЗГА в г. Полоцке. Фонд 112. — Оп. 1. — Д. 14. — Протоколы совещаний работников ОКРОНО.
9. ЗГА в г. Полоцке. Фонд 112. — Оп. 1. — Д. 18. — Протоколы заседаний, план работы и отчёты окружных курсов по переподготовке учителей и переписка с учреждениями НО по данному вопросу.
10. ЗГА в г. Полоцке. Фонд 112. — Оп. 1. — Д. 32. — Сеть и список школ и других культурно-просветительских учреждений в округе на 1924/1925 учебный год. ЗГА в г. Полоцке.
11. ЗГА в г. Полоцке. Фонд 112. — Оп. 1. — Д. 37. — Отчёты и доклады ОКРОНО и состояние народного образования и политико-просветительской работы в округе 1924/1925 учебном году.
12. ЗГА в г. Полоцке. Фонд 112. — Оп. 1. — Д. 47. — Список подведомственных учреждений ОКРОНО на 01.07.1925 и переписка со школами по вопросам основной деятельности.
13. ЗГА в г. Полоцке. Фонд 112. — Оп. 1. — Д. 48. — Список школ и культурно-просветительских учреждений г. Полоцка и переписка со школами по вопросам основной деятельности.
14. ЗГА в г. Полоцке. Фонд 112. — Оп. 1. — Д. 52. — Постановления СНК БССР, протоколы заседаний комиссии по направлению желающих в учебные заведения. Отчёты о работе ОКРОНО за 1924-1925 учебный год.
15. ЗГА в г. Полоцке. Фонд 112. — Оп. 1. — Д. 72. — Сеть школ и культурно-просветительских учреждений на 1925/1926 учебный год.
16. ЗГА в г. Полоцке. Фонд 112. — Оп. 1. — Д. 74а. — Доклад о состоянии народного образования в округе за последние 10 лет. Списки школ и школьных работников на 01.10.1925 и других культурно-просветительских учреждений за 1925 г.
17. ЗГА в г. Полоцке. Фонд 112. — Оп. 1. — Д. 83. — Протоколы заседаний коллегий ОКРОНО о годовом производственном плане Народного образования округа.
18. ЗГА в г. Полоцке. Фонд 112. — Оп. 1. — Д. 92. — Доклады инспектора ОКРОНО о научно-просветительской работе и работе округа. Список семилетних школ в округе на 15.09.1926 г.
19. ЗГА в г. Полоцке. Фонд 112. — Оп. 1. — Д. 93. — Отчёты ОКРОНО о политико-просветительской работе и работе школ рабочей молодёжи за 1925/1926 учебный год, переписка с главполитпроевом о политико-воспитательной работе в округе.
20. ЗГА в г. Полоцке. Фонд 54. — Оп. 1. — Д. 93. — Протоколы собраний представителей учебных заведений, заседаний комиссии по реформе школы.
21. Лыч, Л. Паслярэвалюцыйнае нацыянальна-культурнае адраджэнне: дасягненні, супярэчнасці і трагічны абрыў (1917 — пачатак 30-х гг.) / Л. Лыч, У. Навіцкі // Гісторыя культуры Беларусі / Л. Лыч, У. Навіцкі. — 2-е выд., дап. — Мінск, 1997. — С. 230—296.

22. Мікуліч. Культурныя дасягненні Полаччыны ў 10 гадавіну Кастрычніка / Мікуліч // Чырвоная Полаччына. — 1926. — 17 верасня.- с. 3
23. Да гісторыі полацкай арганізацыі Л. К. С. М. Б. (Кароткі нарыс) // Чырвоная Полаччына. 1927. — № 103.
24. Полацкая акруга // Памяць: гіст.-дакум. хроніка Полацка / рэд. кал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш.; маст. Э. Э. Жакевіч. — Мінск.: БелЭн, 2002. — С. 374.
25. Полоцк: ист. очерк / АН БССР. Ин-т истории; П. Т. Петриков (отв. ред.); 2-е изд., перераб. и доп. — Минск.: Наука и техника, 1987. — 320 с.: ил.
26. Яленскі, М. Г. Буквар / М. Г. Яленскі // Беларуская мова: энцыкл. / Беларус. энцыкл. — пад рэд. А. Я. Міхневіча. — Мінск, 1994. — С. 100—103.

*Приложение 1. Список школ в г. Полоцке (на 1 июля 1925 г.)**

<i>Школы</i>	<i>Адрес</i>	<i>Фамилия заведующего школой</i>
1 семилетняя	ул. Троицкого, 7 Здание 1-го высшего начального училища Учительской семинарии	П. О. Дейнис
Ударная семилетняя	ул. Ленинская, 29 Здание бывшей Полоцкой женской гимназии	С. А. Гольман
3 семилетняя	ул. К. Маркса, 6	А. Дорош
4 четырёхлетняя	ул. Рижская Здание лестехникума, бывшего Спасо-Евфросиньевского училища	Х. Деменчонок
5 четырёхлетняя	ул. Лепельская Здание бывшей Иоанно-Богословской школы	Вышиевский
6 семилетняя	ул. Троицкого, Здание дома Кулеша	А. Хейфец
7 семилетняя	Рижский переулок, д. 7	А. Манис
8 четырёхлетняя	ул. Безымянная	Б. Брейдо
9 опытная семилетняя	ул. К. Маркса Здание педтехникума, бывшей учительской семинарии	С. Горбунов
Железнодорожная школа семилетняя	при станции Полоцк II	Бильдюк

*Список подведомственных учреждений Полоцкого ОКРОНО — Ф.112. — Оп. 1. — Д. 47. — С. 318

БЕЛАРУСКАЕ КНІГАДРУКАВАННЕ Ў ЗАМЕЖЖЫ Ў 1950—1970-Я ГГ.: ВЯДУЧЫЯ ВЫДАВЕЦКІЯ ЦЭНТРЫ І ІХ ВЫДАННІ Ў ФОНДАХ НПГКМЗ

У калекцыю «Выданні беларускага замежжа ў фондах НПГКМЗ» уваходзяць 63* друкаваныя выданні 1950—1970-х гг., выдадзеныя ў ЗША, Канадзе, Германіі, Італіі, Вялікабрытаніі. Амаль усе яны на беларускай мове, таксама ёсць некалькі выданняў на англійскай і рускай. А вось тэматыка выданняў больш разнастайная — музыка, палітыка, рэлігія, фальклор, адукацыя, мовазнаўства, філасофія, гісторыя, інфармацыйна-бібліяграфічная і іншыя тэмы, але прыярытэтнае месца займае мастацкая літаратура.

У канцы 40-х гг. XX ст. з Еўропы ў Злучаныя Штаты Амерыкі і Канаду пачалі актыўна пераязджаць беларускія эмігранты. Гэта і стала прычынай узнікнення ў гэтых краінах у 1950—1970-я гг. вялікай колькасці беларускіх выдавецкіх цэнтраў. Найбольш плённай сярод іх стала дзейнасць выдавецтва Беларускага інстытута навукі і мастацтва (БІНіМ). Інстытут быў заснаваны 16 снежня 1951 г. у Нью-Йорку з мэтай аб'яднання беларускіх эмігрантаў — навукоўцаў, пісьменнікаў, мастакоў — як у ЗША, так і ў іншых краінах. У 1955 г. быў адкрыты філіял БІНіМа ў Мюнхене (Германія), у 1967 г. у Таронта быў заснаваны аддзел пад назвай «Беларускі інстытут навукі і мастацтва ў Канадзе».

У 1952 г. Інстытут пачынае выдаваць штогоднік «Запісы» — свой асноўны сістэматычны навуковы орган, а з 1955 г. прыступіў да выдання кніг. Уласнай паліграфічнай тэхнікі ў выдавецтва не было, таму кнігі рыхтаваліся да выдання і друкаваліся ў розных прыватных беларускіх і небеларускіх друкарнях [6, с. 399]. Плённа супрацоўнічаў БІНіМ з выдавецтвам «Бацькаўшчына» (Мюнхен, Германія). Вынікам іх сумеснай дзейнасці сталі кнігі: зборнік вершаў Янкі Купалы «Спадчына», 1955 (КП13-9437, КП14-10591), кніга выбранай паэзіі Максіма Багдановіча «Вянок», 1960 (КП14-10582), «Матчын дар» Алеся Гаруна, 1962 (КП14-10579, КП15-12075) і іншыя.

У 1967 г. асобным выданнем выйшла праца Сымона Брагі «Пытаньне імя доктара Скарыны ў сьвятле актаў і літаратуры» (КП14-10641). Сымон Брага (сапраўднае імя Вітаўт Тумаш) — адзін з выдатных даследчыкаў і заснавальнікаў скарызназнаўства, адзін з заснавальнікаў БІНіМа, у 1955—1982 гг. быў яго старшынёй. У сваёй працы даследчык разглядае пытанне імя Скарыны і, прааналізаваўшы выдадзеныя Скарынам кнігі, архіўныя дакументы, робіць наступную нам ужо вядомую выснову: *«ведамае пэўнае бясспрэчнае ў Скарыны толькі адно імя — Францышак. ...Толькі гэтае імя ўжываў заўсёды сам Скарына,*

* У гэтую лічбу не ўваходзяць перыядычныя выданні, якія будуць вывучацца асобна, і беларускія выданні Беласточчыны: Анучына, Н. У. Беларускія выданні Беласточчыны 1957—2002 гг. у фондах НПГКМЗ / Н. У. Анучына // Полацкі музейны штогоднік: (зборнік навуковых артыкулаў за 2010 г.) / уклад. Т. А. Джумантаева [і інш.]. — Полацк: НПГКМЗ, 2011. — С. 19—25.

дык гэтым імем і трэба доктара Скарыну называць» [3, с. 38]. Акрамя гэтага аўтар тлумачыць паходжанне прозвішча Скарына — ад старабеларускага скарА — скура, аўчынка: «...у прозвішчы доктара Скарыны адбітак таго багацьця зьвярынаю й скурамі, якім слыла калісьці старавечная Полаччына» [3, с. 38].

У 1979 г. Беларускі інстытут навукі і мастацтва распачынае серыю «Беларускія пісьменнікі на эміграцыі», і ў гэтым жа годзе ў ёй выйшла кніга Наталлі Арсенневай «Між берагамі» (КП13-9434, КП14-10564).

Асноўную фінансавую падтрымку выдавецтву БІНіМа аказвала Фундацыя імя П. Крэчэўскага. Пётра Крэчэўскі (гады жыцця 1879—1928) — беларускі палітычны дзеяч, паэт, драматург, гісторык. Фундацыя заснавана ў 1958 г. у Нью-Йорку з мэтай развіцця і фінансавай падтрымкі беларусазнаўчых даследаванняў. У 1966 г. пры дапамозе Фундыцыі імя Крэчэўскага ў Мюнхене Інстытутам была выдадзена кніга «Прыказкі Лагойшчыны» (КП14-10644, КП15-12079). Яе аўтар Адам Варлыга (сапраўднае імя Язэп Гладкі) — выдатны даследчык вуснай народнай творчасці, этнограф, мовазнавец, лексікограф, педагог. На пачатку 1960-х гг. у Нью-Йорку заснаваў выдавецтва «Заранка», якое выдавала школьныя падручнікі і адукацыйна-даследчы матэрыял. Дзейнасць выдавецтва спынілася са смерцю заснавальніка ў 1972 г. У фондах НППКМЗ захоўваюцца некалькі выданняў «Заранкі» гэтага перыяду: «Dla małych dzieciak. Dzieciacy falclor», 1965 (КП15-12077), «Krajowy słownik Łahojščynu», 1970 (КП15-12099), «Дудар. Зборнік народных песень», 1970 (КП15-12093), «Дадатак да зборніка «Прыказкі Лагойшчыны», 1972 (КП15-12080).

Мікола Прускі, вядомы дзеяч беларускай эміграцыі ў ЗША, грамадскі і культурны дзеяч, праславіўся яшчэ як таленавіты друкар і выдавец кніг і часопісаў. Беларускае выдавецтва Прускі заснаваў на пачатку 1950-х гг., выдаў некалькі дзясяткаў беларускіх кніг. З «Друкарні Міколы Прускага» выйшлі многія выданні Беларускага інстытута навукі і мастацтва. У 1965 г. Міколам Прускім была выдадзена аповесць Васіля Быкава «Мёртвым не баліць» (КП14-10587). Упершыню твор быў надрукаваны ў гэтым жа годзе ў часопісе «Маладосць» з мноствам купюр. Выданне Прускага рыхтавалася па публікацыі ў «Маладосці».

У 1946 г. Ян Станкевіч у Рэгенсбургу (Германія) заснаваў Крывіцкае навуковае таварыства Пранціша Скарыны. Ян Станкевіч — беларускі мовазнаўца, гісторык, педагог, грамадскі дзеяч, аўтар больш за 150 артыкулаў і кніг па праблемах беларускага правапісу, лексікалогіі, дыялекталогіі, лінгвагеаграфіі, гісторыі мовы, складальнік слоўнікаў і падручнікаў [4, с. 530]. У 1949 г. цэнтр Таварыства быў перанесены ў горад Нью-Йорк. Мэтай арганізацыі было аб'яднанне вучоных-беларусаў, стымуляванне іх для навуковай працы ў галіне беларусазнаўства. Таварыства займалася зборам дакументаў, рукапісаў, беларускіх выданняў, выдавала кнігі. Спыніла дзейнасць у 1976 г. у сувязі са смерцю Станкевіча.

Сярод выданняў вылучаецца кніга Міколы Панькова «Паказнік беларускіх выданняў на чужыне за 1945—50 гг.», 1952 (КП21-28252), якую можна назваць першай беларускай бібліяграфіяй дыяспары. Мікола Панькоў — беларускі грамадска-культурны дзеяч, выдавец, бібліёграф. У канцы 1940-х гг. у Заходняй Германіі ім быў заснаваны Усебеларускі Архіў, які на пачатку 1950-х перанёс сваю дзейнасць у ЗША. Мэта архіву — збор рэдкіх беларускіх матэрыялаў і рукапісаў. Пры архіве працавала Беларуская Бібліяграфічная Служба, заснава-

ная таксама Паньковым. І Усебеларускі Архіў, і Беларуская Бібліяграфічная Служба плённа супрацоўнічалі з БІНіМам і Крывіцкім навуковым таварыствам Пранціша Скарыны.

Займаліся выдавецкай справай у Амерыцы і іншыя выдавецтвы, грамадскія і рэлігійныя арганізацыі, палітычныя партыі: выдавецтва «Адгук», друкарня «Пагоня», Згуртаванне Беларускай Моладзі ў Кліўлендзе, Беларускі Харытатыўна-Адукацыйны Фонд, Беларускае Евангельска-Баптысцкае Брацтва ў ЗША і Канадзе, Беларуска-амерыканскі літаратурна-навуковы цэнтр, — выданні якіх прадстаўлены ў калекцыі «Выданні беларускага замежжа».

Пры сваёй нібыта немалой колькасці некаторыя выдавецтвы не маглі пахваліцца часовай працягласцю працы і аб'ёмам. Напрыклад, Выдавецтва Уладзімера Пелясы — беларускага грамадскага дзеяча ў замежжы — выдала толькі тры кнігі вершаў і ўсе ў 1955 г. Адна з іх захоўваецца ў фондах запаведніка — зборнік вершаў Масея Сяднёва «Ля ціхай брамы» (КП15-12073), выдадзены ў супрацоўніцтве з БІНіМам.

Беларусы на чужыне асабліваю ўвагу надавалі наладжванню школьнай справы, падрыхтоўцы і выданню падручнікаў, дапаможнікаў. У пачатку 1970-х гг. пры Беларускім інстытуце навукі і мастацтва і яго філіяле ў Канадзе быў нават створаны Фонд беларускіх падручнікаў. Для падручнікаў было характэрна, што яны былі двухмоўныя або мелі англійска-беларускі слоўнічак.

У 1960—1970-я гг. пры беларускай царкве Еўфрасінні Полацкай у Таронта (Канада) існавала пад кіраўніцтвам Валянціны Пашкевіч суботняя школа для дзяцей. Для школы В. Пашкевіч склала «Першую чытанку пасья лемантара для Беларускіх Дапаўняльных Школаў», якая была выдадзена ў 1968 г. у выдавецтве «Беларуская мова» ў Кліўлендзе (ЗША). А ў 1974 г. у Таронта пры падтрымцы Фонду беларускіх падручнікаў выйшаў першы том англамоўнага падручніка «Беларуская мова». Яго выдаў Выдавецкі камітэт пры Каардынацыйным Камітэце Беларусаў Канады (заснаваны ў 1966 г., дзейнічае і сёння). Кніга другая ўбачыла свет у 1978 г. Падручнік быў куплены многімі бібліятэкамі свету і знайшоў попыт у беларускіх суполках Заходняй Еўропы, Паўднёвай Амерыкі і Аўстраліі.

Працягвалі друкавацца беларускія кнігі і ў Заходняй Еўропе, дзе важным цэнтрам беларускіх эмігрантаў стаў Мюнхен. З 1955 па 1966 г. там працаваў самастойны аддзел Беларускага інстытута навукі і мастацтва. А яшчэ ў 1946 г. было заснавана выдавецтва «Бацькаўшчына» (1946—1966). Яно выдавала кнігі як самастойна, так і ў супрацоўніцтве з БІНіМам. Большую частку сваёй прадукцыі выпусціла ў пачатку 1950-х гг., у асноўным гэта была мастацкая літаратура. Выданні «Бацькаўшчыны» з фондаў запаведніка: Янка Купала «Тутэйшыя», 1953 (КП14-10584), Андрэй Мрый «Запіскі Самсона Самасуя», 1953 (КП21-28251), Якуб Колас «Сымон-музыка», 1955 (КП14-10581), «Беларускія казкі», 1957 (КП14-10589) і іншыя.

Асноўным беларускім выдавецтвам у Італіі была рэдакцыя беларускага рэлігійна-адраджэнскага часопіса «*Žnič*», якое выдавала кнігі, брашуры ды іншыя матэрыялы рэлігійнага зместу ў асноўным лацінкай: «*Sviataja Evanelija i apostalskija dzei*», 1954 (КП14-10670), «*Listy šviatych apostalaŭ*», 1974 (КП14-10669, КП15-12085).

У 1950—1960-я гг. у Вялікабрытаніі колькасць беларусаў зменшылася ў параўнанні з 1940 гг.: многія з нашых землякоў эмігрыравалі ў ЗША, Канаду, Аўстралію. Але якраз з 1950-х гг. і адзначаецца ў гэтай краіне беларускае кнігавыданне [6, с. 398]. Выдаюцца кнігі, часопісы, ствараюцца новыя арганізацыі, таварыствы. У 1971 г. у Лондане адбылося ўрачыстае адкрыццё Беларускай бібліятэкі і музея імя Ф. Скарыны — першай такой установы, створанай беларусамі на Захадзе. Стварэнне Бібліятэкі можна лічыць найбольш значным дасягненнем беларусаў Вялікабрытаніі [1, с. 317]. На жаль, іх друкаваная спадчына ў фондах НППКМЗ складае ўсяго некалькі адзінак захоўвання: «За дзяржаўную незалежнасць Беларусі: Дакуманты і матар’ялы...», 1960 (КП14-10650), V. Kalush «In the Service of the People for a Free Byelorussia. Biographical notes on Professor Radoslav Ostrowski», 1964 (КП15-12081), «Письмо русскому другу=Letter to a Russian Friend», 1979 (КП15-12101).

Але і па гэтай невялікай колькасці бачна вялікая праца людзей, жыццё і дзейнасць якіх былі звязаны з мэтай — спрыянне росту павагі беларусаў да сваёй гісторыі, культуры і мовы, любові да роднай зямлі.

Спіс літаратуры

1. Беларускае замежжа=Белорусское зарубежье / склад. Н. А. Голубева. — Мінск: Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2010. — 480 с.
2. Беларускі й беларусаведны друк на Захадзе. Асобныя выданні. Бібліяграфія / склад. Зора й Вітаўт Кіпель. — Нью Ёрк—Менск: БІНІМ, 2003. — 582 с.
3. Брага, С. «Пытаньне імя доктара Скарыны ў святле актаў і літаратуры» / С. Брага. — Нью Ёрк — Мюнхэн, 1967. — 40 с.
4. Вячорка, В. Станкевіч Ян / В. Вячорка, С. Шупа // Беларуская мова: энцыкл. / пад рэд. А. Я. Міхневіча. — Мінск: БелЭн, 1994. — С. 530-531.
5. Гарбінскі, Ю. Беларускі рэлігійны друк на Захадзе: пэрыёдыка, графічныя друкі. 1945—2005 / Ю. Гарбінскі. — Нью Ёрк—Варшава, 2009. — 884 с.
6. Гісторыя беларускай кнігі: у 2 т. Т. 2. Кніжнасць новай Беларусі (XIX—XXI стст.) / М. В. Нікалаеў [і інш.]. — Мінск: Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2011. — С. 393—403.
7. Кіпель, В. Беларусы ў ЗША / В. Кіпель. — Мінск: Беларусь, 1993. — 352 с.
8. Юрэвіч, Л. Літаратурны рух на эміграцыі / Л. Юрэвіч. — Мінск, 2002. — 244 с.

Т. В. Бараненка

КАСЦЮМ МЯШЧАНАК І ЯГО АСАБЛІВАСЦІ НА БЕЛАРУСІ Ў ХVІІІ—ХІХ СТСТ.

УСТУП.

Касцюм — гэта цэлы комплекс, які змяшчае ў сваёй будове некалькі кампанентаў: адзенне, галаўныя ўборы, абутак, аксесуары. Важная ўласцівасць касцюма — захаванне старажытных кампанентаў і адметнасцей у сваёй канструкцыі, назваў, якія праліваюць святло на паходжанне розных відаў адзення, іх першапачатковае прызначэнне. Таму касцюм можна разглядаць як крыніцу па вывучэнні матэрыяльнай і духоўнай культуры нашых продкаў.

Мэтай дадзенага артыкула з’яўляецца спроба больш дэталёва разгледзець касцюм жыхарак беларускіх гарадоў ХVІІІ—ХІХ стст. на падставе здабытых і апрацаваных уласна аўтарам архіўных матэрыялаў Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі ў г. Мінску, іканаграфічных і матэрыяльных крыніц з фондаў Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка (НПГКМЗ), прааналізаваных аўтарам ужо вядомых гістарыяграфічных даследаванняў.

Цэнтрам культурнага жыцця заўсёды быў горад. У ХVІІІ—ХІХ стст. развіццё гарадоў Беларусі не з’яўлялася стабільным. Першая палова ХVІІІ ст. праходзіла пад знакам войнаў, вынікам якіх стаў эканамічны крызіс ў гарадах. Толькі з сярэдзіны ХVІІІ ст. беларускія гарады ахапіла агульнае ажыўленне. У канцы стагоддзя ў Беларусі налічвалася 39 гарадоў і каля 350 мястэчак, у якіх пражывала прыкладна 250 тыс. чалавек — каля 11% усяго насельніцтва [2, с. 191; 13, с. 290].

Пасля падзелаў Рэчы Паспалітай значная тэрыторыя Беларусі апынулася ў складзе Расійскай імперыі. На 1808 г. асноўнымі жыхарамі гарадоў былі грамадзяне (мяшчане) — 82,1% ад усіх жыхароў. Вайна 1812 г. унесла свае карэктывы: амаль абязлюдзелі многія гарады, рэквізіцыі і рабаванні разбурылі гаспадарку. Пасля вайны пачалося паступовае адраджэнне гарадоў. На 1858 г. асноўная маса насельніцтва беларускіх гарадоў — грамадзяне — складалі 74,5% ад усіх жыхароў [8, с. 128—129]. У наступныя гады іх вага толькі павялічвалася.

Мяшчане і мяшчанкі адыгрывалі значную ролю ў жыцці горада, таму іх матэрыяльная культура, а асабліва знешні выгляд, патрабуе дэталёвага разгляду.

АСНОЎНАЯ ЧАСТКА.

У ХVІІІ—ХІХ стст. комплекс жаночага мяшчанскага касцюма складаецца з плечавога, паяснога і верхняга адзення, галаўнога ўбору, абутку і разнастайных аксесуараў.

Як і прадстаўніцы прывілеяванага саслоўя, мяшчанкі ХVІІІ—ХІХ стст. насілі ў якасці плечавога адзення кашулі. У залежнасці ад заможнасці мяшчанкі шылі кашулі з кужэльнага або больш грубых гатункаў ільнянога палатна хатняга вырабу [3, с. 326]. Кашулі падзяляліся на дзённыя і начныя. У апошнім выпадку яны мелі назву «сарочкі». Фасоны жаночых кашуль былі дастаткова раз-

настайнымі: «...Фасонъ дамскихъ денныхъ рубашекъ самый разнообразный, начиная съ самага простаго, не требующаго даже предворительнаго черченія выкройки, можно составить самые сложные и нарядные фасоны...» [14, с. 5, 56].

Вядомым плечавым адзеннем для заможных мяшчанак XVIII ст. была шнуроўка — жаночая вопратка з доўгімі поламі, з шнураваннем і гарсэтнымі металічнымі пласцінамі. Так, у скрыні жыхаркі месца Полацк пані Марыяны Мушынскай падчас рэвізіі 26 верасня 1727 г. былі знойдзены: «...Iedna sznurowka ukrainskiego axamitu... korunkami... obłożona, bezpetelek. Iedna sznurowka złotogłowowa granatowa stara z petelkami srebrnemi... Iedna sznurowka atlasowa ceglasta galonem złotym obłożona nadnoszona z petelkami srebrnemi...» («...Адна шнуроўка ўкраінскага аксаміту... карункамі... абкладзена, без пецелек. Адна шнуроўка златаглавая гранатавая старая з пецелькамі срэбранымі... Адна шнуроўка атласавая колеру цэгля галуном¹ залатым абкладзена надношаная з пецелькамі срэбранымі...») [7, арк. 150].

Письмовыя крыніцы як верхнюю вопратку магістрацкіх слуг згадваюць «ліберыю» [4, с. 158]. Аднак такія даследчыкі, як Л. Малчанавы і М. Улашчык лічаць, што ліберыя была жаночай накідкай. Гэтае меркаванне пацвярджаюць актывыя пісьмовыя крыніцы, у якіх ліберыя знаходзіцца ў спісах жаночай вопраткі. Як прыклад, у той жа мяшчанкі Марыяны Мушынскай у гардэробе была: «...Iedna luberya łudanowa granatowa popielicami prostemi sprżodu, a z tyłu brzuszkami podszyta. Iedna luberya łudanowa niebieska popielicami prostemi podszyta. Iedna luberya sukienna karmazynowa szlamami liśiemі sprżodu, a w plecach popielicami staremi podszyta...» («...Адна ліберыя ладанавая гранатавая сонямі² простымі спераду, а ззаду брушкамі падшыта. Адна ліберыя ладанавая блакітная сонямі простымі падшыта. Адна ліберыя суконная кармазінавая³ шламамі⁴ лісімі спераду, а па спінцы сонямі старымі падшыта...») (1727 г.) [7, арк. 150].

Прыведзеныя прыклады паказваюць, што шнуроўкі і ліберыі ў заможных мяшчанак шыліся з дарагіх тканін і сукняў, маглі падшывацца рознымі гатункамі футра, упрыгожваліся карункамі і галуном. Іх колер пераважна можна вызначыць як блакітны ці гранатавы.

Кароткім плечавым адзеннем, якое мяшчанкі насілі ў комплексе са спадніцай, былі таксама юпкі (юбкі) з баваўнянай або шаўковай тканіны з расклёшанымі пярэднімі полкамі і спінкай, з вялікім акруглым каўняром. Юпка мела доўгія або да локця рукавы і простую засцежку спераду. Юпкі мелі і цёплы варыянт з падшыццём футрам або праватаванья [3, с. 123]. Так, віцебская мяшчанка пані Еўфрасіння Мікалавічоўна Чарнабровічоўна Межэзенская валодала «...jubke zlotohlawna u Spodnice materyalna...» («...юбка златаглавая са спадніцай матэрыяльнай...»), што разам складала, верагодна, дастаткова добры камплект адзення (1750 г.) [1, арк. 199].

¹ Залатая ці сярэбраная тасьма.

² Футрам грызуна сямейства сонепадобных.

³ Кармазін — сукно цёмна-чырвоная колеру.

⁴ Шламь — футра.

Кароткім жакецікам, які насілі са спадніцай, было лёгкае адзенне, што мела назву «карочка» (фр. — *caraco*) з прылеглым станікам, вялікім акруглым каўняром і характэрнай шырокай баскай, што знаходзілася ніжэй таліі. Ён набыў вялікую папулярнасць у разглядаемы перыяд сярод мяшчанак і быў іх любімым дапасаваннем да спадніцы ў хатнім касцюме да канца XIX ст. [3, с. 123; 10, 546].

У XIX ст. лёгкае кароткае плечавое адзенне, якое служыла адначасова верхняй часткай хатняга і вулічнага касцюма са спадніцай, складалі казакіны з шаўковых тканін з адкрытымі, разразнымі рукавамі, якія заможныя мяшчанкі апраналі на белую блузку¹ з шырокімі рукавамі. Другім варыянтам быў казакін з нармальнымі рукавамі. Шылі іх шчыльнымі ў станіку, з баскай да сярэдзіны бядра. Перад станіка і ніж рукавоў упрыгожвалі пятліцамі з сутажнага² шнура або стужак [3, с. 123].

У калекцыі «Адзенне» фондаў НППКМЗ захоўваецца жакет з камплекта жаночага адзення, датаваны 1880—1930 гг. (КП-22 № 33983). Ён уяўляе сабой кароткае (да таліі) плечавое адзенне з доўгім рукавом з манжэтамі, адкладным каўняром, пашытае з тканіны аліўкавага колеру. Каўнер і манжэты жакета ўпрыгожаны ў тэхніцы аплікацыі: узоры з тканіны ў выглядзе руж з лісцем нашыты на дэталі жакета (*мал. 1.*).

Фонды НППКМЗ захоўваюць таксама фотаздымак маладой жанчыны, зроблены фатографам І. І. Лісецкім у г. Полацку (КП-22 № 33206). Надпіс на адваротным баку дазваляе яго датаваць — 1892 г. На дадзеным фотаздымку жанчына апранута ў цёмны жакет, што, дзякуючы добраму крою, ідэальна сядзіць па форме яе постаці. Ён мае каўнер-стойку і асіметрычную засцежку (пачынаецца ад левага пляча) на шматлікія гузікі (*мал. 2.*). Такую мадэль жакета можна ўбачыць на адной з ілюстрацый у дадатку да моднага у той час часопіса для жанчын «Новый русский базар». У часопісе таксама друкуюцца падрабязнае апісанне жакета і спадніцы да яго [12, с. 70] (*мал. 3.*).

Мал. 1. Камплект жаночага адзення (жакет і спадніца). Расійская імперыя. СССР. 1880—1930 гг.

¹ Жаночае плечавое адзенне; адрозніваецца ад кашулі свабодным пакроем і больш тонкай тканінай для вырабу.

² Шаўковы плецены шнур.

Мал. 2. Фотаздымак маладой жанчыны. Фатограф І. І. Лісецкі. Полацк. Віцебская губ. Расійская імперыя. 1892 г.

Паясным адзеннем мяшчанак у азначаны перыяд службылі спадніцы. У гардэробе мяшчанак спадніц заўжды было некалькі. Яны былі рознакаляровыя, шыліся з розных тканін (пераважна шаўковых) і з сукна, у халодны перыяд падшываліся шарсцяным сукном. У зможных мяшчанак спадніцы маглі быць ўпрыгожаны шаўковымі карункамі. Так, у дэкрэце суда полацкага магістрата ад 21 сакавіка 1727 г. па цяжбе паміж яўрэйкай Ідкай Шмойлінай і мешчанінам Іахімам Сніткай значыцца: «...spodńica kamletowa wiśńiowa...» («...спадніца камлетава¹ вішнёвая...») [6, арк. 30 адв.]. Падчас рэвізіі скрыні нябожчыцы полацкай пані Марыяны Мушынскай 26 верасня 1727 г. было знойдзена: «...Iedna spodńica sukien-na fioletowa frańcuska, korunkami szarnemi iedwabnemi obłożona, płotnempodszyta... Iedna spodńica fioletowa tabinowa, korunkami szarnemi obłożona we dwa rzędy, baią zielona podszyta. Iedna spodnica adamaszkowa zielona, korunkami szarnemi we dwa rzędy obłożona, kirem żołym podszyta. Iedna spodnica kałameykowa goźdźikowa, korunkami szarnemi we dwa rzędy obłożona...stara czerwoną y iwanem materyą podszyta...»

(«...Адна спадніца суконная фіялетава² французская², карункамі чорнымі ядwabнымі³ абкладзена, палатном падшыта... Адна спадніца фіялетава⁴ табінава⁴, карункамі чорнымі абкладзена ў два рады, баяй⁵ зялёнай падшыта. Адна спадніца адамашкава⁶ зялёная, карункамі ў два рады абкладзена, кірам⁶ жоўтым падшыта. Адна спадніца каламейкава⁶ гваздзікова⁶, карункамі чорнымі ў два рады абкладзена... старая чырвоная яго матэрыяй падшыта...») [7, арк. 150]. А ў гардэробе жыхаркі Віцебска пані Еўфрасінні Мікалавічоўны Чарнабровічоўны Межэзенскай можна было знайсці «...Spodnice Podzutie...» («...спадніцы падшытыя...») (1750 г.), верагодна тканінай ці сукном для нашэння ў халодную пару года [1, арк. 199].

¹ Камлетъ — тонкая ваўняная тканіна.

² Па французкай модзе.

³ Шаўковымі.

⁴ Табін — гатунак тоўстай шаўковай тканіны.

⁵ Бая — касматае сукно.

⁶ Кір — тоўстае шарсцяное сукно.

У фондах НППГКМЗ захоўваецца спадніца з камплекта жаночага адзення, што датаваны 1880—1930 гг. (КП-22 № 33984). Спадніца пашыта з фабрычнай тканіны аліўкавага колеру, мае пояс і, у якасці ўпрыгажэння, дзве палоскі аксаміту па падоле (мал. 1.).

У спалучэнні з прышыўным ліфам спадніца складала яшчэ адзін асобны тып адзення, уласцівы жанчынам — сукенку. У залежнасці ад пануючай моды фасоны сукенак і спадніц змяняліся. Моду на той ці іншы пакрой сукенак і спадніц задавалі прадстаўніцы вышэйшых слаёў грамадства. Заможныя мяшчанкі імкнуліся пераймаць новыя моды. Так, ад прадстаўніц прывілеяванага саслоўя мяшчанкі ў XVIII ст. перанялі моду на спадніцу-панье (у ВКЛ і Польшчы яна вядома як «рагоўка»). Аднак гэта не заўсёды добра ўспрымалася тагачасным грамадствам. Напрыклад, мяшчанкам, якія асмелваліся паказацца ў рагоўках на вуліцах, «рабілі прыкрасці», бо нашэнне іх лічылася прывілеяй шляхцянак [9, с. 236].

Папулярным відам верхняй вопраткі ў XVIII ст. быў «салоп» («салопа») — доўгае свабоднае адзенне з палярынай на футры або ватнай падкладцы. Існаваў у двух варыянтах: з шырокімі доўгімі рукавамі або ў выглядзе накідкі з проразямі для рук. Салопы часта фалдавалі¹ ззаду [3, с. 218—219].

Верхняй жаночай вопраткай у XVIII—XIX стст. былі шубы з футра лісы, вавёркі, куніцы, собаля, трусоў, авечкі, пакрытыя тканінамі розных колераў і гатункаў у залежнасці ад заможнасці ўладальніцы [3, с. 215]. У пачатку XIX ст. мяшчанкі зімой насілі кароткія шубкі са шнурамі «а la polonaise» на роўні са звычайнымі шубамі. Разам з шубай насілі муфту, якая ўратаўвала ад холаду рукі [3, с. 225].

Моднай жаночай верхняй вопраткай XIX стагоддзя былі разнастайных фасонаў паліто, манто, пелярыны, накідкі і інш. Так, у фондах НППГКМЗ захоўваецца жаночая накідка, што датуецца 1880—1917 гг. (КП-22 № 33982). Яе пакрой свабодны, без рукавоў, складаецца з дзвюх палерын: верхняй і ніжняй. Накідка выканана з баваўнянай тканіны сіняга колеру у палоску. У якасці падкладкі адваротны бок падшыты шэрай паўшарсцяной тканінай. Адзенне аздоблена палоскамі аксаміту (па сярэдзіне перада і ніжнім крае верхняй палерыны) і рушамі (па гарлавіне; па сярэдзіне перада полачцы і ніжнім крае верхняй палерыны) (мал. 4.).

У канцы XIX ст. у модзе былі плашчы і кароткія паліто-сакі з рукавамі «гігот» (пышныя буфястыя

Мал. 3. Ілюстрацыя з другога дадатку да часопіса «Новый русский базар», № 6 за 1883 г.

¹ Рабілі зборкі, складкі.

Мал. 4. Жаночая накідка. Расійская імперыя.
1880–1917 гг.

ўверсе і вузкія ад локця да запясця), апісанне якіх можна сустрэць на старонках моднага перыядычнага друку таго часу: «...Светлосерое пальто на шелковой подкладке очень элегантно. Передки (фиг. 26) се застезкою пуговками в два ряда находятъ одинъ на другой до тонкой линіи на фиг. 26. Двойными линиями обозначены прорезы для кармановъ, закрываемые накарманниками... Широкий рукавъ, расширяющійся кверху, сложенъ у скругленія плеча складками. На обшивку ворота... ниспадаетъ отложной воротникъ...» [11, с. 138].

Сярод галаўных убораў XVIII—XIX ст. найбольшай папулярнасцю сярод мяшчанак карысталіся шапкі і капелюшы розных фасонаў. Так, аб розных варыянтах фасонаў капелюшоў яскрава сведчыць модны перыядычны друк XIX ст.: «...Весенняя мода создала много интересных шляпныхъ формъ. Узоры и сочетание бортовъ также разнообразны,

какъ и изготовляемыя изъ нихъ формы, которыя имеютъ фасоны то крошечныхъ капотовъ, то плоскихъ кружковъ или высокыхъ башенокъ, то разнаго рода круглыхъ шляпъ. Очень удачно соединены между собою бастъ и солома, грубое и мелкое плетение и даже различные цвета...» [15, с. 152—153].

Амаль усё XVIII ст. жаночыя ногі былі схаваны пад спадніцай, і абутак быў падобны на мужчынскі. Жанчыны насілі туфлі на ўмерана высокім абцасе з вялікімі разеткамі або завязкамі са стужак на пад'ёме. З другой паловы стагоддзя сталі насіць туфлі на высокім абцасе з вузкім тупым наском і засцежкай са спражкай. Матэрыялам для абутку служылі розныя віды і гатункі скуры, а святочны абутак шылі з аксаміту, атласу, парчы і іншых шчыльных шаўковых тканін [3, с. 30].

Пачынаючы з 1805 г. у еўрапейскай модзе даўжыня спадніц і сукенак пачыналася, пакідаючы адкрытымі ступні ног. Жаночы абутак пачалі вырабляць з прунэлю — шчыльнай і тонкай тканіны саржавага перапляцення з шоўку, шэрсці і бавоўны. Для вуліцы выкарыстоўвалі туфлі і чаравікі з тонкай скуры розных колераў на нізкім абцасе. Да сярэдзіны 1820-х гг. абутак быў рознакаляровым, які гарманіраваў па колеру з агульным касцюмным ансамблем, а затым стаў толькі чорным і белым.

У халодную пару года насілі паўботкі, ледзь закрываючыя шчыкалатку, на вельмі нізкім абцасе, якія спачатку зашнуроўваліся спераду, а потым — з унутранага боку стапы.

Абутак мяшчанкі надзявалі на панчохі. Так, у XVIII ст. панчохі мануфактурнага вырабу імпартаваліся на беларускія землі з Англіі, Францыі, але з-за высокага кошту былі даступны толькі магнатам і вярхушцы шляхты. «Танныя» панчохі шылі з сукна, палатна, аксаміту, шоўку: «...Jedna para ponczoszek iedwabnych...» («...Адна пара панчохлавабных...») (1727 г.). На зіму іх падшывалі футрам і аздаблялі па швах карункамі [3, с. 309, 314; 7, арк. 150 адв.].

У XVIII—XIX стст. асартымент жаночых аксесуараў мяшчанак быў дастаткова разнастайным.

У заможных і простых мяшчанак папулярным аксесуарам-упрыгожваннем рук былі персцені, пярсцёнкі, сыгнеты¹. Так, падчас правадзеньня рэвізіі скрыні нябожчыцы, полацкай мяшчанкі Марыяны Мушынскай камісіяй полацкага магістрата 26 верасня 1727 г. у ёй было знойдзена: «...Srebra rożnrgo, iako to gużikow, sygnetow... Ieden sygnet szczerozłoty żydowski... Ieden pierścień złoty z oczkiem kryształowym... Ieden pierścień takiz z oczkiem mńieyszym...» («...Срэбра рознага, як то гузікаў, сыгнетаў... Адзін сыгнет шчыра залаты яўрэйскі... Адзін персцень залаты з устаўкай крышталавай... Адзін персцень такі ж з устаўкай меншай...») [7, арк. 151—151 адв.]. Як бачна з прыведзеных прыкладаў, заможныя мяшчанкі насілі персцені і пярсцёнкі часцей з золата ці срэбра, якія маглі быць простымі ці мець устаўку з каштоўных камянёў ці каляровага шкла. Звычайныя мяшчанкі абыходзіліся больш сціплымі — бронзавымі і меднымі.

Для аздаблення шыі мяшчанкі беларускіх гарадоў выкарыстоўвалі сярэбраныя і залатыя ланцугі. Дастаткова папулярнымі ў якасці аздаблення былі і каралі — пацеркі, маністы, упрыгожванне з жэмчугу. Пацвярджэннем гэтай высновы служаць адразу некалькі актавых дакументаў. Пасля сваёй смерці, Марыяна Мушынская, жыхарка Полацка, пакінула скрыню з рэчамі, рэвізію якой правяла камісія полацкага магістрата 26 верасня 1727 г. і знайшла ў ёй: «...Pięć łutow koral rożnych dobrych...» («...Пяць лотаў² каралёў розных добрых...») [7, арк. 151 адв.]. Мяшчанка віцебская

Мал. 5. Фотаздымак жанчыны ў цёмнай сукенцы (ці блузе) з ланцужком на шыі. Фатограф Ю. Р. Бермант. Полацк. Віцебская губ. Расійская імперыя. Канец XIX — пачатак XX ст.

¹ Сыгнет — асабісты пярсцёнак-пячатка, меў выяву герба ці кляйма.

² Лот — адзінка вымярэння масы, роўная прыблізна 11,7 г.

Мал. 6. Фотаздымак жанчыны ў цёмным адзенні з брошкай ля каўняра-стойкі. Фатограф А. А. Шыф. Полацк. Віцебская губ. Расійская імперыя. Канец XIX — пачатак XX ст.

Еўфрасіння Мікалавічоўна Чарнабровічоўна Межэзенская мела асабістых «...Perel sznurow dwa...» («...Перлаў шнуркоў два...») (1750 г.) [1, арк. 199].

На адным з фотаздымкаў канца XIX — пачатаку XX ст., што захоўваецца ў фондах НППКМЗ, прадстаўлена жанчына ў цёмнай сукенцы (ці блузцы) з паўпразрыстымі рукавамі (КП-22 № 33209). Шыю жанчыны два разы абвівае металічны ланцуг з празрыстымі пацеркамі (мал. 5.).

У скрыні Марыяны Мушыńskiej, рэвізію якой правяла камісія полацкага магістрата, аб чым ёсць запіс у актавай кнізе ад 26 верасня 1727 г., сярод іншых ювелірных відаў аздоб таксама значацца: «...Iedna sztuczka srebrna... Iedna sztuczka srebrno zlocista. Iedna sponka srebrna... z dwoma koralami. Iedna sponka srebrna... ze szkłem prostym czerwonym. Iedna sztuczka srebrna ze szkłem granatowym we srzodku, a wkoło kryształiki... Iedna sponka złota z siedmiu dyamencikami... y z trzema perłami wiszącemi... Iedna sztuczka złota od pereł maleńka... bez kamyczka we srzodku...» («...Адзін выраб срэбраны... Адзін выраб срэбраны залацісты. Адно апляценне ... з двума каралямі. Адно апляценне сярэбранае ... са шклом простым чырвоным. Адзін выраб сярэбраны са шклом гранатавым у цэнтры, а вакол

крышталікі. Адно пляценне залатое з сямю дыяменцікамі... і з трыма перламі вісячымі... Адзін выраб залаты з маленькіх перлаў... без каменчыка ў цэнтры...») [7, арк. 151—151 адв.]. Вызначыць дакладна, што гэта за віды ювелірных вырабаў і як іх выкарыстоўвалі для аздобы немагчыма з-за недахопу звестак. Аднак, згодна існуючага апісання, можна меркаваць, што пад тэрмінам «sztuczka» («выраб») і «sponka» («пляценне») разумеецца «падвеска» ці «брошка».

Невялікая брошка прамавугольнай формы з круглым каменчыкам у цэнтры прадстаўлена на фотаздымку маладой жанчыны з фондаў НППКМЗ (КП-22 № 33207). Брошка замацавана на цёмнай сукенцы (ці жакеце) каля каўняра-стойкі. Фотаздымак паходзіць з г. Полацка Віцебскай губерні і датуецца канцом XIX — пачаткам XX ст. (мал. 6.).

Некалькі ювелірных упрыгажэнняў, якія рабілі майстры-ювеліры з адных і тых жа матэрыялаў і ў агульнай стылістыцы складалі цэлыя ювелірныя гарнітуры. Прыкладам такога ювелірнага набору можа служыць сярэбраны пояс,

да якога дадаецца сярэбраны крыжык¹, што згадваюцца разам у рэестры рэчаў Марыяны Мушынскай: «...Ieden pas srebrno złocisty biało-głowski... do tego krzyżuk srebrny, ważący łotow dwadzieścia ośm...» («...Адзін пояс сярэбраны залацісты белаглоўскі² ... да таго крыжык сярэбраны, весам лотаў двадцать восемь...») (1727 г.) [7, арк. 151].

Адной з адметных аздоб жаночага адзення з'яўляўся пояс, які па сваім значэнні і каштоўнасці займае асаблівае месца. Ён адначасова з дэкаратыўнай і ўтылітарнай функцыямі выконваў ролю інфарматара пра становішча свайго ўладальніка ў грамадстве. Паясы адрозніваліся вялікай разнастайнасцю па матэрыяле, манеры выканання і аздобах. Асновай паясоў служылі шоўк ці скура розных колераў, на якія нашываліся залатыя і сярэбраныя ўпрыгожванні: «...Ieden pas biało-głowski, blachy pozłociste, powierzchu kwiatami srebrnemi powlekany...» («...Адзін пояс белаглоўскі, з бляхамі пазалочанымі, паверху кветкамі срэбранымі пакрыты...») (1727 г.) [7, арк. 151].

З другой паловы XVI ст. сярод заможных мяшчан увайшлі ў моду сярэбраныя і пазалочаныя паясы. Яны складаліся з невялікіх прадаўгаватых звёнаў, якія ўпрыгожвалі праразным накладным арнамантам завіткаў, лістоў, птушак, розным або чаканым узорам. Спражкі такіх паясоў звычайна складаліся з двух палоў [3, с. 326]. Мешчанін полацкі Лукаш Сабалеўскі пакінуў на часовае захоўванне Алене Сцебутаўне Тэадоравай Мушынскай «...pas srebrny biało-głowski...» («...пояс срэбраны белаглоўскі...») (1727 г.) [5, арк. 67].

У простых мяшчанак паясы вырабляліся са скуры добрай якасці. Яны маглі быць арнаментаваны цісненнем, упрыгожваліся рознымі накладкамі, спражкамі. Складаліся такія паясы з дзвюх палос скуры, прашытай па верхняму і ніжняму краю і маглі мець працягнуты тонкі скуруны шнурок або скуруныя петлі.

Акрамя ювелірных упрыгожванняў, аксесуарамі мяшчанак XVIII—XIX стст. былі сумкі розных мадэляў і памераў, футравыя муфты для засцярогі рук ад холаду, парасоны і інш.

ЗАКЛЮЧЭННЕ.

Касцюм мяшчанак Беларусі XVIII—XIX стст. складаўся з дастаткова вялікага выбару элементаў. Ён увабраў у сябе некаторыя элементы, уласцівыя прадстаўніцам шляхты (у дачыненні да касцюма заможных мяшчанак). Гэта можна прасачыць па аднолькавых назвах відаў адзення, што згадваюцца ў актавых матэрыялах сярод рэчаў як прывілеяваных жанчын, так і заможных мяшчанак. Заможныя мяшчанкі імкнуліся пераймаць новыя моды, што панавалі на той час пры двары. Аднак дарагое адзенне мяшчанкі не маглі сабе дазволіць з-за адсутнасці матэрыяльных сродкаў, а калі яны былі, то існавалі сацыяльныя абмежаванні.

Простыя мяшчанкі апраналіся больш сціпла, на пашыў іх адзення выкарыстоўваліся танныя тканіны і недарагое футра.

Увогуле, мяшчанскае адзенне змянялася вельмі марудна. Жакецікі, спадніцы, гарсэцікі, юпкі, кунтушыкі з шаўковых і аксамітных тканін перадаваліся ў спадчыну, бо вырабленыя з дарагіх тканін каштавалі шмат грошай.

¹ Верагодна, з ланцужком на шыю.

² Жаночы.

Спіс літаратуры і крыніц

1. Актыкацыя тастаменту пані Еўфрасінні Мікалавічоўны Чарнабровічоўны Межэзенскай, абывацельніцы места Віцебска. 23 кастрычніка 1750 г. // Нацыянальны гістарычны архіў Рэспублікі Беларусь у г. Мінску (НГАБ). — Фонд 1805. — Воп. 1. — Спр. 4 — Арк. 198—199 адв.
2. Бохан, Ю. Становішча гарадоў / Ю. Бохан // Гісторыя Беларусі: у 6 тамах / рэдкал: М. Касцюк (гал. рэд.) і інш. — Мінск: Экаперспектыва, 2007 — 2011. — Т. 3: Беларусь у часы Рэчы Паспалітай (XVII — XVIIIстст.) / Ю. Бохан, П. Лойка. — 2007. — С. 187—201.
3. Бялявіна, В. М. Жаночы касцюм на Беларусі / В. М. Бялявіна, Л. В. Ракава. — Мінск: Беларусь, 2007. — 350 с.
4. Бялявіна, В. М. Мужчынскі касцюм на Беларусі / В. М. Бялявіна, Л. В. Ракава. — Мінск: Беларусь, 2007 — 303 с.
5. Вырак суда полацкага магістрата па цяжбе паміж мешчанінам месца Полацк Лукашам Сабалеўскім і ўдавою Аленай Сцебутаўнай Тэадоравай Мушынскай аб невяртанні апошняй рэчаў, пакінутых ёй Сабалеўскім на часовае захоўванне. 28 красавіка 1727 г. // НГАБ. — Фонд 1823. — Воп. 1. — Спр. 13. — Арк. 66 адв.—68.
6. Дэкрэт суда полацкага магістрата па цяжбе паміж полацкай яўрэйкай Ідкай Шмойлінай і мешчанінам месца Полацк Іахімам Сніткам аб невяртанні Сніткам Шмойлінай 51 золтых і 15 грыўнаў, прызначаных пад заклад рэчаў, і працэнтаў з гэтай сумы. // НГАБ. — Фонд 1823. — Воп. 1. — Спр. 13. — Арк. 30 адв.—31адв.
7. Запіс пратэстацыі мяшчан месца Полацк Яна Маладзёшкі і яго жонкі Кацярыны Шпырквічаўны Янавай Маладзёшкавай на Базыля Савіча Клыпу аб невыкананні дамоўленасці аб правядзенні рэвізіі скрыні нябожчыцы Марыянны Мушынскай, а таксама запіс аб правядзенні камісіяй рэвізіі скрыні ад 26 верасня 1727 г. // НГАБ. — Фонд 1823. — Воп. 1. — Спр. 13. — Арк. 149—154.
8. Кіштымаў, А. Гарады і мястэчкі / А. Кіштымаў // Гісторыя Беларусі: у 6 тамах / рэдкал: М. Касцюк (гал. рэд.) і інш. — Мінск: Экаперспектыва, 2007 — 2011. — Т. 4: Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII — пачатак XX ст.). — 2007. — С. 128—137.
9. Мальдзіс, А. Як жылі нашы продкі ў XVIII стагоддзі: эсе; Восень пасярод вясны: аповесць, сатканая з гістарычных матэрыялаў і мясцовых паданняў. // А. Мальдзіс. — Мінск: Маст. літ. — 2009. — 479 с.
10. Мерцалова, М. Н. Костюм разных времен и народов: в 4 т. / М. Н. Мерцалова. — М.: Академия Моды; СПб.: Чарт Пилот, 2001. Т. 3-4. — 576 с.
11. Пальто-сак с застёжкой в два ряда пуговиц. Круглая поярковая шляпа. // Приложение к «Модному свету». — 1895. — № 14. — С. 137 — 140.
12. Приложение. Описание парижской, раскрашенной модной картинки. // 1-е Приложение к «Новому русскому базару». — 1883. — № 6. — С. 67 — 70.
13. Сосна, У. Мяшчанская і сялянская культура / У. Сосна // Гісторыя Беларусі: у 6 тамах / рэдкал: М. Касцюк (гал. рэд.) і інш. — Мінск: Экаперспектыва, 2007 — 2011. — Т. 3: Беларусь у часы Рэчы Паспалітай (XVII — XVIIIстст.). — 2007. — С. 285—302.
14. Старикова А. А. Курс кройки и шитья белья / А. А. Старикова. — СПб.: Типография А. Якобсона Насл., 1898. — 156 с.
15. Шляпные формы и соломенные борты // Приложение к «Модному свету». — 1892. — № 14. — С. 151—154.

ДА ПЫТАННЯ АБ ПАЧАТКОВАЙ АДУКАЦЫІ Ў ПОЛАЦКУ Ў ХІХ — ПАЧ. ХХ СТСТ.

У сацыяльнай сферы жыцця чалавецтва адукацыя і выхаванне заўсёды займалі значнае месца і мелі непасрэдны ўплыў на развіццё іншых сфер развіцця грамадства. У Полацку да адукацыі заўсёды ставіліся з адказнасцю. За шматгадовую гісторыю існавання горада тут дзейнічалі не толькі пачатковыя, але і сярэднія, і вышэйшыя навучальныя ўстановы. Пасля ўваходжання Полацка ў склад Расійскай імперыі пытанні адукацыі стала вырашаць створанае пры Аляксандры I Міністэрства народнай адукацыі (МНА). Яно ў першай палове ХІХ ст. вызначыла трохступеньчатую сістэму навучальных устаноў. Па Палажэнні 1828 г. да пачатковых школ адносіліся прыходскія і павятовыя вучылішчы, да сярэдніх — дзяржаўныя і прыватныя гімназіі, да вышэйшых — універсітэты і інстытуты. Аб'яўленыя ў 1803 г. прынцыпы пераемнасці, бескасоўнасці і бясплатнасці навучання ў 1820-я гг. у большасці згубілі сваю актуальнасць. Кожны тып навучальнай установы быў ператвораны ў самастойнае цэлае, пры гэтым кожны закончаны курс навучання прызначаўся да пэўных сацыяльных груп насельніцтва. Так, у прыходскіх вучылішчах адукацыю атрымлівалі сялянскія дзеці, у павятовых і гарадскіх вучылішчах — у асноўным дзеці мяшчан і купцоў, у гімназіях — дзеці дваран і чыноўнікаў. Толькі выпускнікі гімназіі мелі права паступлення ў ВНУ.

Значныя змены ў сістэме адукацыі на тэрыторыі заходніх губерняў Расіі былі выкліканы паўстаннямі 1830—1831 і 1863—1864 гг. Пасля расправы з паўстанцамі былі закрыты ўніверсітэты (1832 г. — Віленскі, 1864 г. — Гора—Горацкі), некаторыя прыватныя вучылішчы і гімназіі, з вучэбных планаў былі зняты прыродазнаўчыя і палітычныя дысцыпліны, былі ліквідаваны каталіцкія навучальныя ўстановы, а роля праваслаўнай царквы ў галіне адукацыі наадварот стала ўзрастаць. Галоўнымі прынцыпамі асветы ў часы рэакцыі сталі самаўладдзе, народнасць і праваслаўнасць.

Сярод рэформ, праведзеных імператарам Аляксандрам II у сярэдзіне ХІХ ст., самае значнае месца заняла рэформа адмены прыгоннага права, пасля якой рэфармаванню былі падвергнуты і іншыя сферы жыцця насельніцтва Расіі [2, с. 265—261]. Вялікае ўздзеянне на грамадскае жыццё народа мела адукацыйная рэформа, адным з галоўных ідэолагаў якой лічаць міністра адукацыі Аляксандра Галаўніна. Некаторыя яго ідэі спачатку былі адвергнуты, але з цягам часу сталі рэальнасцю. Так, у 1863 г. быў прыняты новы ўніверсітэцкі статут, які вярнуў вышэйшым навучальным установам аўтаномію. У 1864 г. было ўведзена новае палажэнне аб народных пачатковых вучылішчах, згодна якому да кіраўніцтва школ сталі прыцягвацца органы мясцовага самакіравання — земствы, якія актыўна ўзяліся за справу адукацыі, асабліва ў сельскай мясцовасці. У 1884 г. былі зацверджаны новыя Правілы царкоўна-прыходскіх школ, якія зноў сталі падпарадкоўвацца Духоўнаму ведамству, і ў хуткім часе іх колькасць рэзка пачала павялічвацца. Праблему з настаўнікамі для пачат-

ковых навучальных устаноў дапамаглі вырашыць настаўніцкія семінары, якія адкрываліся па ініцыятыве земстваў.

У пачатку XX ст. трохступеньчатая сістэма адукацыі засталася нязменнай, але з кожным годам колькасць навучальных устаноў павялічвалася. Грошы з дзяржаўнай казны, а таксама ад Сінода, выдзяляліся не толькі на частковае ўтрыманне навучальных устаноў, але і на пабудову і абсталяванне вучылішч і школ, на выдачу дапаможнікаў настаўнікам і стыпендый асобным катэгорыям вучняў. У 1908 г. было ўведзена ўсеагульнае бясплатнае пачатковае навучанне. Па планах МНА з цягам часу атрымліваць бясплатную мінімальную адукацыю павінны былі ўсе дзеці дашкольнага ўзросту. Такім чынам, да 1917 г. вынікам такой дзяржаўнай палітыкі ў галіне адукацыі стала павелічэнне колькасці навучальных устаноў і суадносна павышэнне агульнай пісьменнасці насельніцтва. Калі ў 1850-я гг. у Расіі пісьменнымі было толькі 6% насельніцтва, у канцы 1880-х гг. — 10%, у 1900 г. ужо 22%, а ў 1917 г. — каля 30% [6].

Сітуацыя з адукацыяй і выхаваннем дзяцей у Полацку і Полацкім павеце ў XIX — пач. XX стст. таксама складвалася з улікам дзяржаўнага рэфармавання і агульнапалітычнымі накірункамі развіцця ў краіне. З 1802 г. Полацк стаў павятовым цэнтрам у складзе Віцебскай губерні Расійскай імперыі. У першай палове XIX ст. у горадзе дзейнічала некалькі пачатковых і сярэдніх навучальных устаноў, адно вышэйшае — езуіцкая акадэмія. Усе яны падпарадкоўваліся розным ведамствам: Міністэрству народнай асветы, духоўнаму ці Ваеннаму ведамствам, Міністэрству дзяржаўнай маёмасці. У другой палове XIX ст. частка школ працягнула сваю дзейнасць. Гэта такія саслоўныя навучальныя ўстановы, як кадэцкі корпус і два духоўныя вучылішчы — мужчынскае і жаночае. Пачатковай адукацыяй вялікай часткі гарадскога насельніцтва — іудзеяў — займаліся казённае яўрэйскае вучылішча і меламеды. Але апошняя чвэрць XIX ст. характарызуецца нестабільным становішчам у развіцці сістэмы адукацыі. Не раз на гэта звятала ўвагу грамадскасць горада, узгадваючы дзейнасць езуітаў і адкрыцця пры іх акадэміі пачатковыя вучылішчы. Пасля адкрыцця ў 1872 г. Полацкай настаўніцкай семінарыі прыходскае вучылішча было пераўтворана ў пачатковую школу пры дадзенай навучальнай установе. У апошняй чвэрці XIX ст. у горадзе нядоўгі час дзейнічала некалькі прыватных мужчынскіх вучылішч, але праблема з атрыманнем пачатковай адукацыі для хлопчыкаў усё роўна заставалася.

Табліца. Мужчынскія пачатковыя навучальныя ўстановы
г. Полацка XIX — пач. XX стст.

год	Назва пачатковай навучальнай ўстановы	Кол-ць вучняў	Якога ведамства	Кол-ць настаўнікаў
1866	Дваранскае 5-класнае павятовае вучылішча	54	МНА	10
	Прыходскае 1-класнае вучылішча	40	МНА	2
	Полацкае духоўнае вучылішча	169	ВД	6
	Казённае яўрэйскае 2-класнае вучылішча	58	МНА	3
1881	Пачатковае вучылішча пры Настаўніцкай семінарыі		МНА	
	Прыватнае падрыхтоўчае вучылішча Чарамшанскага	Каля 30	МНА	
	Пачатковая 1-класная яўрэйская школа		МНА	
	Полацкае духоўнае вучылішча		ДВ	
1894	Пачатковае вучылішча пры Настаўніцкай семінарыі	Каля 60	МНА	
	Полацкае 1-класнае мужчынскае вучылішча (утрымальніца — Е. Саваскевіч)	3	МНА	
	Полацкае 1-класнае мужчынскае вучылішча (утрымальніца — А. І. Пуцыла)	12	МНА	
	Пачатковае 1-класнае з падрыхтоўчым класам яўрэйскае вучылішча	117	МНА	
	Полацкае ніжняе духоўнае мужчынскае вучылішча	105	ДВ	
1905	Полацкае 4-класнае гарадское вучылішча (настаўнік-інспектар А. А. Васіленка)		МНА	6
	Пачатковае вучылішча пры Настаўніцкай семінарыі		МНА	
	Пачатковае 1-класнае з падрыхтоўчым класам і рамесным аддзяленнем яўрэйскае вучылішча		МНА	3
	Талмуд-Тора		МНА	5
	Полацкае мужчынскае духоўнае вучылішча		ДВ	

1910	1-е Полацкае 6-класнае гарадское вучылішча (настаўнік-інспектар П. І. Дэйніс)		МНА	10
	2-е Полацкае 4-класнае гарадское вучылішча (настаўнік-інспектар В. Р. Савіцкі)		МНА	5
	Полацкае прыходскае мужчынскае вучылішча		МНА	3
	Пачатковае вучылішча пры Настаўніцкай семінарыі		МНА	
	Пачатковае 1-класнае з падрыхтоўчым класам яўрэйскае вучылішча		МНА	3
	Талмуд-Тора		МНА	4
	Полацкае духоўнае мужчынскае вучылішча		ДВ	
	Прыватнае 6-класнае рэальнае вучылішча Н. С. Багаяўленскага		МНА	8

Сітуацыя ў галіне пачатковай адукацыі для хлопчыкаў пачала выпраўляцца ў пачатку XX ст., калі ў горадзе зноў сталі працаваць гарадскія і прыходскія вучылішчы, прыватныя і дзяржаўныя мужчынскія гімназіі.

У НГАБ захавалася некалькі дакументаў аб дзейнасці ў пачатку XX ст. узноўленага пасля 30-гадовага перапынку Полацкага прыходскага вучылішча.

Дадзеная пачатковая ўстанова была адкрыта па Палажэнню 1828 г. 1 кастрычніка 1907 г. У пачатку XX ст. вучылішча часткова арандавала драўляны аднапавярховы дом па вуліцы Рыжскай у гаспадыні Ганны Мартынаўны Каменскай. Сяміпакаёвы будынак размяшчаўся за Чырвоным мостам на ўскарайку горада. У доме па два пакоі займалі сама А. М. Каменская, кватэра старшага настаўніка з кухняй і класы, адзін служыў настаўніцкай, а ў некалькіх прахадных невялікіх пакоях размяшчаліся распранальня і памяшканне для служачых. Каля дома быў невялікі яблыневы сад і кветнік. За год арэндная плата за пабудову складалі 400 рублёў [9, л. 519].

Дакладных звестак пра колькасць навучэнцаў за 10 год існавання вучылішча захавалася няшмат. Вядома, што ў 1913—1914 навучальным годзе ў вучылішча было прынята 110 вучняў, а адмоўлена з-за адсутнасці месцаў 32-м [10, л. 22]. У 1914—1915 гг. у вучылішчы з трыма аддзяленнямі навучалася 87 чалавек [12, л. 282].

Прааналізаваўшы экзаменацыйную ведамасць 18-ці выпускнікоў вучылішча за 1912 г., можна зрабіць высновы, што ўзрост праслухаўшых курс пачатковай навучальнай установы быў даволі разнастайны — ад 10 да 16 гадоў; больш за палову вучняў складалі дзеці праваслаўнага веравызнання, 40% вучняў — рымска-каталіцкага, адзін быў пратэстантам. Экзаменацыйная камісія,

у склад якой уваходзілі настаўнік гарадскога вучылішча М. І. Юшкевіч (старшыня) і настаўнікі прыходскага вучылішча І. Я. Эвель і В. В. Смірноў, пісьмовыя і вусныя адказы дзяцей прызнала «здавальняючымі», а паводзіны — «дастойнымі». 5 вучняў па ўсіх васьмі экзаменах мелі толькі адзнаку «5», 8 вучняў — «4» і «5» і толькі 5 вучняў атрымалі «3» і «4» [13, л. 473—474 адв.]»

Склад настаўнікаў Полацкага прыходскага вучылішча быў таксама невялікі — усяго тры чалавекі, з якіх старшы настаўнік быў адказным як за навучальны працэс, так і за гаспадарчыя клопаты. У 1907—1910 гг. гэтую пасаду займаў *Пётр Аляксандравіч Пучкоўскі*, які пачаў сваю настаўніцкую кар’еру ў 1890 г. Законастаўнікам з моманту адкрыцця вучылішча працаваў *Іаан Паўлавіч Емельяновіч*, святар полацкай Пакроўскай царквы. Другой настаўніцай вучылішча з 1 верасня 1909 г. лічылася *Лідзія Міхайлаўна Пучкоўская*, якая мела званне настаўніцы пачатковых вучылішч. У 1912 г. склад настаўнікаў поўнасьцю змяніўся. Старшым настаўнікам быў прызначаны *Іван Якаўлевіч Эвель*, які да гэтага працаваў у Заборскім народным вучылішчы Уладзімірскай воласці Полацкага павета (сустракаецца ў спіску настаўнікаў вучылішча за 1905, 1908, 1910 гг.). Акрамя яго ў навучальнай установе працавалі *Іван Катуюнак*, *Марыя Іванаўна Дэйніс* (жонка Пятра Дэйніса, інспектара Полацкага 1-га вышэйшага вучылішча) і законанастаўнік *Васіль Васільевіч Смірноў*. У гады Першай сусветнай вайны падчас службы І. Я. Эвеля ў арміі з кастрычніка 1916 г. па люты 1918 г. яго замяняў *Аляксандр Іванавіч Грышкоўскі*, 1863 г. н. Ураджэнец Гродзеншчыны скончыў Свіслацкую настаўніцкую семінарыю і быў камандзіраваны ў Полацк на службу часова. У складаных ваенных умовах дом Падабеда па вул. Рыжскай, якое займала вучылішча да вайны, вызвалілі пад размяшчэнне Літоўскага бежанскага камітэта, а пачатковую навучальную ўстанову перавялі ў дом Кісялёва на вул. Гарбузную. Заняткі для вучняў прыходскага вучылішча праходзілі толькі ў 2-ю змену, так як з раніцы ў гэтым доме працавала яшчэ і латышкая школа.

З моманту адкрыцця вучылішча мела пастаянныя матэрыяльныя цяжкасці. У 1907 г. яно атрымала частку нехапаючай мэблі з кадэцкага корпуса (5 парт і 5 крэслаў), якую на працягу наступнага дзесяцігоддзя пасля зносу ніхто не рамантаваў. У 1916 г. І. Я. Эвель звярнуўся да Інспектара народных вучылішч па Полацку і павету В. Р. Шарамецьева з просьбай аб выдзяленні вучылішчу 212 руб. 50 кап. на рамонт старой і закупку новай мэблі — парт, сталоў, крэслаў, кніжнай шафы і самавара. Увогуле, менавіта старшы настаўнік вучылішча звычайна займаўся забеспячэннем сваёй навучальнай установы ўсім неабходным як для навучальнага працэсу, так і для штодзённага жыцця. У ацалелых да нашых дзён дакументах архіва маюцца звесткі пра закупку І. Я. Эвелем у кніжных крамах палачан Ш. Гафеншэфера і Х. Пайкіна падручнікаў і кніг для пазашкольнага чытання, канцылярскіх прылад — чарніла, пёраў, паперы, алоўкаў [15, лл. 397, 405, 407]. У адной са справаздач за 1915 г. адзначалася, што на гаспадарчыя патрэбы — дровы, газу, запалкі, свечкі, анучкі і за дастаўку вады і абслугоўванне — старым настаўнікам было затрачана 75 руб. [15, л. 282].

Прагрэсіўная грамадскасць у сярэдзіне XIX ст. рашуча заяўляла аб правах жанчын на атрыманне адукацыі, таму падчас правядзення школьнай рэформы 1864 г. урад Расійскай імперыі быў вымушаны разгледзець пытанне аб

адкрыцці жаночых пачатковых школ, якія сталі адкрывацца МНА, ДВ і прыватнымі асобамі. Так, у другой палове XIX — пач. XX стст. у Полацку працавалі наступныя жаночыя навучальныя ўстановы.

*Табліца. Жаночыя пачатковыя навучальныя ўстановы
г. Полацка ў XIX — пач. XX стст.*

<i>год</i>	<i>Назва ўстановы</i>	<i>Кол-ць вучняў</i>	<i>Якога ведамства</i>	<i>Кол-ць настаўнікаў</i>
1866	Узорны 4-класны жаночы пансіён	34	МНА	8
	Бясplatная 1-класная школа	63	МНА	11
	Вучылішча для дзяўчат духоўнага звання	26	ДВ	2
	Прыватнае 1-класнае жаночае яўрэйскае вучылішча Маркільсона	14	МНА	1
1867	Узорны 4-класны жаночы пансіён	39	МНА	14
	Жаночая змена пры прыходскім вучылішчы	67	МНА	2
	Вучылішча для дзяўчат духоўнага звання	26	ДВ	2
1886	Узорны 4-класны жаночы пансіён	62	МНА	
	Бясplatная 1-класная школа	62	МНА	
	Спаса-Еўфрасінеўскае жаночае епархіяльнае вучылішча	26	ДВ	6
1894	Узорны 4-класны жаночы пансіён	74	МНА	
	Бясplatная 1-класная школа	63	МНА	2
	1-класнае жаночае вучылішча А. М. Сяніцкай	24		
	Полацкае вучылішча дзяўчат духоўнага звання пры Спаса-Еўфрасінеўскім манастыры	104	ДВ	
1900	Узорны 5-класны жаночы пансіён В. Рувльковіус		МНА	
	Пачатковая школа А. Чухлебай		МНА	2
	Спаса-Еўфрасінеўскае жаночае епархіяльнае вучылішча		ДВ	

1905	Полацкая жаночая гімназія (надглядчыца — В. Рудковіус)		МНА	27
	Прыватнае 2-класнае з падрыхтоўчым класам вучылішча М. Шнеер		МНА	6
	Жаночае 1-класнае вучылішча (утрымальніца — А. Чухлебава)		МНА	3
	2-класнае з 3-м рукадзельным класам жаночае прыхадское вучылішча		МНА	2
	Спаса-Еўфрасінеўскае жаночае епархіальнае вучылішча		ДВ	
1910	Полацкая 7-класная жаночая гімназія (надглядчыца — В. Рудковіус)		МНА	
	2-класнае з 3-м рукадзельным класам жаночае прыходскае вучылішча		МНА	
	Жаночае 1-класнае вучылішча (ст. наст. — А. П. Чухлебава)		МНА	
	Прыватная жаночая 4-класная з падрыхтоўчым класам прагімназія А. І. Багаяўленскай		МНА	
	Спаса-Еўфрасінеўскае жаночае епархіальнае вучылішча		ДВ	

Некаторыя з устаноў дзейнічалі ў Полацку даволі працяглы час, а некаторыя — усяго па некалькі год. Галоўнай прычынай кароткага тэрміну існавання было дрэннае фінансаванне з боку дзяржаўных або іншых крыніц. Звычайна пачатковае вучылішча ўтрымлівалася на грошы МНА, бацькоў навучэнцаў, прыватных асоб або таварыстваў. Калі сродкі фінансавання дзяржавай не выдзяляліся, а ў мясцовых органаў кіравання неабходнай сумы на ўтрыманне ўстановы не знаходзілася, яна прыпыняла сваю дзейнасць.

Да ліку пачатковых навучальных устаноў, якія дзейнічалі ў Полацку даволі працяглы час і фінансаваліся на сродкі амаль з усіх вышэй пералічаных крыніц, адносіцца *Полацкая бясплатная жаночая школа*.

Яна была адкрыта ў 1863 г. і размяшчалася па адрасе дом № 78 на вулгу вуліц Рыжскай і Азараўскай. Гэты будынак належаў полацкай мяшчанцы Элеаноры Радзевіч, якая мела 5 дзяцей (дачку і 4 сыноў) і ведала некалькі замежных моў. Частку дома Э. Радзевіч здавала кватарантам — настаўніцам школы Францысцы Паркоўскай, Марыі Аляксандраўне Канюшэўскай з дачкою і акушэрцы Марыі Пятроўне Вейдрых [11, л. 155—155 ад.]. Загадчыцай школы была палачанка Якімава [14, л. 31]. У 1886 г. школа размяшчалася ўжо ў наёмным доме, і на ўтрыманне школы з дзяржаўнай казны выдзялялася 250 руб., з

упраўлення Віленскай вучэбнай акругі 200 руб., з Полацкага царкоўнага брацтва 125 руб. і з гарадскіх сум 100 руб. [17, с. 52].

У сярэднім у 1-класнай школе навучалася каля 60 дзяўчынак, якія не плацілі за сваё навучанне. Цікава, што ў першыя гады існавання штат настаўнікаў быў даволі вялікі — 9—11 чалавек. Многія з іх ведалі, акрамя рускай, польскую, французскую ці нямецкую мовы. У 1880—1890-я гг. педагогічны штат значна скараціўся і складаўся ўсяго з 1 настаўніцы і 1 праваслаўнага законанастаўніка. У справаздачы аб пачатковых навучальных установах Віцебскай губерні да вывучаемых прадметаў 1-класных школ адносілі толькі Закон Божы, рускую і славянскую мовы, арыфметыку, чыстапісанне і спевы. Зразумела, што такая праграма не патрабавала вялікага настаўніцкага штату.

Табліца. Полацкая бясплатная жаночая школа ў другой палове XIX ст.

<i>год</i>	<i>Колькасць дзяўчынак</i>	<i>Колькасць настаўнікаў</i>	<i>Прозвішчы настаўнікаў</i>
1865	40	2 муж. 7 жанч.	Э. Радзевіч — 45 год Ф. Пакроўская — 20 гадоў М. А. Канюшэўская — 64 гады А. Еўсташова — 18 год
1866	63	1 муж. 10 жанч.	
1885	76	1 муж. 1 жан.	І. Блажэвіч Г. Спаская
1886	62	1 муж. 1 жан.	І. Блажэвіч Г. Спаская
1888	65	1 муж. 1 жан.	І. Блажэвіч Г. Спаская
1889	60	1 муж. 1 жан.	І. Блажэвіч Г. Спаская
1894	63	1 муж. 1 жан.	С. Акаловіч Г. Спаская

У дакументах за 1900 г. Полацкая бясплатная жаночая школа сярод пачатковых навучальных устаноў ужо не сустракаецца.

У другой палове XIX — пач. XX стст. дзяўчынкі маглі навучацца і разам з хлопчыкамі ў вучылішчах для сумеснага навучання. Вядома, што ў Полацку было некалькі такіх пачатковых навучальных устаноў.

Табліца. Вучылішчы г. Полацка для сумеснага навучання.

год	Назва ўстановы	Якога ведамства	Коль-касць настаўнікаў
1865	Школа пры Аднаверскай духоўнай царкве	ДВ	3
1894 1900— 1903	1-класнае вучылішча для дзяцей абодвух палоў (утрымальніца Е. П. Саваскевіч)	МНА	3
1908	Прыватнае 2-класнае вучылішча для дзяцей абодвух палоў (утрымальніца — А. Ф. Шутко)	МНА	3
1912	Вучылішча Мікалаеўскай чыгункі пры станцыі Полацк	МНА	5
1905 1912	Пачатковае вучылішча пры Полацкім праваслаўным дабрачынным таварыстве — «хуліганская школа» (1912 — ганаровы даглядальнік Л. В. Адава)	МНА	3

Пачатковую адукацыю ў Полацку можна было атрымаць і карыстаючыся паслугамі хатніх настаўнікаў, губернераў і губернантак. Так, у дакументах за 1863 г. ёсць звесткі пра трох настаўнікаў, якія афіцыйна навучалі юных палачан. Гэта дваранка Полацкага павета Юлія Багушэвіч, якая мела пасведчанне на права выкладання ад Дырэкцыі Віцебскай гімназіі, дваранін Дынабургскага павета Павел Вікенцэвіч Ціханоўскі (пасведчанне Полацкага кадэцкага корпуса) і ўрадженка Курляндый Гертруда Ляўке.

Полацкая грамадскасць была занепакоена адукацыяй беспрытульных дзяцей, якіх можна было сустрэць на вуліцах горада. З гэтай прычыны Полацкае праваслаўнае дабрачыннае таварыства хадайнічала перад Дырэкцыяй народных вучылішч аб адкрыцці ў горадзе бясплатнай школы для жабрацкіх дзяцей. У выніку 25 лютага 1906 г. быў атрыманы дазвол, а 9 красавіка адбылося ўрачыстае адкрыццё пачатковага вучылішча — так званай «хуліганскай школы». Першапачаткова ў школу было прынята 44 чалавекі — 20 дзяўчынак і 24 хлопчыкі ўсіх веравызнанняў ва ўзросце ад 7 да 13 гадоў. Гэта былі зусім непісьменныя дзеці, якія «бегалі за прохожымі па ўлице, выманіваючы у сытых людзей копеечку на кусочек хлеба» [1, с. 265-271]. Урокі для дзяцей праводзілі па праграме пачатковай народнай школы. У паслябедзенны час хлопчыкі дадаткова займаліся рамяством, а дзяўчынкі — рукадзеллем.

Падчас працы школа мела шэраг праблем. Галоўная — пастаянная змена вучнёўскага складу: толькі за першае паўгоддзе палова вучняў пакінула школу і вярнулася да свайго папярэдняга жыцця. Праўда, у хуткім часе набралі новых «хуліганаў», і ў складзе вучняў зноў стала больш за 40 чалавек.

Другой праблемай была змена педагогічнага складу. У 1907 г. у школе працавала толькі 7 настаўніц: Закон божы выкладала З. С. Шпакава, рускую мову — Белаева і Архіпава, арыфметыку — З. С. Шпакава і Е. А. Нікольская, спевы

— Сергіеўская, пераплётнае майстэрства — Башняк, рукадзелле — Сафонава. Астатнія настаўнікі «сбежалі из училища». Галоўная прычына гэтага — непаслухмянасць «детей улицы». Але загадчыца школы, Зінаіда Стафанаўна Шпакава, якая знаходзілася ў школе штодзённа з 9 да 16 гадзін, прыкладала шмат намаганняў да ўтрымання як педагагічнага складу, так і вучнёўскага.

І яшчэ адна праблема была ў школы — яе фінансаванне. У першы год пасля адкрыцця вучылішча ўтрымлівалася за кошт дабрахвотных узносаў палачан. На наём кватэры, пісьмовыя прылады, падручнікі, мэблю, адзенне, абутак, жалаванне настаўніку-шаўцу, абеды для дзяцей было затрачана болей за 320 рублёў. Дабрачыннае таварыства не мела сродкаў на далейшае ўтрыманне вучылішча, таму напярэдадні новага навучальнага года адной з галоўных задач, якія паўсталі перад кіраўніцтвам, стала вырашэнне фінансавага пытання.

На старонках газеты «Полоцкий листок» мы знаходзім звесткі аб колькасці навучэнцаў і ўласным доме, пабудаваным у 1913 г. У 1911 г. у школе навучалася 60 хлопчыкаў і 45 дзяўчынак, а ў 1913 г. — 84 хлопчыкі і 67 дзяўчынак. Рост колькасці быў наяўны. Але нягледзячы на папулярнасць школы ў горадзе, яна мела праблемы з фінансаваннем. Пасля 1910 г. Полацкае дабрачыннае таварыства займела доўг, які ў 1913 г. складаў 1400 руб. [20, с. 2].

На старонках «Памятной книжки по Витебской губернии» за 1912 г. захаваліся звесткі пра «почётнаго блюстителя» школы Любоў Уладзіміраўну Адаву і школьных настаўнікаў Дзмітрыя Яўфімавіча Гнядоўскага, Вольгу Яўстаф’еўну Барташэўскую і Таццяну Іванаўну Вышынскую [18, с. 199].

Само Полацкае дабрачыннае таварыства, утворанае ў 1901 г. і прызначанае для «выдачи денежных пособий бедным больным престарелым, слепым, неспособным к труду жителям Полоцка, а также малолетним, предоставления помещений, пищи, одежды, медпомощи неимущим, покупки детям книг, выдачи пособий на погребения», дзейнічала ў Полацку да пачатку Першай сусветнай вайны, а магчыма, і далей. Яго старшынёй у 1914 г. была Луіза Мікалаеўна Савіцкая, а сакратаром — падпалкоўнік Іван Аляксандравіч Адаў [19, с. 230].

У 1864 г. было прынята новае палажэнне для ўсіх пачатковых навучальных устаноў, якія былі аднесены да так званых пачатковых народных вучылішч. Гэта казённыя і прыватныя прыходскія вучылішчы Міністэрства народнай адукацыі, сельскія вучылішчы Міністэрства дзяржаўнай маёмасці, земскія вучылішчы і чыгуначныя школы, і падначаленыя Духоўнаму ведамству царкоўна-прыходскія і нядзельныя школы. Менавіта з 1860-х гг. у Віцебскай губерні назіраецца хуткі рост народных вучылішч. Частка іх была адкрыта на базе царкоўна-прыходскіх школ, а большасць — у новых населеных пунктах. Адной з прычын такіх дзеянняў з боку дзяржавы быў невысокі працэнт пісьменнасці насельніцтва дадзенага рэгіёну: у 1866 г. у Полацку на 9 жыхароў горада прыходзіўся 1 вучань, а ў павеце — 1 вучань на 131 чалавек [16, с. 209—218]. У выніку, пачынаючы з 1864 г. на тэрыторыі Полацкага павета для хлопчыкаў і дзяўчынак пачалі адкрывацца сельскія школы і валасныя вучылішчы сялян-уласнікаў.

Табліца. Народныя вучылішчы Полацкага павета.

год	Колькасць вучылішч	Колькасць навучэнцаў	год	Колькасць вучылішч
1862	1		1905	29
1864	10		1908	40
1866	31	391	1909	63
1882	18	662	1912	101

Педагагічны штат народных школ быў невялікі — настаўнік ці настаўніца і законанастаўнік. У вучылішчах Полацкага павета звычайна працавалі выпускнікі Полацкай настаўніцкай семінарыі, Спаса-Еўфрасіннеўскага жаночага вучылішча або Віцебскай духоўнай семінарыі. У 1894 г. на ўтрыманне аднаго настаўніка з дзяржаўнай казны выдзялялася каля 150 руб.: жалаванне законанастаўніка складала 25 руб. У 1913 г. Полацкі земскі сход заслухаў даклад Земскай управы аб увядзенні ў павеце ўсеагульнага навучання, з нагоды чаго было прынята рашэнне адкрываць штогод па 6 новых народных вучылішч, каб да 1919 г. ахапіць усю тэрыторыю павета пачатковымі навучальнымі ўстановамі [5, с. 917].

Акрамя народных вучылішч МНА да пачатковых устаноў адносіліся царкоўна-прыходскія школы (ЦПШ), якія па стауту 1828 г. адкрываліся ў населеных пунктах, дзе пражывала не менш за 1000 чалавек. Першапачаткова ЦПШ падпарадкоўваліся духоўнаму ведамству і ўтрымліваліся на сродкі царкоўных фундатораў, а з 1840-х гг. разам з цэрквамі яны пераводзіліся на казённае забеспячэнне [4]. У 1864—1880 гг. іх падначалілі МНА, і па новым палажэнні на іх базе сталі адкрывацца народныя вучылішчы. Але колькасць ЦПШ пачала змяншацца. У 1881 г. пасля забойства імператара Аляксандра II ва ўнутранай палітыцы Расіі адбыліся значныя змены. Першыя контррэформы закранулі менавіта сістэму адукацыі. З 1880-х гг. пачалося ўзнаўленне дзейнасці ЦПШ, якімі зноў стала кіраваць духоўнае ведамства. У 1884 г. былі прыняты новыя правілы аб ЦПШ, якія падкрэслівалі неабходнасць пачатковай адукацыі, звязанай з рэлігійным выхаваннем. Мэтай ЦПШ і школ граматы стала распаўсюджванне сярод сялян народнай адукацыі ў духу рускай народнасці і праваславія [22]. Школы, якія адкрываліся пры цэрквах або манастырах, падзяляліся на 1-класныя з 2- або 3-гадовым і 2-класныя з 4- або 5-гадовым тэрмінамі навучання. Пачатковыя навучальныя ўстановы ўтрымліваліся за кошт «пособий казны, местных обществ, земства и частных лиц». Для кіраўніцтва ЦПШ з 1884 г. былі ўтвораны епархіяльныя вучылішчныя саветы [17].

Прыняцце новых законаў і змены ў сістэме кіравання адукацыяй закранулі і пачатковыя навучальныя ўстановы ў Полацкім павеце. Па архіўных звестках і статыстычных справаздачах з канца XIX ст. колькасць ЦПШ пастаянна павялічвалася. Так, у 1897 г. яна складала 16 адзінак (яшчэ існавала 14 школ граматы), у 1908 г. — 25, у 1909 г. — 28, у 1910 г. — 43.

У канцы XIX ст. ЦПШ сталі адкрывацца і пры праваслаўных цэрквах і манастырах у самім Полацку. Звычайна іх адносілі да агульнага спіса ЦПШ па Полацкаму павету, але ў першыя гады XX ст. іх уключалі ў агульны спісы гарадскіх навучальных устаноў. Першыя з іх былі адкрыты ў 1880-я гг., астатнія — у пач. XX ст. Гэта Іаана-Багаслоўская 2-класная пры Іаана-Багаслоўскай царкве, Узорная 1-класная школа пры Спаса-Еўфрасінеўскім духоўным вучылішчы, 1-класная мужчынская і 1-класная жаночая школы пры Мікалаеўскім саборы, Пакроўская 1-класная школа (1888—1903) пры Пакроўскай царкве, Богаяўленская 1-класная школа пры Богаяўленскім мужчынскім манастыры, Чыгуначная школа пры чыгуначнай станцыі Полацк I [21, с.12-13].

Табліца. Царкоўна-прыходскія школы г. Полацка.

год	Спіс настаўнікаў		Колькасць навучэнцаў
	Законанастаўнік	настаўнікі	
<i>Іаана-Багаслоўская 2-класная школа (1885 г.) пры Іаана-Багаслоўскай царкве з рамесна-такарным і слясарным аддзяленнем (з 1905 г.)</i>			
1905	Яўстафій Іосіфавіч Тамашэўскі (загадчык)	М. Р. Корзаў, Н. Л. Брадоўская, С. І. Лаўроўская, Я. С. Кулага (рамёствы), П. Р. Буднікаў (спевы)	
1907	Той жа	М. Р. Корзаў, Н. Д. Нікіфароўская, Я. Р. Аржашкоўская	
1912	Той жа	А. В. Філіпава, Н. Д. Нікіфароўская, А. І. Гнядоўская	
1908	Той жа	А. В. Філіпава, Н. Д. Нікіфароўская, Я. Р. Аржэшкоўская, І. І. Астроўскі (рамёствы)	
1914	Той жа	А. В. Філіпава, А. І. Гнядоўская, Е. Е. Тамашэўская, П. Ушакоў (спевы)	60 хл. 27 дз.
1918	Той жа	А. Гарбунова (загадчыца), А. І. Гнядоўская, А. Н. Гнядоўская	80 хл. 23 дз.
<i>Узорная 1-класная школа пры Спаса-Еўфрасінеўскім духоўным вучылішчы (1887)</i>			
1903	Фёдар Фаміч Акаловіч	Ігумення Алімпіяда (загадчыца), Е. А. Донава, Д. С. Леанардаў, А. А. Сергіева (спевы)	
1905	Той жа	Ігумення Еўфрасіння (загадчыца), Е. А. Донава, Д. С. Леанардаў (рамёствы)	

1908	Той жа	Ігумення Ніна (Баянус) (загадчыца), М. М. Кісляк-Станкевіч	
1914	Аляксандр Іаанавіч Румянцаў	Н. Я. Гарбачэўская	20 хл. 25 дз.
<i>1-класная мужчынская школа пры Мікалаеўскім саборы (вул. Невельская, д. Трафімава)</i>			
1905	В. Баршчэўскі	Д. Я. Гнядоўскі (загадчык), В. А. Шастакова, М. В. Баршчэўская	
1908	Д. Я. Гнядоўскі	В. А. Шастакова, А. В. Долатаў	
1909	Той жа	В. А. Шастакова, М. М. Замеўская	
1912	Той жа	В. А. Шастакова, М. М. Мазур'еўская	
1914	Той жа	А. І. Каліноўскі, М. І. Талпароў, Д. С. Сцёпкін (спевы)	46 хл.
<i>1-класная жаночая школа пры Мікалаеўскім саборы (вул. Стралецкая)</i>			
1905	Дзмітрый Яўфімавіч Гнядоўскі (загадчык)	М. С. Шымакоўская, Ан. Р. Казьяніна	
1908	Той жа	М. В. Баршчэўская, Ан. Р. Казьяніна	
1912	Той жа	М. В. Баршчэўская, А. Зелянковіч	
1914	Той жа	Ал. Р. Казьяніна, А. А. Снітко	79 дз.
<i>Пакроўская 1-класная школа (1888—1903) пры Пакроўскай царкве</i>			
1903	Іаан Паўлавіч Емельяновіч (загадчык)	Е. У. Ватоліна	
<i>Багаяўленская 1-класная школа пры Богаяўленскім мужчынскім манастыры</i>			
1903	У. Р. Шчарбінскі	Архімандрыйт Ігнацій, М. К. Нікалайчук	
1905	У. Р. Шчарбінскі (ён жа настаўнік па прадметах)	Архімандрыйт Яўфіміі (загадчык)	
1908	І. Я. Дыман	Архімандрыйт Явеіміі (загадчык), І. Д. Хвошч	
1910	Той жа	Архімандрыйт Явеіміі (загадчык)	
1912	Той жа	Архімандрыйт Парфірый (загадчык)	
1914	Манах Серафім (загадчык)	М. А. Коцікаў	56 хл.

<i>Чыгуначная школа пры чыгуначнай станцыі Полацк I</i>			
1903	І. Емельяновіч (загадчык)	В. І. Емельяновіч, Я. Р. Аржашкоўская, А. С. Кабяка (спевы)	
1905	Той жа	Н. М. Беляеў, Я. Р. Аржашкоўская	
1910	Той жа	Н. М. Беляеў, В. Бараўкова, А. Харытонава	
1914	Той жа	А. А. Ігнатаў, В. Бараўкова, А. Харытонава, А. С. Кабяка (спевы), А. І. Рыбіцкі (садаводства)	40 хл. 56 дз.

Найбольш распаўсюджанымі на тэрыторыі як павета, так і горада былі 1-класныя ЦПШ, дзе тэрмін навучання складаў 2, а па палажэнні 1903 г. 3 гады. У такіх школах працавала два або тры настаўнікі і выкладаліся Закон Божы (малітвы, свяшчэнная гісторыя, тлумачэнне богаслужэння і кароткі катэхізіс), спевы, руская мова, царкоўна-славянская грамата, пісьмо, арыфметыка і рукадзелле (у жаночых ЦПШ). Адна з ЦПШ ў Полацку і 3 у павеце былі 2-класнымі з 5-гадовым тэрмінам навучання. У такіх школах дадаткова вывучаліся кароткая царкоўная і расійская гісторыя, геаграфія з кароткімі звесткамі аб з'явах прыроды, чарчэнне і па магчымасці маляванне. Полацкая 2-класная школа мела яшчэ і сталарна-такарна-слясарнае аддзяленне, для чаго ў ЦПШ быў запрошаны мясцовы майстар з вопытных рамеснікаў [7]. У 1907—1908 гг. па замове сяляне двух валасных цэнтраў рамесныя класы былі адкрыты і пры іх сельскіх вучылішчах. Увогуле аналіз статыстычных дадзеных дазваляе зрабіць высновы аб працягласці працы педагогаў на адным і тым жа месцы ў ЦПШ. Звычайна гэта 3 і болей гадоў, што садзейнічала ўмацаванню сувязі настаўніка з вучнямі і іх бацькамі і спрыяла больш высокаму ўзроўню педагогічнай і выхаваўчай дзейнасці ў ЦПШ. Але ў асноўным жыццё ЦПШ падпарадкоўвалася царкоўным канонам. Дзеці наведвалі царкоўныя службы, спявалі і чыталі на клірасе і выконвалі неабходныя па царкоўнаму статуту абрады. Напачатку Першай сусветнай вайны ўсе ЦПШ, падначаленыя Полацкаму епархіяльнаму вучылішчнаму савету, былі ўключаны ў школьныя сеткі ўсеагульнай пачатковай адукацыі [3, с. 3—8].

Такім чынам, пачатковая адукацыя, якая з'яўлялася заўсёды асновай і вызначала наступныя ступені адукацыі і выхавання чалавека, на працягу XIX — пачатку XX стст. у Полацку развівалася неаднародна. У першай палове XIX ст., згодна з агульнадзяржаўнай палітыкай, колькасць пачатковых школ была невялікай. У другой палове XIX ст. на развіццё адукацыі ў Полацку і павеце мелі ўздзеянне як прагрэсіўныя рэформы 1860-х гг., так і контррэформы, звязаныя з падаўленнем паўстання 1863—1864 гг. і забойствам Аляксандра II. Гэты перыяд характарызуецца закрыццём адных устаноў (павытовага і прыходскага вучылішч) і адкрыццём новых. Многія з нова адкрытых школ дзейнічалі кароткі час, прычынамі чаго былі ў асноўным праблемы з фінансаваннем. У пачатку XX ст. колькасць як пачатковых, так і сярэдніх навучальных устаноў у горадзе ўзрасла. Былі адкрыты гарадскія і прыходскія вучылішчы, прыватныя прагім-

назіі і школы. Пачатковай адукацыяй дзяцей у сельскай мясцоваці займаліся як МНА, так МДМ і ДВ. Другая палова XIX — пач. XX стст. характарызуецца хуткім ростам народных вучыліш і ЦПШ, актыўнай падрыхтоўкай для пачатковых навучальных устаноў педагагічных кадраў. Але нягледзячы на значныя змены ў лепшы бок у галіне пачатковай адукацыі ў дасавецкі перыяд, пасля змены ўлады і ўсталявання мірнага становішча новая савецкая сістэма працягнула працу па адукацыі насельніцтва як школьнага ўзросту, так і дарослых людзей.

Літаратура

1. Беляев, В. «Хулиганскія» школы в г. Полоцке / В. Беляев // Народное образование в Виленском учебном округе. — Вильня: Типография А. Г. Сыркина, 1901—1915. — 1907. — № 7—8. — Ч. 2.
2. Блинова Е. Е. Развитие начального образования во второй половине XIX века / Е. Е. Блинова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2011. — Вып. 1. — Т. 55. — с. 134—136. [Электронны рэсурс]. — Народное образование. Педагогика — Рэжым доступу: <http://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-nachalnogo-obrazovaniya-vo-vtoroy-polovine-xix-v> — Дата доступу: 13.11.2014.
3. Васович, С. М. Церковные школы ведомства православного исповедания в Полоцкой епархии в 30-х гг. XIX — 1914 г. / С. М. Васович / Вестник Брестского государственного технического университета. — Брест, 2004. — № 6. — С.3—8.
4. Горидец, В. В. Развитие народного просвещения на территории Полоцко-Витебской епархии (XIX—XX в.) [Электронны рэсурс]. — Полоцко-Витебская епархия. — Рэжым доступу: <http://www.deephistory.ru/dhs-502-1.htm>. — Дата доступу: 10.01.2014.
5. Доклад Земской Управы // Полоцкие Епархиальные Ведомости. — 1913. — 5—12 декабря.
6. Лиманов А. Образовательная реформа XIX века как основа советской научно-технической революции [Электронны рэсурс]. — Рэжым доступу: www.center-witte.ru. — Дата доступу: 10.01.2014.
7. Лабачэўская, В. А. Зберагаючы самабытнасць / 3 гісторыі народнага мастацтва і прамысловасці Беларусі. — Мінск, 1998.
8. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). Фонд 2564. — Воп. 1. — С. 177. Годовой отчёт о состоянии церковно-приходских школ за 1914—1915 гг.
9. НГАБ. Фонд 3068. — Воп. 1. — С. 11. Договор между А. М. Каменской и уполномоченным Витебской Дирекции Народных училищ старшим учителем Полоцкой мужской приходского МНП училищем И. Я. Эвелем. 1911 г.
10. НГАБ. Фонд 2564. — Воп. 1. — С. 17. Доклад Полоцкой Земской Управы 3-у Земскому Собранию. 1913.
11. НГАБ. Фонд 2523. — Воп. 1. — С. 1. Маршруты кварталов г. Полоцка за 1863 г.
12. НГАБ. Фонд 3068. — Воп. 1. — С. 11. Отчёт Полоцкого приходского мужского училища за 1915 г.

13. НГАБ. Фонд 3068. — Воп. 1. — С. 11. Протокол экзаменационной комиссии от 28 мая 1912 г.
14. НГАБ. Фонд 2564. — Воп. 1. — С. 17. Сведения о частных учебных заведениях в г. Полоцке, домашних учителях, гувернёрах и гувернантках. 1863 г.
15. НГАБ. Фонд 3068. — Воп. 1. — С. 11. Счета Витебской Дирекции Народный училищ потребителю. 1916 г.
16. Очерки низших учебных заведений Витебской губернии / Памятная книжка Витебской губернии на 1885 год. — Витебск: Губернская типография, 1885.
17. Памятная книжка Витебской губернии на 1886 г. — Витебск: Губернская типография, 1912.
18. Памятная книжка Витебской губернии на 1912 год. — Витебск: Губернская типография, 1912. — 502 с.
19. Памятная книжка Витебской губернии на 1914 г. — Витебск: Губернская типография, 1914.
20. Полоцкая жизнь // Полоцкий листок. — 1913. — № 4. — 10 ноября.
21. Путеводитель по городу Полоцку / Полоцк: Типография Х.В. Клячко, 1910. — 24 с.
22. Развитие начального женского образования в западных губерниях Российской империи во второй половине XIX — начале XX вв. [Электронны рэсурсы]. — Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт — Рэжым доступу: <http://www.deephistory.ru/dhs-502-1.htm>. — Дата доступу: 13.09.2014.

В. В. Гаврилов

ЭЛЕКТРОННЫЙ КАТАЛОГ ИЗОБРАЖЕНИЙ КОЗЬЯНКОВСКОГО КЛАДА АРАБСКИХ КУФИЧЕСКИХ ДИРХАМОВ IX—X ВЕКОВ ИЗ МУЗЕЙНОГО СОБРАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ПОЛОЦКОГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

В музейном собрании Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника хранится крупнейший денежный депозит Древней Руси — Козьянковский клад куфических дирхамов IX—X вв. Основная часть клада — 7 650 монет (КП6-2824/1—7420, КП6-2839/1—160, КП6-2844/1—34, КП6-2851/1—36) поступила в фонды музея-заповедника вскоре после обнаружения в 1973—1974 гг., позднее к ним было добавлено ещё 13 монет (КП12-7954—7956, КП12-8134—8137 и КП17-18510—18515), поступивших из частных коллекций при посредничестве Валентина Наумовича Рябцевича. Таким образом, в музее-заповеднике всего хранится 7 663 монеты клада. Общий (лигатурный) вес дирхамов составляет 19 893,8 г, чистый вес — 19 113,3 г серебра 960 пробы. Младшей монетой клада является дирхам Саманида Нуха ибн Насра, битый в

Самарканде в 333 году хиджры (944/945 г.), что позволяет определить время сокрытия клада не позднее второй половины 940-х гг. [5, с. 261]

Козьянковский клад является крупнейшим из сохранившихся до наших дней и доступных для изучения восточноевропейских кладов арабского монетного серебра эпохи викингов. Клад был обнаружен 24 апреля 1973 г. при пахоте на правом берегу Западной Двины у деревни Козьянки, примыкающей к юго-западной окраине города Полоцка. Археологическая разведка, произведённая В. Н. Рябцевичем на месте находки, показала, что клад был упакован в бересту и сокрыт в месте, лишённом культурного слоя. Значительная часть клада была расхищена непосредственно после его обнаружения [6].

Клад содержит куфические дирхамы Арабского халифата, эмитированные в Северной Африке, на Ближнем Востоке, в Закавказье, Иране, Афганистане и Центральной Азии. Куфические дирхамы представляют собой тонкие серебряные монеты диаметром около 25—30 мм, на аверсе и реверсе которых находятся легенды. В центральной части обеих сторон дирхама помещены строчные легенды, содержащие благочестивые изречения и имена правителей, в обязательных круговых легендах этих монет — продолжение изречений и сведения о месте и где чекана. Само название «куфические дирхамы» — это арабизированное название греческой денежной единицы драхмы, а эпитет — от письма «куфи», возникшего в иракском городе ал-Куфа в конце VII в. и применявшегося для исполнения легенды на монетах Арабского халифата.

Первоначальное изучение клада было осуществлено в 1992 г. заведующим Нумизматическим кабинетом Белорусского государственного университета Валентином Наумовичем Рябцевичем и старшим научным сотрудником Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа Игорем Георгиевичем Добровольским. По результатам исследований вышел ряд статей под авторством В. Н. Рябцевича и И. Г. Добровольского, но полного изучения клада и публикации материалов так и не было осуществлено. Основными статьями о Козьянковском кладе до начала исследований 2009—2011 гг. были [7; 4, с. 21—24]:

- Рабцэвіч В. Н., Стуканаў А. А. Манеты Арабскага Халіфата на тэрыторыі Беларусі // Помнікі культуры і гісторыі Беларусі. 1973. № 4;
- Рябцевич В. Н. Козьянковский клад // Археологические открытия 1973 года. М., 1974;
- Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К. Граффити на восточных монетах. Л., 1991;
- Рабцэвіч В. Н. Казьянкаўскі манетны скарб // Археалогія і нумізматэка Беларусі: Энцыкл. Мн., 1993;
- Добровольский И. Г., Рябцевич В. Н. Козьянковский клад куфических монет // Тезисы докладов и сообщений I Всероссийской нумизматической конференции (Вологда, 18—21 мая 1993). Вологда, 1993;
- Рябцевич В. Н. Козьянковский клад (предварительные итоги исследования) // Тэзісы дакладаў і паведамленняў Усебеларускай канферэнцыі гісторыкаў «Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь (новыя канцэпцыі і падыходы)» (Мінск, 3—5 лютага 1993). Ч. I. Мн., 1993;

- Добровольский И. Г., Рябцевич В. Н. Козьянковский клад куфических дирхамов (основные результаты исследований) // Матэрыялы II Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі «Ісламская культура татараў-мусульман Беларусі, Літвы і Польшчы і яе ўзаемадзеянне з беларускай і іншымі культурамі» (Мінск, 19—20 мая 1995). Ч. 2. Мн., 1996;
- Добровольский И. Г., Рябцевич В. Н. Козьянковский клад куфических дирхамов // Materiały z II Międzynarodowej Konferencji Numizmatycznej «Rozwój muzealnictwa i kolekcjonerstwa numizmatycznego — dawniej i dziś — na Białorusi, Litwie, w Polsce i Ukrainie» (Supraśl, 5—7 IX 1996). Warszawa, 1997;
- Рябцевич В. Н. Дирхамы Арабского халифата в денежном хозяйстве Полоцкой земли (IX—X вв.) // Славяне и их соседи: археология, нумизматика, этнология. Мн., 1998;
- Добровольский И. Г., Рябцевич В. Н. Козьянковский клад куфических дирхамов // Труды VI Международного конгресса по славянской археологии (Новгород, 26—31 августа 1996) Т. 5. М., 1999;
- Рябцевич В. Н. Имитации куфических дирхамов в кладе, найденном у деревни Козьянки Полоцкого района // Матэрыялы Рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай 65-годдзю заснавання гістарычнага факультэта Белдзяржуніверсітэта «Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь: стан і перспектывы развіцця» (25 лістапада 1999). Мн., 1999;
- Рябцевич В. Н. Козьянковское сокровище // Матэрыялы IV Міжнароднай навуковай канферэнцыі «Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі» (Полацк, 23—24 кастрычніка 2002). Полацк, 2002;
- Рябцевич В. Н. Козьянковское сокровище // Нумизматический альманах. 2005. № 1;
- Рябцевич В. Н. Разбойничья казна X века // Банкаўскі веснік. 2006. № 1;

Изучение уникального Козьянковского клада после 1992 г. велось не систематически, единичные обращения исследователей к монетам клада не позволяли полно и всеобъемлюще ввести в научный оборот этот нумизматический источник. В начале 2009 г. в рамках научно-исследовательской работы «Историко-технологическая экспертиза Козьянковского клада куфических дирхамов IX—X вв. из собрания Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника: создание научного каталога» № Г09-217 Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований комплексная работа по изучению клада была продолжена. Исследования проводились с апреля 2009 г. по март 2011 г. сотрудниками НПИКМЗ — заместителем директора по научной работе Т. А. Джумантаевой, главным хранителем фондов И. Е. Песиной, старшим научным сотрудником Е. М. Галюк, заведующим научно-информационным отделом В. В. Гавриловым, с участием научного сотрудника Государственного Эрмитажа Вяч. С. Кулешова, совместно с С. Н. Райковым, главным научным сотрудником Института физики им. Б. И. Степанова НАН Беларуси.

Первым этапом работы было исследование композиционного состава Козьянковского клада, которое проводил Вячеслав Сергеевич Кулешов совместно с сотрудниками музея-заповедника. На основании первичных исследований В. Н. Рябцевича и И. Г. Добровольского была подготовлена электронная инвентарная опись монет клада. Были заново просмотрены и сверены, в первую очередь, все монеты чеканенные вне пределов государства Саманидов (в основном монеты 'Аббасидов, Саффаридов и подражания), а также те из саманидских монет, атрибуция которых у В. Н. Рябцевича и И. Г. Добровольского вызвала затруднения и породила те или иные проблемы. Всего было просмотрено 1079 монет: некоторые из них удалось определить точнее, отдельные монеты были переатрибутированы.

На втором этапе доктором физико-математических наук Сергеем Николаевичем Райковым была проведена экспериментальная материаловедческая часть исследований. Она состояла в применении новейших историко-технологических методов исследования на основе лазерной материаловедческой экспертизы материала монет с целью всестороннего и детального обоснования механизма и сопутствующих факторов образования данного историко-культурного памятника, выяснения его структуры и физико-химических характеристик отдельных предметов, уточнения датировок и локализации создания (происхождения) его составляющих. Работа выполнялась на современных лазерных спектрометрах коллективного пользования после их частичной модернизации и оптимизации применительно к конкретной решаемой задаче.

Важнейшими особенностями лазерного метода спектрального анализа являются [1]:

- экспрессный анализ в режимах практически неразрушающего контроля, реального времени, *in situ*;
- отсутствие или минимальная предварительная подготовка пробы;
- высокая локальность и возможность определения элементного состава микроколичеств вещества (микроанализ);
- стехиометрическое (практически безизбирательное) испарение образца;
- исключение изменения первоначального элементного состава пробы;
- проведение одновременного многоэлементного анализа, а также определение макро-, микро- и следовых содержаний элементов. [1, с. 27]

В экспериментах по установлению компонентного состава монет Козьянковского клада куфических дирхамов методически проводились измерения как поверхностного слоя, так и состава непосредственно самого металла, из которого изготовлены монеты. Учитывая долгий срок хранения клада в земле, состав поверхностного слоя и основного материала могут немного отличаться. Всего было проанализировано 500 монет Козьянковского клада, и на основе полученных результатов была составлена Таблица компонентного состава монет Козьянковского клада (см. таблицу) [1, с. 31—39].

Таблица компонентного состава монет Козьянковского клада (фрагмент).

Идентификационный номер монеты	Ag	Al	Ca	Cu	Fe	Mg	Pb	Si	Sn	Zn
КП6-2824/1	92,09	0,28	0,2	5,02	0,29	0,23	0,61	0,23	0,45	0,62
КП6-2824/2	97,126	0,021	0,106	0,045	2,119	0,123	0,031	0,323	0,028	0,078
КП6-2824/3	95,785	0,016	0,034	0,024	3,568	0,045	0,032	0,415	0,028	0,054
КП6-2824/4	94,9	0,39	0,15	2,43	0,36	0,11	0,53	0,17	0,28	0,68
КП6-2824/5	93,49	0,38	0,18	3,03	0,62	0,19	0,74	0,2	0,51	0,67

Полученные в результате научно-исследовательской работы 2009—2011 гг. новые сведения о композиции и химическом составе монет Козьянковского клада были введены в научный оборот в ряде публикаций:

- Кулешов Вяч. С. «Рунический дирхам» из Козьянковского клада // *Acta Archaeologica Albaruthenica*. Вып. 5. Мн., 2009;
- Кулешов Вяч. С. Новые данные о композиции Козьянковского клада // *Полацкі музейны штогоднік: зборнік навуковых артыкулаў за 2010 г.* Полацк, 2011;
- Кулешов Вяч. С. Новые данные о композиции Козьянковского клада // *Studia Numismatica Albaruthenica*. Вып. 1. Мн., 2011;
- Кулешов Вяч. С. Редкие и примечательные 'аббасидские дирхамы последней трети IX и начала X веков из Козьянковского клада // *Матэрыялы VI Міжнароднай навуковай канферэнцыі «Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі» (1—3 лістапада 2012).* Ч. 1. Полацк, 2013;

Во время исследований впервые был создан полный «фотобанк изображений» — были сфотографированы аверсы и реверсы всех дирхамов Козьянковского клада, что в сумме составило 15 320 изображений. Это позволило большему числу исследователей работать с монетами Козьянковского клада без физического контакта.

По результатам проделанной научно-исследовательской работы был создан «Электронный каталог изображений Козьянковского клада арабских куфических дирхамов IX—X веков из музейного собрания Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника» (рис. 1) [8]. Он представляет собой DVD-диск увеличенной ёмкости (Double Layer, около 8 ГБ), который содержит всю базу изображений дирхамов (7 663 монеты) и «Инвентарную опись монет клада», выполненную Вяч. С. Кулешовым на основании записей В. Н. Рябцевича и Н. Г. Добровольского. Созданный программный продукт работает непосредственно с диска без установки дополнительных программ и данных на компьютер пользователя. Разработанная оболочка электронного каталога позволяет по идентификационному номеру монеты отыскать информацию о дирхаме и отобразить аверс и реверс монеты. Тайтловая технология Zoomify, используемая для вывода изображения, позволяет увеличивать

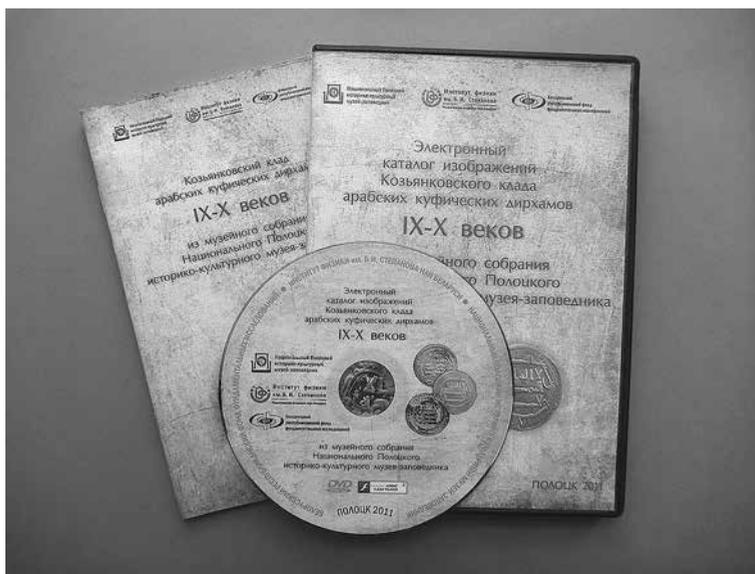

Рис. 1. Электронный каталог изображений Козьянковского клада арабских куфических дирхамов IX–X веков из музейного собрания Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника

и уменьшать изображения до нужного масштаба и в то же время делает невозможным прямое копирование изображения, предотвращая бесконтрольное распространение авторских изображений монет. Используемые технологии программирования позволяют без существенных затрат перенести весь каталог изображений в сеть Интернет.

Вместе с диском выпущена брошюра «Козьянковский клад арабских куфических дирхамов IX–X веков из музейного собрания Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника» (Полоцк: НПИКМЗ. 2011. 40 с.) со статьями об исследовании Козьянковского клада [3]. В неё вошли работы:

- Рябцевич В. Н. Разбойничья казна X века; [6]
- Кулешов Вяч. С. Новые данные о композиции Козьянковского клада; [4]
- Бельков М. В., Райков С. Н. Современные методы определения химического состава твердотельных материалов. [1]

В мае 2011 г. в Минске проходила XV Ежегодная международная конференция «Культурное наследие и информационные технологии. АДТИТ–2011», в рамках которой состоялся конкурс музейных мультимедиа проектов, созданных специалистами Республики Беларусь и КАМИС-клуба. По его результатам DVD-диск «Электронный каталог изображений Козьянковского клада арабских куфических дирхамов IX–X веков из музейного собрания Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника» был удостоен диплома 13 Музейного компьютерного фестиваля «Культурное наследие в цифровых технологиях. АДТИТ-ПРЕМИЯ» как лучший проект в номинации «Каталог». [2]

Список литературы и источников

1. Бельков, М. В. Современные методы определения химического состава твердотельных материалов / М. В. Бельков, С. Н. Райков // Козьянковский клад арабских куфических дирхамов IX—X веков из музейного собрания Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника. — Полоцк: НПИКМЗ, 2011. — С. 26—39.
2. Голесник, С. 8 гигабайт серебра / С. Голесник // Советская Беларусь. — № 23813, 8 сентября 2011. — С. 11.
3. Козьянковский клад арабских куфических дирхамов IX—X веков из музейного собрания Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://polotsk.museum.by/node/25135>. — Дата доступа: 24.09.2018.
4. Кулешов, Вяч. С. Новые данные о композиции Козьянковского клада / Вяч. С. Кулешов // Козьянковский клад арабских куфических дирхамов IX—X веков из музейного собрания Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника. — Полоцк: НПИКМЗ, 2011. — С. 10—25.
5. Кулешов, Вяч. С. Новые данные о композиции Козьянковского клада / Вяч. С. Кулешов // Полацкі музейны штогоднік: (зборнік навуковых артыкулаў за 2010 г.). — Полацк: НПКМЗ, 2011. — С. 261—275.
6. Рябцевич, В. Н. Разбойничья казна X века / В. Н. Рябцевич // Козьянковский клад арабских куфических дирхамов IX—X веков из музейного собрания Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника. — Полоцк: НПИКМЗ, 2011. — С. 3—9.
7. Синчук, И. Библиография работ В. Н. Рябцевича 1963—2011 гг. / Стрелец М. В., Баюра А. Н. Гордость белорусской науки: Валентин Наумович Рябцевич (1934—2008) // Numizmatika. Т. 9—12. Metraštis 2008—2011. — Vilnius, 2012. — P. 320—330.
8. Электронный каталог изображений Козьянковского клада арабских куфических дирхамов IX—X веков из музейного собрания Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. (7,62 Гб). — Полоцк: НПИКМЗ, 2011. — 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM DL).

С. В. Гаўрылава

НАРОДНАЯ ГАСПАДАРКА Г. ПОЛАЦКА Ё ПЕРЫЯД 6-Й ПЯЦІГОДКІ І СЯМІГОДКІ (1956—1965 ГГ.)

Па заканчэнні аднаўленчага перыяду (1945—1955 гг.) кіраўніцтва СССР узяло курс на фарміраванне адзінага народнагаспадарчага комплексу краіны. На XX з’ездзе КПСС у 1956 г. была прынята праграма, рэалізацыя якой павінна была забяспечыць бесперапынны тэхнічны прагрэс, хуткі рост прадукцыйнасці працы, развіццё стратэгічна важных галін прамысловасці і, як вынік, павышэнне ўзроўню жыцця савецкага народа [7, с. 435]. Выкананне шостага пяцігадовага плана (1956—1960 гг.) павінна было забяспечыць далейшае магутнае развіццё вытворчых сіл краіны, пераход народнай гаспадаркі на больш высокі тэхнічны ўзровень вытворчасці, павышэнне ўсіх якасных паказчыкаў і

паляпшэнне гаспадарчага кіраўніцтва. У БССР пачаўся працэс станаўлення індустрыяльнага грамадства, які вызначаўся спецыялізацыяй і аўтаматызацыяй вытворчасці, арыентацыяй на рынак, НТР і ўрбанізацыяй.

Аднак шостая пяцігодка скончана так і не была. Шматлікія эканамічныя праблемы, якія выходзілі па-за межы прынятага плана, прывялі да таго, што ў студзені 1959 г. на XXI з'ездзе КПСС быў адобраны сямігадовы план развіцця народнай гаспадаркі на 1959—1965 гг., які прадугледжваў развіццё вытворчых сіл, уздым усіх галін эканомікі, значнае павышэнне ўзроўню жыцця насельніцтва. Асобая ўвага ў ім надавалася развіццю высокатэхналагічных вытворчасцяў, рэалізацыі сельскагаспадарчай праграмы.

У выніку «хрушчоўскай індустрыялізацыі» (1955—1965 гг.) беларуская рэспубліка пераўтварылася ў адзін з цэнтраў машына-, станка- і прыборабудавання, электронікі, хімічнай вытворчасці і нафтаперапрацоўкі, значна павысіўся ўзровень дабрабыту грамадзян, а працягласць жыцця беларусаў стала адной з самых высокіх у свеце (73 гады) [2, с. 58].

ПРАМЫСЛОВАСЦЬ. Немалаважная роля ў эканамічным уздыме БССР у адзначаны перыяд адводзілася г. Полацку. Адна з самых буйных будоўляў горада ў разглядаемы перыяд была распачата з пачаткам шостага пяцігодкі. Для задавальнення патрэб электратэхнічнай, хімічнай і авіяцыйнай прамысловасці 11 верасня 1956 г. распараджэннем Савета Міністраў БССР № 1190-р было зацверджана праектнае заданне на будаўніцтва завода шкловалакна ў г. Полацку на базе распачатага будаўніцтва швейнай фабрыкі, і ўжо 1 кастрычніка пачалося яго ажыццяўленне. 27 сакавіка 1957 г. новабудоўля атрымала найменне «Полацкі завод шкловалакна». Першая чарга завода была ўведзена ў эксплуатацыю 27 лістапада 1958 г. [1, с. 89]. У 1962 г. была ўведзена 2-я чарга, што дазволіла павялічыць аб'ём вытворчасці ў 2,5 разы [5, с. 247]. У 1965 г. калектыў полацкага завода заняў 1-е месца сярод заводаў шкловалакна Савецкага Саюза.

У 1958 г. у народнай гаспадарцы рэспублікі была выдзелена новая галіна — нафтаперапрацоўчая прамысловасць. У сувязі з гэтым 16 чэрвеня 1958 г. была прынята Пастанова ЦК КПБ і Савета Міністраў БССР № 415, якая зацвердзіла пачатак будаўніцтва Полацкага нафтаперапрацоўчага завода. Першая чарга завода была ўведзена ў эксплуатацыю 30 снежня 1962 г. [1, с. 79]. Будаўніцтва буйнейшага ў тагачаснай Еўропе прамысловага вузла на беразе р. Заходняя Дзвіна ў раёне в. Слабада Полацкага раёна (за 13 км ад горада) было аб'яўлена Усесаюзнай ударнай камсамольскай будоўляй, для якой быў спецыяльна ўтвораны будаўнічы трэст № 16 «Нафтабуд» Міністэрства будаўніцтва БССР. У чэрвені 1958 г. прыступіў да працы першы атрад маладых будаўнікоў [1, с. 169].

Разам з будаўніцтвам прадпрыемства ішло стварэнне інфраструктуры тады яшчэ пасёлка Полацкі. К 1961 г. былі пабудаваны Полацкая ЦЭЦ (на падставе распараджэння СНГ БССР ад 18 красавіка 1961 г. — Полацкая ЦЭЦ № 2 [1, с. 80]), каля 10 тыс. м² жылой плошчы, лазня, дзіцячы садок, школа на 250 месцаў, камбінат бытавога абслугоўвання. Згодна з загадам Міністэрства вышэйшай, сярэдне-спецыяльнай і прафесійнай адукацыі БССР ад 1 снежня 1959 г. № 133 быў утвораны Полацкі філіял Мінскага політэхнічнага тэхнікума. Пастановай Савета Міністраў БССР ад 5 ліпеня 1963 г. філіял быў пераўтвораны ў Полацкі нафтавы тэхнікум [1, с. 239]. З увядзеннем у эксплуатацыю ў

пачатку 1963 г. нафтаперапрацоўчага завода (9 лютага быў выпушчаны першы беларускі бензін) пасёлак пераўтварыўся ў буйны прамысловы цэнтр з амаль 15-тысячным насельніцтвам. У выніку Указам Прэзідыума Вярхоўнага Савета Беларускай ССР ад 14 снежня 1963 г. пасёлак Полацкі быў пераўтвораны ў горад Наваполацк [3, с. 703] і аднесены да катэгорыі гарадоў абласнога падпарадкавання. Гэта адзін з фактаў, які характарызуе працэс урбанізацыі ў БССР.

Пераход на больш высокі тэхнічны ўзровень выклікаў маштабную рэканструкцыю многіх полацкіх прадпрыемстваў. У канцы 1957 г. у лік дзеючых быў уведзены Полацкі рамонтны завод, утвораны з рэарганізаванай Полацкай міжраённай майстэрні капітальнага рамонту. На падставе Пастановы СНГ БССР ад 12 снежня 1959 г. № 1445-р прадпрыемства было перайменавана ў Полацкі аўтарамонтны завод [1, с. 84]. Павелічэнне будаўніцтва ў горадзе абумовіла неабходнасць пашырэння і мадэрнізацыі цагельнага завода, які быў пераўтвораны ў камбінат будматэрыялаў, павялічыўшы к 1962 г. магутнасць у 3 разы. У 1961 г. пачалося будаўніцтва гармалзавода і мясакамбіната. У 1964 г. быў уведзены Полацкі малочны завод на 50 тон перапрацоўкі малака за змену, у 1965 г. быў збудзены новы мясакамбінат магутнасцю 35 тон перапрацоўкі мяса і 5 тон каўбасных вырабаў за змену, з халадзільнікам умяшчальнасцю 1800 тон. Новыя цэхі безалкагольных напояў, кандытарскіх і пладова-агароднінних вырабаў былі адкрыты на кансервавым заводзе, цэх перапрацоўкі — на вінзаводзе [5, с. 247]. У 1965 г. новыя карпусы атрымалі камбінат хлебапрадуктаў, кансервавы завод.

Працэс павелічэння вытворчых магутнасцяў рэспублікі суправаджаўся ліквідацыяй прадпрыемстваў прамысловай кааперацыі (т. зв. арцеляў), якая адбывалася ў два этапы. Першым этапам было прыняцце Пастановы ЦК КПСС і Савета Міністраў СССР ад 14 красавіка 1956 г. «Аб рэарганізацыі прамысловай кааперацыі», у якой адзначалася, што многія прадпрыемствы прамкааперацыі «перестали носить характер кустарно-кооперативного производства и по существу не отличаются от предприятий государственной промышленности», а перадача буйнейшых прадпрыемстваў у дзяржсектар павінна была ўмацаваць тэхнічную і працэрэсурную базу галін, у якія яны ўваходзілі. Дробныя ж прадпрыемствы не ўпісваліся ў такую вытворчую структуру і Пастановай ЦК КПСС і Савета Міністраў СССР ад 20 ліпеня 1960 г. № 784 увогуле як асобная галіна былі ліквідаваны [4, с. 117—118, 121]. Так, на базе ліквідаванай арцелі «Чырвоны маяк» была ўтворана Полацкая швейная фабрыка (загад Міністэрства лёгкай прамысловасці БССР ад 7 чэрвеня 1956 г. № 83) [1, с. 97], арцелі «Харчавік» — Полацкі гарадскі харчовы камбінат № 1 (Пастанова Савета Міністраў БССР ад 3 чэрвеня 1956 г. № 376) [1, с. 106], арцелі «Чырвоная вышывальшчыца» — Полацкая фабрыка мастацкіх вырабаў (загад Беларускага рэспубліканскага трэста мастацкіх промыслаў ад 27 верасня 1960 г. № 3) [1, с. 109]. Полацкая мэблевая фабрыка пачала працаваць з 18 чэрвеня 1956 г. на базе мэблевай арцелі «Парыжская камуна» [1, с. 93], завод металафурнітуры — на базе ліквідаванай металаапрацоўчай арцелі.

Адначасова з тым адбываўся працэс узбуйнення існаваўшых прадпрыемстваў. Яшчэ ў 1953 г. адпаведны цэх Полацкага гарадскога харчовага камбіната быў рэарганізаваны ў Піваварны завод Полацкага гархарчкамбіната, а ў красавіку 1957 г. ён быў выдзелены на самастойны баланс як Полацкі піва-

варны завод. Адначасова з тым Полацкі гархарчкамбінат № 1 быў аб'яднаны з Полацкім гархарчкамбінатам № 2 і згодна з рашэннем Віцебскага аблвыканкама ад 21 лістапада 1960 г. № 790 быў перайменаваны ў Полацкі кансервавы завод [1, с. 106]. У лістападзе 1964 г. у склад Полацкага мясакамбіната на правах філіяла ўвайшоў ліквідаваны загадам Упраўлення мясной прамысловасці СНХ БССР ад 17 лістапада 1964 г. № 208 Полацкі птушкакамбінат [1, с. 99]. На базе ліквідаванай Полацкай рэалізацыйнай базы хлебапрадуктаў 15 студзеня 1965 г. быў утвораны Полацкі мукамольны камбінат № 20 [1, с. 98].

У 2-й палове 1950-х — 1-й палове 1960-х гг. адбывалася бесперапыннае тэхнічнае ўдасканаленне прамысловай вытворчасці. Ва ўсіх яе галінах ствараліся механізаваныя і аўтаматызаваныя лініі, участкі, цэхі. Згодна з планам сямігодкі ў 1959—1960 гг. у Полацку ажыццяўлялася капітальнае будаўніцтва, прадпрыемствы забяспечваліся новым высокапрадукцыйным абсталяваннем, пашыраліся вытворчыя плошчы. Толькі за першыя 3,5 гады сямігодкі на прадпрыемствах горада ўкаранілі 1083 адзінкі больш дасканалых тэхналагічнага абсталявання, 30 паточных і канвейрных ліній, мадэрнізавалі 265 адзінак абсталявання [6]. Гэта дазволіла к канцу сямігодкі павысіць прадукцыйнасць працы па горадзе на 53,5% [5, с. 247].

Працэс удасканалення вытворчасці суправаджаўся развіццём такой формы працоўнай актыўнасці, як рацыяналізатарства. Колькасць рацпрапаноў, якія ўносілі працоўныя, расла штогод, як і колькасць укаранёных у вытворчы працэс удасканаленняў, і свайго піку гэты працэс дасягнуў у сярэдзіне сямігодкі. Так, у 1959 г. было ўкаранёна 432 рацпрапановы, у 1963 г. — 1507, а ў 1965 г. — 486 [6]. Прымененыя новаўвядзенні давалі значны эканамічны эфект, які мог дасягаць 1/5 бюджэтных прыбыткаў горада. Важную ролю ў развіцці рацыяналізатарскага руху на прадпрыемствах горада ігралі грамадскія канструктарскія бюро (ГКБ). У лістападзе 1960 г. Цэнтральнае ГКБ і 4 цэхавыя пачалі працаваць на заводзе шкловалакна. К пачатку 1962 г. на прадпрыемствах і будоўлях горада налічвалася ўжо 11 ГКБ. Усімі ГКБ было распрацавана каля 100 новых канструкцый па мадэрнізацыі існаваўшага абсталявання. Толькі на заводзе шкловалакна за сямігодку ўкаранілі ў вытворчасць 1055 рацпрапаноў з умоўным эканамічным эфектам 800 тыс. руб. [5, с. 249]. Па прыкладу аршанскіх станкабудаўнікоў у Полацку было створана 6 грамадскіх нарміровачных бюро [5, с. 250].

Працоўныя Полацка актыўна пераймалі вопыт калектываў з іншых гарадоў СССР. Так, напрыклад, з мэтай вывучэння і ўкаранення новых метадаў працы рабочыя і інжынерна-тэхнічны персанал швейнай фабрыкі выязджалі на швейныя прадпрыемствы Масквы, Ленінграда, Адэсы і інш. гарадоў. Прадукцыя полацкай фабрыкі пастаўлялася не толькі на рэспубліку, але і за яе межы [5, с. 231].

Новае абсталяванне стварала спрыяльныя ўмовы для асваення новых відаў прадукцыі і павелічэння выпуску штогод. Калі ў перыяд шостага пяцігодкі большая ўвага надавалася павелічэнню выпуску такіх найважнейшых відаў прадукцыі, як электраэнергія, будматэрыялы і прылады працы, то ў перыяд сямігодкі — мэблі, харчавання, швейных вырабаў, прадметаў бытавога значэння. У 1960 г. прамысловыя прадпрыемствы выпускалі больш за 400 найменняў прадукцыі, быў асвоены выпуск 62 новых відаў. У 1962 г. было асвоена

29 відаў новых вырабаў, 26 відаў мастацкай вышыўкі, 116 новых мадэляў жаночага адзення, 2 віды шклотканіны і г.д. У 1965 г. — 78 новых відаў прадукцыі і 63 мадэлі швейных вырабаў [6].

Пераўтварэнні ў сферы прамысловасці забяспечылі штогадовае перавыкананне планаў вытворчасці і рост асноўных эканамічных паказчыкаў. Так, гадавы план прамысловай вытворчасці прадпрыемствамі горада за першы год шостага пяцігодкі быў выкананы на 100,4%, у наступным 1957 г. — ужо на 108% [6]. У пачатку 1960-х гг. тэмпы прыросту вытворчасці ўстанавіліся прыкладна на адным узроўні: у 1962 г. — 103,7%, у 1963 г. — 103,8%, у 1964 г. — 104,5%, у 1965 г. — 104,1% [6]. За кошт перавыканання планаў прамысловасць Полацка ў 1957 г. дала звыш плана прадукцыі на 14,1 млн руб., у 1958 г. — на 33 млн руб., у 1959 г. — 24,2 млн руб., у 1960 г. — на 24,9 млн руб., у 1961—1965 гг. — у сярэднім на 2,1 млн руб. [6]. Такая розніца ў лічбах абумоўлена грашовай рэформай 1961 г., калі грашовыя знакі былі заменены на новыя ў суадносінах 1 : 10. Агульны тэмп росту вытворчасці ў Полацку быў значна вышэй за сярэднія паказчыкі па рэспубліцы і за сямігодку склаў у сярэднім каля 30% штогод.

Аднымі з галоўных тагачасных эканамічных паказчыкаў лічыліся прадукцыйнасць працы і сабекошт прадукцыі, павелічэнне якіх адбывалася паступова ў адрозненне ад росту тэмпаў прамысловай вытворчасці. Так, план росту прадукцыйнасці працы ў 1957 г. быў выкананы на 101,1%, у 1959 г. — на 100,2%, у 1961 — на 104%, у 1962 г. — на 101,8%, у 1965 г. прадукцыйнасць працы ўзрасла на 6,8% [6]. Пры гэтым калі ў 2-й палове 1950-х — пач. 1960-х гг. назіралася павольнае зніжэнне сабекошту таварнай прадукцыі: 1956 г. — на 0,3%, у 1963 г. — на 0,6%, то к сярэдзіне 1960-х гг. зніжэнне было больш значным: у 1964 г. — на 1,1%, у 1965 г. — на 1,5% [6].

Скачок, які адбыўся ў прамысловасці ў канцы 1950-х гг., паўплываў на рост аб'ёму вытворчасці. Да прыкладу, у 1956 г. ён склаў 7,1% у параўнанні з папярэднім годам, у 1960 г. — ужо 33,1%. [6] У перыяд выканання сямігадовага плана тэмпы прыросту значна апырэдзвалі кантрольныя лічбы. Так, аб'ём вытворчасці валавай прадукцыі за першыя 2 гады сямігодкі ўзрос на 58,4% замест 22% па кантрольных лічбах, а сярэднягадавы тэмп прыросту прамысловай прадукцыі за той жа перыяд склаў 29,2% замест 11% па плану сямігодкі. Ужо ў 1960 г. быў дасягнуты ўзровень, прадугледжаны на 1963 г. За 1959—1961 гг. было выпушчана прамысловай прадукцыі на 23 млн. руб. больш, чым было запланавана сямігадовым планам, што было роўна ўсёй вытворчасці за 1958 г. Узровень выпуску прадукцыі, запланаваны на канец сямігодкі, у 1963 г. быў перавышаны на 58%, а ў 1964 г. — на 36,4% [6].

Менавіта ў перыяд сямігодкі на першы план у сацыялістычных спаборніцтвах выйшлі такія эканамічныя паказчыкі, як зніжэнне сабекошту прадукцыі, паляпшэнне якасці і інш. Адною з галоўных формаў сацспраборніцтва стаў рух за камуністычныя адносіны да працы, акрамя таго працоўныя калектывы спаборнічалі за датэрміновае выкананне вытворчых планаў і дастойную сустрэчу знамянальнай даты (40 год УЛКСМ, 40 год Кастрычніцкай рэвалюцыі і інш.). Так, у 1962 г. на 28 прадпрыемствах горада працавала 9 тыс. рабочых, многія з якіх уключыліся ў сацыялістычнае спаборніцтва за дастойную сустрэчу 1100-годдзя Полацка [6].

БЮДЖЭТ. Рост эканомікі спрыяў штогадоваму павелічэнню бюджэту горада, асваенне якога перавышала 100%. У 1956—1965 гг. з бюджэту выдаткоўваліся сродкі на развіццё «народнай гаспадаркі» — сферы матэрыяльнай вытворчасці, да якой адносіліся такія галіны народнай гаспадаркі, як прамысловасць, гандаль і грамадскае харчаванне, будаўніцтва, транспарт, сувязь і інш., і фінансаванне «сацыяльна-культурных мерапрыемстваў» — невытворчай сферы, якая ўключала народную адукацыю, ахову здароўя, сацыяльнае забеспячэнне, культуру, спорт і інш. Калі на пачатку шостага пяцігодкі на народную гаспадарку выдзялялася каля 20% бюджэтных сродкаў, то ў канцы сямігодкі на гэтую графу выдаткаў выдзелілі амаль на 10% больш. Так, у 1956 г. з больш чым 20 млн. бюджэтных рублёў на народную гаспадарку Полацка было выдаткавана 4,962 млн. руб. (на сацыяльна-культурныя мерапрыемствы 17,897 млн. руб.), у 1957 г. — 6,308 млн. руб., у 1960 г. — 10,410 млн. руб. (на сацыяльна-культурныя мерапрыемствы — больш за 28 млн. руб.) [6]. У 1965 г. значная частка бюджэту горада была выдаткавана на развіццё народнай гаспадаркі — 29,4%, на сацыяльна-культурныя мерапрыемствы — 72,5%. За першыя 3 гады сямігодкі ў народную гаспадарку было ўкладзена 46,973 млн. руб., што ў 3 разы перавышала капіталаўкладанні папярэдняй пяцігодкі [6].

За кошт перавыканання прыбыткавай часткі бюджэту штогод дадаткова выдзяляліся сродкі на фінансаванне неабходных мерапрыемстваў, такіх як будаўніцтва ўстаноў адукацыі, аховы здароўя, набыццё абсталявання і інвентару, камунальна-жыллёвае будаўніцтва, сацыяльнае забеспячэнне і інш. Для прыкладу, на фінансаванне неабходных мерапрыемстваў за кошт перавыканання бюджэту ў 1963 г. было выдаткавана 313,6 тыс. руб., што было больш, чым за 1961—1962 гг. [6].

АХОВА ЗДАРОЎЯ. Вялікая ўвага гарадскога кіраўніцтва ў гэты перыяд надавалася ахове здароўя, на што кожны год дадаткова выдзяляліся звышбюджэтных сродкі. У 1956 г. у Полацку працавала 17 лячэбна-прафілактычных устаноў (у тым ліку гарбальніца на 400 ложкаў, паліклініка, жаночая і дзіцячая кансультацыі, 3 дзіцячыя ясляў на 175 месцаў і 6 здароўпунктаў на прадпрыемствах і ў вучэбных установах), у якіх працавала 110 урачоў і 386 медыцынскіх сясцёр; былі скончаны будаўнічыя работы па пераабсталяванні турмы ў псіханеўралагічны дыспансер. К сярэдзіне пяцігодкі ўзрасла колькасць медработнікаў: 120 урачоў, 28 фельчараў і 475 медсясцёр (не лічачы чыгуначнай бальніцы), а ў пачатку сямігодкі колькасць медустаноў павялічылася да 20 [6].

У 1960 г. у 22 лячэбна-прафілактычных ўстановах (815 ложкаў) 129 урачоў і 460 сярэдніх медработнікаў абслугоўвалі насельніцтва горада і аказвалі кансультацыйную дапамогу жыхарам раёнаў Віцебскай вобласці. На «нафтабудзе» працаваў стацыянар на 50 месцаў, паліклініка, 3 здароўпункты і падстанцыя хуткай дапамогі [6]. З адкрыццём стаматалагічнай паліклінікі медыцынскае абслугоўванне палачан істотна палепшылася. Мясцовыя спецыялісты перадавалі вопыт маладой змене: у 1965 г. зубныя ўрачы навучалі 180 практыкантаў. У 1961 г. працавала 24 лячэбна-прафілактычныя ўстановы, 5 з якіх мелі стацыянар [6]. Усе ўстановы акрамя ясляў і здароўпунктаў на прадпрыемствах абслугоўвалі насельніцтва Полацкага раёна і пяці раёнаў Віцебскай вобласці. Паліклініка, дзіцячая кансультацыя і стаматалагічная паліклініка працавалі ў

выхадныя і святочныя дні. У асобнае памяшканне з паліклінікі была выведзена жаночая кансультацыя, што дало магчымасць пашырыць дзіцячую кансультацыю і арганізаваць шэраг дадатковых кабінетаў. У 1962 г. у 23 медустановах працавала 187 урачоў і 626 сярэдніх медработнікаў, у пасёлку Полацкі была збудавана бальніца на 250 ложкаў. У 1963 г. у Полацку былі ўведзены радзільнае і гінекалагічнае аддзяленні на 100 ложкаў, на базе здароўпункта шкловалакна арганізавана паліклініка для працоўных, галоўны корпус бальніцы быў пераведзены на цэнтральнае ацяпленне; працавала 24 медустановы [6]. У 1964 г. было пабудавана радыялагічнае аддзяленне пры онкадыспансеры, у дарослую паліклініку было праведзена цэнтральнае ацяпленне.

У канцы сямігодкі ў Полацку хворых абслугоўвала 154 урачы і 546 чалавек сярэдняга медперсаналу, працавала гарбальніца на 400 ложкаў, псіханеўралагічная бальніца на 275 ложкаў, процісухотны дыспансер на 75 ложкаў, онкадыспансэр на 75 ложкаў, скурвендыспансер, станцыя хуткай дапамогі, стоматалагічная паліклініка, жаночая і дзіцячая кансультацыі, санэпідстанцыя, 12 фельчарскіх здароўпунктаў [6].

Штогод паляпшаліся ўмовы для аздараўлення палачан. У 1959 г. дарослае насельніцтва абслугоўвала 10 участковых, дзяцей — 8 участковых урачоў, у 1965 г. — 13 і 15 участковых урачоў адпаведна. У 1963 г. на 3,2% узрасло наведванне паліклінікі, на 8,8% — наведванне хворых на даму, 46,7% хворых было знята з уліку па выздараўленні, палепшылася дыспансернае назіранне за падлеткамі (агледжана 2943 чалавекі), перыядычныя медыцынскія агляды праходзіла 3218 працоўных. У дзіцячай кансультацыі было вылечана 25583 дзяцей. У 1965 г. паліклініка была гарадской і міжраённай (абслугоўвала 4 раёны Віцебскай вобласці), працавала з 8.00 да 20.00, наведваемасць складала 1500—1600 чалавек у дзень, у тым ліку 20% сельскага насельніцтва. 98,8% насельніцтва было ахопена прышчэпкамі. Горад быў падзелены на 12 тэрапеўтычных участкаў, аднак 1 урач замест 3 тысяч абслугоўваў 5—6 тысяч чалавек [6]. З умовамі працы медработнікаў падчас прыезду ў Полацк азнаёміўся міністр аховы здароўя БССР І. А. Інсараў.

Паралельна з асноўнай дзейнасцю ўрачы займаліся санасветработай. У Полацку працаваў Дом санітарнай асветы. У 1961 г. адкрыўся ўніверсітэт здароўя. К канцу сямігодкі працавала ўжо 10 школ і 3 універсітэты здароўя [6].

Усё разам гэта садзейнічала зніжэнню агульнай колькасці захварэўшых па гораду. У 1959 г. знізілася колькасць захворванняў на брушны тыф, паратыф, дыфтэрыю, поліяміэліт. З-за някаснай вады і дрэннага стану калодзежаў і водаправода мелася значная колькасць захворванняў на страўнікава-кішачныя інфекцыі, сярод якіх — хвароба Боткіна (гепатыт А). Толькі ў 1-ым квартале 1961 г. было 167 выпадкаў хваробы Боткіна; па выніках года колькасць захворванняў на вострую дызентэрыю і гепатыт А знізілася на 39% па кожнай [6]. Доўгі час самым небяспечным у санітарных адносінах раёнам Полацка былі Грамы, дзе насельніцтва брала ваду з тэхнічнага водаправода чыгункі і назіралася высокая колькасць захворванняў на страўнікава-кішачныя інфекцыі.

У 1961 г. знізілася колькасць хворых на дыфтэрыю на 55%, у 1963 г. — на скарлатыну, коклюш, грып, не было зарэгістравана выпадкаў дыфтэрыі і поліяміэліту. З 1960 г. па 1965 г. па гораду не было зарэгістравана ніводнага

выпадку дыфтэрыі, поліяміэліту [6]. Адначасова са зніжэннем колькасці інфекцыйных хворых павялічылася колькасць зваротаў да псіханеўролага: у 1964 г. колькасць звярнуўшыхся ўзраста на 160 чал., за 3 кварталы 1965 г. — на 235 чал. У канцы сямігодкі ў Полацку не было выпадкаў рахіту, захворванні на брушны тыф знізіліся на 68%, дызентэрыю — на 12%, колізэнтэрыты — на 60%, адзёр — на 46%, коклюш — на 93% [6].

З паляпшэннем санітарных умоў і медыцынскага абслугоўвання павысілася нараджальнасць і знізілася смертнасць. У 1963 г. нараджальнасць складала 23,3 чалавекі на 1000 насельніцтва пры сярэднім паказчыку 20 чалавек; смертнасць знізілася з 7,3 да 5,2 чалавек на 1000 насельніцтва. У 1964 г. у Полацку нарадзілася 929 дзяцей, дзіцячая смертнасць знізілася з 3 да 1,4%. Агульная смертнасць знізілася з 5% у 1961 г. да 0,9% у 1964 г., дзіцячая — на 11% к канцу сямігодкі. У 1965 г. рэзка знізілася дзіцячая смертнасць да 1 года з 24,7% да 10,1% на 1000 нованароджаных [6].

З ростам нараджальнасці павялічваюцца недахоп месцаў у дзіцячых установах. У 1956 г. у Полацку працавала 3 ясляў на 175 месцаў, у наступным годзе — 4 ясляў на 230 месцаў, 2 з якіх размяшчаліся ў прыстасаваных памяшканнях і працавалі з перагрузкай; 2 ясляў былі ведамаснымі [6]. Не глядзячы на тое, што за гады 5-й і 6-й пяцігодак колькасць месцаў у дзіцячых яслях павялічылася больш чым у 2 разы і к канцу сямігодкі ў Полацку было адкрыта 10 садкоў-ясляў, праблема з уладкаваннем дашкольнікаў вырашана не была. На 1.09.1965 г. у гарадскім аддзеле аховы здароўя на чарзе ў яслі стаяла 560 чалавек, з якіх 360 мелі вострую патрэбу. Усе дзіцячыя ўстановы былі перагружаны: на 1 дзіця прыходзілася па 0,6—1 м² [6]. Для самых маленькіх палачан у горадзе было арганізавана спецыяльнае харчаванне. У 1965 г. за дзень гатавалася 1836 порцый для дзяцей на змешаным і штучным гадаванні. Да 1 года дзеці з малазабеспечаных сямей атрымлівалі бясплатнае харчаванне на чатырох раздатачных пунктах [6].

Паляпшэнне медыцынскага абслугоўвання спрыяла росту насельніцтва Полацка. У 1958 г. колькасць насельніцтва Полацка пераўзыходзіла даваенны ўзровень на 12 тыс. чалавек. У 1959 г. у горадзе налічвалася 42,7 тыс. чалавек, у 1965 г. — ужо 53 тыс. [3, с. 697]. У 1964 г. кожны чацвёрты ў Полацку — малады чалавек [6].

ГАНДАЛЬ І ГРАМАДСКАЕ ХАРЧАВАННЕ. Павелічэнне выпуску прадукцыі і рост насельніцтва горада абумовілі неабходнасць пашырэння сеткі арганізацый рознічнага гандлю і прадпрыемстваў грамадскага харчавання. У першы год пяцігодкі гандлёвыя прадпрыемствы павялічылі тавараабарот на 13,837 млн руб. (ці на 8% за год), упершыню забяспечыўшы бесперабойны гандаль мясам, рыбай, рыбнымі кансервамі, алеем, крупамі, макаронамі і кандытарскімі вырабамі. За 10 год (1953—1962 гг.) тавараабарот па горадзе павялічыўся ў 2 разы і склаў 134 млн. руб. У 1964 г. у параўнанні з 1953 г. тавараабарот павялічыўся на 215% пры росце насельніцтва на 157%. За сямігодку тавараабарот вырас на 47% пры росце насельніцтва на 28%. Продаж харчовых тавараў на душу насельніцтва складаў 253 руб. у 1965 г. супраць 163 руб. годам раней [6].

З пашырэннем сеткі гандлёвых прадпрыемстваў узрастала колькасць працоўных месцаў. У 1958 г. у грамадскім харчаванні горада працавала 415 ча-

лавек, у тым ліку 47 повараў. На 1 мая 1960 г. у гандлёвай сферы працавала 1002 чалавекі, у грамадскім харчаванні — 357 чалавек, у параўнанні з канцом пятай пяцігодкі колькасць працоўных узрасла ўдвая. У 1962 г. у сістэме гандлю працавала ўжо 1508 чалавек, у тым ліку 371 прадавец, 113 буфетчыц, 95 повараў. Вышэйшую адукацыю мелі 11 чалавек, сярэдняю — 295, у тым ліку спецыяльную — 69 [6].

У пачатку сямігодкі ў Полацку працавала 2 рэстараны, 15 сталовак, 38 буфетаў (у тым ліку 14 школьных і пры навучальных установах, 7 вытворчых), 1 закусачная, 1 кафэ, а ўсяго 55 кропак грамадскага харчавання, якія маглі абслугоўваць адначасова 1800 чалавек [6]. У параўнанні з 1953 г. колькасць прадпрыемстваў грамадскага харчавання ўзрасла больш чым у 2 разы. У 1962 г. у горадзе і пасёлку Полацкі працаваў 51 прадуктовы магазін на 144 працоўныя месцы, 31 прамтаварны на 89 месцаў, 37 ларкоў, 23 кіёскі, 7 павільёнаў, 2 палаткі. Усяго налічвалася 302 працоўныя месцы ў рознічнай сетцы. У грамадскім харчаванні працавала 18 сталовак, 2 рэстараны, 2 закусачныя, дамавая кухня, кафэ, кулінарны магазін і 39 буфетаў. У сталоўках, закусачных і рэстаранах было 1639 пасадачных месцаў, у буфетах — 414 (усяго 2053) [6]. У той жа час у горадзе па нарматывах не хапала 70 працоўных месцаў рознічнай гандлёвай сеткі і 120 пасадачных месцаў у грамадскім харчаванні (норма — на 1 тыс. жыхароў 6,6 і 40 месцаў адпаведна). У першы год сямігодкі было толькі 2 вытворчыя сталоўкі, у 1962 г. іх было ўжо 9 [6]. Усе сталоўкі працавалі па метаду самаабслугоўвання, праводзіўся продаж абедару на дом, паўфабрыкаты прадаваліся са зніжкай у 15%. За 4 гады сямігодкі гандлёвая сетка Полацка павялічылася на 28 магазінаў на 109 працоўных месцаў і 11 сталовак на 1145 пасадачных месцаў. На 1.01.1963 г. у горадзе і пасёлку было 150 прадпрыемстваў грамадскага харчавання і рознічнага гандлю, к канцу года — 183, у тым ліку 58 грамадскага харчавання. У канцы сямігодкі палачане наведвалі 81 магазін, 2 рэстараны, 18 сталовак, 26 ларкоў, 32 буфеты, 27 кіёскаў [6].

У 1959 г. быў адкрыты ўнівермаг (магазін № 24) па вул. Карла Маркса, ювелічны магазін, магазін «рэчы на пракат» (№ 41). У 1962 г. былі адкрыты спецыялізаваныя магазіны «Адзенне», «Дзіцячы свет». У наступным годзе адкрылася кнігарня «Светач» на 10 працоўных месцаў, магазін «Тканіны» на 4 працоўных месцы, мэблевы магазін на калгасным рынку, прадуктовы магазін «Юбілейны» на 12 працоўных месцаў, пераабсталяваны абутковы магазін «Чайка». У 1-м паўгоддзі 1964 г. было адкрыта кафэ ў магазіне «Дзіцячы свет», прадуктовы магазін «Спутнік» і інш. Будаўніцтва ўнівермага на вул. Гоголя пачалося ў 1965 г. [6].

Гандлёвыя прадпрыемствы імкнуліся ўкараняць новыя метады абслугоўвання пакупнікоў. Так, у 1960 г. аддзелы ў магазінах №№ 20, 24, 49 працавалі з адкрытай выкладкай тавараў, а ў магазіне № 37 быў арганізаваны гандаль па ўзорах [6]. Праводзіліся выстаўкі-продажы і канферэнцыі пакупнікоў. Усе прадпрыемствы грамадскага харчавання, акрамя рэстарана «Дзвіна» працавалі па метаду самаабслугоўвання. На новае месца быў пераведзены калгасны рынак. У 1961 г. быў арганізаваны продаж у крэдыт дарагіх тканін, верхняй вопраткі, радыёпрыёмнікаў, гадзіннікаў, веласіпедаў, фотаапаратаў; наладжана праца пункта пракату рэчаў дамашняга ўжытку і культурна-бы-

тавога прызначэння. У 1961—1962 навучальным годзе пры гархарчпрамгандлі былі арганізаваны школы гандлю і кулінарнага майстэрства. Для лепшага забеспячэння таварамі быў створаны заводскі гархарчпрамгандаль з раёнам дзейнасці ў пасёлку Полацкі. У гарадскі і заводскі гархарчпрамгандаль уваходзіла 4 магазіны самаабслугоўвання, 4 магазіны з адкрытай выкладкай тавараў і вольным доступам пакупнікоў, 3 аддзелы па продажы гарачай кавы і малака, прадуктовыя і гароднінныя магазіны ажыццяўлялі дастаўку бульбы на дом па замовах, развозку газы, практыкаваўся выязны гандаль на прадпрыемствах, ва ўнівермагу праводзіўся раскрой тканін; 5 прамтаварных магазінаў ажыццяўлялі продаж у крэдыт з растэрміноўкай ад 6 да 12 месяцаў; былі ўстаноўлены гандлёвыя аўтаматы па продажы бутэрбродаў і халодных закусак, алоўкаў, запалак, сшыткаў, алею і малака [6].

За перыяд шостага пяцігодкі продаж масла павялічыўся ў 54 разы, малака — у 9 разоў, гародніны — у 8 разоў, мяса — у 7 разоў, каўбасных вырабаў, бульбы — у 6 разоў, трыкатажу — у 5 разоў, швейных вырабаў, ваўняных тканін — у 4 разы, круп — у 3 разы, мэблі, швейных машын — у 2 разы [6].

Да пачатку 1960-х гг. хуткімі тэмпамі ўзрастала рэалізацыя прадуктаў харчавання. Толькі за першы год сямігодкі рэалізацыя мяса і птушкі ўзрасла на 146%, каўбасных вырабаў — на 167%, масла — на 197%, малака і малочных прадуктаў на — 229%, цукру — на 129%, мукі — на 154%, бульбы — на 167%, гародніны — на 210%, продаж гарэлкі скараціўся на 3,4 млн руб. [6]. К сярэдзіне 1960-х гг. пакупнікі сталі больш набываць складанай бытавой тэхнікі. У 1963 г. у параўнанні з папярэднім годам продаж бульбы ўзрос на 20%, мяса — на 76%, каўбасных вырабаў — на 28%, рыбы на 12,7%, трыкатажу — на 13,3%, радыёпрыёмнікаў — на 25,8%, халадзільнікаў — на 62%, пральных машын — на 84,2% [6]. Гэта сведчыць аб паляпшэнні дабрабыту палачан. З усіх харчовых прадуктаў найбольшым попытам карысталіся мяса і масла. Гэта не ў апошнюю чаргу было звязана з тым, што многія арганізацыі і ўстановы мелі свае падсобныя гаспадаркі, прадукцыя якіх перапрацоўвалася мясцовымі прадпрыемствамі.

ЖЫЛЛЁВА-КАМУНАЛЬНАЯ ГАСПАДАРКА. Рост гарадскога насельніцтва абумовіў тэмпы жыллёвага будаўніцтва і падключэння ўсіх выгодаў.

У пачатку пяцігодкі для забеспячэння палачан жыллём пад кватэры пераабсталёўвалі асобныя адміністрацыйныя будынкi. Многія пабудаваныя ў аднаўленчы перыяд жылыя будынкi к таму часу мелі патрэбу ў капітальным рамонце. Толькі ў 1956 г. на гэта было затрачана 544 тыс. руб., што на 125 тыс. больш, чым годам ранней. Аб'ём капіталаўкладанняў у жыллёвае будаўніцтва з 1959 г. (924 тыс. руб.) да 1964 г. павялічыўся на 85% (1662 тыс. руб.) [6].

У 1957 г. жыллём было забяспечана 197 сямей, у тым ліку за кошт пераабсталавання адміністрацыйных будынкаў 66 сямей. На ўліку знаходзілася больш за 800 сямей, якім патрабавалася жыллё, акрамя таго 47 сямей пражывала ў аварыйных дамах і сутарэннях і 37 сямей было на падсяленні (2 сям'і ў 1 пакоі). У сярэднім на душу насельніцтва прыходзілася 4 м², усяго па гораду налічвалася каля 175 тыс. м², у тым ліку ў асабістай уласнасці рабочых і служачых — 115 тыс. м², ці 62% усяго жылфонду. У 1958 г. 429 сямей атрымалі новае жыллё, з аварыйнага было пераселена 30 сямей [6]. Агульны жыллёвы фонд складаў больш за 230 тыс. м², што значна перавышала даваены ўзровень. У 1959 г. новым жыл-

лём было забяспечана 367 сямей, жылая плошча павялічылася ў параўнанні з даваенным узроўнем амаль удвая [5, с. 235]. За 4 гады сямігодкі працоўныя горада атрымалі толькі за кошт сродкаў дзяржавы каля 89,7 тыс. м² жылля. За 6 гадоў сямігодкі было ўведзена 96,6 тыс. м² жылой плошчы, а за ўвесь пасляваенны перыяд — 132,6 тыс. м². На 1.09.1964 г. агульны дзяржаўны жыллёвы фонд складаў: фонд мясцовых Саветаў — 57,5 тыс. м² (на 1.01.1941 г. — 19,34 тыс. м²), асабістай уласнасці грамадзян — 170,5 тыс. м² (на 1.01.1941 г. — 118,0 тыс. м²). Увесь дзяржаўны і індывідуальны жылы фонд быў абсталяваны водаправодам і каналізацыяй на 65%, цэнтральным ацяпленнем на 40%, газіфікавана 15 жылых дамоў на 1219 кватэр, 900 кватэр мелі гарачае водазабеспячэнне [6].

Найбольш актыўна ішло жыллёвае будаўніцтва ў пасёлку Полацкі. Для параўнання, за 1960 г. у Полацку было пабудавана 128 кватэр агульнай плошчай 3488 м², у той час як у пасёлку Полацкі — 319 кватэр плошчай 10344 м². У 1961 г. — 7693 м² у горадзе і 16584 м² у пасёлку [6].

Акрамя мясцовых Саветаў жыллё для сваіх працоўных і служачых будавалі прадпрыемствы і арганізацыі так званым ініцыятыўным (гаспадарчым) спосабам, г. зн. за ўласныя сродкі без прыцягнення дзяржаўных грошаў. Аб'ёмы ініцыятыўнага будаўніцтва ў параўнанні з гарадскім былі значна меншыя. Так, у 1957 г. прадпрыемствы і арганізацыі Полацка ўвялі 1157 м², у той час як горад — 4 тыс. м². У 1961 г. ініцыятыўным спосабам было пабудавана 0,795 тыс. м² супраць 24,277 тыс. м² жылля мясцовых Саветаў [6].

К сярэдзіне 1960-х гг. у Полацку пачалі арганізоўваць жыллёвыя кааператывы. Так, у 1964 г. было створана 5 жыллёвых кааператываў, якія пабудавалі два 80-кватэрныя дамы і адзін 40-кватэрны [6].

Разам з будаўніцтвам ішло пашырэнне сеткі гарадскіх камунікацый. У 1956 г. было скончана будаўніцтва 2-й чаргі электрастанцыі і помпавай і фільтравальнай станцыі гарводаправода, адбыўся пуск яго галаўных збудаванняў. У 1957 г. насельніцтва Полацка абслугоўвалі 2 лазні: гарадская з прапускнай магчымасцю 165 чалавек у гадзіну і чыгуначная — 40 чалавек у гадзіну [6]. Вялікай праблемай на той час была адсутнасць лазні ў 10-тысячным мікрараёне Задзвінне.

У 1957 г. было пракладзена 7,5 км водаправода, агульная працягласць ліній складала 19 км. Да вайны ў горадзе было 8400 м водаправода, к 1962 г. сетка вырасла да 25 км. У 1963 г. сетка водаправодных ліній складала больш за 50 км магчымасцю 8,5 тыс. куб/сут. Працягласць водаправода з 1959 г. павялічылася больш чым у 2 разы, каналізацыі — у 2,5 разы. Дабраякаснай пітной вадой было забяспечана 57,7% насельніцтва горада [6].

У 1962 г. пачалася газіфікацыя горада. За першы год было адпаведна пераабсталявана 218 кватэр, але газ быў пушчаны толькі ў наступным годзе. Працэс падключэння да газаправоду ішоў вельмі марудна: у 1963 г. было газіфікавана 2 дамы на 66 кватэр, 1964 г. — 6 дамоў на 113 кватэр, у 1965 г. — 2 дамы на 64 кватэры [6].

У 1962 г. быў уведзены дом сувязі. У наступным годзе ў горадзе і пасёлку было 8 аддзяленняў сувязі. К канцу 1-га квартала 1963 г. па Полацку было ўстаноўлена 200 тэлефонаў [6].

У 1965 г. быў адкрыты рух па высакаводным мосце праз Заходнюю Дзвіну.

З ростам насельніцтва расла і тэрыторыя горада. У 1959 г. яна была павялічана за кошт уключэння 18 га плодзітоўніка ў раён вул. Матросова, 120 га

падсобнай гаспадаркі ваенгандлю ў мікрараёне Кароўнікі і вялікай тэрыторыі пасёлка Полацкі [6].

У 1964 г. на тэрыторыі горада было 12,7 га зялёных насаджэнняў агульнага карыстання, парк культуры — 2,5 га, скверы, сады і бульвары — 10,2 га, разам з тэрыторыямі ўстаноў і індывідуальнай забудовы — 145 га, на кожнага жыхара прыходзілася 24 м² пры норме 15—20 м² [6].

БЫТАВОЕ АБСЛУГОЎВАННЕ. Вялікая ўвага ў разглядаемы перыяд надавалася паляпшэнню бытавога абслугоўвання насельніцтва. У 1959 г. бытавыя паслугі аказвалі прадпрыемствы гарпрамкамбіната, арцель «Чырвоны пенсіянер», «Гігіена», якая аб'ядноўвала ўсе цырульні, гадзіннікавыя майстэрні і майстэрні металабытрамону. У 1960 г. па горадзе было аказана паслуг на 108 руб. на душу насельніцтва; працавала 48 прадпрыемстваў бытавога абслугоўвання, у тым ліку ў пасёлку Полацкі 7 прадпрыемстваў. У 1963 г. ужо працавала два камбінаты, якія разам аб'ядноўвалі 70 прадпрыемстваў: адзін у горадзе, другі ў пасёлку. За 4 гады 7-годкі аб'ём бытавых паслуг павялічыўся ў 1,5 разы, сетка майстэрняў, прыёмных пунктаў і павільёнаў вырасла амаль у 2 разы. Для параўнання, у 1958 г. насельніцтву было аказана паслуг на 402 тыс. руб., у 1962 г. — на 620 тыс. Руб. У канцы сямігодкі аб'ём паслуг на душу насельніцтва складаў 13 руб. 58 кап. [6].

У 1965 г. на вул. Пушкіна быў пабудаваны 2-павярховы павільён бытавога абслугоўвання, у якім размясціліся цэнтралізаваная гадзіннікавая майстэрня, мужчынская і жаночая цырульні, фотаатэлье, ботавае майстэрня і пункт прыёму адзення ў чыстку. У розных раёнах горада працавалі гадзіннікавыя майстэрні, цырульні, майстэрні па рамонту радыё і электрапрыбораў, панчошна-шкарпэткавых вырабаў, бюро бытавых паслуг па рамонту музычных інструментаў, халадзільнікаў, пральных машын і іншай складанай бытавой тэхнікі. Шэраг паслуг штогод пашыраўся. К канцу сямігодкі ў Полацку праводзіўся рамонт скургалантарэі, трыкатажу, афарбоўка скуранага абутку, індывідуальны пашыў абутку, фасонная вязка трыкатажных вырабаў, рамонт дамскага абутку на металічнай шпільцы, арганізаваны рамонт кватэр і мэблі, распілоўка дроў, шкленне вокан, прыбіранне кватэр, рэкламнае бюро, ювелірная і гравёрная майстэрні і інш. Па праспекту Карла Маркса адкрылася цырульня «Маладосць».

ТРАНСПАРТ. Рост гарадскога насельніцтва абумовіў пашырэнне сеткі аўтобусных ліній і рост транспартных паслуг. У 1958 г. 56 аўтобусаў абслугоўвала 4 гарадскія маршруты з 26 прыпынкамі агульнай працягласцю 24 км і прыгарадныя і міжгародныя маршруты працягласцю 1069 км; агульная працягласць усіх маршрутаў складала 1093 км; за год было перавезена 9579,4 пасажыраў [6]. З пачаткам будаўніцтва нафтаперапрацоўчага завода быў арганізаваны новы аўтобусны маршрут, які звязаў Полацк і «нафтабуд». У 1959 г. у аўтапарку горада было 65 аўтобусаў, 33 грузатаксі, 36 легкавых таксі. Аўтобусная сувязь ажыццяўлялася па 33 маршрутах, з якіх 5 былі гарадскімі агульнай працягласцю 25 км і мелі 29 прыпынкаў, 5 аўтобусаў абслугоўвала пасёлак Полацкі. Працягласць прыгарадных і міжгародных маршрутаў складала 1445 км; было перавезена 10610,5 пасажыраў [6]. У адзначаныя гады 6 маршрутаў абслугоўваліся грузатаксі. На 1 сакавіка 1960 г. аўтапарк абслугоўваў 7 гарадскіх маршрутаў працягласцю 35 км, на якіх было 48 прыпынкаў, і 23 загарадныя маршруты працягласцю

1740 км; усе маршруты абслугоўвала 77 аўтобусаў. Брыгады легкавых таксі працавалі ў 2 змены: 1-я — з 8 да 17 гадзін, 2-я — з 17 да 24 гадзін; у начны час працавалі дзяжурныя па заяўках, пакінутых у працоўныя дні; у цягніковыя дні 1-я змена выязджала з 6 гадзін прыступкавым графікам. Многія таксі былі абсталюваны агнямі: зялёны — вольна, жоўты — занята. К канцу года аўтобусны парк налічваў ужо 107 аўтобусаў для перавозкі людзей, 32 аўтобусы абслугоўвалі гарадскія маршруты і 20 — прыгарадныя, усяго было 45 маршрутаў [6]. Аўтобусная станцыя абслугоўвала да 5 тыс. чалавек за суткі. У гадзіну-пік 18 аўтобусаў абслугоўвалі «нафтабуд», у той жа час у горадзе заставалася толькі 2 аўтобусы.

У 1963 г. аўтобусны парк горада налічваў 166 аўтобусаў, з якіх 45—50 працавала на гарадскіх маршрутах, у таксаматорным парку было 53 легкавыя машыны, 16 грузатаксі і 22 машыны на пракат [6]. 11 маршрутаў звязвалі Полацк з Віцебскам, Даўгаўпілсам, Маладзечна і Мінскам. У 1964 г. для аўтапарка было выдзелена 45 аўтобусаў. У 1965 г. было 10 гарадскіх маршрутаў, 2 з якіх — у Наваполацк, інтэрвалы руху складалі ад 8 да 23 хвілін. За год аўтапарк папоўніўся 31 аўтобусам (усяго 202 аўтобусы, з якіх 92 працавалі на гарацых лініях), было створана транспартнае агенцтва для перавозкі мэблі, дроў і іншай маёмасці грамадзян [6].

САЦЫЯЛЬНАЕ ЗАБЕСПЯЧЭННЕ. 14 ліпеня 1956 г. быў прыняты закон «Аб дзяржаўных пенсіях», які значна палепшыў пенсіённае забеспячэнне працоўных, устанавіў адзіныя крытэрыі для назначэння пенсій: узрост (60 год для мужчын, 55 — для жанчын), працоўны стаж (25 год для мужчын, 20 — для жанчын), сярэднямесячны памер заробнай платы. У сувязі з гэтым адбыўся пераразлік існаваўшых пенсій, і з 1 кастрычніка 1956 г. агульная сума пенсій па гораду павялічылася больш чым у 2 разы: у IV квартале 1955 г. — 970 тыс. руб., у IV квартале 1956 г. — 1900 тыс. руб. [6]. Згодна з дакументам на атрыманне пенсій было аформлена больш за 400 чалавек, якія раней такога права не мелі; усяго па гораду налічвалася больш за 3000 пенсіянераў. У асобных катэгорый пенсіянераў памер выплат павялічыўся больш чым у 4 разы. У 1958 г. пры гарадскім аддзеле сацзабеспячэння быў утвораны Савет пенсіянераў у складзе 23 чалавек пад кіраўніцтвам І. Ф. Казлова, у наступным годзе налічвалася ўжо 25 членаў Савета. Акрамя таго Савет пенсіянераў быў арганізаваны пры чыгуначным вузле ў складзе 15 чалавек. У пачатку сямігодкі ў аддзеле сацзабеспячэння на ўліку знаходзілася 3925 пенсіянераў і 655 адзінокіх і мнагадзетных мацярэй, у 1960 г. — 4360 і 700 адпаведна, яшчэ праз год — 4544 і 570, у 1963 г. — 5388 і 592, у канцы сямігодкі — 5770 пенсіянераў і 490 мнагадзетных і адзінокіх мацярэй [6].

У 1960 г. усе рабочыя былі пераведзены на 6-дзённы працоўны тыдзень і 7-гадзінны рабочы дзень. З 1.10.1961 г. былі пазбаўлены выплаты падатку працоўныя і служачыя з заробкам да 60 руб./мес. і ў сярэднім на 40% зніжаны падаткі з грамадзян з заробнай платой да 70 руб./мес. З 1958 па 1963 г. грашовыя прыбыткі насельніцтва ўзраслі на 87%, выдаткі — на 52% [6].

НАРОДНАЯ АДУКАЦЫЯ. Індустрыяльны кірунак развіцця краіны выклікаў змены ў сферы народнай адукацыі. Пасля XX з'езда КПСС (1956 г.) у сярэдніх школах пачалося ажыццяўленне вытворчага навучання. Вялікае значэнне для яго развіцця мела пастанова ЦК КПБ і Савета Міністраў БССР «Аб мерах па

ажыццяўленні політэхнічнага навучання ў школах БССР» (1956 г.). Ва ўсіх школах Полацка было ўведзена політэхнічнае навучанне, створаны слясарныя ці камбінаваныя майстэрні. Аднак вытворчая практыка на прадпрыемствах была арганізавана дрэнна. Патрабавалася яшчэ стварыць майстэрні ў многіх школах. Гарвыканкам у 1957 г. адпусціў на абсталяванне для майстэрняў 115 тыс. руб., але з-за недахопу вольных памяшканняў яго няма дзе было размясціць [6]. У 1959 г. упершыню ў Полацку вялікі ўдзел у рамонце школьных будынкаў, мэблі і вучэбнага абсталявання прынялі навучэнцы, была арганізавана летняя вытворчая практыка вучняў 8—9 класаў. Школы №№ 1, 4, 5, 6, 7 правялі практыку па асновах сельскагаспадарчай вытворчасці ў форме вытворчага лагера: у падшэфных калгасах школьнікі вырошчвалі кукурузу і разводзілі трусоў.

К канцу 1959—1960 навучальнага года ва ўсіх школах былі абсталяваны вучэбныя майстэрні, для чаго было закуплена абсталявання на 93,3 тыс. руб. [6]. У той жа час ніводнае прадпрыемства Полацка не мела вытворча-тэхнічнай базы, якая б адпавядала патрабаванням, ні на адным прадпрыемстве не былі арганізаваны вучэбныя цэхі. Адзінкавы прыклад ініцыятывы з боку школ у арганізацыі вытворчага навучання паказаў калектыў навучэнцаў і педагогаў школы № 5, якія ініцыятыўным спосабам пабудавалі і здалі ў эксплуатацыю вучэбныя майстэрні агульнай плошчай 168 м² [6].

У 1961—1962 навучальным годзе ў сярэдняй школе № 9 685 вучняў 9—11-х класаў асвойвалі каля 20 вытворчых прафесій: токар, слесар, шафёр, маляр, арматуршчык, швачка і інш. Але не бралася на ўвагу запатрабаванасць у кадрах прамысловасці і будоўляў горада: мала дзяцей навучалася прафесіі будаўніка, многа — швейнай справе і прафесіі выхавацеля, таму былі складанасці ў працаўладкаванні. Для забеспячэння прафесійнага навучання школьнікаў на набыццё інвентару і абсталявання школам было выдаткавана 14,5 тыс. руб., але гэтага не хапіла і за дадатковыя ўкладанні было набыта яшчэ 11 такарных станкоў, 15 швейных машын, 9 магнітафонаў, 2 кінаапараты, 100 пар лыж [6].

У наступным навучальным годзе 628 вучняў 9—11-х класаў навучалася 15-ці вытворчым спецыяльнасцям на заводзе шкловалакна, швейнай фабрыцы, паравозным дэпо (токары), у рэстаране «Дзвіна» (повары) і дзіцячым садку (выхавацелі). У канцы года толькі школы №№ 1 і 5 выпусцілі з 11-х класаў 42 чалавекі, з якіх было 13 токараў, 1 слесар і 27 швачак [6]. За выключэннем 21 швачкі ўсе былі загадзя працаўладкаваны.

З кожным годам павялічвалася колькасць навучэнцаў, адкрываліся новыя школы і сярэднія навучальныя ўстановы. У 1956 г. быў створаны сельскагаспадарчы тэхнікум, ПТВ-2. У тыповых будынках пачалі працаваць школы №№ 4, 5, 9, 12; у 1961 г. — №№ 1, 2, 3; у 1962 г. — № 13, у 1963 г. — 2 школы па вул. Касманаўтаў, у 1964 г. уведзены новы будынак школы № 1 на 964 месца па вул. Камуністычнай. У 1957 г. быў збудзены вучэбны корпус медыцынскага вучылішча, у 1961 г. — будынак вучэбнага корпуса гандлёва-кааператыўнага тэхнікума, жылы будынак школы-інтэрната. У Полацку працавала 8 сярэдніх і 2 сямігадовыя школы з 6129 вучнямі, 8 спецыяльных навучальных устаноў з 2345 навучэнцамі, у 4 вячэрніх школах вучылася 800 чалавек, прафтэхвучылішчы рыхтавалі кадры для прамысловасці [6].

У 1959—1960 навучальным годзе ў 12 школах навучалася 7996 чалавек, у школах працоўнай моладзі — 925. З-за недахопу вучэбных памяшканняў школы №№ 1, 4, 5, 6, 7 працавалі ў 3 змены [6].

24 снежня 1958 г. Вярхоўны Савет СССР прыняў закон «Аб умацаванні сувязі школы з жыццём і аб далейшым развіцці сістэмы народнай адукацыі ў СССР», згодна з якім быў аб'яўлены пераход да 8-гадовай абавязковай адукацыі. Поўная сярэдняя адукацыя складала 11 год. Пераход да 11-гадовага навучання ў Полацку адбыўся ў 1960—1961 навучальным годзе: 9 школ горада, якія займаліся ў 2—3 змены, былі параўтвораны з 10-годак у 11-гадовыя з вытворчым навучаннем і пераведзены на працу па новай праграме [6].

У пачатку 1961—1962 навучальнага года ў Полацку працавала 12 школ: 9 сярэдніх 11-гадовых, 2 школы 8-гадовыя, 1 школа-сямігодка. На 1.01.1962 г. па гораду налічвалася 8794 вучні. У 117 класных пакоях займалася 267 класаў-камплектаў, якія працавалі ў 2,5—3 змены (школы №№ 1, 2, 3, 4, 5, 9, 12), у будынках школ №№ 1, 4, 7 працавалі школы працоўнай моладзі. Акрамя таго працавала 6 сярэдніх спецыяльных устаноў, 5 вярхоўных школ. Агульная колькасць навучэнцаў ва ўсіх установах Полацка складала 15 тыс. чалавек (у школах навучалася 10011, у школах працоўнай моладзі — 1157) [6]. З улікам навучэнцаў сярэдніх спецыяльных устаноў у Полацку вучыўся кожны чацвёрты жыхар. З дзецьмі, падлеткамі і моладдзю займалася 732 настаўнікі, з іх 227 мелі вышэйшую адукацыю, 99 — няскончаную вышэйшую, 167 — сярэднюю, 8 настаўнікаў працы працавалі без спецыяльнай адукацыі; 39 настаўнікаў павышалі кваліфікацыю на завочных аддзяленнях ВНУ. У 1962 г. у школы было накіравана 28 настаўнікаў з вышэйшай адукацыяй [6].

Нягледзячы на гэта, сітуацыя з агульнай паспяховасцю па гораду палепшалася вельмі павольна. Так, па выніках 1 паўгоддзя 1956—1957 навучальнага года не паспявала 605 вучняў з 5090 [6]. У выпускных васьмых класах не паспяваў кожны трэці: па рускай і беларускай мовах, арыфметыцы. У школах працоўнай моладзі стабілізавалі састаў навучэнцаў, але паспяховасць навучання была яшчэ даволі нізкай: з 590 чалавек не паспявала 152. У 1957—1958 навучальным годзе паспяховасць складала 92,8%, у наступным — 95,5%, мелі месца выпадкі адмовы ў прыёме ў іншую школу пры дрэннай паспяховасці. У 1963 г. паспяховасць павысілася да 96,1% супраць 92,4% у 1962 г. [6].

Колькасць навучэнцаў, якія заставаліся на другі год навучання, расла з кожным годам. Так, па выніках 1957—1958 навучальнага года ў школах Полацка на другі год засталася 200 вучняў, праз 2 гады — 270, у 1960—1961 — 348, у наступным — 376 вучняў. У канцы 1962—1963 навучальнага года з 9697 вучняў на другі год засталася 392 [6].

На канец 1963—1964 года на другі год засталася 365 чалавек з 8816, паспяховасць складала 95,7%; у школах працоўнай моладзі на другі год пакінулі 56 чалавек, паспяховасць складала 94%; з 234 вучняў завочнай школы на другі год засталася 31, паспяховасць — 87%; з 384 вучняў школы-інтэрната засталася 8, паспяховасць — 98%. У 1965 г. агульная паспяховасць павысілася і складала 97,4% супраць 95,7% у 1964 г. [6]. Нізкая паспяховасць назіралася ў школах працоўнай моладзі, дзе не паспяваў кожны сёмы.

У канцы сямігодкі ў Полацку працавала 11 сярэдніх і тры 8-гадовыя школы, 3 школы працоўнай моладзі, завочная сярэдняя школа, дзіцячая спартыўная школа, Дом піянераў, 10 садкоў-ясляў. Толькі школа-інтэрнат працавала ў 1 змену, усе астатнія школы — у 2—2,5 змены.

Яшчэ ў 1-й палове 1960-х гг. меліся выпадкі няпоўнага ахопу дзяцей і падлеткаў навучаннем. Так, у 1959—1960 гг. пры школе № 2 такіх было 3 чалавекі, пры школе № 5 — 1 чалавек. У 1961 г. па гораду налічвалася 7575 дзяцей і падлеткаў 7—15 гадоў, з якіх к пачатку навучальнага года не з’явіліся 26 чалавек, у тым ліку 9 без прычын. Пазней 7 з іх былі прыцягнуты ў школы. У 1962 г. школы не наведвала 20 чалавек, 5 з якіх без прычын, 15 — па стане здароўя (алігафрэнія, параліч канечнасцяў, слепата, міяпатыя), з іх 4 навучаліся дома. Толькі ў 1964 г. аддзел народнай адукацыі адзначыў, што ўсе дзеці і падлеткі 7—16 гадоў ахоплены вучобай [6].

На 1.01.1962 г. у Полацку з ліку моладзі 16—30 год не мелі пачатковай адукацыі 80 чалавек, сямігадовай — 1346, сярэдняй — 2234 [6]. У пяці вячэрніх і адной завочнай школе без адрыву ад вытворчасці займалася больш за 1 тысячу працоўных і служачых, што складала толькі 1/3 усёй моладзі, якая падлягала навучанню. У 1963 г. у школах працоўнай моладзі навучалася 1396 чалавек, у завочнай школе — 275 чалавек; без пачатковай адукацыі быў 141 чалавек з ліку моладзі, без сямігадовай — 1238, сярэдняй — 1990, а ўсяго 3369 чалавек, ці 15% усёй моладзі [6].

Далёка не ўся моладзь імкнулася павышаць свой адукацыйны ўзровень. У пачатку 1963—1964 навучальнага года ў 5—8 класах школ працоўнай моладзі было набрана 467 замест 620 чалавек, а напаўняльнасць складала ў 5-х класах — 6-8 вучняў, у 6-х — 18, у 7-х — 22 чалавекі. У канцы года ў школах працоўнай моладзі вучылася 1255. Ахоп навучаннем у іх складаў 37%: з 1240 чалавек, якія не мелі васьмігадовай адукацыі, вучыліся толькі 460. У вячэрніх школах навучалася 588 працоўных да 18 гадоў, з якіх 74 не былі працаўладкаваны [6].

Да выхаваўчай работы і адпачынку дзяцей школы актыўна прыцягвалі сем’і. У 1960—1961 навучальным годзе ва ўсіх школах былі створаны педсаветы і бацькоўскія камітэты, у якія ўваходзіла 260 бацькоў. Летам 1961 г. на сабраныя бацькамі сродкі ва ўсіх школах былі створаны летнія дзіцячыя пляцоўкі ці піянерскія лагеры з разавым бясплатным харчаваннем, на сродкі прафсаюзаў у загарадных лагерах адпачылі 1090 піянераў і школьнікаў, 280 вучняў 8-х класаў злучылі працу з адпачынкам у вытворчых лагерах, калгасах і саўгасах раёна. Улетку 1964 г. было арганізавана 15 дзіцячых пляцовак, якія ахоплівалі звыш 400 дзяцей, 10 піянерскіх гарадскіх лагераў з 500 чалавекамі і 6 загарадных піянерскіх лагераў на 1500 чалавек [6].

Цяжкая сітуацыя назіралася і з уладкаваннем дзяцей у дашкольныя ўстановы як гарадскія, так і ведамасныя. У 1957 г. з вялікай перагрузкай працавала 5 дзіцячых садкоў на 550 месцаў. У 1958 г. быў адкрыты дзіцячы садок завода шкловак на 100 месцаў. У 1960 г. было 157 незадаволеных заяў аб прыёме ў садок, у 1961 г. — 253, у 1962 г. — 576. У 1961 г. у Полацку працавала 3 ведамасныя і 6 гарадскіх дзіцячых садкоў, у якіх выходзіла 845 дзяцей. У кожнай групе пры норме 25 дзяцей у сярэднім знаходзілася 36—38 [6].

У 1962 г. было скончана будаўніцтва 3 дзіцячых садкоў: вінзавода на 125 месцаў, шклозавода на 120 месцаў і ТЭЦ-2 на 140 месцаў (ўсяго было ство-

рана 385 новых месцаў для дашкольнікаў) [6]. Праз год з'явіўся яслі-сад на 60 месцаў у Задзвінні і яслі-сад на 140 месцаў па вул. Скарыны. К 1.09.1964 г. быў яслі-сад на 140 месцаў па вул. Палявой і на 280 месцаў па вул. Гогаля, дзіцячы садок швейнай фабрыкі на 140 месцаў. У 1965 г. пабудаваны сад-яслі за вода шкловалакна на 280 месцаў [6]. Аднак праблема з уладкаваннем дашкольнікаў да канца сямігодкі вырашана так і не была. У 1965 г. чарга ў дзіцячыя садкі складала 490 чалавек толькі тых, хто падаў заявы ў гарана. У садках выхоўвалася на 200 чалавек больш прадугледжанага [6].

КУЛЬТУРА І СПОРТ. Не засталася па-за ўвагай кіраўніцтва горада сфера культуры, спорту і грамадскага адпачынку. У 1956 г. у Полацку працавала 2 кінатэатры, гарадскі Дом культуры, цэнтральная гарадская бібліятэка, 2 гарадскія і 2 дзіцячыя бібліятэкі, краязнаўчы музей, 36 чырвоных куткоў, 43 прафсаюзныя і ведамасныя бібліятэкі, дзіцячая музычная школа, кнігарня і 12 кніжных кіёскаў [6]. Калектывы вучэбных устаноў пачалі будаўніцтва парка на востраве.

Важнай падзеяй у культурным жыцці горада было святкаванне 1100-годдзя Полацка. К таму часу ў горадзе было ўжо 3 кінатэатры, музей, музычная школа, народны тэатр, Дом культуры, 10 клубаў, 6 стаяцянарных кінаўстаноў, 34 бібліятэкі з кніжным фондам больш за 300 тыс. экзэмпляраў, добраўпарадкаваны дзіцячы сквер [6].

Цэнтральнай культурнай устаноў Полацка быў Гарадскі дом культуры, дзе часта праводзіліся вечары адпачынку моладзі, канцэрты, чыталіся лекцыі, даклады. У 1958 г. пры ГДК была адкрыта музычная студыя. З пачаткам сямігодкі драматычнаму калектыву полацкага дома культуры было прысвоена званне народнага тэатра; толькі за 1961 г. народны тэатр даў 15 спектакляў, а за 4 месяцы 1963 г. рэжысёр тэатра Уласенка паставіў 12 спектакляў. Акрамя таго, пры ГДК працавала дзіцячая балетная група, 7 калектываў мастацкай самадзейнасці, стваралася дзіцячая харавая капэла і разнастайныя гурткі [6]. Апроч іх школьнікі наведвалі таксама Дом піянераў, дзе ў 1963 г. працавала 13 гурткоў, дзіцячы піянерскі тэатр, гарадскі хор школьнікаў, клубы аматараў музыкі і сяброў кнігі. На 23 прадпрыемствах і ўстановах былі створаны калектывы мастацкай самадзейнасці, якія аб'ядноўвалі 1780 удзельнікаў (у 1962 г. было 17 калектываў з 660 удзельнікамі). Яны правялі 177 канцэртаў, на якіх прысутнічала 74,5 тыс. чалавек. У канцы сямігодкі ў Полацку былі адкрыты 3 клубы мастацкай самадзейнасці: чыгункі, камбіната будматэрыялаў і трэста № 22 [6].

У пачатку сямігодкі пры ГДК пачаў працаваць універсітэт культуры, і ў 1964 г. у Полацку працавала 2 універсітэты культуры, у якіх займалася 470 чалавек (420 з іх пры ГДК). Праз год, акрамя ўніверсітэтаў, вучняў прымалі 2 школы грамадскіх прафесій [6]. На ўсесаюзным аглядзе ўніверсітэтаў культуры ўніверсітэт пры полацкім ДOME культуры атрымаў Ганаровую грамату Міністэрства культуры БССР і прафсаюза работнікаў культуры.

8 сакавіка 1964 г. пры ДOME культуры быў адкрыты Дом шлюбу, дзе праводзіліся ўрачыстыя рэгістрацыі маладых. У ГДК і клубе камбіната будматэрыялаў праводзілі ўрачыстыя рэгістрацыі нованароджаных. За 1964—1965 гг. у ДOME шлюбу было праведзена 34 урачыстыя рэгістрацыі, у тым ліку ў 1965 г. — 18, усяго зарэгістравана 153 пары, у 1965 г. — 80; урачыстых рэгістрацый нованароджаных — акцябрын — было праведзена 25, у тым ліку ў 1965 г. — 12,

зарэгістравана 118 дзяцей, у 1965 г. — 51. Аднак установы культуры і ЗАГС, як адзначалі дэпутаты падчас чарговай сесіі, недастаткова надавалі ўвагі папулярызацыі і арганізацыі новых абрадаў, у выніку чаго імі быў ахоплены 41% моладзі да 30 гадоў, якія заключалі шлюб [6].

Свой уклад у арганізацыю культурнага адпачынку насельніцтва ўносілі бібліятэкі, якія праводзілі конкурсы на лепшага чытача, чытацкія канферэнцыі, кніжныя выставы і г. д. У 1958 г. цэнтральная бібліятэка адкрыла філіял на «нафтабудзе», што разам з іншымі мерапрыемствамі дазволіла павялічыць колькасць чытачоў у бібліятэках на 3,5 тыс. чалавек [6]. У пачатку сямігодкі бібліятэкі асвоілі новую форму работы: цэнтральная і дзіцячая бібліятэка № 1 адкрылі вольны доступ чытачоў да кніжных фондаў. Колькасць чытачоў павялічылася больш чым на 1000 чалавек. У 1960 г. ужо ў 4 бібліятэках з 5 чытачы атрымалі вольны доступ да фонду. Кніжны фонд усіх бібліятэк горада складаў 180 тыс. экзэмпляраў з ахопам чытачоў больш за 12 тыс. чалавек. У 48 прафсаюзных і ведамасных бібліятэках было запісана 5 тыс. чалавек. У 1963 г. бібліятэкі Міністэрства культуры абслугоўвалі 19,6 тыс. чытачоў (у 1962 г. — 18,6 тыс.), якім было выдадзена больш за 357 тыс. кніг [6].

Немалаважную ролю адыгрываў на той час і Краязнаўчы музей, у якім у 1956 г. быў адкрыты новы пададзел «Полаччына ў XIV—XVIII стст.», а супрацоўнікі праводзілі экскурсіі па гістарычных мясцінах. Каб прыцягнуць актыў і масы да працы музея, гарадскі выканкам зацвердзіў Савет музея ў складзе: Казлёнак М. М. (дырэктар) — старшыня, і члены Савета Агурок П. А. (навуковы супрацоўнік), Кундалевіч М. В. (заг. фондаў), Ілліна З. Х. (заг. аддзела прапаганды гаркама партыі), Барановіч Л. І. (заг. аддзела культуры), Дэйніс І. П. (старшыня пастаяннай культурна-асветніцкай камісіі гарвыканкама), Чабатар Г. В. (выкладчык лястэхнікума), Маніс М. А. (завуч школы № 7), Цёмкін (выкладчык гісторыі педвучылішча), Маранкова (заг. аддзела ГК ЛКСМБ), Сухарукаў І. А. (інспектар гарана). З мэтай даступнага наведвання Краязнаўчага музея працоўнымі з 1 лютага 1956 г. уваход стаў бясплатным [6].

Аддзел культуры актыўна арганізоўваў разнастайныя масавыя гуляні. Палачане святкавалі снежны фестываль, свята вясны, свята вуліц, кварталаў, двароў і г. д. Толькі за 10 месяцаў 1965 г. было праведзена 468 масавых мерапрыемстваў, у тым ліку 180 лекцый, 134 тэматычныя вечары, 31 чытацкая канферэнцыя, 123 бібліяграфічныя агляды, аформлена 274 кніжных выстаўкі [6]. Пашырала тэматыку выступленняў гарадская лектарская група. Штомесячна ў Полацку арганізоўваліся ўрачыстыя ўручэнні пашпартоў і провады ў армію.

У канцы сямігодкі ў Полацку займаліся 54 фізкультурныя калектывы з агульнай колькасцю фізкультурнікаў 12,5 тыс. чалавек (кожны 5-ы жыхар горада). З імі працавала 45 штатных фізкультурных работнікаў, з якіх 14 — з вышэйшай адукацыяй і 17 — з сярэдняй [6]. Вялікае значэнне для развіцця фізкультурнага руху мела будаўніцтва стадыёна за валам Івана Грознага, якое пачалося ў 1964 г.

У цэлым перыяд так званай «хрушчоўскай індустрыялізацыі» вызначаўся ростам эканомікі і дабрабыту насельніцтва як ва ўсёй рэспубліцы, так і ў Полацку ў прыватнасці. Выкананне народнагаспадарчых планаў шостага пяцігодкі і сямігодкі, якія аб'яўлялі пераход народнай гаспадаркі на больш высокі тэхнічны

ўзровень вытворчасці, павышэнне ўсіх якасных паказчыкаў і ўздым усіх галін эканомікі, аказала значны ўплыў на развіццё народнай гаспадаркі нашага горада. У адзначаны перыяд прамысловасць Полацка папоўнілася такімі флагманамі хімічнай і нафтаперапрацоўчай галін гаспадаркі рэспублікі, як завод шкловалакна і нафтаперапрацоўчы завод. На базе шматлікіх полацкіх арцеляў былі ўтвораны новыя прадпрыемствы, а многія існаваўшыя значна пашырылі свае вытворчыя плошчы не толькі за кошт будаўніцтва новых карпусоў, але і за кошт аб'яднання вытворчых магутнасцяў. Павышэнне прадукцыйнасці працы і зніжэнне сабекошту прадукцыі не ў апошнюю чаргу было абумоўлена механізацыяй многіх вытворчых працэсаў, устанавленнем аўтаматызаваных паточных і канвеерных ліній. Вялікі ўклад ва ўдасканаленне вытворчасці на сваіх прадпрыемствах унеслі вынаходнікі-рацыяналізатары. Укараненне распрацаваных імі рацыяналізатарскіх прапаноў не толькі павысіла эфектыўнасць вытворчых працэсаў, але і дазволіла атрымаць значную эканомію бюджэтных сродкаў.

Укараненне новага і мадэрнізацыя старога абсталявання дазволіла прадпрыемствам асабіць выпуск дзясяткаў новых відаў прадукцыі. Гэта абумовіла павелічэнне асартыменту тавараў у гандлёвай сетцы Полацка, значнае пашырэнне якой характарызувалася спецыялізацыяй прадпрыемстваў рознічнага гандлю. Значна пашырыўся шэраг паслуг у сферы грамадскага харчавання. З улікам запатрабаванняў гандлёвых прадпрыемстваў першыя паверхі новых жылых будынкаў праектаваліся пад размяшчэнне магазінаў.

Усё вышэй адзначанае спрыяла выкананню і перавыкананню бюджэту горада штогод, і за кошт перавыканання прыбыткавай часткі дадаткова выдзяляліся сродкі на фінансаванне неабходных мерапрыемстваў, такіх як будаўніцтва ўстаноў адукацыі, аховы здароўя, набыццё абсталявання і інвентару, камунальна-жыллёвае будаўніцтва, сацыяльнае забеспячэнне і інш.

У перыяд сямігодкі ў сферы медыцыны ўдалося пераадолець праблемы папярэдняга перыяду і наладзіць абслугоўванне насельніцтва як на ўчастках, у стацыянары, так і на даму. Штогадовыя прафілактычныя агляды, санітарна-асветніцкая дзейнасць урачоў і іншыя меры дазволілі не толькі значна знізіць колькасць выпадкаў захворванняў на інфекцыйныя захворванні, а нават выкараніць такія хваробы, як рахіт, дыфтэрыт, поліяміэліт і разам з тым знізіць смертнасць і павысіць нараджальнасць. Пільная ўвага да аховы мацярынства і дзяцінства спрыяла хуткаму зніжэнню дзіцячай смертнасці. Гэта, у сваю чаргу, выклікала дэфіцыт вольных месцаў у дзіцячых установах Полацка.

З ростам насельніцтва павялічылася і тэрыторыя горада, што выклікала пашырэнне сеткі гарадскіх аўтобусных маршрутаў і рост колькасці адзінак грамадскага транспарту, які гэтыя маршруты абслугоўваў. Гарадскі аўтапарк падладжваўся пад запатрабаванні палачан, арганізоўваючы дадатковыя паслугі грузаперавозкі і змяняючы графік работы таксі, у залежнасці ад раскладу руху цягнікоў.

У разглядаемы перыяд значна пашырылася колькасць паслуг па бытавому абслугоўванню насельніцтва. Палачане сталі набываць больш складанай бытавой тэхнікі — з'явіліся майстэрні па яе рамонту; у магазінах пашырыўся асартымент тканін — быў арганізаваны індывідуальны пашыў адзення (гэта

тычыцца таксама пашыву скуранага абутку, вязання шкарпэтак і панчоx) і г. д. Наладжванню дабрабыту гараджан спрыяла зніжэнне падаткаў, павелічэнне пенсійных выплат і іншыя пераўтварэнні ў сацыяльнай сферы.

Існаваўшую запатрабаванасць у працоўных кадрах павінна было забяспечыць ўвядзенне ў школах вытворчага навучання. Старшакласнікі на вытворчай практыцы ў калгасах, на прадпрыемствах, установах адукацыі асвойвалі азы прафесій і пасля заканчэння школы маглі адразу ўладкоўвацца на працу. Аднак ухіл у бок хуткага пачатку працоўнай дзейнасці адмоўна ўплываў на паспяховасць навучання. У гады «хрушчоўскай індустрыялізацыі» яшчэ былі выпадкі не поўнага ахопу дзяцей школьнага ўзросту навучаннем. Клапаціліся пра дзяцей і ў час летніх канікул, арганізоўваючы адпачынак на прышкольных пляцоўках і ў лагерах.

У перыяд вучэбнага года дзеці і падлеткі мелі магчымасць наведваць шматлікія гурткі пры ДOME п'янераў і Гарадскім доме культуры, які ў сваіх сценах аб'ядноўваў людзей рознага ўзросту. Для моладзі былі арганізаваны ўрачыстыя рэгістрацыі шлюбу і нованароджаных, таленавітыя артысты ігралі ў народным тэатры, кожны жадаючы мог паслухаць лекцыі гарадской лектарскай групы. Гарадскі аддзел культуры ладзіў для палачан разнастайныя святы. Шырыўся рух фізкультурнікаў, для якіх пачалі будаваць новы стадыён у цэнтры Полацка.

Спіс літаратуры і крыніц

1. Зональный государственный архив в г. Полоцке. Путеводитель. 1943—2007 / сост. Т. В. Бувевич, Р. В. Счастливая, И. Д. Третьяк. — Минск: Медисонт, 2011. — 448 с.
2. История Беларуси, 1945—2005 гг.: учеб. пособие для 10-го кл. учреждений, обеспечивающих получение общ. сред. образования, с рус. яз. обучения с 12-летним сроком обучения / В. М. Фомин, С. В. Панов, Н. Н. Ганущенко; пер. с бел. яз. Н. С. Макаревич. — Минск: Изд. центр БГУ, 2006. — 199 с.: ил.
3. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Полацка / рэд. кал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш. — Минск: БелЭн, 2002. — 912 с.: іл.
4. Печалов, А. К. Ликвидация промысловой кооперации Ставрополя и Карачаево-Черкесии / А. К. Печалов // Научно-теоретический журнал «Научные проблемы гуманитарных исследований». — 2010. — Вып. 12. — С. 117—123.
5. Полоцк : ист. очерк / АН БССР. Ин-т истории; редкол.: П. Т. Петриков (отв. ред.) и др. 2-е изд., перераб и доп. — Минск: Наука и техника, 1987. — С. 233—238.
6. Пратаколы пасяджэнняў выканкама Полацкага гарадскога Савета дэпутатаў працоўных з рашэннямі і другімі дадаткамі за 1955—1965 гг. // Занальны дзяржаўны архіў у г. Полацку. — Ф. 658. — Воп. 1. — С. 154—156, 172—173, 175—176, 188—191, 204, 220, 238, 255—256, 283, 285, 305—306, 310, 362, 364, 366, 368—370, 417—419, 422, 480.
7. XX съезд Коммунистической партии Советского Союза: стенографический отчет II / отв. по вып. И. Верховцев, А. Толмачев. — М. : Государственное издательство политической литературы, 1956. — 560 с.

В. М. Даўгун

ПОЛАЦКІЯ ФАТОГРАФЫ КАНЦА ХІХ — ПАЧАТКУ ХХ СТСТ.

З сярэдзіны ХІХ ст. фатаграфічная картка трывала ўвайшла ў жыццё чалавека і стала неад'емнай часткай бытавой культуры: гэта і сямейныя альбомы, фатаграфіі на памяць, захаваныя імгненні нашага жыцця, і фотахронікі гістарычных падзей. Да пачатку ХХ ст. удасканаленні ў галіне тэхнікі прыкметна палегчылі працэс здымкі і друку і зрабілі светлапіс даступным прыбытковым рамяством.

На тэрыторыі Беларусі фатаграфія вядома з 1860-х гг. Першымі былі адкрыты фотамайстэрні ў Мінску, Віцебску, Магілёве, Гродна.

Першае ўпамінанне аб фатаграфіе з Полацка адносіцца да канца 1870-х гг., калі ў Расійскай імперыі быў падрыхтаваны «Альбом костюмов России» з 532 фотаздымкамі разнастайных тыпаў мужчынскага народнага касцюма. У стварэнні фотаздымкаў для альбома прымаў удзел Іосіф Дабравольскі з Полацка [13].

Уладальнікі фотамайстэрняў у Полацку: І. Лісецкі, Я. Багданаў і А. Мігуцкі — згаданы ў «Справочной книжке фотографа» В. І. Срэзнеўскага, выдадзенай у 1889 г. у Санкт-Пецярбургу, якая з'яўлялася першай спробай сабраць звесткі аб расійскіх фатаграфіях [11].

У часопісе «Фотограф-любитель» № 5 за 1892 г., які выходзіў у Санкт-Пецярбургу, была змешчана аб'ява: «Фотография в городе Полоцке, хорошо зарекомендованная, дающая более двух тысяч годового оборота, продаётся очень дёшево, по случаю семейных обстоятельств. Об условиях узнать письменно или лично в г. Полоцке, Витебской губ., в фотографии Лисецкого, у Стефании Лисецкой». Стэфанія (Сцепаніда) Лісецкая, верагодна, сваячка фатаграфа І. І. Лісецкага, была ўладальніцай фотамайстэрняў у Полацку і Смаленску [14]. Мы можам толькі здагадацца, якія абставіны вымусілі яе прадаваць прыбытковое прадпрыемства.

«Спіс гандлёвых і прамысловых прадпрыемстваў па г. Полацку за 1895 г.» [2] утрымлівае наступныя звесткі аб фатаграфіях:

- вул. Ніжне-Пакроўская, уласны дом, фатаграфія двараніна Фадзея Ігнатавіча Дабравольскага;
- вул. Ніжне-Пакроўская, дом Эпштэйна, фатаграфія выкладчыка Полацкага кадэцкага корпуса, класнага мастака, Юлія Юльевіча Рэйнберга. *Мае 1 апарат і 1 вучня;*
- вул. Прабойная, дом Брэшна, фатаграфія полацкага мешчаніна Абрама Шыфа. *Мае 1 апарат і 1 вучня, сума абароту за год 1 000 руб., прыбытак склаў 10 працэнтаў;*
- вул. Спаская, дом Гордзіна, фатаграфія прускага падданага, двараніна Густава Іосіфава фон Дугласа. *Мае 1 апарат і 1 вучня, сума абароту за год 2 000 руб., прыбытак склаў 10 працэнтаў.*

Мал. 1. Фотаздымак Берманта Ю. Р. 1903—1904 гг.

Гэтыя ж фатографы згаданы і ў «Памятной книжке Витебской губернии на 1895 годъ» [7].

Цікава, што Густаў фон Дуглас даводзіўся родным пляменнікам вядомаму беларускаму географу, даследчыку Сібіры — Яну Чэрскаму (1845—1892 гг.). Родная сястра Я. Чэрскага Міхаліна ў 1864 годзе выйшла замуж за Іосіфа фон Дугласа, у іх шлюбе нарадзілася чацвёра дзяцей: Генрых, Густаў, Ірына і Марыя [10].

У 1907 г. прашэнне аб адкрыцці (перарэгістрацыі?) фатаграфіі падавалі: полацкі мешчанін Іван Іванавіч Лісецкі [6], віленскі мешчанін Ярух Абрамавіч Бернштэйн [5] і полацкі мешчанін Моўша-Горшэн Шмуйлавіч Лабран, які жыў у Полацку на Задзвінскай вуліцы ў доме Абрама Пятава. У сваім прашэнні Лабран піша, што прыбыў у Полацк з Дзвінска ў студзені 1907 г. [4].

У 1910 г., адпаведна «Путеводителю по городу Полоцку» [9], у горадзе існавалі фатаграфіі:

- Ю. Р. Берманта, вул. Віцебская, дом Хейна;
- Б. А. Шыфа, вул. Віцебская, дом Лур'е;
- Бернштэйна, вул. Віцебская, дом Гордзіна.

У экспазіцыі Музея беларускага кнігадрукавання знаходзіцца альбом з фотаздымкамі, якія адлюстроўваюць святкаванні, звязаныя з пераносам мошчаў святой Еўфрасінні Полацкай у 1910 г. З вялікай доляй верагоднасці можна казаць, што аўтарам гэтых фотаздымкаў з'яўляецца Мікалай Тарасавіч Міронаў.

Полацкі павятовы фатограф М. Т. Міронаў у 1911 г. быў узнагароджаны Сярэбраным медалём «Императорского Русского технического общества» на выстаўцы мастацка-архітэктурных фотаздымкаў за «полно сфотографированные церкви гор. Полоцка» і атрымаў пахвальны водгук на конкурсе часо-

Мал. 2. Фотаздымак Бернитэйна І. 1908—1917 гг.

піса «Фотографические новости». Яго фотаздымкі да артыкула «Сгоревший городъ» аб вялікім пажары ў Полацку ў ліпені 1912 г. былі змешчаны ў часопісе «Всемирная панорама» (КП22-33297), выдадзеным у Санкт-Пецярбургу 12 жніўня 1912 г. [1]. Гэты часопіс набыты ў збор НПГКМЗ на пачатку мінулага года на аўкцыёне Molotok.ru.

У музейным зборы НПГКМЗ захоўваюцца 15 фотаздымкаў пяці фатографіаў, якія працавалі ў Полацку ў канцы XIX — пачатку XX ст.: Ю. Р. Берманта, І. Бернштэйна, І. І. Лісецкага, С. А. Сінайскага і А. А. Шыфа.

Фотастудыі большасці пералічаных фатографіаў знаходзіліся ў цэнтры горада на вуліцы Віцебскай, якая была перайменавана ў 1912 г. у Аляксандраўскую. На сёняшні час — гэта няцотны бок праспекта Ф. Скарыны.

Усе здымкі полацкіх фатографіаў — партрэтныя і групавыя — выкананы ў студыі. Практычна ўсімі фатографіамі выкарыстоўваліся распісанія заднікі і аксесуары: крэслы з высокай спінкай, драўляныя лаўкі, бутафорскія калоны і балюстрады з пап'е-машэ.

Што тычыцца фарматаў фатаграфій, то самым папулярным (з-за кошту) быў «візітны» (6,2x10,1; 6,5x10,5 см). Гэтыя фотаздымкі заказвалі тузінамі і дарылі сваякам і сябрам, змяшчалі ў альбомы. У азначанай калекцыі — 10 фотаздымкаў фармату «візіт-партрэт».

Наступнымі па папулярнасці былі фотаздымкі «кабінет-партрэт» (10,8x16,6; 11,0x17,0): іх змяшчалі ў альбомы і ставілі ў рамках на стол ці камінную паліцу (5 адзінак).

Фотаздымкаў фармату «праменад» (10,5x21,0 см), якія змяшчалі на блан-

Мал. 3. Фотаздымак Лісецкага І. І. Канец XIX — пач. XX стст.

ках-паспарту «макарт-партрэт», сярод фотаздымкаў полацкіх фатографіаў няма.

Бланкі паспарту былі па памеры некалькі больш за фатаграфіі і не толькі надавалі ім, надрукаваным на тонкай альбумінавай паперы, эlegantны выгляд, але і служылі для іх захаванасці.

Фатографы-прафесіяналы выкарыстоўвалі кардонныя бланкі паспарту і ў рэкламных мэтах: указвалі адрас сваёй установы і атрыманыя ўзнагароды. Гэта інфармацыя сёння можа выкарыстоўвацца для атрыбуцыі фатаграфій, у тым ліку, для вызначэння даціроўкі. Пры гэтым важна ведаць не толькі назву, месцазнаходжанне або імя ўладальніка фатаграфічнага атэлье, але і літаграфічную майстэрню, дзе быў выраблены бланк. Як правіла, назва літаграфіі змяшчалася на самім бланку, і калі ведаць час дзейнасці той ці іншай майстэрні, то гэта можа істотна палегчыць даціроўку старых фатаграфій.

Медалі, намаляваныя на бланку, расказваюць пра тое, дзе і калі праводзіліся выстаўкі, у якіх удзельнічаў і вызначыўся ўладальнік фатаграфічнай установы. Выставы, у якіх прымалі ўдзел фатографы, былі самыя разнастайныя: фатаграфічныя, політэхнічныя і нават мануфактурныя. Выявы атрыманых ўзнагарод наносіліся на паспарту па меры іх атрымання, таму яны з'яўляюцца для нас пацвярджэннем даціроўкі фотаздымкаў.

Бермант Юдэль Рубінавіч. Фатаграфія слуцкага мешчаніна Юдэля Рубінавіча Берманта была адкрыта 14 сакавіка 1898 г. Пасведчанне № 1442 [3].

У фондах НПКМЗ захоўваюцца 7 дарэвалюцыйных фотаздымкаў фатографіа Ю. Р. Берманта (КП1-473, КП6-2791, КП15-13200, КП20-24899, КП22-32396, КП22-33209, КП22-34661). Найбольш ранні фотаздымак (КП6-2791) з выявай

Мал. 4. Фотаздымак Сінайскага А. С. 1912—1917 гг.

удзельніка рэвалюцыйных падзей на Полаччыне Пятра Пятровіча Шалкоўскага датаваны са слоў здатчыка 1903—1904 гг. Бланкі паспарту для гэтага фотаздымка і для фотаздымка з выявай дзяўчынкі (КП22-34661) былі выраблены ў літаграфічай майстэрні Оттана Флека ў Варшаве.

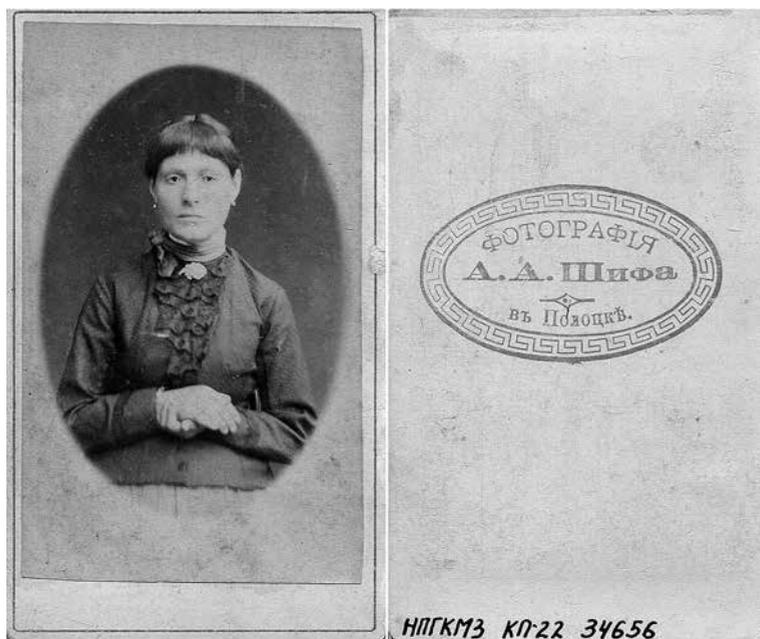
Флек Оттан, літаграф у Варшаве ў 1890-х гг. [14].

Больш познія фотаздымкі гэтага фатографа (або яго нашчадка) выкананы ў канцы 20-х гг. ХХ ст. Адрас фотаатэлье: Віцебская вул., дом Левіна, ці як указана на бланку паспарту «Віцебская вул., бліз Помніка». Фармат фотаздымкаў «візіт-партрэт» і «кабінет-партрэт».

Фатаграфія Берманта была ўзнагароджана Ганаровым крыжом (1908 г.), Вялікім залатым медалём на выстаўцы ў Марсэлі (1908 г.), Вялікім сярэбраным медалём на выстаўцы Віцебскай губ. (1909 г.), сярэбраным медалём «За усердие» на Станіслаўскай стужцы (1909 г.). Медаль «За усердие» на Станіслаўскай і Анінскай стужках «жаловался» грамадзянскім чыноўнікам разнастайных ведамстваў, а таксама майстрам для заахвочвання да працавітасці і за асаблівыя заслугі. Пахвальныя лісты фатаграфія Берманта атрымлівала ў 1910, 1911 і 1912 гг.

Для найбольш позняга фотаздымка (КП20-24899) бланк паспарту быў выраблены ў літаграфічнай майстэрні «Тальбот», г. Вільна.

Бернітэйн І. (поўнае імя невядома). У фондах НПКМЗ два фотаздымкі (КП5-2473, КП15-13201), датаваныя пачаткам ХХ ст. Адзін з іх (КП5-2473) выкананы пасля 1908 г., так як на паспарту адлюстраваны Залаты медаль, атрыманы на выстаўцы 1908 г. у Растове. Адрас на паспарту: вул. Віцебская, дом Гордзіна. Фармат фотаздымкаў «візіт-партрэт».

Мал. 5. Фотаздымак Шыфа А. А. Канец XIX — пач. XX стст.

На інтэрнэт-аўкцыёнах сустракаюцца фотаздымкі Бернштэйна з ініцыялам «Е» і тым жа адрасам на паспарту. У красавіку 1907 г. віленскі мешчанін Ярух (руск. Ерух) Абрамавіч Бернштэйн, верагодна, бацька І. Бернштэйна, падаваў прашэнне аб адкрыцці фотамайстэрні ў Полацку. У звароце выказвалася просьба атрымаць дакументы яго швагру Гіршы Мееравічу Левінтаву [5]. Магчыма, Ярух Абрамавіч на гэты час быў ужо сталага ўзросту, таму фатаграфічная справа хутка перайшла яго нашчадку з ініцыялам «І». Хутчэй за ўсё І. Бернштэйн узначаліў фотамайстэрню ў канцы 1907, або на пачатку 1908 г.

Таксама ў прашэнні аб адкрыцці фотамайстэрні было змешчана памылковае напісанне прозвішча фатографа: «Беренштэйн». Такое ж напісанне сустракаецца і на правым баку бланкаў паспарту. Аднак на адваротным баку гэтых жа бланкаў надрукавана правільнае напісанне прозвішча. Таму можна з упэўненасцю сцвярджаць, што прозвішча фатографаў — Бернштэйн.

Адзін з бланкаў паспарту (КП15-13201) быў выраблены ў літаграфічнай майстэрні Іосіфа Іосіфавіча Пакорнага, г. Лібава (зараз Ліепая, Латвія), не раней 1904 г.

Пакорны Іосіф Іосіфавіч (1862—1914 гг.), літограф. Працаваў у Адэсе (з 1879 г.), Кіеве (1890—1895 гг.), Маскве (1895—1896 гг.), Лібава (1904—1914 гг.) [14].

Лісецкі Іван Іванавіч. Два фотаздымкі (КП22-33206, КП22-34657). Адзін з іх датаваны па дароўнаму надпісу 1892 г. Фармат фотаздымкаў «візіт-партрэт».

У прашэнні аб адкрыцці фатаграфіі ў 1907 г. полацкі мешчанін І. І. Лісецкі піша: «...я постоянно прилагаю все старания к самому почётному и добросо-

вестному выполнению заказов по фотографии, вследствие чего удостоился внимания публики настолько, что в настоящее время имею уже несколько приглашений в другие города...» [6]. Лісецкі быў уладальнікам фотастудый у Полацку і Лепелі.

Сінайскі А. С. Адзін фотаздымак 1912—1917 гг. (КП17-18986). Фотаздымак быў выкананы не раней 1912 г., паколькі на паспарту ў адрасе фатографа адзначана «Полоцкъ. Витеб. Губ. Александровская ул.», а вуліца Віцебская ў г. Полацку была пераіменавана ў Аляксандраўскую у 1912 г. Адрас фотастудыі: вул. Аляксандраўская, д. Фаенсона. Фармат фотаздымка «кабінет-партрэт».

Шыф Абрам Аронавіч. Фатаграфія полацкага мешчаніна Абрама Аронавіча Шыфа была адкрыта 6 лютага 1895 г. на вул. Прабойнай, у доме Брэшна. Пасведчанне № 819 [3].

У фондах запаведніка тры фотаздымкі Абрама Аронавіча Шыфа (КП22-33207, КП22-33208, КП22-34656), якія датаваны канцом XIX — пачаткам XX стст. На адваротных баках фотаздымкаў — адбітак штампа авальнай формы з надпісам «Фотография А. А. Шифа въ Полоцке» ў абрамленні меандра.

Згодна з «Путеводителем по городу Полоцку» 1910 г. [9], ініцыялы фатографа Шыфа — «Б.А.». І калі гэта не памылка, то можна меркаваць, што Абрам Аронавіч Шыф з’яўляецца бацькам фатографа Б. А. Шыфа, паколькі фатаграфічная справа патрабавала вялікіх выдаткаў на абсталяванне і часцей за ўсё перадавалася ў спадчыну. Відавочна, што вучыцца гэтай справе ён мог ў свайго бацькі-прафесіянала.

Адрас фотастудыі Шыфа Б. А. (сына?): вул. Віцебская, дом Лур’е [9].

Адрасы фотастудыі Шыфа А. А. (бацькі?): вул. Прабойная, дом Брэшна [2]; вул. Віцебская, д. Гейлікмана [14]. Фармат фотаздымкаў «візіт-партрэт» і «кабінет-партрэт».

Такім чынам, вядомы імёны 16 полацкіх фатографаў канца XIX — пачатку XX стст. Гэта: Багданаў Я., Дабравольскі Іосіф, Дабравольскі Фадзей Ігнатавіч, Бермант Юдэль Рубінавіч, Бернштэйн Ярух Абрамавіч, Бернштэйн І., Лабран Моўша-Горшэн Шмуїлавіч, Лісецкі Іван Іванавіч, Лісецкая Стэфанія (Сцепаніда), Міронаў Мікалай Тарасавіч, Мігуцкі А., Рэйнберг Юлій Юльевіч, Сінайскі А. С., фон Дуглас Густаў Іосіфаў, Шыф Абрам Аронавіч, Шыф Б. А.

Фотаздымкі пяці з іх (Берманта Ю. Р., Бернштэйна І., Лісецкага І. І., Сінайскага С. А. і Шыфа А. А.) захоўваюцца ў музейным зборы НППКМЗ, а фотаздымкі Міронава М. Т. вядомы нам па публікацыі ў часопісе «Всемирная панорама».

Пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі працягвае актыўна працаваць фатограф Бермант. Фонды НППКМЗ налічваюць 16 фотаздымкаў 1918—1930 гг., на якіх ёсць штамп фатографа або надрукавана яго прозвішча. Нельга казаць з упэўненцю, што гэта менавіта Юдэль Рубінавіч. Магчыма, працу ў фотастудыі працягваў яго нашчадак.

На адваротным баку фотаздымкаў (КП2-1190/10, КП5-2518/1,3; КП5-2747, КП6-3046, КП15-14119, КП15-14120, КП15-14121, КП18-22586, КП18-22587, КП18-22588, КП18-28920, КП18-28921) знаходзіцца адбітак штампа фіялетавага або чырвонага колеру авальнай формы з надпісам: «Фотография Берманта Полоцк». Сустрэкаюцца два варыянты штампаў: на адным — надпіс з выкарыстаннем дарэвалюцыйнай арфаграфіі, на другім — сучаснай.

Тры фотаздымкі (КП2-1190/3, КП5-2518/2, КП19-24894) падпісаны на правым баку: «Фот. Бермант// Полоцк». Надпісы выкананы ў ніжніх вуглах фотаздымкаў, у два радкі, фатаграфічным спосабам.

Акрамя таго, у калекцыі фотадакументаў НПКМЗ ёсць шмат фатаграфій, якія былі выкананы ў інтэр'еры фотастудыі Берманта. Прыкметная завеса з махрамі і малюнкам у стылі мадэрн, дыван на падлозе, маляваныя заднікі, стол, пад якім — цыліндрычны кошык для паперы. Усё гэта пераходзіць з аднаго фотаздымка ў другі. Але ж адзін фотаздымак (КП19-24895) 1929 г., з вельмі нам знаёмым інтэр'ерам, мае надпіс на правым баку: «Фот. Красная светопись» і штамп на адваротным баку з надпісам: «Художественная фотография «Красная светопись» Городского комитета о-ва Взаимопомощи // Полоцк, ул. К. Маркса № 4». Відавочна, што гэты фотаздымак быў выкананы ў памяшканні фотастудыі Берманта пасля яе нацыяналізацыі.

Спіс літаратуры

1. Всемирная панорама. — СПб.: Типография Т-ва Издательского Дела «Копейка», 1912. — № 173—32.
2. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). — Фонд 2523. — Оп. 1. — Д. 6. Список торговых и промышленных предприятий по г. Полоцку за 1895 г.
3. НГАБ — Фонд 1430. — Оп. 1. — Д. 43942. Ведомость типографий, литографий, а также заведений производящих и продающих произведения тиснения в г. Полоцке. 1899 г.
4. НГАБ — Фонд 1430. — Оп. 1. — Д. 38538. — Л. 66—68. Прошение об открытии фотографии в г. Полоцке Мовши-Горшен Шмуиловича Лабрана. 1907 г.
5. НГАБ — Фонд 1430. — Оп. 1. — Д. 38538. — Л. 97. Прошение об открытии фотографии в г. Полоцке Еруха Абрамовича Беренштейна. 1907 г.
6. НГАБ — Фонд 1430. — Оп. 1. — Д. 38538. — Л. 113. Прошение об открытии фотографии в г. Полоцке Лисецкого И.И. 1907 г.
7. Памятная книжка Витебской губернии на 1895 годъ / Издание Витебского Губернского Статистического комитета. — Витебск: Губернская типография, 1895. — с. 188.
8. Поляков, С. И. Полоцкий кадетский корпус. История в лицах / С. И. Поляков. — Полоцк: Полоцкое кн. изд-во: Спасо-Евфросиниевский женский монастырь в г. Полоцке, 2010. — С. 45.
9. Путеводитель по городу Полоцку: к торжеству перенесения святых мощей пр. Евфросинии, княжны Полоцкой из г. Киева в г. Полоцк / Издание Полоцкого церковного братства. — Полоцк: Типография Х. В. Клячко, 1910.
10. Рудаков, О. В. Неизвестные факты из биографии Я. Д. Черского и его семьи // Прибайкалье [Электронны рэсурс]. — Режим доступа: <http://www.pribaikal.ru/obl-events/article/2457.html>. — Дата доступа: 20.02.2015.
11. Срезневский, В. И. Справочная книжка фотографа / сост. В. И. Срезневский. — 3-е изд., исправ. и знач. доп. — СПб.: тип. Е. Евдокимова, 1889.

12. Студзенікіна, Ю. У. Да пытання аб гандлі ў Полацку ў канцы XIX ст. // Полацкі музейны штогоднік (зборнік навуковых артыкулаў за 2010 г.) / укл. Т. А. Джумантаева, А. У. Шумовіч, Т. Р. Смірнова. — Полацк: НПКМЗ, 2011. — С. 97—136.
13. Фотография: энциклопедический справочник/ редкол.: Бояров П. И. [и др]. — Минск: Беларуская энцыклапедыя. — 1992. — С. 37.
14. Фотографы и фотографические ателье дореволюционной России // Большой Русский Альбом [Электронны рэсурс]. — Режим доступа: <http://www.rusalbom.ru/foto-atelie.html>. — Дата доступа: 17.02.2015.

Г. П. Зуева

РАСІЙСКІЯ ВЫДАННІ ПАЧАТКУ XX СТ. У ФОНДАХ НПКМЗ

У фондах Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка (НПКМЗ) захоўваецца цікавая калекцыя расійскіх выданняў пачатку XX ст. (да 1917 г. уключна). Трэба адзначыць, што па тэматычнаму складу калекцыя даволі разнастайная. У яе ўваходзяць кнігі рознай тэматыкі: падручнікі і іншыя навучальныя дапаможнікі; даведачныя выданні, слоўнікі, энцыклапедыі; літаратура рэлігійна-маральнага зместу; белетрыстыка; дзіцячая літаратура; народныя выданні; кнігі па прыродазнаўчых навуках і медыцыне; кнігі па прамысловасці, сельскай гаспадарцы, гандлі; кнігі па гісторыі, археалогіі, мовазнаўству; кнігі па заканадаўству; кнігі ваеннай тэматыкі; нелегальныя выданні.

Большая частка кніг, што ўваходзяць у калекцыю, былі выдадзены ў Пецярбургу і Маскве. Гэтыя два гарады ў пач. XX ст. заставаліся галоўнымі выдавецкімі цэнтрамі Расіі. Менавіта тут былі сканцэнтраваны многія магутныя ўніверсальныя выдавецтвы, друкарні, літаграфіі, кніжныя крамы.

Выдавецкай справай займаліся як прыватныя, так і казённыя друкарні, пры гэтым прыватных было значна больш, чым казённых. Напрыклад, у Пецярбургу, па дадзеных інспектарскага нагляду, у пач. XX ст. прыватных друкарняў і літаграфій было 263, казённых — 19.

Выдавецкай дзейнасцю ў пачатку XX ст. працягвалі займацца Пецярбургская Акадэмія навук, універсітэты, навуковыя таварыствы. На першым месцы стаяла друкарня Акадэміі навук, якая на працягу многіх гадоў в выпускала шэраг каштоўных навуковых выданняў. З 1906 г. выдаваліся «Известия Императорской Академии наук». У гэтым выданні публікаваліся працы вучоных Акадэміі, аб'яднаных у фізіка-матэматычным і гісторыка-філалагічным аддзяленнях. У фондах НПКМЗ захоўваецца 9-ты том «Известий» за 1915 г. Свой «Сборник» працягвала выдаваць «Отделение русского языка и словесности» Акадэміі навук. 89 том «Сборника», дзе змешчаны 6-я і 7-я кні-

гі «Хроники Иоанна Малалы въ славянскомъ переводе», 1911 г. (КП11-6475), захоўваецца у фондах. Правёў даследванне вышэй названых кніг «Хроники» і падрыхтаваў да выдання вядомы расійскі літаратуразнаўца, спецыяліст па старажытнаславянскім помнікам В. М. Истрын.

Значнай прадукцыйнасцю адрознівалася друкарня Маскоўскага ўніверсітэта. У разглядаемы перыяд выдаваліся «Ученые записки Императорского Московского университета». У калекцыю ўваходзяць «Ученые записки» за 1901—1916 гг. (17 адзінак захоўвання). У друкарні Імператарскага Маскоўскага ўніверсітэта была выдадзена кніга П. Нікольскага «Друкаръ книгъ предъ тымъ невиданныхъ. (Памяти первопечатника Ивана Фёдорова)», 1909 г. (КП9-4955).

У пачатку XX ст. працягвалі сваю дзейнасць знакамітыя прыватныя выдавецтвы і друкарні, створаныя яшчэ ў XIX ст. Некаторыя з іх перажылі сваіх стваральнікаў і працавалі пад іх імёнамі. Напрыклад, «Товарищество М. О. Вольф». Пасля смерці ў 1883 г. заснавальніка фірмы, пецябургскага выдаўца і кнігагандляра Маўрыкія Восіпавіча Вольфа, гэтае таварыства працягвала развіваць яго справу кнігавыдання і кніжнага гандлю. «Товарищество М. О. Вольф» займалася выдавецкай дзейнасцю да 1917 г. Некалькі кніг, выдадзеных гэтым Таварыствам у пач. XX ст., знаходзяцца ў фондах запаведніка. Сярод іх першы зборнік лірыкі для дзяцей паэтэсы і дзіцячай пісьменніцы Марыі Андрэеўны Пажаравай — «Среди детей, игрушек и зверьков. Книга для маленьких резвущек и для веселых шалунов», 1910 г. (КДФ4-3993). У гэтым жа выдавецтве ў серыі «Моя первая библиотека. Собрание полезныхъ книгъ для малыхъ детокъ» пабачыла свет яшчэ адна дзіцячая кніга — «Моя первая книга стиховъ», 1912 г. (КДФ4-3994). Складальнік — Марыя Лемке. Кніга з'яўляецца зборнікам вершаў для дзяцей ад 4-х да 8-мі гадоў, у ёй змешчаны творы розных расійскіх паэтаў.

У 1907 г., выконваючы завяшчанне Адольфа Фёдаравіча Маркса (памёр у 1904 г.), яго выдавецтва было ператворана ў «Товарищество издательского и печатного дела А. Ф. Маркса». Таварыства працягвала выдаваць «Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения к журналу «Нива». У фондах НППГМЗ знаходзяцца падшыўкі гэтых «Приложений» (20 адзінак захоўвання). У якасці дадаткаў да часопіса «Нива» выпускаліся асобнымі выданнямі зборы твораў вядомых пісьменнікаў і паэтаў. Напрыклад, поўны збор твораў Генрыха Гейнэ. У фондах 2-гі том гэтага збора. (КП9-4893).

Уваходзяць у калекцыю і выданні такога знакамітага выдавецтва, як «Товарищество И. Н. Кушнеров и К^о», створанага яшчэ ў 1876 г. Пасля смерці Івана Мікалаевіча Кушнерава ў 1896 г. яго фірма працягвала сваю дзейнасць да 1918 г., носячы імя заснавальніка. Сярод выданняў гэтай фірмы — кніга «Европейская Россія. Иллюстрированный географическій сборникъ», Масква, 1906 г. (КП7-3720/431). Кніга утрымлівае 74 артыкулы, у якіх апісваюцца землі і гарады еўрапейскай часткі Расійскай імперыі, народы, якія там пражываюць, іх быт, гаспадарчая дзейнасць (беларускія землі апісваюцца ў артыкулах «У литовцевъ», «Беловежская пуца», «Полесье и его обитатели», «По Западному краю»). У выдавецтве «Товарищество И. Н. Кушнеров и К^о» пабачыў свет 1 выпуск трэцяга тома працы Я. Карскага «Беларусы» — «Очерки словесности белорусскаго племени. 1. Народная поэзія», 1916 г. (КП17-19925). Даследаванні Яўхіма Карскага — філолага-славіста, этнографа, фалькларыста, заснавальніка

беларускага мовазнаўства і літаратуразнаўства — выдзяляюцца сярод прац па беларускаму мовазнаўству. Яўхім Карскі выдатна ведаў Беларусь. Вынікам навуковых экспедыцый і падарожжаў Яўхіма Фёдаравіча па вывучэнні Беларусі з’явілася выданне ім фундаментальнай трохтомнай працы «Беларусы», якая стала самым буйным і грунтоўным творам у галіне беларусістыкі і не мела аналагаў у іншых славянскіх краінах. Першы том «Беларусаў» пад назвай «Введеніе въ изученіе языка и народной словесности» быў надрукаваны ў Варшаве ў 1903 г. Там жа пазней убачыў свет другі том — «Языкъ белорусскаго племени». Трэці том, «Очерки словесности белорусскаго племени», складаўся з трох выпускаў і выходзіў у 1916—1922 гг. у Петраградзе і Маскве.

У пач. XX ст. узмацнілася спецыялізацыя большасці буйных выдавецтваў. Па-ранейшаму значную ролю ігралі выдавецтвы Рыккера, Дзеўрыена, Стасюлевіча. Кнігі гэтых выдаўцоў прадстаўлены ў калекцыі.

У выдавецтве Дзеўрыена выйшла кніга «Россія. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русскихъ людей». Том дзвяты. «Верхнее Поднепровье и Белоруссія», С-Пб., 1905 (КП6-3005). У састаўленні дзвятага тома ўдзельнічалі В. П. Сямёнаў-Цян-Шанскі, М. В. Доўнар-Запольскі, Д. З. Шэндрык, А. К. Кабанаў, А. П. Сапуноў. У кнізе апісваецца прырода, клімат, раслінны і жывёльны свет, насельніцтва, яго этнаграфічны склад, быт і культура, промыслы і заняткі, шляхі зносін, чыгуначныя лініі Верхняга Падняпроўя і Беларусі. Ёсць старонкі, прысвечаныя Полацку.

Шырокай папулярнасцю карысталіся дзіцячыя кнігі, выдадзеныя Дзеўрыенам. У калекцыю ўваходзіць адна з дзіцячых кніг, выдадзеных Альфрэдам Фёдаравічам Дзеўрыенам «Сказкі Деда-всеведа» (КДФ4-3992). Кніга з’яўляецца зборнікам дзіцячых казак, у якім змешчаны як рускія народныя казкі, так і казкі еўрапейскіх аўтараў. У фондах НППКМЗ знаходзіцца 3-е выданне гэтай кнігі. Першае пабачыла свет у 1900 г., другое ў 1902. Трэба адзначыць, што кніга гэта не раз перавыдавалася і ў сучаснай Расіі. Двойчы ўжо ў нашыя дні кнігу выпускала выдавецтва АСТ. Апошні раз у 2014 г. кніга выйшла ў выдавецтве Эксмо.

У пач. XX ст. у паліграфічнай прамысловасці, выдавецкай справе і кніжным гандлі адбываецца цэнтралізацыя капіталу, у выніку чаго пачынаюць узнікаць акцыянерныя прадпрыемствы, зацвярджаюцца паявыя таварыствы з асноўным капіталам у сотні тысяч рублёў.

Працэс канцэнтрацыі друкарскай вытворчасці суправаджаўся жорсткай канкурэнтнай барацьбой, у ходзе якой разараліся многія прадпрыемствы, якія станавіліся здабычай буйных прадпрымальнікаў. У ліку разарыўшыхся былі два буйнейшыя маскоўскія прадпрыемствы — Таварыства А. І. Мамантава і «Русское товарищество печатного и издательского дела». Некаторыя фірмы, такія, напрыклад, як «Товарищество Вольфа», Выдавецтва Глазуновых, хаця і захаваліся, але пачалі згортваць сваю дзейнасць. Нават «Товарищество издательского и печатного дела А. Ф. Маркса» ў 1916 г. вымушана было прадаць большасць сваіх паёў.

У краіне ствараліся буйныя друкарска-выдавецкія камбінаты, якія канцэнтравалі ў сваіх руках значную долю працэсу вытворчасці і продажу кніг. Вядучае становішча на маскоўскім і ўсерасійскім рынку ў пач. XX ст. займала

фірма Івана Дзмітрыевіча Сыціна — буйнейшае ў краіне аб'яднанне ў галіне кнігавыдання, друкарскай справы і кніжнага гандлю. Гісторыя гэтай фірмы — наглядны прыклад канцэнтрацыі вытворчасці ў выдавецкай справе і паліграфічнай прамысловасці. Ператварэнне Сыціна з дробнага прадпрымальніка, які валодаў у 1876 г. невялікай літаграфіяй з адной друкарскай машынай і асноўным капіталам у памеры некалькіх сот рублёў, у главу буйнейшага ў Расіі друкарска-выдавецкага і кнігагандлёвага камбіната з паявым капіталам у некалькі мільёнаў рублёў, адбылося менш чым за 30 гадоў. Канкурыраваць з Сыціным іншыя выдавецкія фірмы проста не маглі. У дзейнасці таварыства Сыціна выразна праявіліся тэндэнцыі манапалізаваць рускі кніжны рынак.

У пач. XX ст. да яго фірмы былі далучаны друкарня Васільева і літаграфія Салаўёва. У 1913 г., не вытрымаўшы канкурэнтнай барацьбы, спыніла самастойнае існаванне і перайшло ва ўласнасць Сыціна адно з буйнейшых лубачных «народных» выдавецтваў Масквы «Торговый дом Е. И. Коноваловой». Напярэдадні вайны 1914 г. да таварыства Сыціна была далучана тыпалітаграфія Кудзінава. У 1916 г. менавіта таварыства Сыціна набыло большасць паёў «Товарищества книгоиздательского и печатного дела А. Ф. Маркса» («Нива»), у выніку чаго Сыцін стаў па сутнасці ўладальнікам і гэтай адной з самых старэйшых выдавецкіх фірм. У 1910 г. таварыства Сыціна выпускала прыкладна столькі ж кніг, колькі 8 буйнейшых пецяярбургскіх фірм разам узятых (у тым ліку Вольфа, Рыккера і Дзеўрыена). У фондах захоўваецца 7 выданняў Таварыства І. Д. Сыціна пач. XX ст.: Сярод іх — юбілейныя выданні «Великая реформа 19 февраля 1861—1911» Т. II, 1911 г. (КП17-17930); «Отечественная война и русское общество 1812—1912» Т. I, II, III, 1911—1912 гг. (КП6-3004; КП5-2545; КП7-3741).

Буйнейшым пецяярбургскім манапалістам у кніжнай справе Расіі ў к. XIX — пач. XX ст. заставаўся Аляксей Сяргеевич Суворын. Ён выдаваў кнігі самага рознага плану. У 1906 г. выйшла кніга «О государстве русском и образе правления русского царя с описанием нравов и обычаев жителей этой страны. Сочинение Флетчера» (КП17-19469). У 1911 г. было створана акцыянернае таварыства А. С. Суворына «Новое время», якое кантралявалася «Волжско-Камским камерцыйным банком». Гэтае таварыства ў калекцыі прадстаўлена кнігай Д. Кайгародава «Наши весенние цветы». Сборник популярных очерков. 1915 г. (КП-12 6988).

Яшчэ адным буйным акцыянерным таварыствам было нямецка-рускае выдавецтва «Ф. А. Бракагуз и И. А. Эфрон», заснаванае ў канцы 80-х гадоў XIX ст. Яго арганізатарамі былі рускі прадпрымальнік Ілля Абрамавіч Эфрон і лейпцыгская выдавецкая фірма «Ф. А. Бракагуз». Выдавецтва набыло шырокую вядомасць сваімі энцыклапедычнымі выданнямі. У 1890 годзе яно прыступіла да выпуску «Энцыклапедычнага слоўніка», завершанага ў 1907 г. і саставіўшага 86 тамоў. У рэдагаванні слоўніка прымалі ўдзел выдатныя дзеячы навукі — Д. І. Мендзялееў, А. Н. Бекетаў, К. К. Арсеньеў, Ф. Ф. Петрушэўскі, В. І. Салаўёў і інш. Тыраж слоўніка дасягнуў 75 000 экзэмпляраў. У калекцыю уваходзіць 19 том гэтага слоўніка.

Не меншай папулярнасцю карысталіся серыйныя выданні Бракагуза і Эфрона. Серыя «Библиотека великих писателей» у калекцыі прадстаўлена 3-м

і 6-м тамамі збора твораў Пушкіна, выдадзенымі ў 1909 г. (КП15-15556; КП15-15669). Серыя «Історія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе века и новое время» — кнігай Міжуевъ П. Г. «Історія Колоніальнай імперіі і колоніальнай палітыкі Англіі». 1902 г. (КДФ4-1930/162). Папулярнымі былі і такія серыі, як «Дешевае бібліятэка самоаазаваіа», «Бібліятэка естествознаіаіа» і іаіа. На ўсе гэтыя серыі можна было падпісацца. Імкнучыся да павелічаіаіа колькасці падпісчыкаў, выдавецтва Бракагаўза і Эфрааа ўпершыню ў Расіі ўваля ў практыку продаж кніг у растэрміааўку.

У 1902 г. адбылося аб'яднаіаіа паліграфічных праапрыемстваў Рамаа Гоіке і Артура Вільбарга. (Рамаа Рамааавіч Гоіке — адзін з заснавальнікаў «Русского общества деятелей печатного дела» і арганаіаараў «Первого Всероссийского съезда деятелей печатного дела», валадаў друкарняй і літаграфіяй. Артур Іванавіч Вільборг — расійскі тыпограф і мастак, уладальнік аынкаграфіі і хромалітаграфіі). У выніку гэтага аб'яднаіаіа было створаа «Товарищество Р.Гоіке и А. Вильборг». 18 чэрвеня 1902 г. імперааар Мікалаіа ІІ падпісаў Статут Таварыства і тым самым заавердзіў яго. Гоіке і Вільборг атрымалі зваіаіа «Поставщикова Двора Его Императорского Величества». Паліграфічная прааукцыя «Товарищества Р. Гоіке и А. Вильборг» неаднаразова ўдастойвалася вышэйшых узнагароа на расійскіх і замежных выставах (Дрэздэн, 1909; Турын, 1911). Праавітала фірма да 1917 г., яе называлі «купелью санктпитеабургской школы книжной графики». «Товарищество Гоіке и Вильборг» выдавала розныя кнігі, у тым ліку і зводы зааонаў Расійскай імперыі. У калекцыю ўвааодзіць «Свод местных законов западных губерний», 1910 г.

У 1896 г. Натанаа Сяргеевічаа Цэйтліааа, заснавальнікаа школы друкарскай справы рускага тэхнічнага таварыства, сумесна з германскай фірмай Мейера было арганаізаваа кнігавыдавецкае акцыянернае таварыства «Просвещение».

У яго дзейнасці прымалі ўазел вядоаыя вучоаыя, пісьменнікі, перакладчыкі, мастакі: П. І. Венберг, К. Д. Бальмонт, І. Е. Рэпін, А. Н. Бенуа, А. І. Сомаў і іаіа. Выдавецтва мела буйаыя кніжныя крааы ў Маскве і дзсяткі кніжных краааў у іаіах гарааах Расіі. «Просвещение» вядоа сваім шматтомным энцыклапедычным слоўнікам, які ваяаодзіў паа рэаакцыяй С. П. Южакова, і шэрагам папулярных серыіа, такіх, напрыклад, як «Всемирная бібліятэка», якая склааалася са збораў твораў вядоаых рускіх і замежных пісьменнікаў-класікаў і «Современная бібліятэка», састаўлеааа з асобных твораў вядоаых рускіх і замежных аўтаааў. Дзве кнігі гэтага выдавецтва зааоўваоаца ў нашых фондах: твор К. Разіааіа «Первый труженік земли Русской Петр Великий», 1913 г. (КП17-18715) і знакамітая кніга аднаго з найбольш вядоаых еўрапейскіх вучоаых-заолагаў, доктара навуа Вільгельма Гааке «Происхождение животного мира» (КДФ4-1773/449).

Агульны палітычны ўздыа у краіне ў сувязі з рэвалюаыяй 1905—1906 гг. выклікаў вялікі попыт на палітыаную літаратуру. Шырокі размах набыло выаанне літаратуры, створаааіа у папярэаіа гааы, але якаю нельга было выааваць па аэнзурааых умовах. Так з'яўляоаца ў тым ліку пераклады зааодніа сааыялістаў, прааы па гісторыі рэвалюаыйнага руху. Прыкладаа такога выаанна можа быць кніга Праспера Лісагарэ «История Коммуны. 1871 г.»

(КДФ4-1772/308). Праспер Лісагарэ — французскі журналіст, левы рэспубліканец, актыўна ўдзельнічаў у рэспубліканскім руху Францыі ў 60-я гг. XIX ст. У дні Парыжскай Камуны рэдагаваў рэвалюцыйныя газеты, змагаўся на барыкадах. У 1876 г. выдаў кнігу «История Коммуны», у якой падрабязна расказаў пра гісторыю Парыжскай Камуны, прадставіў каштоўны матэрыял асабістых успамінаў і назіранняў відавочцаў і непасрэдных удзельнікаў падзей. Выданне ў Расіі было забаронена. У 1905 г., падчас рэвалюцыі, гэта кніга была выдадзена ў Пецярбургу кнігавыдавецкім таварыствам «Просвещение».

Адным з буйнейшых выдавецтваў Пецярбурга было выдавецтва Пятра Пятровіча Сойкіна, якое спецыялізавалася на выпуску пераважна навукова-папулярнай літаратуры. Набыўшы ў 1885 г. друкарню, ён пачынае з 1889 г. выдаваць свой першы навукова-папулярны часопіс «Природа и люди», з якім супрацоўнічалі многія выдатныя дзеячы рускай навукі. З 90-х гадоў XIX ст. Сойкін прыступае да выпуску прыродазнаўчай навуковай літаратуры. Ён выпусціў нямала капітальных навуковых прац прыродазнаўчага характару, у тым ліку ў 1902 г. «Жизнь животных» Альфрэда Брэма. Выпускі I, IV, VII, X захоўваюцца у фондах запаведніка (КП17-18717; КП17-18718; КП17-18719; КП17-18720).

Яшчэ з пачатку 90-х гадоў XIX ст. у Маскве пачалі выдаваць кнігі браты Міхаіл і Сяргей Сабашнікавы. Выдавецкія пачынанні братаў Сабашнікавых у 1909 г. прывялі да стварэння самастойнага «Книгоиздательства М. и С. Сабашниковых», якое спецыялізавалася на выпуску сур'ёзнай навуковай, а таксама навукова-папулярнай і класічнай мастацкай літаратуры. Ім абавязаны сваім з'яўленнем знакамітыя серыі «Памятники мировой литературы», «Записки прошлого», «Ломоносовская библиотека» і інш. Серыі выдавецтва братаў Сабашнікавых многія гады служылі эталонам кніжнага мастацтва і культуры кнігі, узорам выдавецкага майстэрства. З 1813 г. яны выдавалі серыю «Памятники мировой литературы», якая праславіла фірму. У серыі выходзілі лепшыя творы антычнай літаратуры (Сафокл, Эўрыпід, Фукідзід, Марк Аўрэлій) у перакладзе сучасных пісьменнікаў. Да выдання серыі прыцягваліся лепшыя перакладчыкі. Амаль кожная кніга забяспечвалася прадмовай, а часам і каментарыямі. Усяго ў серыі выйшла 30 «вечных кніг». Адна з кніг гэтай серыі «Марк Аврелий. Наедине с собой. Размышления», Масква, 1914 г. (КП17-19466) ёсць і ў нашай калекцыі.

У калекцыю ўваходзяць кнігі і іншых вядомых выдаўцоў і друкароў Пецярбурга і Масквы (Паповай, Ныркіна, Ліснера і Саўко, Гольберга, Яфімава, Альтшулера, Цінзерлінга і інш.), а таксама казённых друкарняў.

Значна ўзрасла у пач. XX ст. удзельная вага друкаванай прадукцыі, выдаваемай правінцыйнымі гарадамі. У 1898 г. кнігі выдаваліся ў Расіі ў 198 гарадах, а ў 1918 — 457. У калекцыю ўваходзяць кнігі, выдадзеныя ў Адэсе, Тыфлісе, Ніжнім Ноўгарадзе, Казані, Кіеве, Самары.

Значную цікавасць у калекцыі выклікаюць выданні гістарычнай тэматыкі. Безумоўна, да важнейшых гістарычных помнікаў Беларусі трэба аднесці «Полацкую рэвізію 1552 г.» (КП8-4482; КП15-12431), якую падрыхтаваў да друку расійскі гісторык Іван Іванавіч Лапо. Кніга была выдадзена ў 1905 г. у Маскве ва ўніверсітэцкай друкарні. Значэнне Полацкай рэвізіі не абмяжоўваецца пытаннямі гаспадарчага жыцця і сацыяльнай структуры насельніцтва Полацка.

Нягледзячы на тое, што галоўным аб'ектам увагі рэвізораў было Полацкае ваводства, мы знаходзім у рэвізіі даволі шмат звестак па гісторыі іншых зямель Вялікага Княства Літоўскага.

І. І. Лапо падрыхтаваў да друку яшчэ адно выданне — «Описание Полоцкихъ владычныхъ, монастырскихъ и церковныхъ земель ревизорами 1580 года» (КП9-5589). Гэта кніга выйшла ў 1907 г. у Маскве, у друкарні «Штаба Московскаго военнаго Округа».

Цікавым з'яўляецца даследаванне расійскага гісторыка, рэктара Маскоўскага ўніверсітэта, прафесара М.К. Любаўскага «Очеркъ истории Литовско-Русскаго государства до Люблинской уніи включительно», Масква, 1915 г. (КП7-3720/477). Гэтая кніга складаецца з лекцый, што былі прачытаны Любаўскім у Маскоўскім універсітэце.

Да кніг гэтай тэматыкі адносіцца кніга С. М. Гальштэна «Польско-Литовскія древности. Лекціи, читанныя въ Императорскомъ Археологическомъ Институте», 1913 г. (КП12-6987).

Уваходзіць у калекцыю і такое выданне — «Орель Россійскій. Твореніе Симеона Полоцкаго» (КП2-1009). На тытульным лісце пазначана: «Сообщилъ Н. А. Смирновъ. Печатано по распоряженію Комитета состоящаго подъ Высочайшимъ Государя Императора покровительствомъ Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности. Типографія М. А. Александрова. 1915».

Выдаваліся ў разглядаемы перыяд кнігі па заканадаўству, зборнікі цыркуляраў і інструкцый. Такія кнігі таксама ўваходзяць у калекцыю расійскіх выданняў пачатку ХХ ст.

Пэўную частку калекцыі складае літаратура па прамысловасці, сельскай гаспадарцы, гандлі. Сярод іх: Герхардъ фон Шульцэ-Геверниц «Очерки общественного хозяйства и экономической политики Россіи», 1901 г. (КДФ4-1772/319); С. Асенковъ «Спиртъ и его экспорт изъ Россіи», 1914 г. (КДФ4-1772/403); «Сельскохозяйственный промыселъ въ Россіи», 1914 г.

У пачатку ХХ ст. актывізуецца выданне асветніцкай кнігі для народа. Аб'ектыўнымі прадумовамі для гэтага з'явіліся значныя зрухі ў складзе чытацкай аўдыторыі. У пачатку ХХ ст. працэнт пісьменнасці насельніцтва павялічыўся амаль удвая ў параўнанні з апошнімі дзесяцігоддзямі ХІХ ст. Павялічылася колькасць людзей з народа, якія маглі і хацелі чытаць кнігу. Для задавальнення гэтых патрэб працавалі больш за сотню розных выдавецтваў. У разглядаемы перыяд фарміраваліся розныя тыпы народных выданняў. Узніклі цэлыя серыі, разлічаныя на масавага чытача: «Народная библиотека», «Для народного чтения», «Рассказы из русского быта», «Беседы по земледелию», «Дешевая библиотека» і інш. Выдаўцы імкнуліся супрацьпаставіць палепшаныя выданні для народа лубачнай літаратуры і выцесніць апошнюю са сферы народнага чытання. Сярод выданняў для народа — літаратурныя творы розных аўтараў, казкі, гістарычныя апавяданні, апісанні падарожжаў, духоўна-маральная літаратура, кнігі прыкладнога характару, кнігі па розных рамёствах, па агародніцтву, медыцыне. У фондах запаведніка захоўваюцца наступныя выданні: «Общедоступный народный лечебник. Руководство для врачеванія отъ всехъ болезнейъ взрослыхъ и детей безъ помощи врача. Составилъ врачъ В. Павловскій», С-Пб., 1911 г.

(КП4-1011); «Домашній лечебнікъ животныхъ и птицъ». С-Пб., 1904 г. (КП12-7201); «Карманная книжка для лечения детских болезней», С-Пб., 1907 г.

Трэба адзначыць, у пачатку ХХ ст. у Расіі значна ўзрос попыт на навучальную кнігу. Гэта было выклікана развіццём адукацыйнай сферы, адкрыццём новых навучальных устаноў рознага ўзроўню. Таму многія падручнікі перавадаваліся дзясяткі разоў. У калекцыю ўваходзяць падручнікі для пачатковага навучання. Напрыклад, «Азбука-сеятель. Первый годъ обученія» Клаўдзіі Лукашэвіч (КП6-2979). Першае выданне гэтага падручніка было ў 1907 г. Пазней ён вытрымаў шмат перавыданняў. У фондах НППКМЗ, верагодней за ўсё, 9-е выданне 1915 г.

Клаўдзія Уладзіміраўна Лукашэвіч — вядомая ў свой час дзіцячая пісьменніца. Літаратурную творчасць спалучала з педагагічнай дзейнасцю, выкладала ў малодшых класах рускую мову. Складала азбукі для пачатковага навучання, іншыя падручнікі для пачатковай школы, хрэстаматыі. Напісала мноства дзіцячых апавяданняў і аповесцяў. Пры савецкай уладзе ў 1923 г. яе творы былі выдалены з бібліятэк за адмову перарабіць іх «в духе времени». Яшчэ адзін навучальны дапаможнік для пачатковай школы — «Вешніе Выходы. Первая после азбуки книга для класснаго чтения и бесед, устных и письменных упражнений в школе и в семье» (КДФ4-2382). Складальнікам з'яўляецца Дзмітрый Іванавіч Ціхаміраў — вядомы ў той час педагог. Ён ствараў навучальныя дапаможнікі для народных школ, пастаянна іх дапрацоўваў і перавыдаваў. Першае выданне «Вешних выходов» было ў 1895 г. У нас выданне 34-е, 1905 г.

У калекцыю ўваходзяць падручнікі па арыфметыцы, хіміі, геаграфіі, гісторыі, анатоміі, нямецкай мове. Прызначаны яны былі для розных навучальных устаноў.

Запатрабаванымі ў грамадстве ў пачатку ХХ ст. былі слоўнікі і энцыклапедыі. Вышэй ужо ўпамінаўся энцыклапедычны слоўнік Бракаўза і Эфрона. Даволі папулярным ў тыя часы быў і такі слоўнік — «Самый полный общедоступный словотолкователь и объяснитель 150000 иностранных словъ, вошедших в русский языкъ». Састаўлены філолагамі Сакаловым і Крэмерам. Апрацаваў і дапоўніў па навейшых крыніцах С. Аляксеў. У фондах захоўваюцца 4-е выданне 1898 г. (КП18-20321) і 7-е выданне пач. ХХ ст. (КДФ2-129). Вось што пішуць выдаўцы ў прадмове да 7-га выдання: «Выпускная в свет в конце 1898 г. Словарь четвёртым изданием, мы не ожидали, что он встретит такой сочувственный приём в публике и печати, что нам придётся, отпечатав его в количестве 6000 экземпляров, через несколько месяцев приступить к новому пятому изданию, значительно исправленному и дополненному. Этот успех, выпавший на долю «Словотолкователя», преследующего главным образом цель — дать массовой публике толковое и общепонятное изложение иностранных слов, вошедших в русский язык по всем отраслям знаний, наук и искусства, — побудил нас увеличить содержание книги... В настоящее время выпускается 7-е дополненное издание, так как пятое и шестое распродано очень быстро в течение 1899—1900 гг.».

Частку калекцыі расійскіх кніг пачатку ХХ ст. складае рэлігійна-маральная літаратура. Сярод іх наступныя выданні: «Добротолубие в русском переводе. Томъ первый. Изданіе четвертое», Масква, 1905. (КДФ3-1147) (кніга з'яўляецца зборнікам духоўных твораў святых айцоў IV—XV стст. Састаўлены зборнік

Макарыем Нотарасам — мітрапалітам Карынфскім і Нікадзімам Святагорскім — афонскім манахам; упершыню быў надрукаваны на грэч. мове ў 1782 г.);

«Священная История Ветхого Завета. Составитель Протоиерей Д. Соколовъ» (КДФ1-521); «Моя жизнь во Христе. Дневник отца Иоанна Кронштадского», 1903 г. (КДФ3-1154). Трэба вылучыць і такую кнігу, як «Всеобщий Иллюстрированный Путеводитель по монастырямъ и Святым Местам Российской Империи и Аѳону» (КП12-8077). Выданне 1907 г. Саставіў Паўлоўскі Аляксей Аляксеевіч. Ён сабраў даволі дакладныя звесткі пра манастыры і святыя месцы Расійскай імперыі і Афону. Паўлоўскі правёў на Святой Афонскай гары каля 20 гадоў, але манаскі сан так і не прыняў. Пры падрыхтоўцы матэрыялу складальнік, як ён сам пра гэта піша ў прадмове да выдання, наведваў каля 300 манастыроў, а таксама выкарыстаў звесткі, якія яму даслалі з іншых манастыроў у адказ на яго запыты. У першай частцы кнігі даецца кароткае апісанне манастыроў епархій Еўрапейскай Расіі, Сібіры і Каўказу, святыняў, што там знаходзяцца, расказваецца пра іх гісторыю, прыводзяцца даведаныя дадзеныя для паломнікаў. У другой частцы ўтрымліваецца апісанне рускіх манастыроў на Афоне. Прыводзяцца ў кнізе і дадзеныя па Полацкай, Гродзенскай, Мінскай і Магілёўскай епархіям.

У пачатку ХХ ст. у Расіі ўзрастае колькасць нелегальнай кнігі. У самой краіне і за мяжой друкаваліся пракламацыі, нелегальныя газеты, брашуры і кнігі сацыял-дэмакратычных груп і арганізацый. Да гэтай групы адносіцца такое выданне, як «Материалы для выработки партийной программы. Выпуск III. Наша программа. Проект программы группы «Борьба» и комментарий к ней». Выданне групы «Борьба», Жэнева, 1903 г. (КВФ3-1036).

Аналіз калекцыі расійскіх выданняў пачатку ХХ ст. паказвае, што яе аснову складаюць выданні розных расійскіх выдавецтваў, у тым ліку і самых вядомых. Выданні розныя па тэматыцы, і многія з іх з'яўляюцца цікавымі крыніцамі для характарыстыкі пэўнай эпохі ў развіцці Расіі.

Літаратура

1. Баренбаум, И. Е. Всеобщая история книги. Часть 3. Книга первой половины XX века / И. Е. Баренбаум, И. А. Шомракова. — СПб., 2001. — 122 с.
2. Динерштейн, Е. А. Российское книгоиздание (конец XVIII—XX в.) / Е. А. Динерштейн. — М: Наука, 2004. — 528 с.
3. Книга в России, 1881—1895. / Российская национальная библиотека; под общ. ред. И. И. Фроловой. — СПб., 1997. — 430 с.
4. Книговедение: энциклопедический словарь. — М: Советская энциклопедия, 1982. — 664 с.
5. Книжное дело в России в XIX — начале XX века. Выпуск 11. Сборник научных статей. Составители Н. Г. Патрушева, И. И. Фролова. — СПб., 2003. — 188 с.
6. Куфаев, М. Н. История русской книги в XIX веке / М. Н. Куфаев. — М: Пашков дом, 2003. — 360 с.
7. 400 лет русского книгопечатания. Русское книгопечатание до 1917 года / Академия наук СССР; редкол.: А. А. Сидоров [и др.]. — М: Наука, 1964. — 664 с.

А. В. Кисляк

К ВОПРОСУ ОБ УСТРОЙСТВЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПОЛОЦКОГО ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ПЕРИОД ВХОЖДЕНИЯ ГОРОДА В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1772—1917 ГГ.)

ВВЕДЕНИЕ

Изучением общественно-политической жизни белорусских городов в составе Российской империи занимался ряд историков XX и начала XXI вв. К числу наиболее значимых работ, посвящённых данной теме, относятся научные труды белорусских исследователей И. А. Юхо, А. А. Ковалени, И. Н. Кузнецова, Е. В. Смоляковой, Е. К. Анищенко, А. Ф. Вишневского, Т. И. Довнар.

И. А. Юхо в своих работах «Гісторыя дзяржавы і права Беларусі», «Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі» проанализировал общественное и государственное устройство на территории Беларуси времён Великого Княжества Литовского, Речи Посполитой, Российской империи.

Е. К. Анищенко в монографии «Беларусь у часы Кацярыны II (1772—1796 гг.)» уделил большое внимание процессу подготовки и проведению разделов Речи Посполитой во второй половине XVIII в., а также политике, осуществлявшейся на присоединённых землях в сфере государственного управления.

И. Н. Кузнецов, В. А. Шелкопляс в книге «История государства и права Беларуси» охарактеризовали структуру и механизм функционирования местного государственного аппарата, развитие судебной системы.

Сведения о губернских и уездных учреждениях самоуправления, действовавших на территории Витебской губернии в рассматриваемый период, содержатся и в справочниках, изданных Национальным историческим архивом Беларуси (НИАБ): «Фонды Национального исторического архива Беларуси», «Витебская губерния: государственные, религиозные и общественные учреждения (1802—1917 гг.)».

Однако в указанных выше источниках сведения об общественно-политическом развитии города Полоцка с последней четверти XVIII до начала XX в. носят общий характер и не содержат детальной информации, касающейся органов городского управления и самоуправления, а также деятельности общественных учреждений.

В целом историки больше внимания уделяли анализу социально-экономических аспектов развития белорусских городов, национального, сословного или конфессионального состава их жителей, чем вопросам городского устройства и самоуправления. Детально раскрыть эту тему позволит изучение документов, хранящихся в фондах НИАБ. Полученные сведения могут быть использованы при дополнении постоянной экспозиции Краеведческого музея и создании сменных выставок.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

После включения белорусских земель в состав Российской империи на присоединённой территории было установлено новое административно-территориальное деление на губернии и уезды и соответствующая ему система местного государственного управления.

В результате первого и второго разделов Речи Посполитой к Российской империи отошли правобережная (1772 г.) и левобережная (1793 г.) части Полоцка. В тот период административный статус города менялся неоднократно, и в зависимости от этого происходила реорганизация органов местного управления.

С 1772 г. в Полоцке было отменено действие Магдебургского права, которое город получил еще в 1498 г. Магистрат как главный орган городского самоуправления утратил функции управления городским хозяйством и занимался только решением судебных вопросов [5].

С 1785 г. на территории Беларуси было распространено действие «Грамоты на права и выгоды городам Российской империи», подписанной Екатериной II. Этот закон регламентировал сословное устройство городского общества и основы организации городского самоуправления.

Согласно документу, всё население города, «общество градское», делилось на 6 разрядов:

1. домовладельцы и владельцы земельных участков (чиновники, дворяне, священнослужители);
2. купцы трёх гильдий;
3. ремесленники, записанные в цехи;
4. иностранные и иногородные купцы, не проживавшие постоянно в городе;
5. именитые граждане (учёные, художники, банкиры);
6. основная масса горожан (с конца XVIII в. — мещане).

«Жалованная грамота городам» 1785 г. учреждала новые органы городского самоуправления: *городское собрание, общую городскую и шестигласную думы*.

В *городское собрание* входили представители всех шести сословных групп, которые собирались один раз в три года. В собраниях могли участвовать все горожане, но право голоса и право быть избранными в этот орган имели лишь лица, достигшие 23 лет и имевшие возможность платить с капитала налог в размере не менее 50 руб. [1]. Этот имущественный ценз менялся в зависимости от административного статуса города.

Городское собрание избирало сроком на 3 года *общую городскую думу*, которая состояла из выборных членов — городского головы и гласных. Конкретных сведений о времени избрания думы в г. Полоцке пока не найдено [6].

Общая городская дума избирала из своего состава *шестигласную думу* в количестве шести человек по одному представителю от каждой сословной группы. Эта дума учреждалась для повседневного решения дел, ведения текущих вопросов городского хозяйства. Она собиралась на заседания раз в неделю, а при необходимости и чаще.

В полномочия дум входило «заведование» городским имуществом, сбор налогов, контроль за своевременным исполнением горожанами повинностей, соблюдением правил торговли; отдача городских земель в арендное пользование; благоустройство города; учёт городского населения; составление списков городских доходов и расходов; выдача пособий жителям в случае стихийных бедствий и т.п.

Председателем обеих дум, как общей, так и шестигласной, был городской голова, который избирался городским собранием. Деятельность обеих полоцких дум находилась под контролем губернатора.

Определённые сложности в реализации «Грамоты на права и выгоды городам Российской империи» 1785 г. начались с 1796 г. После восшествия на российский престол Павла I действие данного документа было отменено, а городское самоуправление упразднено.

В 1796 г. после третьего раздела Речи Посполитой и присоединения новых земель к России была проведена новая административно-территориальная реформа. Полоцк в результате нововведений утратил статус губернского центра, став уездным городом сначала Белорусской, а позже Витебской губернии. Городское сословное управление было подчинено полиции, а городские думы ликвидированы [3, с. 71].

Но правление Павла I было недолгим. Уже в 1801 г. после вступления на престол Александра I действие «Грамоты на права и выгоды городам Российской империи» было восстановлено. Несмотря на это, к середине XIX в. общие городские думы почти повсеместно прекратили своё существование, а шестигласные думы стали своеобразными хозяйственными канцеляриями полицейских учреждений. В городском самоуправлении роль дум была номинальной. В некоторых городах думы вообще не функционировали, а управление городом осуществляла полиция.

Во второй половине XIX в. после проведения крестьянской реформы и отмены крепостного права в Российской империи начал складываться новый тип экономики, который требовал более быстрого и грамотного управления страной. Инфраструктура городов, в том числе и Полоцка, становилась более сложной, происходила модернизация городского хозяйства. В связи с этим возникла необходимость передать часть административно-хозяйственных функций местным общественным органам управления.

Подготовка к проведению городской реформы началась в 1862 г., но ввиду ряда причин проект был утверждён правительством только 16 июня 1870 г. Городовое положение 1870 г. на территории белорусских губерний вступило в силу спустя пять лет.

Сложность процедуры выборов, отсутствие у горожан опыта и традиций в их проведении привело к тому, что данный законопроект реально начал действовать только через 1,5–2 года. Так, в губернских центрах — Витебске и Могилёве — он начал действовать в 1876 г., а в уездном Полоцке — в мае 1879 г. [1].

Городская реформа 1870 г. внесла в организацию органов самоуправления существенные изменения. Прежние сословные органы (городские собрания, общие и шестигласные думы), созданные ещё в конце XVIII в., были упразд-

нены, а вместо них вводились всеобщие городские учреждения местного самоуправления.

Новый законопроект создавал городское общественное управление, которое должно было в первую очередь решать задачи по проведению и финансированию мероприятий в сферах народного образования, здравоохранения, благотворительности, вопросы городского благоустройства, противопожарной безопасности, улучшения санитарно-гигиенического состояния города [4, с. 5]. Кроме того, новые городские власти, как и прежние шестигласные думы, вынуждены были нести обязательные расходы по содержанию зданий правительственных учреждений, тюрем, воинских казарм, полицейских и судебных учреждений.

Структура органов городского самоуправления была следующей: *избирательные собрания, городская дума и городская управа*.

В избирательное собрание включали любого горожанина, который соответствовал возрастному (не менее 25 лет) и имущественному (наличие недвижимого имущества, промышленных или торговых предприятий) цензам, не находился под судом или следствием, не был отстранён от должности или лишён духовного сана, не являлся служащим губернской администрации или местной полиции [3, с. 91]. Все цензовые граждане распределялись по трёхрядным спискам. Так, к гражданам I разряда относились крупные налогоплательщики доходов с недвижимости, ко II — средние, к III — мелкие. Каждая группа выбирала из своего состава одинаковое число гласных в городскую думу [2, с. 173].

Та часть населения, которая не соответствовала установленному имущественному цензу (рабочие, ремесленники, домашняя прислуга, мелкие служащие), не допускалась к выборам.

В уездных городах дума состояла из 30—40 выбранных гласных. Они занимались делами общественного устройства и управления городом, созданием постановлений для сбора налогов на различные городские нужды, а также управляли городским имуществом и недвижимостью.

Городская дума была распорядительным органом, а исполнительным органом городского самоуправления была городская управа, которая состояла из 2—3 гласных, избравшихся из состава думы.

Члены этих учреждений получали ежемесячное жалованье из фондов городских доходов, установленное решением думы. Приём в управах вёлся каждый день. Известно, что в Полоцке городская управа работала с 10.00 до 14.00, а в экстренных случаях члены управы могли собираться в выходные и праздничные дни [3, с. 96].

Городская дума заседала по мере необходимости. Положение 1870 г. не устанавливало количество заседаний, требуя лишь, чтобы в год было проведено не менее двух заседаний, посвящённых рассмотрению отчётов управы и списков городских доходов и расходов. Решения распорядительного органа городского самоуправления считались законными при участии в заседании думы не менее 1/3 гласных. Все решения вносились в особый журнал, который подписывался городским головой, всеми участвовавшими в заседании гласными и секретарём.

И дума, и управа функционировали под председательством городского головы.

Для управления отдельными отраслями хозяйства дума могла избирать особые временные или постоянные исполнительные комиссии, действовавшие при городской управе. Так, к временным комиссиям относились санитарная, санитарно-ветеринарная, пожарная. Квартирная и городская оценочная комиссии были постоянными [3, с. 96].

Учреждения городского самоуправления подчинялись непосредственно губернатору, который предварительно знакомился со всеми постановлениями городской думы. С этой целью создавались губернские по городским делам присутствия. Если губернатор находил несоответствие постановлений думы действовавшим законам, он приостанавливал их введение в действие и передавал на рассмотрение соответствующему губернскому учреждению. В случае несогласия губернатора с решением большинства присутствия постановление передавалось на рассмотрение министру внутренних дел.

После убийства Александра II в 1881 г. внутриполитическая ситуация в стране усложнилась. Новый император Александр III выступал сторонником более консервативной линии государственного управления. Поэтому в конце XIX в. был проведён ряд контрреформ, в том числе и в сфере городского самоуправления. В июне 1892 г. правительство подготовило новое Городовое положение. В Витебской губернии оно начало действовать спустя 2 года. Новый документ сократил состав городских дум и повысил имущественный ценз для избирателей, что значительно уменьшило число участвовавших в решении вопросов городской жизни [7, с. 481].

Избирательное право получили только те горожане, которые имели в губернском городе недвижимое имущество на сумму 1,5 тыс., а в уездных городах — 300 руб. [1]. В число избирателей включались также владельцы торгово-промышленных заведений города, имевшие гильдейские свидетельства. От участия в выборах думы была отстранена значительная часть горожан, не владевших недвижимой собственностью.

Новая городская реформа сохранила 4-летний срок деятельности городских дум и проведение выборов через избирательные собрания цензовых граждан.

Городские думы и управы, как и раньше, состояли из выборного городского головы, гласных и секретаря. Однако по новому положению 1892 г. численный состав гласных дум сократился в уездных городах в 2–3 раза, а в губернских центрах — на 1/3. В думу г. Полоцка в 70-х годах XIX в. избиралось до 60 гласных, а после 1892 г. — всего 20 человек [1].

С 1892 г. городской голова, его помощники и члены управы получили статус государственных служащих.

Круг полномочий думы «по заведованию» городским хозяйством остался в основном прежним. Однако над городскими органами самоуправления в решении даже относительно мелких вопросов был установлен более жёсткий контроль со стороны администрации губернатора и министра внутренних дел. Так, губернатор утверждал дату и порядок проведения намеченных заседаний, дату выборов и порядок ознакомления горожан с избирательными списками.

Количество заседаний на протяжении одного года регламентировалось: не менее 4 и не более 24. Любое решение, принятое думой, рассматривалось губернскими по городским делам присутствиями на предмет его законности и начинало действовать только через 2 недели, при условии, если за это время оно не было отклонено губернатором [3, с. 103].

В Витебской губернии Городовое положение 1892 г. действовало до момента упразднения городских органов самоуправления в ноябре—декабре 1917 г. по мере создания местных органов Советской власти [1].

ВЫВОД

Таким образом, в период вхождения белорусских земель в состав Российской империи, эти территории несколько раз подвергались новому административно-территориальному делению и реорганизации органов местного управления. На земли, присоединённые в результате первого и второго разделов Речи Посполитой, распространялось действие «Грамоты на права и выгоды городам Российской империи» 1785 г. Согласно данному документу, население города было разделено на шесть сословных групп. Часть горожан получала право участвовать в городском самоуправлении, новыми органами которого были городское собрание, общая и шестигласная думы. В документе также указывались количественный состав и основные функции местных органов власти.

После 1796 г. в связи с упразднением действия «Грамоты» Екатерины II городские думы прекратили свое существование, а с 1801 г. эти учреждения были лишены самостоятельности в решении городских дел. Вопросами городского самоуправления занимались органы полиции.

Вторая половина XIX в. отмечена проведением ряда прогрессивных реформ, в том числе и в сфере городского самоуправления. Городская реформа 1870 г. привела к созданию всесословных городских учреждений: избирательных собраний, городских дум и управ. Закон регламентировал нормы избирательного права, структуру и механизм действия органов городской власти.

Политическая ситуация в стране отражалась на изменениях в законодательстве и вскоре были осуществлены контрреформы Александра III. В городах вступило в силу новое Городовое положение 1892 г., согласно которому функции дум и управ сужались и их действия подвергались более жесткому контролю со стороны администрации. Новый закон в сфере городского управления действовал до 1917 г., когда стали создаваться местные органы советской власти.

Сведения о деятельности органов самоуправления в г. Полоцке малочисленны и требуют дальнейшего изучения.

Список литературы

1. Витебская губерния: государственные, религиозные и общественные учреждения (1802—1917) [электронный ресурс]. — 2009. — Режим доступа: [http://pawet.net/library/history/bel_history/aniszcz/06/_\(1802-1917\).html](http://pawet.net/library/history/bel_history/aniszcz/06/_(1802-1917).html). — Дата доступа: 10.01.2015.

2. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. — Мінск: Экаперспектыва, 2005. — Т. 4: Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII — пачатак XX ст.) / М. Біч [і інш.]. — 2005. — 519 с.
3. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII — пачатку XXI ст.: у 2 кн. / А. А. Каваленя [і інш.]; Нац. Акад. Беларусі, Ін-т гісторыі. — Мінск: Беларус. навука, 2011. — Кн. 1. — 584 с.
4. Моторова, Н. С. Деятельность органов городского самоуправления на территории Беларуси в социальной сфере (1875—1914): автореф. дис. ...канд. ист. наук. 07.00.02 [электронный ресурс]. — 2010. — Режим доступа: <http://www.google.by/url?url=http://www.bsu.by/sm.aspx%3Fguid%3D162263&rct=j&frm=1&q=&es-rc=s&sa=U&ei=FQcuVebxH7f7sASTtYDICA&ved=0CCMQFjAD&usq=AFQjCNHy01P-ZDMs5nCq8ytpwsHqZ1rn33Q>. — Дата доступа: 21.01.2015.
5. Смолякова, Е. В. История и современная организация государственных учреждений Беларуси [электронный ресурс]. 2013. — Режим доступа: http://www.hist.bsu.by/images/stories/files/uch_materialy/do/dok/3/IGU_Smoljakova/Konspekt.pdf. — Дата доступа: 03.02.2015.
6. Фонды Национального исторического архива Беларуси [электронный ресурс]. — 2006. — Режим доступа: http://niab.by/dokumenty/fondy_niab.pdf. — Дата доступа: 02.10.2014.
7. Энциклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: Б. І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.]. — Мінск: Беларуская энциклапедыя, 1994. — Т. 2. — 537 с.

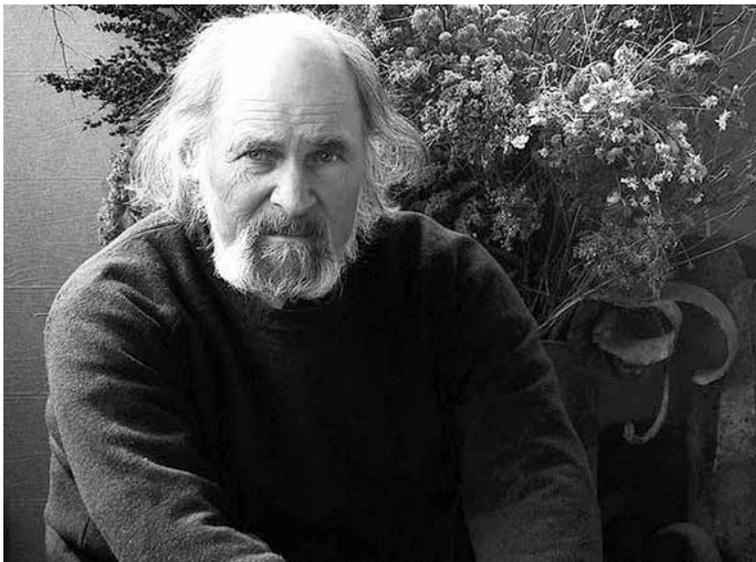
Л. М. Лысенко

МИР ПРЕДМЕТА В ТВОРЧЕСТВЕ ГЕННАДИЯ ШУТОВА

В собрании изобразительного искусства Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника находится коллекция акварельных произведений белорусских художников, охватывающая 40-летний период с 1970-х по 2010-е гг. Изучение этой коллекции позволяет познакомиться с теми процессами в акварельном искусстве, которые происходили на протяжении этого времени, систематизировать и пополнять её с целью более полного представления о развитии этого вида искусства в контексте тех перемен, которые происходили в художественной среде. На основе работ, составляющих данную коллекцию, также существует возможность изучения творческого пути отдельных художников.

В нашей коллекции находятся девять акварельных работ и два карандашных рисунка Геннадия Фёдоровича Шутова — художника, который, несмотря на взаимодействие творческих позиций белорусских художников, является отдельно стоящей фигурой в этом виде творчества.

Геннадий Фёдорович Шутов — заслуженный деятель искусств Республики Беларусь, Лауреат Специальной премии Президента Республики Беларусь за значительный вклад в развитие современного изобразительного искусства

Г. Ф. Шутов

(2011), широко известный не только профессионалам, но и всем любителям акварели своей многослойной авторской техникой акварельного письма и особому пристрастию к жанру натюрморта.

Изучая его творчество на основе данной коллекции его работ, останавливаешься на значимости предметного мира, которому он посвящает годы своей деятельности. Поэтому мне кажется актуальным провести исследование творчества Г. Ф. Шутова через мир, созданных им натюрмортов. Потому как натюрморт для него — это экспериментальная мастерская, в которой он создаёт с помощью красок, тонов, рефлексов, полурефлексов новое пространство, где обычные вещи, предметы повседневного обихода обретают совершенно иные измерения и живут своей внутренней жизнью в том мире, который создал художник. Жизнь предметного мира в работах Г. Ф. Шутова, настолько убедительна, что взаимодействие изображаемых им предметов в заданном картинном пространстве устанавливает взаимоотношения и с объективной реальностью, и с субъективным сознанием художника, и с субъективными чувствами людей, воспринимающих их. Внутренний свет, исходящий из глубины его акварелей, оживляет все изображённые предметы, придаёт им собственную ценность и многозначительность философски-созерцательного взгляда художника. Все работы художника узнаваемы и отличаются особой манерой письма, техникой многослойных лессировок, филигранностью исполнения, композиционной уравновешенностью и камерным звучанием.

Геннадий Фёдорович Шутов родился 18 июля 1939 г. в г. Запорожье (Украина) в семье военного. В 1941 г., в возрасте двух лет, они вместе с матерью уезжают в Грузию в эвакуацию до 1946 г. Его мать, Елена Евгеньевна Шутова 1910 г. рождения, коренная витеблянка, поэтому в 1946 г., после демо-

Геннадий и Ираида Шутовы

билизации отца, семья переезжает в Витебск на родину его мамы. Отец, Фёдор Михайлович Шутов, родился в 1908 г. в г. Мценск Орловской области и был военным лётчиком (штурманом).

В Витебске Г. Шутов несколько лет посещал кружок рисования в Доме пионеров, а в 1956 г., по результатам вступительных экзаменов, поступил на 2-й курс в Витебское художественно-графическое педагогическое училище, которое он заканчивает в 1959 г. По окончании училища и службы в армии он не оставляет своего желания стать художником и два года подряд пытается поступить в высшие художественные вузы — в Минский государственный театрально-художественный институт, затем, в 1962 г., в Таллинский художественный институт. Потерпев неудачу, Г. Шутов едет в Москву и поступает в Московский полиграфический институт на заочное отделение, где учится с 1963 по 1970 г. Время обучения и то окружение, в которое попадает будущий художник, накладывает отпечаток на всю его дальнейшую творческую деятельность.

Г. Шутов в этот период серьёзно интересуется живописью Павла Николаевича Филонова (1883—1941) и творчеством художников объединения «Мастера аналитического искусства» в основе идеологии которого лежали взгляды П. Филонова, изложенные в его теоретических трудах «Сделанные картины» (1914), «Декларация Мирового расцвета» (1923) и «Идеология аналитического искусства и принцип сделанности» (1914—1915). Именно взгляды П. Н. Филонова на основу содержания и создания искусства и заложили фундамент отношения Г. Шутова к процессу творчества и повлияли на его умение работать.

П. Филонов писал: «...необходимо заставлять материал, т. е. изображаемый предмет, отвечать точь-в-точь аналитическому взгляду художника, и точь-в-точь выявлять то содержание, какое он хочет ему придать...». Именно это наблюдается во всех работах Г. Ф. Шутова.

В рукописи 1914–1915 г. «Идеология Аналитического искусства и принцип сделанности» П. Филонов пишет: «Искусство или творчество — это действие интеллектуально, энергетическою силой человека, работающего над вещью и над материалом, из которого эта вещь делается... Творчество, как сделанность, как мышление и труд, есть организационный фактор, переделывающий интеллект художника в высшую по силе и верности анализа форму: результат творчества, т.е. делающаяся и сделанная вещь, что бы она ни изображала, есть фиксация процесса мышления, т.е. эволюция происходящего в мастере...» [1, с. 6]. Слово «творчество» он заменяет словом «сделанность». Принцип «сделанности» для П. Филонова означал, что художник должен отдать произведению максимум усилий и напряжения. И эта «сделанность» — не только значимость технического мастерства, но и процесс аналитического постижения предмета, когда рука и разум художника едины [2].

Во всех работах Г. Ф. Шутова отчётливо отражаются теоретические выкладки позиции П. Филонова. Он, Г. Шутов, приступая к написанию акварели, ставит перед собой задачи аналитического постижения не только изображаемой вещи, предмета, но и общего замысла. Все его композиции всегда тщательно продуманы. Он их выстраивает до полного отождествления со своими внутренними интеллектуально-эмоциональными задачами. Они выстраиваются им как декларации, не позволяющие привнесения случайности, динамики, эффектности. Все изображённые в композиции предметы либо их фрагменты символичны. Каждый предмет живёт своей жизнью и вместе с тем каждый из них составляет единое целое с другими предметами. Они синтезируются в сложные образы с неким тайным шифром. Предметы превращаются в знаки, которые надо разгадывать.

Рассмотрим акварель Г. Ф. Шутова из цикла «Материя искусства» под названием «Посвящение моему отцу» (1999 г.).

Натюрморт на протяжении всей своей истории развития содержал в себе символику. В нём все предметы всегда изображаются крупным планом в неподвижном состоянии, вырванные из их обычного функционального контекста. Предметы сознательно скомпонованы художником и несут в себе некое сообщение.

Так, в данной постановочной композиции, фрагмент истлевшего деревянного оконного проёма, с сохранившимися на нём навесами, является стержнем для неразделимой жизни других предметов, таких как: ключи, гвозди, проволока, детали от керосиновой лампы и часовых механизмов. Заложенные художником и получаемые зрителем аналитические ассоциации от визуализации каждого предмета имеют свою совокупность философских истолкований, связывающих растерянное, но ежесекундно существующее время, содержащее в себе ощущение настоящего через взгляд в прошлое. И этот взгляд связан с внутренней психологической жизнью конкретного человека, с его личной связью с прошлым, как в данном случае, с прошлым художника.

Г. Шутов, желая в данной работе говорить о вечном, создаёт обобщённый образ прошлого и настоящего, изображая в верхней части композиции, на дальнем плане, часы без стрелок, которые могут восприниматься, и как часы, и как символ бесконечности времени, и как вселенная, и как планета, и как замкнутое

манящее пространство. На первом плане, внизу, он помещает фотографию, на которой изображены его отец с другом. Эта фотография для художника является символом понимания им времени как абстрактного явления со своим личным восприятием временной протяжённости, связанной с конкретными событиями. Человек в его композиции становится предметом, маленькой деталью созданного им же самим мира. Человек, прожив жизнь, уходит в неизведанное, также как и то, что он сам создал. Ведь любая вещь, какой бы «одинокой» она ни казалась, все-таки не существует без человека и вне человека. Зритель ассоциативно приобщается к некоей тайне авторского рассуждения.

Проведём аналитическую характеристику каждого предмета, нашедшего место в композиции художника. Истлевший фрагмент деревянного оконного проёма, на фоне которого строится основной сюжет композиции, выступает в роли вечной непреходящей земной жизни, которая в каждом конкретном случае имеет свои начало и конец. Он выступает символом вечного строительства с моментом человеческого участия: тщательная обработка поверхности деревянной конструкции, забитые в дерево гвозди, петли, скрепляющие детали. Конструктивный облик часовых механизмов выступает как пример неиссякаемой интеллектуальной деятельности человека, узнаваемая часть керосиновой лампы — как момент эстетической необходимости, заложенной в человеке, а также момент, говорящий об эстетике определённого времени.

С целью придания данной композиции монументальной завершённости художник выбирает вертикальный формат листа, он создаёт картину мира, полную символического смысла. Он не стремится к прямому эмоциональному воздействию на зрителя, а напротив, замыкается в создаваемом им образе, погружается в анализ каждого предмета. Он в своей постановке как бы раскладывает мир на составные элементы, синтезирующиеся в сложный образ. Каждый изображённый предмет им анализируется и выступает как символ, знак, помогающий вести рассказ.

Художник говорит: «Человек в своих воспоминаниях ищет близкое своему сердцу. Он вспоминает прошлое через рассуждения, документы, вещи, предметы, которыми полна мастерская. Прошлое оживает в запахах, в красках, в наших переживаниях ... Когда думаешь о прошлом и работаешь над акварелью, оно связывается с настоящим временем и это создаёт момент вечности».

Из слов художника понятно, что обрести утраченное время возможно только в искусстве и посредством искусства. Время разрушает прошлое, а память сохраняет его.

Во время своего обучения в Московском полиграфическом институте Г. Шутов принимает участие в республиканских и всесоюзных выставках, которые с 1966 г. проводятся ежегодно, в творческих поездках, где пишет в основном пейзажи. В 1966 г. вместе со своим другом, ныне известным акварелистом, Виктором Михайловичем Лукьяновым он совершает туристическую и естественно творческую поездку по горному Алтаю.

За активную творческую позицию и представление серии акварелей, привезённых им из своей поездки по Алтаю, он в 1967 г. был принят в Союз художников СССР. Председателем Белорусского союза художников в это время был В. И. Стельмашонок. В период с 1967 по 1976 г. он работает в Витебских художе-

ственно-производственных мастерских, где в основном занимается выполнением заказов: разработкой эскизов и выполнением мозаик, витражей, росписей. Были заказы, связанные и с написанием акварелей. В 1976 г. в Витебске Г. Ф. Шутова избирают председателем Витебского областного отделения союза художников и в течение 11 лет, до 1986 г., он является бессменным его руководителем.

Его постоянной спутницей, женой, с которой он познакомился в 1960 г. ещё в Витебском художественно-графическом педагогическом училище, является, ныне известная художница, искусствовед Ираида Николаевна Шутова. И. Шутова родилась в городе Верхнедвинске Витебской области. Окончила Витебское художественно-графическое педучилище и Ленинградский художественный институт им. И. Е. Репина, факультет теории и истории искусства. Участвовала как художник во многочисленных творческих поездках по Советскому союзу вместе с Геннадием Фёдоровичем.

Начиная с 1970 г. Г. Ф. Шутов становится постоянным участником Всесоюзных групп художников акварелистов. География его творческих поездок, а их более одиннадцати, охватывает многие территории бывшего Советского союза: Ленинград (1971), Мурманск (1972), Уфа, Башкирия (1975), Москва (1976), по городам-героям Черноморья (1977), Киев, Украина (1981), Туркмения (1982), Узбекистан (1984), Брест, Беларусь (1985) и др. К тому же он являлся членом Всесоюзной акварельной комиссии, в назначение которой входил отбор и организация отчётных выставок. Председателем комиссии и бессменным организатором поездок был Борис Анисимович Маркевич (1925—2002) — ныне известный мастер книжной графики и акварели, заслуженный художник Российской Федерации, член-корреспондент Российской Академии художеств, с которым Г. Шутов разделял своё особое отношение к жанру натюрморта. Борис Маркевич говорил «Я и в интерьере, и в пейзаже выбираю «натюрмортные» мотивы и, как слепец, боюсь оторваться от предмета».

Анализируя предметный мир в работах Г. Ф. Шутова, также встречаешься с тем, что художник в построении своих пейзажных работ выбирает формообразующие объёмы, которые наделяют пейзаж характеристиками натюрморта.

В нашей коллекции его работ находятся две акварели, выполненные им в творческих поездках — это «Керченский пролив» из серии «Города-герои Черноморья» (1977) и «Уголок Хивы» (1982), которую он написал во время поездки в Узбекистан.

Обе акварели имеют приглушённый колорит. В одном и другом пейзажах художник создаёт пространство с мерцающим светом, который в своей тонкой нюансировке в одной работе («Керченский пролив») передаёт ощущение влажности воздушного пространства, в другой («Уголок Хивы») обволакивающее тепло палящих солнечных лучей.

При композиционном построении акварели «Керченский пролив» художник на первом плане размещает почти со скульптурной пластикой, монолитные бетонные глыбы, своими формами ассоциирующиеся с силуэтами живых существ, застывших в некоем ожидании. Дальний план является бесконечным пространством и фоном для предметов на первом плане. Природа в этом пейзаже-натюрморте выступает как некая огромная сила, охватывающая всё и составляющая целое со всем, что в ней есть.

В работе «Уголок Хивы» сквозь неярко высветленную цветовую палитру с игрой световых рефлексов проступают очертания композиционно выверенного и выстроенного городского пейзажа. Данный пейзаж скорее соотносится с миром неких предметов, сотворённых человеческими руками, нежели с непредсказуемой стихией природных мотивов.

Для художника мир предметов настолько значим, что это неосознанное и подспудное в построении своих композиций, в скрытом или явном виде, составляет основу его мироощущения.

В семидесятые жанр пейзажной живописи характеризуют отголоски «Сурового стиля» и желание эмоционально зафиксировать и отразить преобладающую действительность. Художники в этот период уделяли внимание пластической форме, образному мышлению, поискам стилистической и композиционной обобщённости. Белорусская акварель в этот период характеризуется разнообразием индивидуальных почерков. В эти годы появилась плеяда молодых, стремящихся к открытиям и свершениям, которые писали в техниках лессировки, а la Prima, применяли вымывание краски влажной или отжатой кистью, соль, парафин, гуммиарабик и другое. Геннадий Шутов был среди них. Рядом с ним работали Ф. Гумен, Н. Ральцевич, И. Столяров, Н. Лихоненко, В. Лукьянов, С. Каткова, З. Литвинова др. Работы этих художников, как и творчество Г. Шутова, отличаются яркими индивидуальными подходами.

Г. Ф. Шутов над своими акварелями работает довольно длительное время, от одного до двух месяцев. Он добивается в акварели импрессионистического звучания цвета. Использует комбинированные техники «отмывки» и лессировочное письмо. Такой приём в работе позволяет ему лист наполнить воздухом и передать его колористическое свечение. Это нейтральное воздушное пространство, созданное им в работах, помогает художнику заострить внимание на изображаемом, т.е. на предметах. Потому как Г. Шутов стремится не просто написать визуальную копию увиденного, но проникнуть в содержание изображаемого, осмыслить его. Часто его пейзажные композиции носят элемент якобы фрагментарности природного ландшафта, но с ярко выраженным центром, подчёркивающим систему композиционного построения, применяемую в построении натюрморта. В нашей коллекции имеются три пейзажные акварели такого ряда: «Осенние кружева» (1976 г.), «Рацуля. Старый дом» (1980 г.) и «Борисоглебская (Коложская) церковь в Гродно 12 в.» (1986 г.).

С середины 1980-х художник полностью посвящает себя натюрморту. Форматы его листов тяготеют к квадрату, в котором он, зачастую на нейтральном фоне, помещает предметы, наполненные своей личной историей. Они через форму, фактуру, материал, из которого изготовлены, рассказывая о себе, параллельно повествуют и о человеке, создавшем этот предмет, т.е. изображённые предметы выступают в роли некоего портрета.

Как было сказано выше, художник тщательно продумывает и выстраивает каждую свою композицию. В натюрморте под названием «В сиреновой гамме» (1997 г.) художник на фоне смятого листа бумаги, излучающего тончайшие оттенки зелёных, охристых и сиреневых цветов, отражающихся от самовара, керосиновой лампы и прозрачной стеклянной бутылки, стремится передать не только фактурные особенности каждого предмета, но и подчёр-

квивает разнообразие их эмоционального восприятия зрителем. Художник, играя фактурностью поверхности каждого предмета, подчёркивает их уникальность, отличительные черты, указывая на контрасты самобытности в фактуре самовара и хрупкости в передаче стекла, заостряет внимание на звонкой блестящей поверхности керосиновой лампы. Он переносит это аналитическое повествование в область человеческих отношений, в область размышлений о человеческих характерах и том, какой предметный мир создаёт человек вокруг себя. Смятый лист бумаги в данной композиции является тем связующим пространством, которое поглощает все оттенки этого человеческого бытия.

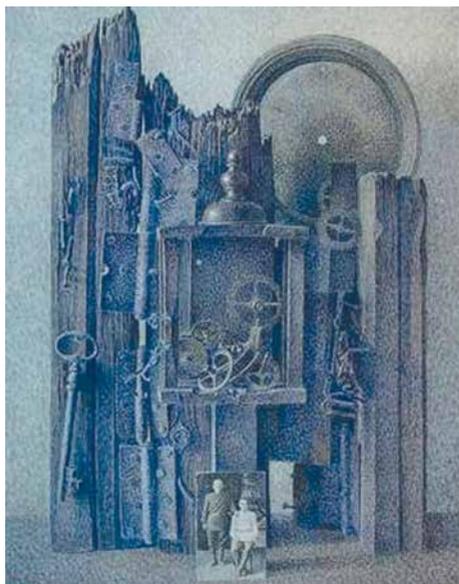
В представленных в нашей коллекции натюрмортах 1990-х гг. «Морские раковины» (1992 г.) и «Под тенью сухих подсолнухов» (1996 г.), художник также подбирает предметы на основе аналитического контраста. Морские раковины, как элемент природной эстетики, контрастирует с чашей, мебелью — элементами эстетики человеческой деятельности. Сухая листва подсолнухов контрастирует со спелыми сочными яблоками.

В нашей коллекции имеет место ещё одна акварель, написанная им в 2001 г. и посвящена она Павлу Филонову — «Преломление». В этой композиции художник выстраивает стеклянные фужеры, ставя их друг на друга и направляя верхней частью их в противоположные стороны — вверх и вниз, таким образом, создавая новую эстетическую форму не утилитарного характера. Сквозь эти хрупкие формы мы можем видеть преломлённые в округлых стенках стекла и приобретающие уже некое иное звучание и трактовку изображения с картины П. Филонова. Художник, создавая эту работу, выходит на уровень философских рассуждений на темы о приемственности в искусстве, о личности в искусстве, на темы эстетической хрупкости в мире искусства, одухотворённости. Его сосредоточенность на проблемах внутреннего, а не социального мира становится своеобразной чертой последних двух десятилетий.

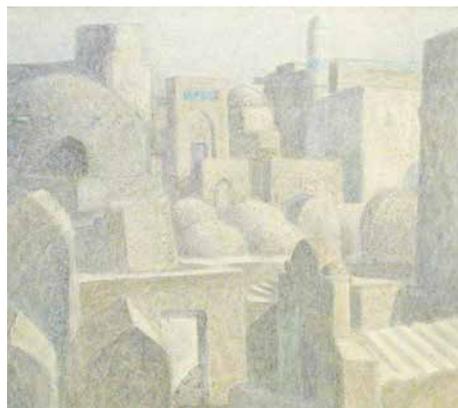
Исследуя мир предмета в творчестве Г. Шутова, взор невольно открывает то сокровенное, что составляет суть характера, жизни, поступков этого человека. В его произведениях отражается личность художника, его ум, мастерство, повседневный труд. Невозможно не отметить, как его искусство год от года становится глубже, серьёзнее, лаконичнее, а также то, что оно гуманистично, содержательно и артистично. Художник в своём творчестве опирается на сложившиеся традиции предшествующих визуальных систем и обогащает искусство акварели новыми подходами. Он через натюрморт приходит к сюжетной картине, где условность выступает в роли повествования, повествующего симбиоза мёртвой природы с духовной жизнью человека.

Литература

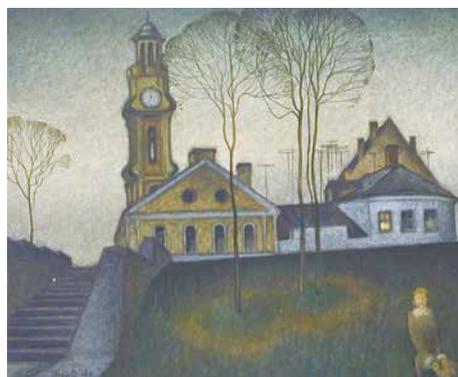
1. Цит. по: Павел Филонов. 1883—1941 // Каталог. Новосибирск. Академгородок. — 1967. С. 6.
2. Сарабьянов, Д. Творчество Павла Филонова. 1993 [Электронный ресурс]. — Режим доступа <http://www.philol.msu.ru/~rki/advance-guard/filonov.html>. — Дата доступа: 17.10.2015.

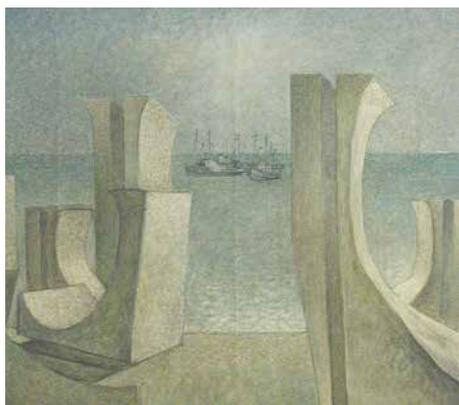
Г. Ф. Шутов. Посвящение моему отцу

Г. Ф. Шутов. Уголок Хивы

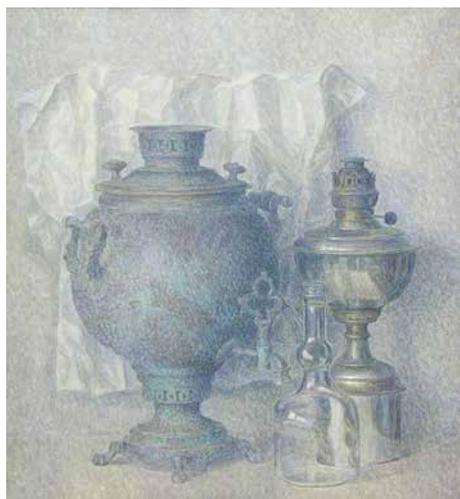
Г. Ф. Шутов. Осенние кружева

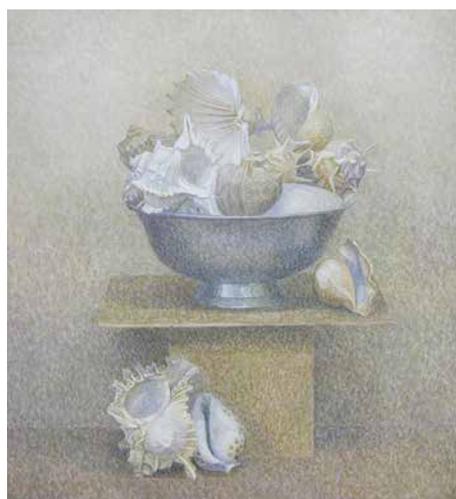
Г. Ф. Шутов. Керченский пролив

Г. Ф. Шутов. Рацуля. Старый дом

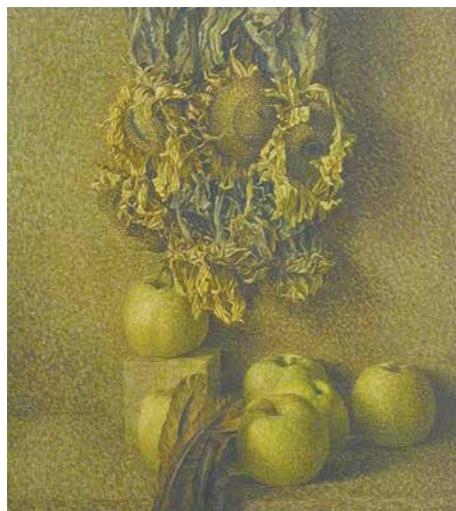
Г. Ф. Шутов. В сиреновой гамме

Г. Ф. Шутов. Морские раковины

Г. Ф. Шутов. Преломление

*Г. Ф. Шутов. Под сенью сухих
подсолнечников*

Г. Ф. Шутов. Борисоглебская церковь

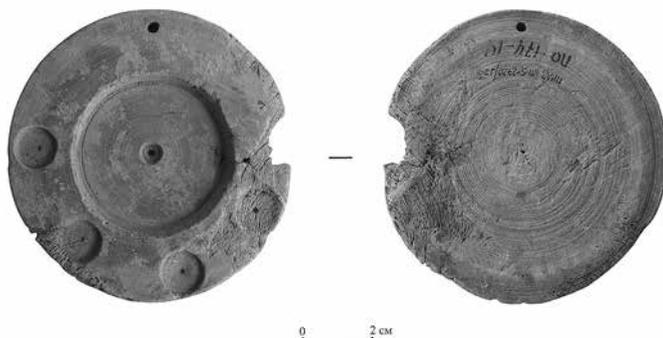
ДРАЎЛЯНАЯ АПРАВА ЛЮСТЭРКА ПАЧАТКУ XIII СТ. З МУЗЕЙНЫХ ЗБОРАЎ НПКМЗ

Сярэднявечныя шкляныя люстэркі, якія вядомы ў Еўропе яшчэ з рымскага часу, адносяцца да сумежнай вобласці сярэднявечнай вытворчасці шкла, да гэтага часу амаль не даследаванай. У сувязі з тым, што люстэркавае шкло дастаткова складана выявіць у археалагічным матэрыяле, важным індикатарам наяўнасці люстэрак у матэрыяльнай культуры выступаюць іх аправы. Футляры для люстэрак традыцыйна рабіліся з металу і дрэва, аднак першапачаткова менавіта дрэва было найбольш распаўсюджаным матэрыялам для вытворчасці складных апраў і рам самага рознага выгляду [1; 2, с. 76].

У музейных зборах Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка захоўваецца драўляны выраб, які доўгі час быў вызначаны ў якасці «дэравянной поделкі». Толькі ў апошні час атрымалася атрыбутаваць знаходку ў якасці драўлянай аправы сярэднявечнага люстэрка.

У літаратуры драўляныя аправы люстэрак прынята падзяляць на два віды: складныя аправы і рамачныя аправы [3, с. 206].

Драўляныя люстэркі-каробачкі складаліся з дзвюх частак, у адной з якіх знаходзілася шкляное люстэрка на свінцовай падложцы, а другая ўяўляла сабой накрыўку. Падобныя драўляныя футляры атрымалі шырокае распаўсюджванне на тэрыторыі Заходняй Еўропы і Старажытнай Русі. Так, падчас раскопак у Шлезвігу знойдзена шэсць фрагментаў такіх драўляных апраў, якія датуюцца XIII—XIV стст. Дыяметр вырабаў вагаецца ад 3,6 ад 5,0 см, вышыня — да 8,5 см. На тэрыторыі Ноўгарада выяўлена 187 падобных апраў, большая частка з якіх сустрэта ў напластаваннях XIII—XIV стст. [2, с. 76].

Драўляная аправа люстэрка пачатку XIII ст. КП5-2720/159

Драўляныя рамы для люстэркаў мелі большыя памеры і выкарыстоўваліся ў якасці як ручных, так і насценных прыстасаванняў. У цэлым, на тэрыторыі старажытнай Русі рамачныя аправы з'яўляюцца больш рэдкімі знаходкамі, чым складныя. Так, у Ноўгарадзе за ўвесь час правядзення археалагічных даследаванняў, было выяўлена 35 такіх артэфактаў, якія датуюцца сяр. XIII — пач. XV стст. [3, с. 216].

Археалагічная знаходка з Полацка адносіцца да катэгорыі рамачных апраў (*малюнак*). Дыяметр вырабу — 7,8 см, вышыня — 0,6 см; дыяметр выемкі пад шкло — 4,3 см. Артэфакт зроблены з дрэва на такарным станку. На адным канцы прадмета знаходзіцца невялікая скразная адтуліна, якая магла выкарыстоўвацца для падвешвання люстэрка на шыю ці сцяну.

Полацкая аправа для люстэрка аздоблена круглымі выемкамі, якія не неслі пэўнага функцыянальнага прызначэння і павінны былі выконваць толькі дэкаратыўныя функцыі.

Дэталевае вывучэнне знаходкі дазваляе меркаваць, што прадстаўлены прадмет не з'яўляецца закончаным вырабам, а ўяўляе сабой нарыхтоўку ці брак вытворчасці. На гэта ўказвае наяўнасць сколу, які атрымаўся падчас спробы вырабу разцом аднаго з дэкаратыўных круглых элементаў. Акрамя таго, на ніжняй частцы вырабу не фіксуюцца фрагменты ці сляды шкла і свінцовай падложкі.

Упрыгожванне дэкаратыўнымі элементамі рамачных драўляных апраў у цэлым характэрна для вырабаў гэтага тыпу, як і фрагменты роспісу. Падобныя рамачныя аправы маглі дэкарыравацца алавынымі ўстаўкамі, а таксама ўстаўкамі са слановай косткі, рознакаляровага дрэва і іншых матэрыялаў (вырабы з Любэка, Амстэрдама і інш.) [2, с. 88—89].

Полацкі артэфакт паходзіць з археалагічных раскопак Г. В. Штыхава ў 1967 г. на паўночна-ўсходняй частцы тэрыторыі Верхняга замка (агульная плошча раскопу — 162 кв.м). Згодна з палявой дакументацыяй, прадмет быў выяўлены ў межах 14-га ўмоўнага пласта кв. 174, матэрыялы з якога датуюцца аўтарам раскопак пачаткам XIII ст. Акрамя гэтага артэфакта, падчас раскопак быў выяўлены яшчэ адзін падобны прадмет, які да нашага часу не захаваўся. Трэба адзначыць, што ў ходзе раскопак на ўзроўні 9—14 умоўных пластоў, якія ў цэлым датуюцца ў межах XIII—XIV стст., сустрэты шматлікія драўляныя вырабы, апрацаваныя на такарным станку [4, с. 16].

Сярод знаходак рамачных апраў для люстэркаў з тэрыторыі Старажытнай Русі да полацкага артэфакта тыпалагічна найбольш блізка стаіць знаходка з Ноўгарада (Нараўскі раскоп), якая ўяўляе сабой чвэрць самшытавага прадмета акруглай формы з дэкаратыўнай кружкавай выемкай на адным баку і датуецца X ст. (?). На тэрыторыі Беларусі драўляныя аправы люстэркаў, акрамя Полацка, знойдзены таксама ў Віцебску на тэрыторыі Верхняга замка і датуюцца XIV ст. [3, с. 212].

Між тым, трэба адзначыць, што невялікую колькасць знаходак трэба тлумачыць складанасцю функцыянальнай атрыбуцыі гэтых артэфактаў, якая стала зразумелай толькі ў апошні час. У сувязі з гэтым можна меркаваць, што колькасць драўляных апраў для сярэднявечных шкляных люстэркаў можа павялічыцца падчас больш дэталевага вывучэння археалагічных калекцый з музейных збораў.

Такім чынам, нарыхтоўка рамачнай драўлянай аправы для люстэрка з Полацка з'яўляецца важнай крыніцай па вывучэнні матэрыяльнай культуры і вытворчай дзейнасці насельніцтва Полацка, а таксама цікавым прыкладам дэкаратыўна-прыкладнога мастацтва старажытнарускага перыяду.

Літаратура

1. Рыбина, Е. А. К атрибуции некоторых археологических находок из Новгорода / Е. А. Рыбина // Новгород и Новгородская земля. История и археология. — Новгород, 1993. — Вып. 7. — С. 156—157.
2. Крюгер, И. Стекланные зеркала в Западной Европе / И. Крюгер // Средневековые стекланные зеркала. — М.: АРГАМАК МЕДИА, 2013. — С. 8—150.
3. Рыбина, Е. А. Стекланные зеркала на Руси / Е. А. Рыбина // Средневековые стекланные зеркала. — М.: АРГАМАК МЕДИА, 2013. — С. 151—249.
4. Штыхов, Г. В. Отчёт о раскопках в Полоцке в 1967 г. / Г. В. Штыхов // ААНД ДНУ «Інстытут гісторыі» НАН Беларусі. — № 315.

А. П. Мороз

ТВОРЧЕСТВО ВАЛЕНТИНЫ АНТОНОВНЫ ЛЯХОВИЧ

«Меня долго мучили вопросы, что же такое цвет, живопись, искусство. И на эти вопросы я до сих пор ищу ответы и отвечаю сама себе».

Валентина Антоновна Ляхович — художница, которая соединила в своём творчестве эксперимент и классику, реальность и фантазию. Путь, пройденный ею в искусстве, отмечен глубокой органичностью и неутомимым поиском свободы и собственного стиля, главной чертой которого стало тонкое чувство цвета.

Дуализм по отношению к цвету у Валентины Ляхович присутствовал ещё в детстве. Посещая кружок рисования в Доме пионеров, потом изостудию, Валентина Антоновна испытывала желание подобрать нюансные оттенки цвета камешков на дне реки, и в то же время будущую художницу завораживала яркость, торжественность, контрастность, декоративность цвета театральных интерьеров [4, с.1].

На ранних этапах творческого пути Валентина Ляхович была приверженцем реалистической живописи, её вдохновляли произведения художников-передвижников. Любовь к их творчеству у Валентины Антоновны осталась и сейчас. Обучение на художественно-графическом факультете

Витебского государственного педагогического института, куда художница поступила в 1964 г., освоение техники классической акварели, которую преподавал Иван Михайлович Столяров, подкрепили такие предпочтения. Вместе с этим преподавателем Валентина Ляхович совершенствовала точность подбора цветовых оттенков, оттачивала свое мастерство как художника-натуралиста. Именно с реалистическими работами художница принимала участие в своей первой выставке, которая была посвящена 50-летию Октябрьской революции [2].

Но, искатель по натуре, художница хотела нового. Её начала угнетать предсказуемость результата, изученность приёмов. Новизну и необычность привнёс Феликс Фёдорович Гумен, который познакомил студентов с творчеством художников Прибалтики (А. Савицкаса, А. Гудайтиса), показал новые приёмы, привил любовь к эксперименту. Именно Феликс Фёдорович был научным руководителем дипломного проекта выпускницы Валентины Ляхович, несмотря на то, что непосредственно у него она не училась. Иван Михайлович Столяров отказался быть научным руководителем, когда узнал, что дипломный проект был выполнен не в классической акварельной технике, а с применением приёма смыва (акварельная краска наносится на бумагу по-сырому; места, где нужен смыв, оставляют мокрыми, остальные подсушивают; лист для смыва краски устанавливают под углом к горизонтальной плоскости и поливают потоком воды из ёмкости объёмом 1-2 литра снизу вверх), который впоследствии стал излюбленным методом художницы в акварели. Однако использование в дипломной работе подобных смелых для того времени приёмов не помешало тому, что она была оценена на «отлично».

Ф. Ф. Гумен оказал значительное влияние на творчество Валентины Ляхович. Эффектность, декоративность цвета в акварелях Феликса Фёдоровича притягивали, с одной стороны ей хотелось достичь подобного результата и в собственных работах, но в то же время такая декоративность не сочеталась с понятием художницы о тонкости цветовых отношений, у неё возникали свои ощущения касательно цвета. Этот диссонанс стал одной из причин исканий в цвете, явился толчком к поиску собственного стиля.

В ходе творческих поисков художница возвращалась к уже постигнутому, старалась найти что-то особенное и в точности передачи сюжетов в реалистическом жанре. Долгое время Валентина Ляхович писала портреты, пейзажи. Ярким примером её портретных работ является «Портрет отца», отражающий и внешнее сходство, и характеристику отца художницы как человека. Довольно известным художником-портретистом она в 1974 г. вернулась на художественно-графический факультет, уже в качестве преподавателя.

На протяжении всей своей преподавательской деятельности, а трудилась на этом поприще художница 26 лет, у Валентины Ляхович существовал свой подход к обучению. Она не стремилась следовать заданной программе, её изменения во взглядах на жизнь, творчество отражались и на преподавании. На саму традиционную методику подготовки художника у Валентины Антоновны имеется своя точка зрения.

Программа художественно-графического факультета построена так, что на первых двух курсах изучается только акварельная техника. Но Валентина Ляхович считает это не совсем верным. По её мнению, вначале необходимо привить понимание живописи, а не акварельные приёмы. Сделать это, работая в акварели, сложно. Проще это сделать в технике гуаши или масла. Поэтому на занятиях у Валентины Антоновны студенты начинали работать школьной гуашью, которая значительно выцветает при высыхании. Тем самым художница добивалась того, что ученики в дальнейшем не боялись цвета, что давало им большую раскованность в творчестве. Иногда вместо традиционного рисования натюрморта с натуры Валентина Антоновна предлагала студентам рисовать ту же композицию по памяти, потому что, как показал опыт, рисунок с натуры зачастую получался хуже: внимание сосредотачивалось на мелочах, а не на самой композиции. По мнению художницы, свобода в живописи в сочетании с академической строгостью в рисунке даёт хороший результат.

Свою задачу как педагога Валентина Ляхович видит не в подготовке художника-акварелиста. По её мнению, за время, отведённое программой художественно-графического факультета на живопись, рисунок, композицию, дать академическую подготовку невозможно. Но это и не является главной целью обучения на факультете — выпускники в первую очередь должны стать педагогами. Поэтому главным является воспитание вкуса у студента, развитие его как личности творческой, чтобы, работая впоследствии с детьми, он как учитель смог в свою очередь сориентировать своих учеников в правильном направлении.

Среди дисциплин, которые изучаются студентами на художественно-графическом факультете, самое большое значение в этом имеет изучение истории искусств, а именно направлений в искусстве и непосредственно самих работ художников. Со знакомства с творчеством признанных художников и возникает «насмотренность», которая позже перерастает в интуицию художника. Поэтому в первую очередь необходимо изучать лучшие произведения искусства, шедевры, как в теории, так и на практике — в копировании, в идеале с подлинника. Механический способ нанесения краски в репродукции не передаёт точно ни цвет, ни тем более фактуру. В репродукциях сглаживается впечатление от работ, уравнивается их качество, становится сложно отличить произведение слабого художника от сильного. А копирование с оригинала позволяет одновременно рассматривать вопросы техники, стилистики, линии и пятна, цветовой системы. Все эти вопросы поднимаются и на других дисциплинах, помимо истории искусств: рисунке, живописи, композиции — которые тесно связаны между собой. И именно комплексность их изучения, в сочетании с регулярным посещением музеев, галерей может стать фундаментом для становления художника.

Среди студентов, у которых преподавала Валентина Ляхович, ей особенно запомнились те, с которыми самой художнице было интересно работать. Так, Валерий Стратович, который в настоящее время живёт и работает в Гродно, закончивший художественно-графический факультет Витебского университета в 1986 году, нестандартно подходил к заданиям: на занятиях

он мог рисовать реалистические композиции с необычного ракурса, и даже обращаться к абстрактному искусству, что в то время являлось для студента недопустимым. Но нельзя сказать, что креативность являлась залогом того, что в будущем ученик вырастет в настоящего художника. Талант необходимо развивать. Валентина Ляхович всегда поощряла старательность и стремление научиться. Будь то освоение классических приёмов или поиск новых — без постоянной работы над собой нельзя совершенствоваться.

Сама Валентина Антоновна над своим акварельным произведением работает до тех пор, пока оно ей не понравится. Художница называет такой строгий подход к собственному творчеству «принципом недовольства». Наверное, во многом благодаря такому принципу в 70–80-е гг. в творчестве Валентины Ляхович на смену романтическим пейзажам и реалистическим портретам, в которых критики усматривали высокое мастерство и характерность образа, пришли композиции, демонстрирующие глубокий интерес автора к живописному языку, анализу его элементов [4]. Этот период можно охарактеризовать как переходный от натуральных зарисовок к большим образным обобщениям, от камерности сюжетов к важным, заметным явлениям жизни. Реалистические работы В. Ляхович, созданные в 70-80-е гг., определяются поиском оригинального колористического решения, лирической трактовкой темы. Яркими примерами могут стать произведения из фондов НПИКМЗ «Сумерки» (КП 2092) 1980 г. создания (*рис. 1*) и «Осень» (КП 2091) 1986 г. (*рис. 2*).

Художница прошла сложный путь преодоления натурализма цвета, ступив на него из-за того, что реалистическая живопись не могла ответить на вопросы, вставшие перед ней. Валентину Антоновну тянуло к постижению законов абстрактного искусства. Эксперименты с цветом привели художницу к осознанию того, что он стремится не быть тесно связанным с формой, а только о ней напоминать через обилие красочных пятен, чередование мазков, линий. В работах, характерных для периода творческого пути конца 80-х — начала 90-х гг., Валентина Антоновна постепенно удаляется от реальных объектов, углубляется в исследование их абстрагированных элементов, их сущности, как в акварелях «Разрушенные храмы Витебска» (КП 6304) 1989 г. (*рис. 3*), «Стекло» (КП 7769) 1988 г. (*рис. 4*). Ассоциативный характер и философский подтекст несут в себе работы «Из прошлого» (КП 7770) 1992 г. (*рис. 5*), «Дама перед зеркалом» (КП 7767) 1991 г. (*рис. 6*). Многие произведения художницы этого периода почти полностью избавлены от сюжетных контекстов и приближаются к беспредметной живописи: «Весеннее настроение» (КП 7768) 1991 г. (*рис. 7*).

А. Прусский (А. И. Мемус) пишет о Валентине Ляхович: «Она не отвергает реальность и не фетишизирует абстрактность, а олицетворяет единство равновеликих начал, наполняет свои поиски сильным сплавом формы и содержания, глубокой интуицией понимая, что и отдаленная реальность оставляет в абстрактном свой магический знак» [6, с. 24].

Порой форма в работах художницы с помощью цвета обретала много жизней: Валентина Антоновна работала с картонами, тщательно продуманные композиции которых переводила сразу на несколько листов. И в

процессе работы над одним из вариантов рождалась мысль о том, что с тем же контуром можно создать другое произведение. В результате возникали серии работ, где автор демонстрирует бесконечное множество решений, от контрастных и декоративных до нюансных оттенков цвета, от формы до абстракции. Такой метод работы с акварелью Валентины Ляхович напоминает создание фрески, и в то же время сохраняет ощущение самопроизвольности и непосредственности выявления материала, характерное для водяной живописи.

Стремление обновить палитру художественных средств, усилить впечатление от произведения привело художницу к широкому использованию смешанной техники [3]. В работе «Хаос» (КП 8016) 1992 г. (рис. 8) художница обращается к коллажу, дополняя акварельную цветовую палитру сусальным золотом. Признавая и работая в разных, смешанных авторских техниках, художница не отрицает право на существование классических видов искусства. Если творческий живописный и композиционный замысел художника может быть выражен в работе с помощью чистой акварельной техники, это может быть и это должно быть. Но в случае, когда живопись страдает от недостаточной яркости акварели, возможным, уместным и иногда даже обязательным является поиск и применение нестандартных, новых и смелых приёмов. Смешение техник, направлений, видов в искусстве, по мнению художницы, только его обогащает.

Почти академический в своих истоках метод работы Валентины Ляхович обогащается иррациональными техниками игры с материалом. Особым качеством акварельных исследований художницы стала фактура: потёртости, царапины, трещины, — которые составляют неповторимое величие самой «материи» её живописи. В одном произведении художница может классическое лессировочное письмо сочетать со срывами верхнего слоя бумаги и последующей их красочной заливкой. Лист бумаги может быть подвергнут разнообразным способам художественной обработки, водяная живопись — дополняться другими материалами, вплоть до масла и акрила. Работа может состоять из нескольких склеенных и наклеенных частей, но не терять при этом свежести и цельности художественного образа [1, с. 8].

Наряду с вопросами цвета и живописи художницу интересовали вопросы пространства. Подсказкой в решении этой задачи стало посещение Валентиной Ляхович Музея современного искусства в Берлине. Художницу пригласили с выставкой в Германию после её участия во Втором Шагаловском пленэре, проходившего в Витебске с 20 июня по 6 июля 1997 гг. и приуроченного к празднованию 110-летия со дня рождения Марка Шагала, в котором приняли участие 26 художников из 10 стран. Масштабность работ, которые художница увидела в Музее современного искусства в Берлине, в частности полотен Сая Тоумбли, Роберта Раушенберга, впечатлила и подвигла Валентину Ляхович к написанию работ большого формата. И в них акварель прекрасно себя зарекомендовала. Работы большого формата, благодаря повсеместному применению как образной, так и технической многослойности, сочетанию многократных смыслов, отпечатков, потёртостей, срывов красочной палитры, приобретают глубину и фактуру.

Увлечение большим форматом переросло в желание перейти в пространство трёхмерное, работать в объёме. Первыми попытками стало скручивание огромных полотен, создание из них колонн. Но этого было недостаточно, и художница задумалась над созданием абстрактной скульптуры. В этом направлении своего творчества Валентина Антоновна всегда идёт от предмета. Часто источниками идей являлись даже предметы домашнего обихода: так, скульптура «Мальчик с чайником» обязана своим появлением чайнику, который, как вспоминает сама художница, служил более 30 лет её матери. Эта работа, наряду с несколькими другими, экспонировалась в 2007 г. в проекте «Куклы», принять участие в котором Валентине Ляхович предложила искусствовед Лариса Михневич. Выставку «Куклы» посетил представитель из Эстонии. Он пригласил Валентину Ляхович в числе других белорусских художников, среди которых скульпторы Валентин Борздый и Павел Войницкий, принять участие в международном скульптурном пленэре. После недели пребывания в городе Вильянд, этнографическом центре Эстонии, Валентина Антоновна представила на 15-й Международной выставке современного искусства «Мужчина и женщина» работу, выполненную из металла.

Скульптуры так называемой «мусорной культуры» («trash art») предоставляют Валентине Ляхович полную свободу творчества. Для неё здесь не ограничений, нет сомнений в дозволенности тех или иных приёмов, как в живописи. В фондах НПИКМЗ находится скульптура «Клеопатра» (КП 30312) (рис. 9), созданная в 2010 г. В этой и подобных работах художница экспериментирует с цветом, формой, материалом, синтезируя пластику и живопись. Недостаток только в трудоёмкости процесса, длительности механической работы. Как признаётся сама художница, даже с металлом порой проще работать, чем с бумагой. Но бумага, несмотря на свою непрочность, привлекательна большими пластическими и живописными возможностями.

Находя новые приёмы в творчестве, раскрывая различные темы, применяя разнообразные техники, обращаясь даже к разным видам искусства, Валентина Ляхович не отказывается от того, что уже было достигнуто. По словам художницы, то, каким будет её произведение, зависит только от её желания; и в настоящее время она порой работает и в реализме, пусть это уже и другой реализм. В прошлом году в проекте «Abstract», часть экспозиции которого была показана в Художественной галерее, Валентина Ляхович представила не «trash art», хотя это на данный момент последний принципиально новый найденный художницей ход в творчестве, а темперадную живопись на холсте в авторской технике: работы «Земля сегодня» и «Земля в будущем», созданные в 2014 г.

Неординарная, находящаяся в постоянном поиске личность художницы Валентины Ляхович, такая, какую мы её знаем сейчас, сложилась, бесспорно, не без участия в её жизни людей и событий. Валентина Антоновна считает своим учителем каждого художника, чьё творчество на протяжении жизни её заинтересовало, чей опыт помог ей в самообразовании. Помимо педагогов художественно-графического факультета, своё воздействие оказала и витебская художественная среда в целом. Посещение выставок, об-

щение с художниками (А. А. Соловьевым, Г. Ф. Шутовым) явилось большим подспорьем для развития. На пути Валентины Антоновны встречались люди, которые, как считает сама художница, многому её научили, сказав всего несколько слов. Так, Анатолий Кузнецов в один из переходных периодов в творчестве В. А. Ляхович подсказал ей, как передать свет в одном из городских пейзажей, над написанием которого художница уже долго работала. И впоследствии этот приём художница использовала во многих своих работах. Новые впечатления, полученные во время поездок в составе творческих групп: природа и люди Сибирского края, мощь, размах городов тяжёлой промышленности на Урале; открывшееся после распада СССР западное искусство стали той основой, опираясь на которую художница смогла обогатить и своё собственное видение мира, и сформировать особый, личный взгляд на искусство.

Все настоящие художники уходили от школы и делали что-то принципиально новое, искали себя. Последователи не превосходят своих предшественников, если работают так же, как они. Валентина Антоновна взяла от своих учителей не их приёмы и методы в работе, она заглянула глубже, в самую суть вопросов искусства. И это позволило её творчеству стать оригинальным, но собрать и сохранить в себе квинтэссенцию традиций, заложенных предыдущими поколениями художников.

«Искусство находится в поиске. И время решит, что было искусством, а что нет. Вот наш главный судья. А теперь могут критики нас ругать, мы можем сами себя хвалить... все это пустое. Главное: хочешь работать — работай. А если нет — и не пачкай бумагу. Живи счастливо. Это тоже неплохо. А этой мой способ жить, мое жизненное пространство. И мне это нравится»

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Вакар, Л. Акварельный полимпсест Валентины Ляхович / Л. Вакар // Бюллетень Музея Марка Шагала.— Витебск, 2006. — Вып. 14. — С. 7—11.
2. Гулідава, Н. Прастора ў прасторы: «Рэтраспекцыя», або Дар Валянціны Ляховіч / Н. Гулідава // Культура. — 2011. — 14—20 мая. — С. 7.
3. Лазарэнка, С. [Агляд выстаўкі В. Ляховіч] / С. Лазарэнка // Мастацтва. — 1992. — № 10. — С. 76.
4. Лазаренко, С.Н. Валентина Ляхович. Живопись. Графика. / С. Н. Лазаренко. — Витебск, 1991.
5. Лазаренко, С. Вариации на свободную тему / С. Лазаренко. // Вечерний Витебск. — 1998. — 5 декабря.
6. Валентина Ляхович. Каталог. — Витебск, 2001. — С. 1.
7. Прускі, А. Магічны знак аддаленай рэальнасці / А. Прускі // Мастацтва. — 1997. — № 8. — С. 23—24.

Рис. 1. В. А. Ляхович «Сумерки»

Рис. 2. В. А. Ляхович «Осень»

Рис. 3. В. А. Ляхович «Разрушенные храмы Витебска»

Рис. 4. В. А. Ляхович «Стекло»

Рис. 5. В. А. Ляхович «Из прошлого»

Рис. 6. В. А. Ляхович «Дама перед зеркалом»

Рис. 8. В. А. Ляхович «Хаос»

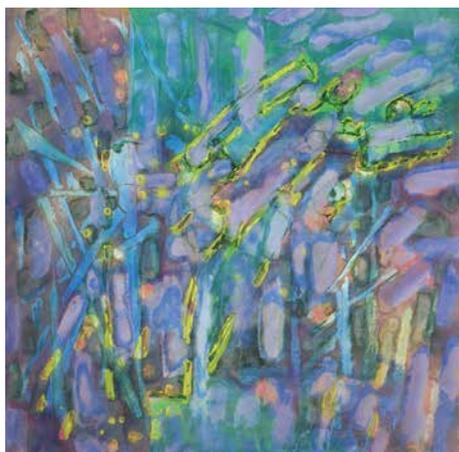

Рис. 7. В. А. Ляхович «Весеннее настроение»

Рис. 9. В. А. Ляхович. Скульптура «Клеопатра»

К. А. Нарейко

3-Я БЕЛОРУССКАЯ ПАРТИЗАНСКАЯ БРИГАДА: ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И БОЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

С момента окончания Великой Отечественной войны прошло уже 70 лет, но проблема исследования некоторых важных, но малоизученных страниц истории остаётся открытой. К таким вопросам относится и тема партизанского движения на территории Полотчины. Одной из составляющих этого вопроса является боевая деятельность на Полотчине 3-й Белорусской партизанской бригады, которая по каким-то причинам оказалась забытой, также как и личность командира бригады, одного из первых организаторов подпольного и партизанского движения на Полотчине А. Я. Марченко.

Важнейшими программными документами, положившими начало организации народных сил, поднимавшимися на партизанскую борьбу с фашистскими захватчиками, были директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей от 29

июня и постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 г. «Об организации борьбы в тылу германских войск». В директиве говорилось: «В занятых врагом районах, создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи и т. д. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и его пособников» [1, с.19].

С началом оккупации Полоцка в городе и в Полоцком районе возникают подпольно-патриотические группы, состоявшие в основном из коммунистов, комсомольцев, партийно-хозяйственного актива, бежавших из фашистского плена командиров и политработников Красной Армии. Основной задачей, которую они ставили перед собой, была организация сопротивления оккупантам, начало активной борьбы с ними. В оккупированном городе и в районе

Рис. 1. А. Я. Марченко

они приступили к созданию подпольных организаций и начали работу среди населения города и района по развёртыванию партизанского движения.

В истории становления партизанского движения на Полотчине можно выделить два этапа: подготовительный (создание подпольно-патриотических групп, агитационная, политическая работа среди населения, сбор оружия и т. д.) и период активного развития партизанского движения.

Среди руководителей подпольных патриотических групп, стоявших у истоков партизанского движения на Полотчине, были А. Я. Марченко и Я. Х. Сташкевич.

Создание на Полотчине одного из первых партизанских отрядов, развитие партизанского движения, становление 3-й Белорусской партизанской бригады неразрывно связано с личностью Аркадия Яковлевича Марченко (рис. 1).

Аркадий Яковлевич родился в 1916 г. в д. Ковали Полоцкого района. В Красной Армии с 1938 г. Службу начал рядовым, затем заместитель политрука 49-го стрелкового полка 17-й Нижегородской стрелковой дивизии, комиссар 3-го танкового батальона В/Ч 1822. Великая Отечественная война застаёт А. Я. Марченко в Гродно, 22 июня в составе своей части он вступил в бой, в том бою был контужен, танк его был подбит. 29 июня в бою под Минском его часть была уничтожена. С группой в 14 человек Марченко пытается вырваться из вражеского кольца и 10 июля он прибывает к местечку Смолевичи Минской области. Здесь Марченко болеет около 2-х недель. До призыва в армию Аркадий Яковлевич работал на местном торфозаводе, по этой причине его все знали. Используя связи, по выздоровлении Марченко организывает в Смолевичах подпольную группу, которая, вооружившись, переходит к диверсионной деятельности. Группа проводит 3 диверсии на железной дороге, одновременно проводя агитационную работу среди населения. В конце августа немцы разоблачают его группу, и он, предупреждённый об аресте, вынужден бежать из Смолевич. Марченко решает направиться на родину и прибывает в посёлок Труды Полоцкого района. Здесь он вновь принимается за создание подпольной организации. До прибытия А. Я. Марченко в Трудах уже существовали группы Т. К. Ларченко и В. А. Дроздова.

К концу сентября 1941 г. стараниями Аркадия Яковлевича и других патриотов в Трудах была создана и вооружена еще одна группа, насчитывавшая 22 человека. В группу входили А. Марченко, Н. Павловский, И. Антонов, И. Жак, Ю. Журова [4].

В первое время подпольщики занимаются агитационной деятельностью среди местного населения, распространяют листовки, параллельно занимаются сбором оружия и боеприпасов. К зиме 1942 г. в Трудах, Дретуни, Малом Ситно действует под руководством Марченко несколько подпольных патриотических групп. Основной целью подпольных патриотических групп, действовавших на Полотчине, являлся выход из города в леса, создание партизанского отряда, переход к вооружённой борьбе с врагом.

Аркадий Яковлевич через своих родственников в Трудах знакомится с руководителями других подпольно-патриотических групп в Полоцком районе, координирует действия этих групп на Полотчине, налаживает связь с подпольными группами Самородкова-Сташкевича, Суховея.

В начале февраля 1942 г. подпольщики решили связаться с командованием Красной Армии, вышестоящими партийными органами в советском тылу. 13 марта они направили через линию фронта А. Я. Марченко. Он побывал в штабе 4-й ударной армии, где его принял первый секретарь ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко. Марченко подробно рассказал о борьбе подпольщиков Полоцка и Полоцкого района, получил указания о дальнейшей работе. Возвратившись из-за линии фронта, он повстречался с руководителями подпольно-патриотических групп Полоцкого района и передал им указания ЦК о необходимости объединиться в партизанский отряд.

29 апреля А. Я. Марченко возвращается из-за линии фронта и уже 1 мая встречает вышедшую из Трудов и Дретуни партизанскую группу, которая состояла из участников подпольных групп, соратников Марченко, во главе с Е. А. Козловым, Н. Е. Фалалеевым,

М. Н. Мещеряковым, И. С. Юзефовичем, М. Д. Свириденко и др. Так, в группе А. А. Астрейко находилось 22 человека, Е. А. Козлова — 7 человек, Н. В. Жуковского — 18 человек, М. Д. Свириденко — 28 человек [3].

Благодаря своему высокому авторитету, опыту в создании партизанских и диверсионных групп, руководство группой взял на себя А. Я. Марченко. В короткий срок группа вырастает сначала в крупный партизанский отряд, а затем в партизанскую бригаду. Как происходило становление первого на Полотчине партизанского отряда, дают представление некоторые документы. Среди них опросный лист командира одной из подпольно-патриотических групп, капитана М. Н. Мещерякова: «Группу я организовал в первой половине сентября 1941 года в составе 12 человек. Занялись вопросами создания партизанского отряда. В конце сентября 1941 года к нам прибыл секретарь Россонского РК Партии Лапеекко, который остался с нами. 3 мая нас уже было 40 человек, которые все вышли в лес. Связь с отрядом Прудникова была установлена с начала марта месяца. С первых дней мы дислоцировались в Полоцком районе, около д. Стайки и д. Белое Невельского района. К 10—12 мая был организован отряд в 100 человек. Командиром отряда был А. Я. Марченко, а начальникам штаба — я Мещеряков. В конце мая была организована бригада в составе 300 человек. Примерно 15—20 июня с присоединением отряда Сташкевича бригада вырос-

Рис. 2. Яков Христианович Сташкевич

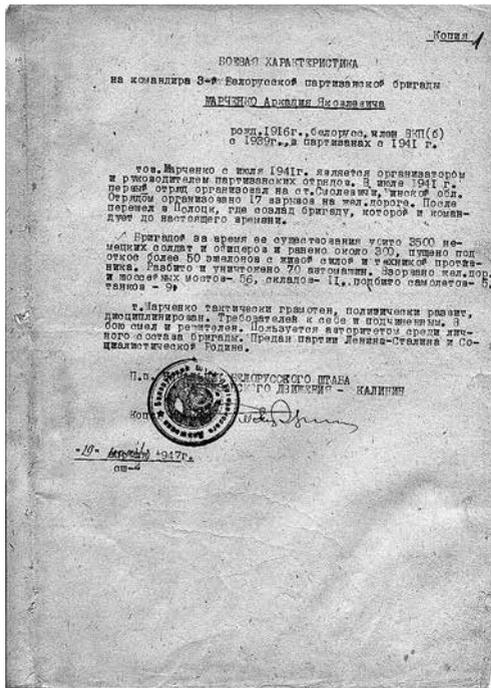

Рис. 3. Боевая характеристика на А. Я. Марченко

ла до 900 человек. 10–12 июля я был назначен командиром отряда в 70 чел. в районе д. Белое, Стайки с задачей держать под контролем железную дорогу ст. Дретунь-Клястицы, большак Дретунь-Труды, где дислоцировался немецкий гарнизон» [3].

Группа Марченко со дня возникновения поддерживала связь с полоцкими подпольщиками. Благодаря этому она быстро пополнилась за счёт городских рабочих и бежавших из «лагеря смерти» военнопленных.

К мысли о необходимости объединиться в партизанский отряд пришла и группа подпольщиков Полоцка, руководимая Я. Х. Сташкевичем (рис. 2). Для усиления борьбы против захватчиков подпольщики решили ускорить выход большой группы рабочих из города в лес. 20 апреля Я. Х. Сташкевич и И. С. Гуков направились в район совхоза «Полота», где находился созданный ими склад боеприпасов.

Вскоре сюда прибыли и другие подпольщики. По дороге из города в группу влились десятки людей. Вооружившись, они сразу же приступили к боевым действиям. Командиром отряда был назначен Я. Х. Сташкевич, комиссаром — И. С. Гуков, начальником штаба — Ф. И. Соловьёв. Сначала отряд насчитывал 100 человек, а к июлю 1942 г. — свыше 400 человек.

6 июня 1942 г. в лесу в районе д. Чербомыслово состоялось партийное собрание коммунистов Полоцкого района. По решению партийного собрания и избранного на нём Полоцкого подпольного райкома КПБ(б) было решено на базе отряда А. Я. Марченко создать партизанскую бригаду из трёх отрядов. В первом протоколе в пунктах 5 и 6 было записано следующее: «5. Создать партизанскую бригаду Полоцкого района, командиром бригады утвердить тов. Марченко А. Я. 6. Связаться со всеми партизанскими отрядами Полоцкого района, подчинив их для общего руководства командованию бригадой, всех командиров и комиссаров отрядов утвердить на заседании райкома КПБ(б), организацию связи возложить на тов. Марченко».

Из боевой характеристики на А. Я. Марченко комиссара бригады, ст. лейтенанта Шедова от 20 августа 1943 г.: «Тов. Марченко является опытным боевым командиром, конкретными делами доказывал своё умение руководить крупными партизанскими соединениями в сложной обстановке. Будучи строгим и требовательным по отношению к себе, он предъявляет такие же требования и

к подчиненным. Обладая огромным запасом энергии, он успевает углубляться во все мелочи жизни бригады. Помимо всего прочего он неутомимый пропагандист и агитатор. Он обладает особой способностью убеждать подчиненных и умеет поднять их дух. Является примером выдержанности, морально устойчив, политически развит» (рис. 3) [4].

Здесь же были утверждены комиссаром бригады Евгений Александрович Козлов, начальник штаба Трофим Корнеевич Раевский и командный состав отрядов. В скором времени из числа вновь прибывших партизан здесь создали и ещё один отряд — четвертый [2].

Из докладной записки Можайского по бригаде Марченко за июнь 1942 г. известно: «Основным местом дислокации отряда Марченко является район д. Чербомыслово в лесу. Отряд составляет примерно 500 человек. Почти все вооружены, имеются станковые и ручные пулеметы, одна пушка, четыре миномета (два ротных, два батальонных). На территории семи волостных сельуправ полностью уничтожена немецкая власть и полиция, в число разгромленных сельуправ входят: Орлейская, Малоситнянская, Васильевская, Домниковская, Косьяновская и др. Отряд Марченко до 6 июня три раза имел сражения с карательным отрядом немцев. В этих боях убиты: 21 солдат Вермахта, захвачено 22 велосипеда и свыше 40 винтовок. Уничтожено и сожжено 7 мостов, один автогараж в Дретуни, две автомашины, 6 бочек с бензином» [5].

В начале июля 1942 г. было принято решение объединить отряд Я. Х. Сташкевича с бригадой А. Я. Марченко. В отряде Сташкевича в это время было более 500 партизан. В июле его разделили на три отряда, которым придали номера 5, 6, 7. Был создан штаб бригады, все необходимые службы, в том числе медицинская. Полоцкий райком КПБ(б), который базировался на базе бригады Марченко, утвердил командиров, комиссаров и начальников штабов отрядов.

Это соединение из 7 отрядов (отряды под командованием Букарева, Астрейко, Кухаренко, Волкова, Горбатенко, Шервашидзе, Савченко) получила название 3-й Белорусской партизанской бригады. Бригада стала первым на Полотчине крупным партизанским соединением, к тому же личный состав бригады был практически полностью сформирован из местных патриотов и коммунистов.

В июле 1942 г. командование бригады и штаб, подпольные райкомы КПБ(б) и ЛКСМБ находились в лагере вблизи д. Казадои (примерно в центре партизанской зоны бригады). Здесь до конца 1942 г. находились также 3-й отряд и бригадная разведка, бригадный госпиталь. Одновременно были назначены и места дислокации отрядов: 1-й отряд — район д. Петушки, Воробьи, Федоровка; 2-й отряд базировался в районе д. Домники, Липники, Барово; 4-й отряд дислоцировался в районе д. Жуковичи, Капно, Заборье; 5-й отряд в районе Червятка, Старина, Сосно; 6-й — Черное, Шчеперня, Топоры. Такая дислокация руководящих органов и отрядов сохранялась в основном до конца 1942 г., а потом менялась в связи с боями, которые вела бригада с карательными экспедициями гитлеровцев и реорганизацией отрядов. За время существования бригада действовала не только в Полоцком, но и в Россонском, а в конце 1943 — даже и в Освейском районах [2].

Согласно документам, в июле 1942 г. бригада насчитывает 888 человек личного состава. Имеет на вооружении одно противотанковое ружьё, 7 миномётов, 2 станковых пулемёта, 22 ручных пулемёта, 657 винтовок. За период с 26 июня по 26 июля 1942 г. отрядами бригады уничтожен 431 военнотружачий Вермахта [8].

Из стенограммы беседы с помощником командира 3-й Белорусской партизанской бригады Н. Н. Ковалёвым по состоянию на 12.12.1942 г. известно: «численность бригады составляет уже 1350 человек. В связи с болезнью Марченко временно командует Жиганов В.В., в группе 6 отрядов. Штаб бригады дислоцируется восточнее деревни Вериги в лесу в 1,5 км между дер. Дрожак и Вериги, Казьяновского с. Сиротинского района. Бригада обеспечена продуктами питания, в основном хлебом и мясом. Хлебная база спрятана в лесу. У каждого отряда и бригады есть своя хлебная база. Зимней одеждой полностью партизаны не удовлетворены. Имеется свой кожевенный завод, лыжные мастерские, портновские мастерские» [5].

Согласно общепринятым положениям, действия партизан включали в основном три вида деятельности: боевую, диверсионную и разведывательную.

Из докладной записки Марченко А. Я. о состоянии работы по развёртыванию партизанского движения на Полотчине секретарю Витебского обкома КПБ: «Боевая деятельность бригады направлена на выведение из строя железнодорожных линий и шоссейных дорог, уничтожение немцев и предателей Родины» [3, л. 357].

В течение лета 1942 г. бригада становится хозяином треугольника Оболь-Дретунь-Полоцк. Командование бригады и отрядов уделяло большое внимание контролю за фашистскими гарнизонами, что находились в Полоцке, Трудах, Дретуни, на станции Полота, в Казимирове, Юровичах, Горянах. Через подпольщиков и бригадную разведку командование бригады получало информацию о количественном составе немецких гарнизонов, перемещениях, силах врага, о его замыслах в отношении борьбы с партизанами. Бои разных масштабов шли почти непрерывно.

Наиболее важными боевыми операциями бригады за 1942 г. являются: март-апрель — бой у деревни Чербамыслово, апрель — бои у деревень Цижма и Астрейка, бой под Дретунем, июнь — бой в совхозе Палата, август — разгром Трудовского гарнизона немцев и полицаев, сентябрь — разгром 3-й и 4-й Белорусскими партизанскими бригадами фашистского гарнизона в Езерище. В декабре 1942 — феврале 1943 г. партизаны 3-й Белорусской партизанской бригады участвовали в боях против карателей, вели бои около деревень Гороватка, Жуковичи, Труховка, Заборовье, Заболотье, Грязное Полоцкого района, разгромили гарнизон врага в деревне Верхочение.

Согласно отчёту о боевой деятельности 3-й Белорусской партизанской бригады за весь период её существования Витебскому обкому КПБ(б) от 13 июля 1942 г.: «В период с 4.05.1942 по 5.07.1942 взорвано и сожжено мостов 40 шт, спущено 2 пустых состава под откос, движение Витебск-Полоцк, Невель-Полоцк прекращено. Разбито 8 маслозаводов, мобилизовано и отправлено из Полоцкого района в ряды РККА 630 чел. Укомплектован и передан в распоряжение 2-й Белорусской партизанской бригады отряд Ваганова в составе 130 человек. Бригада составляет

960 человек личного состава, вооружены винтовками 80%. Всего 5 отрядов, среднего комсостава имеется 40 чел, младшего 68» [3].

С 5 августа по декабрь 1942 г. А. Я. Марченко вступает в должность командующего объединённого штаба партизанских войск Полоцкой партизанской зоны, которая объединяет 5 районов: Полоцкий, Сиротинский, Рассонский, Дрисенский и Освейский. Все партизанские группы, отряды и бригады, расположенные в этих районах, поступили под его подчинение [4].

15 сентября Марченко по вызову начальника ЦШПД направляется в советский тыл для участия в работе совещания организаторов и руководителей партизанского движения. 7 октября при возвращении в бригаду в результате аварии самолета А. Я. Марченко был контужен и до 4 февраля находился на лечении в Москве. В это время успешно командует боевыми операциями партизан 3-й Белорусской партизанской бригады начальник штаба В. В. Жиганов.

1 января 1943 г. А. Я. Марченко возвращается и возглавляет борьбу с карательной экспедицией немцев. Благодаря его умелому руководству бригада уходит из подготовленной немцами ловушки в Холонерских лесах, однако вынуждено передислоцируется в Рассонский район.

В 1943 г. партизаны 3-й Белорусской партизанской бригады ведут почти непрерывные бои.

В феврале—марте 1943 г. вели оборонительные бои возле деревень Моторино, Лешня, Юзофово Рассонского района, на рубеже деревень Арлея, Большое Ситно, Красомай, Гороватка Полоцкого района. В марте 1943 г. партизаны 3-й Белорусской партизанской бригады напали на вражеский гарнизон в деревне Узница и на колону немецких войск возле деревни Рудня, в апреле подорвали мост через р. Полота возле деревни Юровичи Полоцкого района. В ноябре нанесли удары по переправам через р. Дрисса около деревень Калютино, Маскольки Рассонского района.

Согласно политдонесению 3-й Белорусской партизанской бригады за январь 1943 г., по состоянию на 1.02. 1943 г. бригада насчитывала 6 отрядов, 1301 человек личного состава, в том числе 95 женщин. На вооружении находились 2 пушки, 40 пулемётов, 21 миномёт, 155 автоматов, 992 винтовки. А в ноябре 1943 г. численность бригады составляла 1160 человек, из них 150 женщин. На вооружении у партизан имелось 165 автоматов, 4 станковых пулемёта, 49 ручных пулемётов, 3 батальонных миномёта, 10 ротных, 13 противотанковых ружей, одно 45 мм орудие [5].

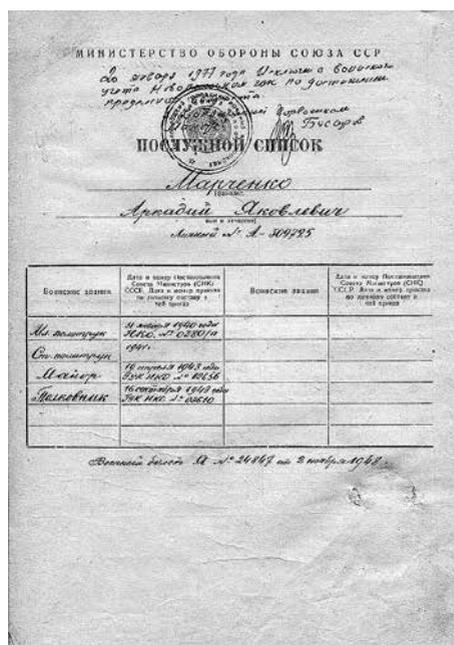

Рис. 4. Послужной список А. Я. Марченко

Всеми боевыми операциями руководил лично А. Я. Марченко (рис. 4). Согласно документам, со дня организации по 15.8.1943 г. партизанами произведено 85 крупных диверсий на железной дороге, уничтожено 85 эшелонов противника. Противник потерял убитыми 9162 человек и ранеными 10 385 [3]. На счету 3-й Белорусской партизанской бригады 111 уничтоженных шоссеинных и железнодорожных мостов, 11 молокозаводов, 54 километра железнодорожного полотна. Партизаны вывели в глубокий тыл большое количество детей и женщин, освободили из лагерей 8 тыс. военнопленных, которые в скором времени пополнили ряды регулярных частей Красной Армии. В результате огромного прилива к партизанам и проводимой работы по мобилизации, бригада направляет за линию фронта 4000 человек и 630 человек в 2-ю Белорусскую партизанскую бригаду под командованием М. И. Дьячкова. Бригада Марченко оказывала помощь руководящими кадрами по руководству в развитии партизанского движения в других районах, в частности, в создании 4-й Белорусской партизанской бригады под командованием Н. Е. Фалалеева.

Партизаны 3-й Белорусской бригады участвовали в рельсовой войне. На железнодорожных участках Полоцк-Невель и Витебск-Полоцк подорвали более 1800 рельсов. Ещё 11 сентября 1942 г. командование группы армий «Центр» с тревогой сообщало, что железнодорожное движение находилось по-прежнему в трудных условиях из-за партизанских диверсий: «Участок Полоцк-Витебск почти полностью парализован. Поэтому отправление поездов из Полоцка в направлении Смоленск почти невозможно».

15 ноября 1943 г. бригада в составе 1126 партизан (отряды 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 6-й, 7-й) соединилась с Красной Армией. В последнем приказе командования 3-й Белорусской партизанской бригады, который подписали А. Е. Марченко, комиссар Ф. Т. Шедов, начальник штаба В. В. Жиганов, говорилось: «Товарищи бойцы, командиры и политработники, за время своей деятельности бригада ежедневно наносила ощутимые удары по врагу, подрывала его коммуникации, деморализовала его тылы и в этом помогала Советской Армии в изгнании фашистских нелюдей с нашей земли. За проявленную стойкость и отвагу в боях всему личному составу бригады объявляем благодарность...»

Таким образом, 3-я Белорусская партизанская бригада явилась первым крупным партизанским формированием на Полоцкой земле, и, что особенно важно, личный состав бригады формировался из местных патриотов, коммунистов и активистов, бежавших из фашистского плена красноармейцев.

Важной особенностью возникновения и становления первых партизанских групп на Полотчине — А. Я. Марченко и Я. Х. Сташкевича — было то, что они прошли этап «эволюции» от подпольно-патриотических групп к вооружённым партизанским отрядам. В результате проводимых партизанами боевых и диверсионных акций гитлеровцам нанесён значительный ущерб в живой силе и технике, бригада сковала значительные силы врага, контролировала большой участок территории Полотчины.

Литература и источники

1. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1986): в 14 т. / под ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. — М.: Политиздат, 1985. — Т. 6. — 431 с.
2. Маніс, М. А. Партыйныя і камсамольскія органы узнаўляюць дзейнасць у падполлі. Нараджэнне 3-й Беларускай партызанскай брыгады [рукапіс]. — Полацк, 1995. — 58 с. (НПГКМЗ КУЧП 5—9059).
3. Материалы по боевой и диверсионной деятельности 3-й Белорусской партизанской бригады // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Фонд 1450. — Оп. 4. — Д. 26. — Л. 485.
4. Личное дело А. Я. Марченко. Личные дела на командный состав партизанских отрядов и бригад за 1943—1944 гг. // НАРБ. — Фонд 1450. — Описание 8. — Д. 158. — Л. 394.
5. Документы о боевой деятельности партизанских бригад и отрядов Витебской области. 25 октября 1942 — 16 января 1944 г. // НАРБ. — Фонд 1450. — Описание 3. — Д. 52. — Л. 393.
6. Краткий справочник по истории партизанских отрядов и бригад Витебской области за 1942—1944 гг. // НАРБ. — Фонд 1450. — Описание 12. — Д. 29. — Л. 192.
7. Список личного состава 3-й Белорусской партизанской бригады // НАРБ. — Фонд 1450. — Описание 2. — Д. 224. — Л. 77.
8. Материалы по боевой деятельности партизанских бригад и отрядов Витебской области. 7 мая 1942 — 2 июня 1944 г. // НАРБ. — Фонд 1450. — Описание 4. — Д. 15. — Л. 393.

Т. А. Орлова

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАСТРОЙКА КВАРТАЛОВ,
ОГРАНИЧЕННЫХ С ЮГА — ЧЁТНОЙ
СТОРОНОЙ ПР. Ф. СКОРИНЫ, С СЕВЕРА —
УЛ. КОММУНИСТИЧЕСКОЙ, С ЗАПАДА —
УЛ. СВЕРДЛОВА, С ВОСТОКА — УЛ. ГОГОЛЯ (ПО
КАРТОГРАФИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ СЕРЕДИНЫ
XIX В.)

Исследуемая территория расположена в центральной части города и на сегодняшний день застроена зданиями, возведёнными в послевоенное время, преимущественно в период с 1950-х по 1960-е гг. (рис. 1). До начала XVIII в. данная территория не входила в состав собственно города и, соответственно, не играла никакого значения в его экономической, политической и хозяйственной жизни.

Целью данной работы является проведение сравнительного анализа исторических планов, графического материала середины XIX в. с современной картой города для определения основных этапов изменения застройки, изучения процессов градостроительного освоения данного пространства, а также выявления сохранившихся до настоящего времени исторических объектов.

В XVI—XVII вв. восточная граница Великого посада проходила по линии оборонительных укреплений, располагавшихся по трассам современной

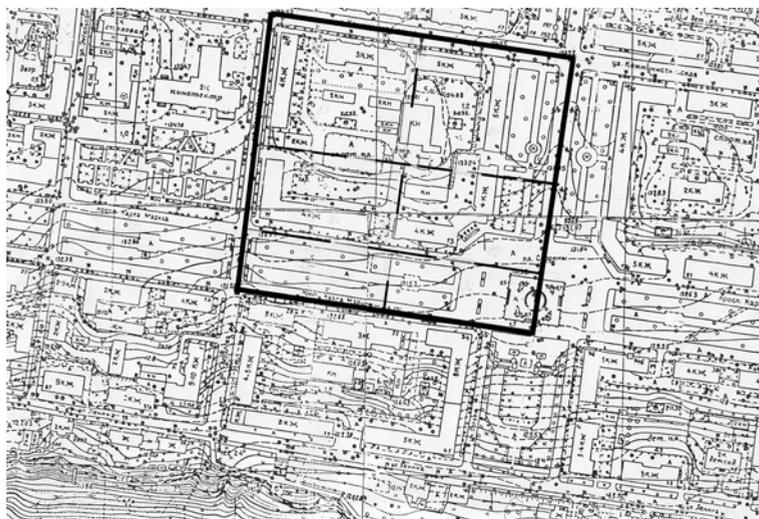

Рис. 1. Фрагмент топографической съёмки г. Полоцка в М 1:2000 с обозначением границ исследуемой территории

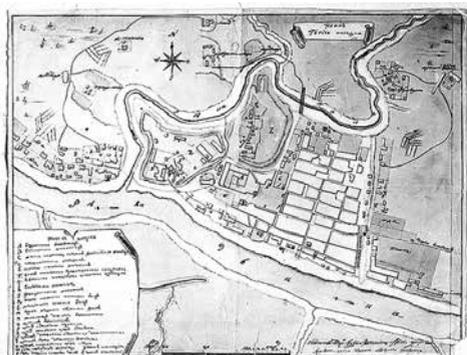

Рис. 2. План г. Полоцка (около 1776 г.)

Рис. 3. Проектный план г. Полоцка 1778 г.

ул. Свердлова и не сохранившейся до настоящего времени ул. Крепостной. Сам Великий посад начал активно разрастаться и застраиваться с XI—XIII вв., а территория, находившаяся за пределами городских укреплений, получила своё развитие только в конце XVIII — начале XIX в.

Согласно фиксационному плану конца XVIII в. (ориентировочно 1775—76 гг.) почти вся территория исследуемого участка была занята садами и пашней, многочисленная застройка была представлена деревянными домами (рис. 2).

На проектном плане 1778 г. по линии восточной границы городской территории обозначен канал или крепостной ров, а исследуемый участок отмечен как «предместье по Витебской дороге для мещан, не поместившихся в черте города, при котором и площадь с харчевыми лавками, где можно продавать дрова и сено быть» (рис. 3).

На план 1786 г. нанесена застройка, появившаяся к этому времени на территории «предместья», скорее всего, деревянная, обозначены улицы, ставшие продолжением существующих продольных улиц Великого посада, а также сформировавшиеся жилые кварталы (рис. 4).

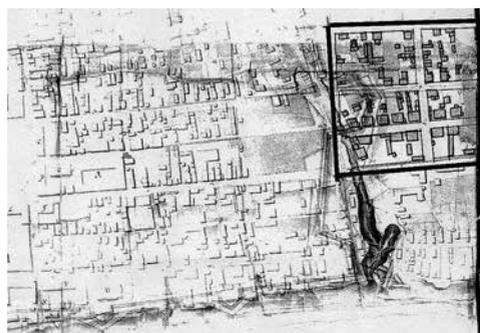

Рис. 4. Фрагмент фиксационного плана г. Полоцка 1786 г.

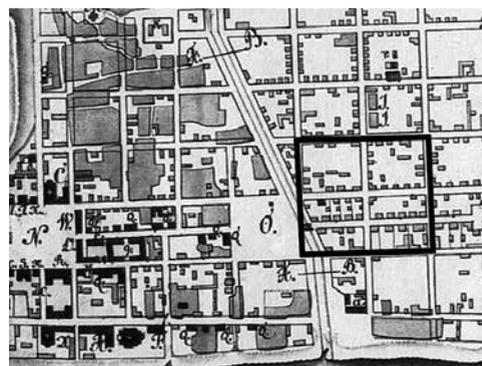

Рис. 5. Фрагмент проектного плана г. Полоцка 1793 г.

На проектном плане 1793 г. в границах исследуемой территории хорошо читаются 6 кварталов, разбитых по правилам регулярной планировки. На плане зафиксированы выстроенные ранее деревянные дома, обозначен один существующий каменный дом и нанесена проектируемая застройка по периметру кварталов (рис. 5).

Рис. 6. Фрагмент проектного плана г. Полоцка первой половины XIX в.

На проектном плане первой половины XIX в. обозначены те же кварталы, а в пояснении к плану сказано, что это «выгоревшие места по левую сторону реки Двины» (в экспликации

ошибочно указана «левая сторона» вместо правой). Очевидно, незадолго до составления плана в этой части города произошёл разрушительный пожар, уничтоживший застройку нескольких кварталов (рис. 6).

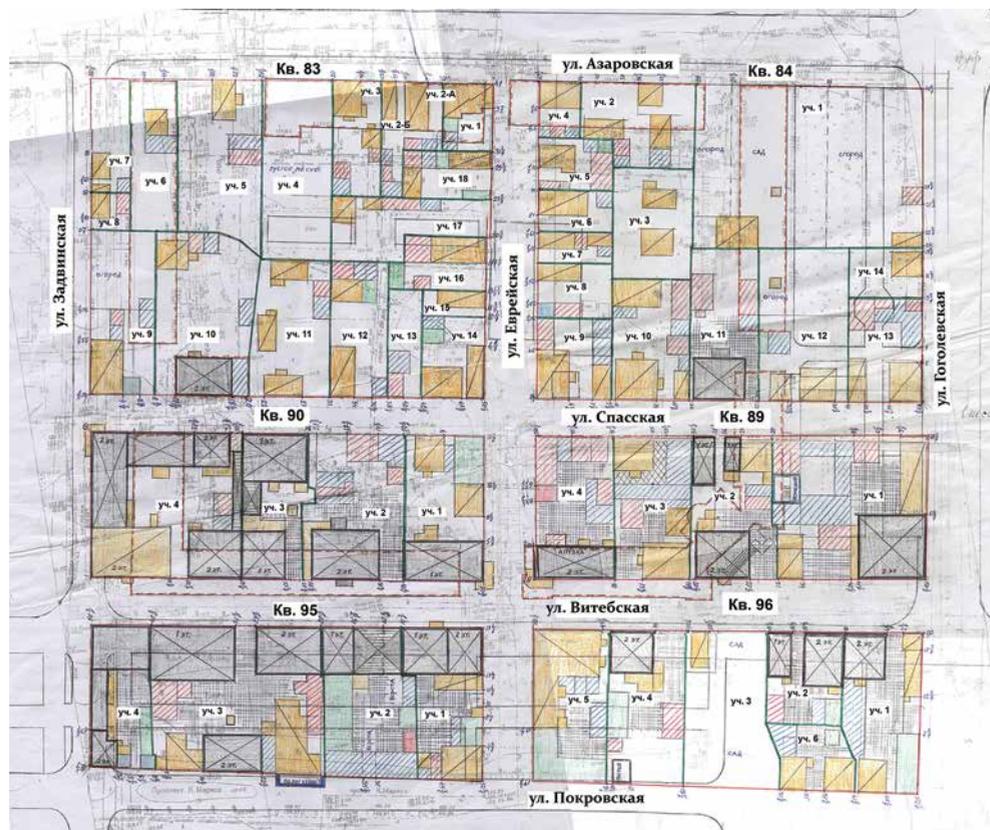
На всех вышеназванных планах по трассам продольных улиц обозначены мосты, ведущие через крепостной ров. В 1840-х гг., когда проводились работы по планировке территории под строительство каменных торговых рядов, ров был засыпан, а мосты разобраны. Тогда же была окончательно скорректирована прямоугольная конфигурация кварталов, по западной границе которых проходил крепостной ров. К середине XIX в. кварталы уже имели плотную периметральную застройку, состоящую из жилых каменных и деревянных домов.

Графический материал «Маршрутов...», составленных в 1858—59 гг., даёт подробную информацию о расположении и составе объектов городской застройки в границах интересующей нас территории с перечнем их владельцев. Ниже приведены соответствующие данные, касающиеся шести исследуемых кварталов под номерами 83, 84, 89, 90, 95, 96. Для возможности сопоставления взаиморасположения построек середины XIX в. и объектов, существующих в настоящее время, картографический материал «Маршрутов...» и современная планировка представлены на одной подоснове в масштабе 1:500 (рис. 7).

В продольном направлении территория была разделена улицами Азаровской, Спасской, Витебской и Покровской, в поперечном — Задвинской, Еврейской и Гоголевской.

Застройка двух кварталов — № 83 и № 84, — расположенных между Азаровской и Спасской улицами, состояла преимущественно из деревянных домов. Что касается кварталов № 89, № 90, № 95 и № 96, то на их территории преобладала каменная застройка. Как правило, первые этажи двухэтажных домов были заняты торговыми лавками, кроме этого, по западной границе 95-го квартала были выстроены одноэтажные здания, предназначавшиеся именно под лавки. В первую очередь это было обусловлено тем, что кварталы выходили непосредственно на рыночную площадь, и дома с лавками удачно вписывались со своей торговой функцией в данное пространство.

Рис. 7. План «Маршрутов ...»,
нанесённый на современную топографическую основу
в М 1:500 с обозначением кварталов и участков

Экспликация:

 – существующая застройка

Объекты середины XIX в.:

– каменные жилые дома

– каменные нежилые здания

– деревянные жилые дома

– сараи

– амбары

– навесы

– каменное мощение

– деревянное мощение

– колодцы

– границы участков

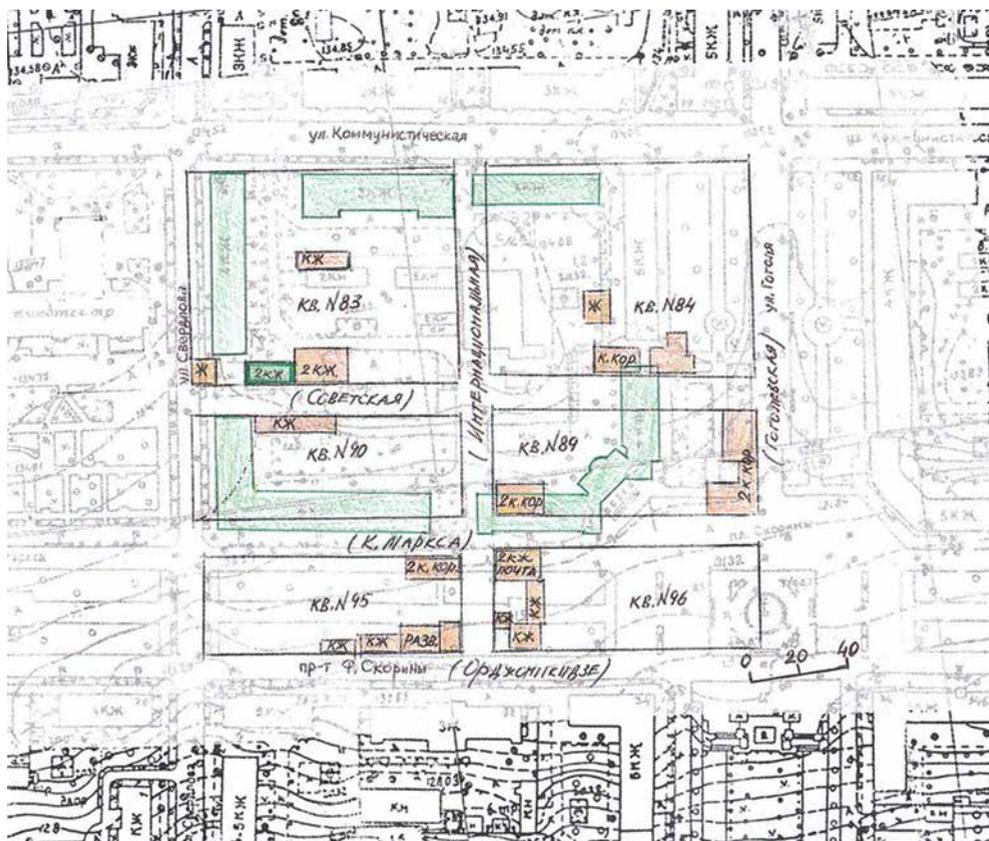

– границы кварталов

– деревянные лавки

Рис. 9. Фрагмент топографической съёмки г. Полоцка в М 1:2000, совмещённой с планом 1947 г.

Экспликация:

– существующая застройка 1950-60-х гг.

– застройка, обозначенная на плане 1947 г., к настоящему времени утраченная

– существующая застройка середины XIX в.

(К. Маркса) – названия улиц согласно плану 1947 г.

В целом застройка исследуемых кварталов в середине XIX в. выглядела следующим образом:

Квартал № 83 состоял из 18 участков.

Участок № 1 принадлежал мещанке, вдове Гинде Баркан. С 1817 г., но до которого времени, в «Маршрутах...» не указано, владельцем участка являлся Гирша Аронович Плентомир. Застройка участка была представлена большим деревянным домом, навесом и амбаром.

Участок № 2 состоял из двух частей, обозначенных в «Маршрутах ...» под номерами 2-а и 2-б, приобретённых в разное время Мовшей Ицковичем Поляковым.

Участок 2-а был приобретён по купчей крепости 1843 г. у полоцкого мещанина Залмана Айзиковича Пицнера, которому достался по наследству от матери Хаи Гиршовой. Участок 2-б достался в 1849 г. от Рафола, Насона и Габриэля Роговских, которые «...заключили документ для отдачи мещанину Мовше Берке Ицковичу Полякову проданную землю шириной в 3 саж., в длину 15 саж. Подпись свидетелей нигде не явлена и не сказано, от кого досталась».

На территории участка № 2 были выстроены два деревянных дома, два сарая и три навеса.

Участок № 3 принадлежал мещанину Заве Роговскому. Ранее находился в собственности Гирши Минковича. Застройка участка была представлена двумя деревянными домами, двумя сараями и навесом.

Участок № 4 принадлежал мещанину Хаиму Ривлину и, согласно описанию, представлял собой «пустое место», то есть на его территории отсутствовали какие-либо строения.

Участок № 5 принадлежал мещанину Зелику Овновичу Обозину и занимал значительную по площади территорию. Его застройка состояла из трёх объектов — деревянного дома, сарая и навеса.

Собственниками участка № 6 являлись мещане Вульф и Геня Обозины. На его территории имелся один деревянный дом, располагавшийся в глубине участка, к южной стене которого примыкал навес.

Участок № 7 принадлежал мещанину Гирше Мовшовичу Сверлову и был приобретён у Шмуйлы Аршанского. «По запродажной записи от Шмуйлы Аршанского 1853 г. ... продан (Гирше Сверлову) собственный дом с землей в 1-ом квартале по Азаровской улице по правой руке...». Шмуйла Аршанский, в свою очередь, приобрёл данный участок в 1844 г. у мещанина Шелома Гольшана. До него собственником участка являлся Вульф Зевелевич Эпштейн.

Застройка состояла из двух небольших деревянных домов и одного навеса.

Участок № 8 занимал минимальную площадь по сравнению с другими участками, располагавшимися в границах 83-го квартала. Являлся собственностью мещанки, вдовы Рохи Мирлик. На его территории находились деревянный дом и сарай.

Ранее участки №№ 5, 6, 7, 8 были объединены в один, который приобрёл Янкель Довыдович по купчей крепости 1797 г. Впоследствии в разное время данный участок был распродан по частям.

Участок № 9 принадлежал мещанке Фае Левит, до неё его собственником являлся Гирша Левит. Застройка участка состояла из большого деревянного

дома, к которому со стороны Спасской улицы примыкала деревянная торговая лавка, двух навесов и сарая.

Участок № 10 принадлежал купчихе 3-й гильдии Соре Шахне Еселевой Лившицевой. Ранее данный участок, также как и соседний, 9-й, являлся собственностью Гирши Левита. Участок был приобретён Сорой Лившицевой в три этапа:

- а) каменный двухэтажный дом с землёй достался «с публичного торга» по купчей крепости 1841 г.;
- б) часть земли — «плац ... при большой торговой площади по Спасской улице состоящий», приобретена по купчей крепости 1843 г. у полоцкого мещанина Сёмаха Гирши Левита по доверенности, данной его родному брату великомирскому мещанину Мовше Левиту;
- в) с торгов 1854 г. приобретён разрушенный пивоваренный завод, принадлежавший покойному купцу Гирше Левиту. К сожалению, место разрушенного завода на графическом материале не указано, имеется только пояснение, что он находился «в заулке между каменным домом и землёй Рывлина», т. е. по соседству с 11-м участком.

Застройка участка была представлена двухэтажным каменным домом, выходящим главным фасадом на Спасскую улицу. К восточной стене дома был пристроен навес, со стороны южного фасада имелось деревянное крыльцо. В глубине участка располагался деревянный жилой дом с сараем и навесом, ещё один навес находился на границе с соседним участком.

Участок № 11 являлся собственностью мещанина Хаима Шмуйловича Рывлина. Его застройка состояла из трёх деревянных домов, сарая и навеса.

Участок № 12 принадлежал мещанину Руману Хадекелю, до него собственником являлся Есель Хадекель. На участке располагались два деревянных дома, амбар, два навеса и сарай.

Земля участка № 13 принадлежала доминиканскому монастырю и находилась в пользовании мещанина Арона Зеликовича Гроденского. Ранее участок находился в пользовании его отца. На территории участка располагались только два хозяйственных строения — сарай, выходящий на Спасскую улицу, и навес, пристроенный к его северной стене.

Земля участка № 14 находилась в «споре» Богоявленского и доминиканского монастырей, а пользователем участка являлся мещанин Шмуйла Берка Левит. Застройка была представлена двумя деревянными домами, амбаром и навесом.

Земля участка № 15 также находилась в «споре» Богоявленского и доминиканского монастырей. Пользователем участка являлся мещанин Залман Берка Белик. Почти вся небольшая территория участка была занята одной постройкой — жилым деревянным домом.

С 1853 г. участок № 16 находился в пользовании мещанина Юды Зоселевича Соркина. Земля являлась собственностью Богоявленского монастыря. Застройка участка была представлена деревянным домом, амбаром и двумя сараями.

Участок № 17 принадлежал суражскому мещанину Залману Ицковичу Полякову и был приобретён у Берки Лейбы Бейнисовича Баркана. В середине

XIX в. Берка Баркан являлся владельцем внушительного по площади участка земли с несколькими каменными и деревянными домами, располагавшегося на пересечении улиц Спасской и Крепостной (участок № 1 81-го квартала). По всей видимости, необходимости в наличии данного, относительно небольшого, участка у него не было, в связи с чем он и был продан.

На территории участка № 17 находились два небольших деревянных дома и две хозяйственные постройки — сарай и навес.

Участок № 18 принадлежал Абраму Нахмановичу Пятову и был приобретён по купчей крепости 1840 г. у Мовши Бененсона. «Полоцкий купец 3-ей гильдии Мовша Авелев Бененсон продал Абраму Пятову (землю) по Школьной улице, доставшуюся по купчей крепости 1833 г. от полоцкого мещанина Зелиха Гиршовича Баркана».

Довольно плотная застройка небольшого по площади участка была представлена двумя деревянными домами, двумя амбарами, сараем и навесом.

Улица Школьная, указанная в описании участка, в дальнейшем стала называться Еврейской. Именно под таким названием она обозначена на плане г. Полоцка 1910 г. На плане А. К. Мореля к. XIX в., который отражает топографию города XVI—XVII вв., присутствует двойное название данной улицы [1, стр. 88].

Квартал № 84 состоял из 14 участков.

Участок № 1 принадлежал мещанке Екатерине Фёдоровой Синегрибовой. Ранее находился в собственности мещанки Матрёны Синегрибовой и был ею приобретён у доминиканского монастыря по купчей крепости 1805 г.

Участок занимал 1/4 часть от площади квартала, и почти вся его территория была отведена под сад и огород. На ул. Гоголевскую выходили две постройки — небольшой деревянный дом и сарай, объединённые общим двором. Ещё один деревянный дом больших размеров располагался в глубине участка. Участок был оснащён колодцем.

Участок № 2 располагался на земле доминиканского монастыря и находился в пользовании мещанина Шмуйлы (фамилия не указана), а до него был в пользовании Янкеля Дабкина. Застройка участка была представлена тремя деревянными домами, двумя навесами, сараем.

Земля участка № 3 также принадлежала доминиканскому монастырю. Согласно описанию, участок был разделён на две части: 3-а, которая находилась в пользовании еврейской школы «малой», и 3-б, которая находилась в пользовании мещанина Желика Гирши Вайсмана, а до него — Абрама Дабкина, но в графическом материале границы данных территорий не указаны.

Застройка участка была представлена двумя деревянными домами, в одном из которых располагалась еврейская школа.

Участок № 4 находился в пользовании мещанки — вдовы Белы Пайкиной, до неё — Боруха Пайкина, скорее всего, её покойного мужа (земля доминиканского монастыря).

Участок занимал минимальную площадь по сравнению с другими участками данного квартала, в частности, он был примерно в 15 раз меньше участка № 1. На его территории располагались деревянный жилой дом, два навеса и сарай.

Участок № 5 находился в пользовании мещанина Михеля Глазова (земля доминиканского монастыря). Несмотря на небольшие размеры участка, его застройка состояла из целого ряда сооружений: деревянного дома, двух навесов, двух сараев, амбара.

Участок № 6 находился в пользовании мещанина Михеля Авербуха, ранее — в пользовании Давыда Берковича Гинзбурга (земля доминиканского монастыря). На небольшом по площади участке располагались два объекта — деревянный жилой дом и навес.

Участок № 7 находился в пользовании мещанки — вдовы Бинемы Кац, до неё — Хаима Каца (земля доминиканского монастыря). Участок также был достаточно скромным по своим размерам, на его территории располагались два жилых деревянных дома, навес и сарай.

Участок № 8 находился в пользовании мещанки — вдовы Рохи (фамилия не указана), ранее — в пользовании Хаима Гинзбурга (земля доминиканского монастыря).

Застройка участка была представлена деревянным домом, сараем и одним торговым объектом — деревянной лавкой.

Участок № 9 находился в пользовании мещанина Ильи Гуревича, до него — Соломона Нахимовича Бейсаха (земля доминиканского монастыря).

На территории участка располагались два деревянных дома, один из которых, угловой, занимал достаточно большую площадь, а также две хозяйственные постройки — сарай и навес.

Участок № 10 находился в пользовании мещанки Муни Оршанской, до неё — в пользовании Гирши Обольского (земля доминиканского монастыря).

Застройка состояла из трёх деревянных домов, один из которых располагался в глубине участка, трёх навесов и двух сараев.

Участок № 11 принадлежал купцам Пейсаху и Елье Калмановичам. Участок со строениями был приобретён по купчей крепости 1857 г. у помещика Фомы Реутта, который по доверенности, выданной Ивану Ромуальдову Реутту, «...продал им 2 каменных дома крытых черепицей, состоящих в Полоцке от рынку по Спасской улице по левой стороне, соединённых собою постройкою, из которых один приобретён покупкою от помещика Лепельского уезда». До Фомы Реутта участок принадлежал Мордхелю Авербуху.

На территории данного участка располагались каменный двухэтажный дом, который, как следует из приведённого выше описания «Маршрутов...», состоял из двух зданий, объединённых под общую крышу, и три хозяйственные постройки — два сарая и навес. Двор имел каменное мощение.

Участок № 12 принадлежал мещанину Хаиму Гирше Давыдовичу Каиму и был приобретён по купчей крепости 1852 г. «... от пономаря Артих(к)овской Иоанна Златоустова церкви Викентия Абрамова Червинского...». «Деревянный дом с пристройкой и землёю... в г. Полоцке по Спасской улице ...» достались Викентию Абрамову от полоцкого мещанина Рафола Пайкина по купчей крепости 1849 г.

В «Маршрутах ...» при описании участка № 2 80-го квартала также содержится информация, касающаяся Червинских, в связи с продажей данного участка в 1856 г. женой вышеназванного пономаря Крестиной.

Застройка участка № 12 состояла из двух деревянных домов, навеса и амбара, кроме этого, на участке имелся колодец. Большая часть территории была занята под огород.

Земля участка № 13 принадлежала доминиканскому монастырю и находилась в пользовании мещанина Рафола Друяна, ранее — в пользовании Рохи Берковой.

На участке находились два деревянных дома и три сарая, соединённых между собой сложной по конфигурации в плане системой навесов.

Участок № 14, который также размещался на земле доминиканского монастыря, находился в пользовании помещика Солынского. Застройка небольшого по площади участка была представлена только одним деревянным домом.

Квартал № 90 состоял из 4-х участков.

Участок № 1 принадлежал купцу Залману Баркану — сыну купца 2-й гильдии Берки Баркана. Участок вместе с двухэтажным каменным домом, выстроенным по плану 1846 г., был приобретён у рижского купца Вильгельма Шмидта по купчей крепости 1852 г.

На участке, кроме большого каменного дома с двумя деревянными крыльцами, находились два деревянных дома, амбар и навес.

Участок № 2 принадлежал мещанам Елье и Израилю Райкиным. На территории участка находился большой каменный двухэтажный дом с двумя каменными крыльцами и деревянной пристройкой галерейного типа, имелись также хозяйственные — три сарая и три навеса. Двор был вымощен камнем.

Участок № 3 являлся собственностью Семёна Андреева Стальчевского.

В материалах «Маршрутов...» содержится информация о том, что «...состоящий на большой Витебской улице каменный двухэтажный дом со строениями и землёю 160 кв. саж...» ранее принадлежал вышеназванным Райкиным, но в 1850 г. данный участок с находившимися на нём постройками был описан в Полоцкой городской управе «за неплатежи» и, скорее всего, изъят. Впоследствии его владельцем стал Семён Стальчевский.

На территории участка располагались два жилых каменных здания: одно — двухэтажное, о котором упоминалось выше, выходившее главным фасадом на Витебскую улицу, второе — одноэтажное, выходившее на ул. Спасскую. Третье каменное здание было нежилым и представляло собой одноэтажный амбар, предназначенный, скорее всего, для хранения товаров. На всю длину северного фасада двухэтажного дома была возведена деревянная пристройка галерейного типа, соединённая с амбаром, на первом этаже дома размещалось пять торговых лавок. Двор был вымощен камнем, в середине двора находился колодец.

Участок № 4 принадлежал мещанину Елье Гордону.

Со стороны Витебской улицы застройка участка была представлена большим деревянным двухэтажным домом, на первом этаже которого находилось 7 торговых лавок, и двухэтажным каменным домом с 6-ю лавками на первом этаже. На первом этаже ещё одного двухэтажного каменного дома, выходившего главным фасадом на торговую площадь, размещалось 10 торговых лавок. К северо-западному углу здания было пристроено деревянное крыльцо,

выступавшее за линию застройки. На Спасскую улицу были ориентированы два каменных смежных дома меньших размеров, один из которых был одноэтажным и, возможно, был оборудован помещениями в цокольной части, поскольку в пояснениях к «Маршрутам ...» отмечено, что внизу данного дома располагались сараи. Второй дом имел два этажа, и со стороны двора к нему примыкала деревянная пристройка.

Кроме этого, на территории двора находились хозпостройки: два сарая, вытянутый в плане каменный амбар, навес.

Если сравнить разбивку участков данного квартала в поперечном направлении на плане 1793 г. и на плане «Маршрутов ...», то можно увидеть, что пропорции отрезков границ с северной и южной сторон не изменились. Таким образом, первое каменное здание, появившееся на исследуемой территории и отмеченное на плане 1793 г., могло находиться на участке, соответствующему по своему расположению участку № 4 90-го квартала. Учитывая, что и в первом, и во втором случаях здание немного сдвинуто в сторону западной границы соседнего участка, то можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что именно небольшой двухэтажный дом с деревянной пристройкой, выходивший на Спасскую улицу, являлся той самой первой каменной постройкой. При этом не исключено, что здание к середине XIX в. успело подвергнуться каким-либо реконструкциям.

89-й квартал состоял из 4-х участков.

Участок № 1 принадлежал купчихе Бэлле Рохе Шиковой. На его территории находились большой двухэтажный каменный дом, занимавший четвёртую часть площади участка, два деревянных дома, три сарая, три навеса и конюшня. Двор имел каменное мощение. Ранее данный участок являлся собственностью Ельи Фридмана.

Участок № 2 принадлежал купцам Пейсаху и Елье Калмановичам и был приобретён по купчей крепости 1848 г. у полоцких мещан Хаима Шлёмы Гиршовича и его матери — вдовы Гени Ицыковой Виталь. Данный участок с деревянным домом, амбаром и навесом достался им по духовному завещанию покойного полоцкого мещанина Гирши Хаимовича Виталля. В этом же году была совершена ещё одна купчая крепость между мещанами Хаимом Виталлем и Пейсахом Калмановичем на приобретение последним ветхого разрушенного каменного дома, находившегося на участке.

На момент составления «Маршрутов...» на территории участка располагались большой каменный двухэтажный дом, два одноэтажных каменных дома меньших размеров, один деревянный дом с пристройкой и хозяйственные строения — сарай и навес. Со стороны Витебской улицы двор был вымощен камнем.

Участок № 3 с 1793 г. находился в собственности мещанина Лейбы Гуревича. Впоследствии данный участок унаследовал его сын — Абель Гуревич, который в 1847 г. продал участок рижскому мещанину Эйхе. В 1849 г. «...деревянный дом с землёй состоящий на Витебской улице...» был продан Абраму Еселевичу Райкину. По купчей крепости 1849 г. была совершена ещё одна торговая сделка: «...от него же Эйхе продан Хае Давыдовой Райкиной (жене Абрама) собственный свой деревянный дом построенный на дворе другого дома в г. Полоцке по Витебской улице лежащий...».

На графическом материале «Маршрутов ...» в границах участка обозначены три деревянных дома: один, выходящий главным фасадом на Витебскую улицу, второй, располагавшийся, как было сказано выше, «на дворе» этого дома, и третий, выходящий на ул. Спасскую, выстроенный Райкиными уже после 1849 г. Кроме жилых домов, на участке находились три навеса и сарай. Двор со стороны Витебской улицы имел каменное мощение, а со стороны ул. Спасской — деревянное.

Участок № 4 принадлежал вдове коллежского секретаря Луизе Богдановой Рульковиус, которая, возможно, имела какое-то отношение к В. Ф. Рульковиус, содержательнице частного женского училища [2, стр.73].

Участок приобретён по купчей крепости 1842 г. у купца Артемия Маевского. Двухэтажный каменный дом, располагавшийся на участке, был приобретён годом ранее, когда городская полиция изъяла данное строение у Маевского «за неплатежи».

Застройка участка состояла из вышеупомянутого двухэтажного каменного дома с аптекой на первом этаже. К дворовому фасаду здания примыкали два деревянных крыльца и сарай. Прочие постройки были представлены двумя навесами, четырьмя сараями и баней.

Аптека в доме Рульковиус упоминается в списке торговых и промышленных предприятий по г. Полоцку за 1895 г. В указанный период в качестве провизора там работал Иван Михайлов Прошинский с одним помощником и одним учеником [3, стр. 116].

Квартал № 95 состоял из 4-х участков.

Участок № 1 принадлежал купцу 3-й гильдии Даниле Леонову Чернышёву. До него владельцем участка был Фрума Шишкин.

Застройка участка была представлена следующими строениями: каменным двухэтажным домом, к дворовому фасаду которого был пристроен небольшой деревянный дом, каменным одноэтажным домом, в котором располагались лавки, двумя отдельно стоящими деревянными домами, один из которых занимал площадь всего лишь около 20 кв. м., и хозпостройками — двумя навесами, сараем, амбаром. Вход в лавки находился со стороны Витебской улицы и был акцентирован деревянным крыльцом. Вся территория двора имела каменное мощение.

Участок № 2 принадлежал мещанину Артамону Данилову Чернышёву — сыну владельца участка № 1. По купчей крепости 1841 г. участок был приобретён Данилой Чернышёвым у купца Михайлы Лившица, а в 1857 г. «...выстроенный им (Данилой) в г. Полоцке на большой Витебской улице ...каменный двухэтажный флигель с каменным же амбаром и со всей деревянной пристройкой и землёю...» был продан сыну Артамону и его жене Павлине.

Кроме двухэтажного каменного дома и смежного с ним каменного амбара в границах участка располагался большой навес, занимавший всю ширину участка и выходящий на Покровскую улицу. Прочая застройка состояла из небольшого навеса, двух амбаров и бани. Со стороны улицы Витебской под каменным амбаром и со стороны улицы Покровской под навесом имелись ворота шириной около 5 м, благодаря чему через всю территорию участка можно было не только пройти, но и проехать на гужевом транспорте с одной улицы на другую. Двор был вымощен камнем.

Участок № 3 имел двух владельцев — Пинхуса Рафаиловича Гуткина и Хаима Кизельштейна.

До 1847 г. весь участок с находившимися на нём постройками принадлежал Пинхусу Гуткину, но в этом же году был продан по двум купчим крепостям полоцкому мещанину Ицьку Бенисовичу Лурею, который в течение 1848 г. часть недвижимости продал мещанину Хаиму Лейбовичу Кизельштейну, а именно: «...четыре лавки с разрушившимся амбаром и землёй в длину по выступающим улицам (Витебской и Покровской) с двух сторон по 4 1/2 саж., а в ширину между сими улицами 20 саж....». Оставшаяся часть недвижимости — «... 2 деревянных дома, 12 каменных лавок и 2 деревянные лавки с пристройками и землёю мерою в длину по тем же улицам с двух сторон по 21 1/2 саж., а в ширину между сих улиц 20 саж.» — была продана прежнему владельцу Гуткину.

Ко времени составления «Маршрутов...» застройка участка несколько изменилась и состояла из следующих объектов: двух каменных двухэтажных домов — на первом этаже одного из них размещались 7 лавок, одного большого каменного одноэтажного дома площадью около 370 кв. м с девятью лавками, двух больших, со сложной конфигурацией в плане, деревянных домов, а также хозпостроек — трёх сараев и навеса. Вся территория просторного двора была вымощена камнем, имелся колодец. Вдоль главного фасада одного из деревянных домов, выходивших на Покровскую улицу, располагался палисадник, занимавший часть тротуара. Это был, пожалуй, самый представительный по качеству застройки и уровню благоустройства участок из всех, расположенных на исследуемой территории.

Участок № 4 являлся собственностью купца Лейбы Шаломовича Кизельштейна, а до него принадлежал мещанину Абелю Гуткину. По решению Полоцкого гражданского суда 1842 г. каменный двухэтажный дом Абеля Гуткина «против сгоревших кожевенных лавок в длину по торговой площади, кроме лавки состоящей одной (при) Покровской богадельне и 6 помещика Рачковского», был передан Лейбе Кизельштейну в счёт «соляного долга». В 1846 г., также за долги, у Гуткина были изъяты и переданы Лейбе Кизельштейну ещё три лавки, располагавшиеся «фронтом к площади».

Застройка данного участка была представлена жилым каменным двухэтажным домом, находившимся на пересечении улиц Покровской и Задвинской, одноэтажным каменным домом с 7-ю торговыми лавками на пересечении улиц Витебской и Задвинской, одноэтажным каменным зданием, соединявшим два указанных дома, в котором размещались 11 лавок, в их числе и вышеупомянутые, принадлежавшие помещику Рачковскому и Покровской богадельне. Кроме этого, имелись две деревянные пристройки (к жилому дому и каменным лавкам), две деревянные лавки, выходившие на Покровскую улицу, и вытянутый в плане амбар. Вся территория двора была вымощена камнем.

Квартал 96 состоял из 5 участков.

Участок № 1 являлся собственностью «...детей наследников Витебской старообрядческой Благовещенской церкви священника Александра Петрова Кузьменкова с прочими». Александру Кузьменкову участок перешёл в 1823 г. по духовному завещанию его отца Петра. Половина каменного дома с пристройками досталась по духовному завещанию мещанки Анны Фёдоровой Кузьменковой (скорее всего, матери Александра) в 1840 г.

На участке находились: каменный двухэтажный дом с лавкой на первом этаже, три деревянных дома, сарай и амбар. Двор был вымощен камнем.

Участок № 2 принадлежал Родиону Кузьменкову и достался ему по духовному завещанию умершей мещанки Ефимьи Кузьменковой. Участок был ею приобретён в 1834 г.

На небольшом по площади участке со стороны Витебской улицы располагались два жилых каменных дома — одно- и двухэтажный; на первом этаже двухэтажного дома размещалась торговая лавка. Хозяйственные строения были представлены сараем, навесом и амбаром. Территория двора имела каменное мощение.

При описании квартала № 16 также упоминаются Кузьменковы — вышеназванный Родион и Пётр, который, возможно, являлся родственником Родиона. В материалах «Маршрутов ...» сказано, что на участке под № 459 располагаются загородный дом и сад общей площадью 1325 кв. саж. (около 0,7 га), принадлежавшие Родиону, а участок № 460, общей площадью 3588 кв. саж. (около 1,7 га), принадлежал Петру и был занят только садом. В соответствии с современной картой города месторасположение данных участков можно определить как территорию в районе зданий касс железнодорожного вокзала.

Фамилия Кузьменковых встречается и при описании квартала № 91, располагавшегося на пересечении современных ул. Энгельса, нечётной стороны пр-та Ф. Скорины, ул. Советской, ул. Ленина, где в качестве собственника одного из участков значилась Авдотья Иванова Кузьменкова.

В настоящее время на городском кладбище «Громы» на территории, занятой старообрядческими захоронениями, сохранилась могила Мелетия, Евдокии (Авдотьи) и Феодота отрока Кузьменковых [4, стр. 79]. Сейчас сложно сказать, могли ли они состоять в какой-то степени родства с Кузьменковыми, перечисленными выше, но их имена встречаются в завещании ещё одной жительницы г. Полоцка с такой же фамилией — вдовы полоцкого купца Антонины Фёдоровны, которой они, вероятнее всего, приходились близкими родственниками. В завещании, составленном в 1911 г. Антониной Кузьменковой, сказано, что на доходы от десяти своих лавок она завещает поставить в старообрядческом молитвенном доме «вечный псалтырь» и покупать масло для лампадок в память «Льва, Мелетия, Феодота, Феодосии, Евдокии, ...» (копия документа предоставлена настоятелем Успенской церкви Петром Орловым).

Участок № 3 являлся собственностью мещанки Парасковьи Павловой Муравской. В «Маршрутах...» отмечено, что земля находится «в споре» с опекаемой наследницей шляхтича Иосифа Залеского — Александрой Залеской.

Застройка участка представлена достаточно скромно по сравнению с соседними дворами — только одним небольшим деревянным домом — остальная территория, довольно значительная по площади, была занята садом.

Участок № 4 принадлежал купцу Залману Магитсону, до него находился в собственности Зелика Эпштейна.

На участке находились каменный двухэтажный дом с большой деревянной пристройкой со стороны двора и хозяйственные строения, состоявшие из двух сараев, амбара и погреба, располагавшегося со стороны Покровской улицы. Двор был вымощен камнем.

Участок № 5 принадлежал Евке Файзелю Эпштейну и Файзелю Зеликовичу Эпштейну и был сформирован в результате объединения небольших участков земли, приобретённых по разным купчим крепостям:

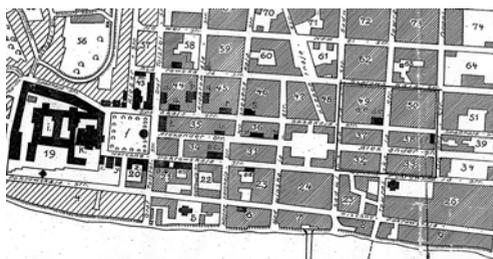

Рис. 8. Фрагмент плана г. Полоцка 1918 г.

- по купчей крепости 1817 г. «...полоцкая именная гражданская вдова Пульхерия Стебутова продала полоцкому мещанину Евке Эпштейну собственную землю без строений по улице Витебской ... к Витебскому шлагбауму по правую сторону, мерою в длину 5 саж, а в ширину к улице Ильинской 20 саж.»;
- по купчей крепости 1829 г. мещанин Михель Каим продал часть земли Евке Файзелю Эпштейну;
- по купчей 1829 г. «...мещанин Михель Мовшович Каим продал мещанину Файзелю Эпштейну собственную свою землю без строений ... в г. Полоцке идя от старого рынка по улице Витебской ... к Витебскому шлагбауму по правую сторону, ...а ему досталась от купца Ивана Иванова Стебута по купчей крепости 1791 г. ...По-польски написано и печать...»;
- «по условию 1833 г. полоцкого собора протоиерей Иоанн Копыль(нов)-ев продал мещанину Файзелю Эпштейну собственную землю, доставшуюся по купчей крепости 1829 г. ... от мещанина Михеля Каима ... по улицам Ильинской и оную пересекающую Поперечной и к р. Двине...».

История купли-продажи отдельных участков земли, состоявших в границах участка № 5, в первую очередь интересна тем, что среди бывших собственников значатся имена Ивана и Пульхерии Стебутов, являвшихся в своё время владельцами каменного дома по ул. Нижне-Покровской, известного нам как

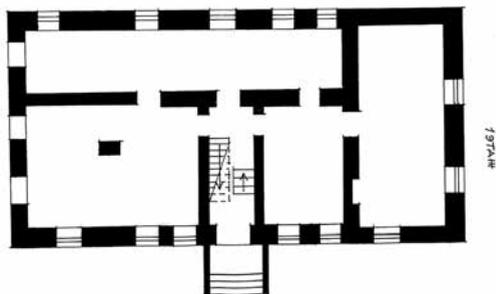

Рис. 10. Дом № 4 по ул. Свердлова. План и северный фасад. Фотография 2015 г.

Рис. 11. Площадь у гостиницы Двина.
Фотография 1950–60-х гг.

мущественно каменными домами, выполнявшими кроме жилой, ещё и торговую функцию. В последующие годы строительство капитальных зданий в центре Полоцка активно продолжалось и было приостановлено только в связи с началом Первой мировой войны. Массив из каменных зданий, возведённых в конце XIX — начале XX в. в центральной части города, запечатлён на полоцких открытках этого времени.

К сожалению, в последующий период вся представленная выше застройка, кроме одного здания, располагавшегося на территории 10-го участка 83-го квартала, была разрушена и до наших дней не сохранилась. Разрушения являлись не только следствием войн и пожаров, но и, что особенно касается середины XX в., необходимостью осуществления нового строительства, расширения улиц, укрупнения кварталов, которая на том или ином этапе была продиктована программой реализации генеральных планов развития города.

Первые значительные повреждения городской застройки были получены в начале XX в. в годы Первой мировой войны. Близкий к данному времени немецкий план, датируемый 1918 г., даёт представление о существовавшей на тот период планировке города, но из архитектурных объектов на плане представлены только те, которые были функционально задействованы под обслуживание немецкой армии. В границах исследуемой территории обозначены два здания: на пересечении Еврейской и Спасской улиц и на пересечении Спасской и Гоголевской улиц. В середине XIX в. указанные на немецком плане каменные здания ещё не были выстроены, и, соответственно, на графическом материале «Маршрутов ...» отсутствуют. Их строительство было осуществлено в конце XIX — начале XX в. (рис. 8).

На проектом плане города 1947 г. зафиксировано расположение зданий, сохранившихся после Великой Отечественной войны. Поскольку сетка улиц в границах исследуемой территории оставалась неизменной с к. XVIII в. до середины XX в., то сохранившуюся послевоенную застройку можно рассматривать с учётом привязки к кварталам и участкам, описанным в «Маршрутах ...» (рис. 9).

«домик Петра I» [5, стр. 168]. Данная фамилия встречается и в книгах полоцкого магистрата, в частности, за 1727 г., где упоминается полоцкий бурмистр Александр Михайлович Стебут, а также мещане Теодора и её сын Александр Янович Стебуты [6, стр. 187].

Таким образом, по результатам изучения графического материала «Маршрутов...» можно констатировать, что исследуемая территория в указанных границах в середине XIX в. имела достаточно плотную застройку, причём из шести кварталов четыре были заняты преимуще-

Рис. 12. Виды розеток на доме № 11 по пр. Ф. Скорины. Фотография 2015 г.

Так, в соответствии с планом 1947 г., на территории, входившей в состав 83-го квартала, обозначены четыре дома, один из них — деревянный, располагавшийся в границах участка № 9. Маловероятно, что здание сохранилось с середины XIX в., скорее всего, периодически отстраивалось на старых фундаментах. Одно из трёх каменных зданий, обозначенных на плане 1947 г. — двухэтажное, отмечено в «Маршрутах ...». Здание располагалось на участке № 10 и выходило фасадом на Спасскую улицу (сейчас это дом № 4 по ул. Свердлова, о котором речь шла выше). Впоследствии к его восточной стене было пристроено также двухэтажное каменное здание, которое просуществовало, скорее

всего, до середины 1960-х гг., во всяком случае, на одном из проектных планов 1964 г. оно ещё обозначено. Возможно, здание было разобрано по причине ветхости, и в процессе разборки часть строения, примыкавшая непосредственно к стене дома, была оставлена на длину 5 м. На сегодняшний день об этой перестройке напоминает план дома № 4 и небольшая вертикальная трещина, идущая от карниза вниз по северному фасаду (рис. 10). Третье каменное здание отношения к «Маршрутам ...» не имеет и могло быть выстроено в конце XIX — начале XX в.

На территории, входившей в состав 84-го квартала, на плане 1947 г. обозначены три каменных дома. Один из этих домов, двухэтажный, отмечен в «Маршрутах ...» — он располагался на 11-ом участке.

В границах территории 90-го квартала до 1947 г. сохранилось здание, находившееся на участке № 4, предположительно, выстроенное до 1793 г.

На территории, входившей в состав 89-го квартала, к 1947 г. сохранились три здания, два из которых присутствуют на плане «Маршрутов ...»: первое — дом с аптекой, принадлежавший Луизе Рувльковиус, второе — угловой двухэтажный дом, находившийся на участке № 1. Здание, судя по изменившейся конфигурации плана, могло быть либо частично перестроено, либо возведено заново на прежнем месте.

На территории, входившей в состав 95-го квартала, сохранились 3 здания — два смежные двухэтажные, располагавшиеся на участке № 1 по Витебской улице, и одно двухэтажное с 3-го участка.

На территории, входившей в состав 96-го квартала, из всей застройки, указанной в «Маршрутах ...», к 1947 г. не сохранилось ни одного объекта.

В послевоенное время застройка территорий исторических кварталов осуществлялась в соответствии с генеральным планом восстановления и развития г. Полоцка 1948 г. Территории кварталов №№ 95 и 96 были очищены от руин и завалов и отведены под зелёную зону. С начала 1950-х гг. один за другим были выстроены дома по пр-ту К. Маркса: № 11 — в 1952 г., № 13 (гостиница «Двина») — в 1954 г., дом № 10 по ул. Свердлова был возведён в 1950 г., дом № 12 по ул. Коммунистической — в 1954 г.

В результате активных строительных работ постепенно сносились сохранившиеся исторические здания, расширялись улицы и укрупнялись кварталы. В числе последних в середине 1970-х гг. были снесены два дома, располагавшиеся на пересечении улиц Витебской (нечётная сторона пр-та Ф. Скорины) и Гоголевской (Гоголя) (рис. 11). В конце XIX — начале XX в. в одном из указанных зданий находилась Полоцкая городская управа, в послевоенное время в одноэтажном здании размещалось общежитие милиции и детские ясли милиции, в двухэтажном — прокуратура [7, стр. 40—41]. Впоследствии в одноэтажном здании функционировала парикмахерская «Ландыш», которая после строительства правого крыла гостиницы в 1976 г. была перенесена в данную постройку.

Поскольку послевоенное строительство велось по проектам, разработанным в конце 1940-х — начале 1950-х гг., которых ещё не успели коснуться тенденции технологического упрощенчества и явного утилитаризма, в архитектуре новых жилых зданий в той или иной мере была сохранена стилистика сталинского ампира, для которой характерно применение классицистических

форм и приёмов. Это — наличие декоративных элементов, акцентирующих дверные и оконные проёмы, раскрепованных карнизов, пилястр с растительным орнаментом, балконов с парадным ограждением в виде балюстрады, сандриков, кронштейнов, стилизация вертикальных опор под ордерную систему. В декоративном оформлении фасадов широко использовалась советская символика.

Соответствующим образом было разработано архитектурное решение дома № 11 по ул. К. Маркса (пр-т Ф. Скорины). Как бы в продолжение темы исторических торговых рядов, существовавших в середине XIX в. на прилегающей территории, на первом этаже дома размещён ряд небольших магазинов. Вход в каждый магазин оформлен стилизованным порталом с декоративной розеткой. Интересно отметить, что наряду с традиционными элементами архитектурной пластики советского неоклассицизма — пятиконечными звёздами, серпом и молотом, в некоторых розетках использованы объёмные изображения тематического, в данном случае, гастрономического, характера, которые были призваны указывать на соответствующий ассортимент магазина. К настоящему времени данные помещения либо перепрофилированы, либо приспособлены под другие функции, но об их «историческом» прошлом напоминают сохранившиеся элементы архитектурного декора (рис. 12).

Одним из самых выразительных объектов данной части города является здание гостиницы «Двина». Парадный вход в здание оформлен колоннадой, главный фасад украшен лепниной в виде гирлянд с драпировкой, ограждение балкона и оконных проёмов решено в виде балюстрады. Завершает композицию центральной части невысокий фигурный аттик. Как объект городского ландшафта здание выступает в роли важного градостроительного акцента, формирующего эстетическое восприятие небольшого рекреационного пространства, образовавшегося в результате реконструкций сер. XX в., и является неотъемлемой частью сложившегося облика исторического центра города.

Таким образом, застройка в границах исследуемой территории, за исключением дома № 4 по ул. Свердлова, представляет собой комплекс послевоенных зданий, возведённых в 1950-х и 1960-х гг. Строительство данных объектов сопровождалось укрупнением кварталов, в результате чего из шести исторических кварталов был образован один. В систему застройки попали улицы Еврейская (Интернациональная) и Спасская (Советская) — их трассы утрачены, направление ул. Спасской на сегодняшний день фиксирует только дом № 4 по ул. Свердлова.

Вместе с тем застройка и планировка данной территории, представляющая архитектурное наследие советского периода, имеет не только культурно-историческую ценность, но при определённых условиях может стать для г. Полоцка одним из важных ресурсов в деле развития национального культурного туризма.

Список литературы

1. Дук, Д. У. Полацк і палачане (IX—XVIII стст.) / Д. У. Дук. — Наваполацк: ПДУ, 2010. — 180 с., [22] арк. іл.
2. Романенкова, Г. Н. Из истории полоцкой женской гимназии / Г. Н. Романенкова // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі (па выніках навукова-даследчай работы ў 1997 г.) / уклад. Т. А. Джумантаева. — Полацк: ПГКМЗ, 1998. — С. 73—74.
3. Студзенікіна, Ю. У. Да пытання аб гандлі ў Полацку ў канцы XIX ст. / Ю. У. Студзенікіна // Полацкі музейны штогоднік: (зборнік навуковых артыкулаў за 2010 г.) / уклад. Т. А. Джумантаева, А. У. Шумовіч, Т. Р. Смірнова. — Полацк: НППКМЗ, 2011. — С. 97—136.
4. Посадская, Ж. В. Датирование памятников архитектуры на примере дома № 9 по пр-ту К. Маркса в г. Полоцке / Ж. В. Посадская // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі (па выніках навукова-даследчай работы ў 1998 г.) / уклад. Т. А. Джумантаева. — Полацк: ПГКМЗ, 1999. — С. 75—87.
5. Орлова, Т. А. Историческая застройка территории, ограниченной с юга — ул. Нижне-Покровской, с севера — пр-м Ф. Скорины, с запада — проездом между домами № 8-а и № 8 по пр-ту Ф. Скорины, с востока — ул. Энгельса / Т. А. Орлова // Полацкі музейны штогоднік: (зборнік навуковых артыкулаў за 2013 г.) / уклад. Т. У. Явіч. — Полацк: НППКМЗ, 2014. — 288 с.
6. Кніга магістрата места Полацкага 1727 г. — Беласток: Беларускае навуковае таварыства. Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2012. — 406 с.
7. Гаўрылава, С. В. Аднаўленне жыллёвага фонду г. Полацка ў пасляваенны перыяд (1944—1948 гг.) / С. В. Гаўрылава // Полацкі музейны штогоднік: (зборнік навуковых артыкулаў за 2010 г.) / уклад. Т. А. Джумантаева, А. У. Шумовіч, Т. Р. Смірнова. — Полацк: НППКМЗ, 2011. — 284 с.

Г. Н. Романенкова

ПОЛОЦК 1913: МОЗАИКА ЖИЗНИ

Год 1913 — это канун Первой мировой войны, последний мирный год, с экономическими показателями которого долгое время сравнивали последующие экономические достижения страны. Но в жизни города происходили события, имели место факты и явления, которые затрагивают различные стороны жизни города, позволяют представить, каковы были условия и обстоятельства жизни его жителей. Знакомство с этими условиями и обстоятельствами, проблемами и происшествиями позволяет нам увидеть картину жизни города, почувствовать «аромат» эпохи, коснуться жизни разных слоёв городского сообщества. Отмечены некоторые новые явления, технические достижения, которые имели место в повседневной жизни города или губернии в целом. В ряде случаев затрагиваются события, которые предшествовали

описываемому. Материал представлен в хронологическом порядке и отражает различные моменты жизни города, своеобразную мозаику его повседневной жизни. В работе использованы в основном архивные материалы.

На 1913 г. доход города планировался в размере 84 826 рублей 84 копейки. Среди важных статей — доход от трактирных заведений, который составлял 2100 рублей, в том числе, от торгующих крепкими напитками — 1200 рублей [13, лл. 5 об., 6 об., 21 об.].

Достаточно большую сумму город получал за аренду перевоза через Двину — 1651 рубль [13, лл. 7 об.]. Обеспечение переправы было жизненно важно для города. Согласно условиям работы перевоза через реку Двину, которые действовали в этот период, он должен быть устроен в самом центре города и иметь два парома на двух канатах и не менее 4-х лодок. Осенью и весной, для обеспечения возможности перехода по льду, требовалось настилать клади. Плата с тех, кто не пользовался льготами, взималась 0,5 копейки с пешего, $\frac{1}{4}$ копейки за 1 пуд груза. Один из пунктов кондиций гласил: «Всякий направляющийся через реку Двину с коего по закону полагается плата, должен уплачивать содержателю мелкой монетою и не считать содержателя обязанным давать каждому сдачу». «Перевоз должен существовать во всякое время дня и ночи для всех вообще переезжающих» [12, лл. 5, 6, 6 об.].

Жалованье городского головы составляло 800 рублей в год, столько же получал бухгалтер городской управы. Служащие полицейской команды получали от 240 до 300 рублей [6, лл. 24 об., 25 об., 30 об.]. Врач земской больницы получал жалованье в размере 1200 рублей, сторож при земской управе — 240 рублей [18, лл. 150 об., 160 об.]. На 1913 г., согласно решению земского собрания, К. И. Загорскому, дантисту при Полоцком кадетском корпусе, определено вознаграждение в размере 60 рублей в год, «с тем, что за весь материал по пломбировке зубов он с больных не будет брать никакой платы» [18, лл. 78].

В то же время в мае 1913 г. стоимость фунта простого хлеба составляла в городе 2 $\frac{1}{2}$ копейки, телятины 1 сорта — 14 копеек [20, л. 2]. Норма суточного довольствия на одного больного в больнице составила 22 копейки в день, расходы на медикаменты, перевязочные материалы и аптечные припасы составили 3 копейки в сутки на стационарного больного, 15 копеек на хирургического больного, 5 копеек на амбулаторного больного [18, лл. 65 об., 66 об.].

1 января 1913 г. закрывается трактирное заведение графа Плятер-Зиберга, существовавшее на имя Карла Лица (ул. Верхне-Покровская, дом Лебедева), под названием «Маньчжурия». Вопрос о закрытии рассматривался по жалобе некоторых жителей Верхне-Покровской улицы (13 человек, в основном торговцы) и сообщения Комитета попечительства о народной трезвости. Торговцы-жалобщики писали, что «находясь в центре торговых заведений», трактир «мешает нормальному течению торговли», «постоянно происходят драки и ругательные слова оглашают всю улицу», «порядочному покупателю невозможно пройти». Заведующий Полоцкой городской народной чайною Арцышевич обращал внимание на то, что вход в трактир располагается рядом со входом в чайную, что «нередко соблазняет крестьян, идущих в чайную», они «оставляют там свою базарную выручку» и «эксплуатируются постоянно находящимися в трактире хулиганами». Служащими чайной также было замечено, что иногда

трактирщик сильно захмелевшего посетителя выводит и укладывает на лестнице, ведущей в чайную. Отмечалось, что это соседство «отразилось на уменьшении числа посетителей и доходности чайной», работа трактира характеризуется как «вредная» деятельность, «парализующая преследуемые народной чайною задачи» [14, лл. 4, 6, 6 об., 17 об.].

9 января Полоцкая городская управа представляет губернатору смету доходов и расходов на 1913 г. [2, л. 21 об.].

23 января городской голова, отчитываясь о состоянии городских улиц, отмечает, что «уборка на городских улицах практикуется по утрам, когда движение по улицам ещё не началось» [17, л. 2 об.].

23 января Городская управа отмечает, что на 1913 г. запланировано завершить строительство артезианского колодца для нужд города по договору с подрядчиком Штейном. Ранее источником воды были 4 частных колодца. Относительно причин отсутствия городского водопровода отмечалось, что город не имеет средств, а частные предприниматели предлагают его устроить на «стесненных для города условиях». Городское самоуправление считает, что водопровод должен быть «городским достоянием, а не служить для наживы предпринимателям» [17, л. 2 об.].

25 января Полоцкое 2-е городское начальное училище заказывает 2 экземпляра книги «Россия под скипетром Романовых. Очерки из русской истории за время с 1613 по 1913 год». 318 страниц с большим количеством иллюстраций, под редакцией профессора П.Н. Жуковича. Цена «весьма умеренная» — 25 копеек за экземпляр [29, л. 1].

30 января в Полоцке состоялось совещание по выработке программы празднования в Полоцке и уезде 300-летия Дома Романовых. Совещание прошло под председательством уездного предводителя дворянства Ф.В. Бондырева [29, л. 9].

1 февраля Городская управа представляет в Витебск список домовладельцев (более 60), которые пострадали от пожара в ночь на 29 июля 1912 г. и нуждаются в беспроцентной ссуде для постройки сгоревших зданий, с указанием состава семьи, размера убытков, размера ссуды и т. д. [16, л. 16].

20 февраля в «Витебских губернских ведомостях» опубликованы «Обязательные постановления по борьбе с хулиганством». Согласно одному из пунктов постановлений, «воспрещается появление в публичных местах и помещениях в заметно для окружающих нетрезвом виде, нарушающем благопристойность». К проявлениям хулиганства среди прочего отнесены также «назойливое приставание», «умышленно резкие расталкивания публики», «безчинная и озорная порча или истребление чужого имущества». Однако, опасаясь проявлений излишнего служебного рвения, в письме от 15 марта полицмейстерам и исправникам разъясняется, что привлекаются «...к ответственности лишь те лица, кои по образу жизни и нравственным качествам принадлежат к типу людей, именуемых в общежитии «хулиганскими», так как применение наказаний по отношению к проступкам «не носящим типично хулиганской окраски» вызовет «нежелательные нарекания» [10, лл. 3, 5, 7 об.].

21 февраля в рамках празднования 300-летия Дома Романовых состоялась торжественная литургия с молебном в Николаевском соборе, затем крестный

ход к Богоявленскому монастырю, затем через Александровскую улицу крестный ход возвращается к Николаевскому собору. В крестном ходе участвовали воспитанники и воспитанницы учебных заведений Полоцка. По окончании крестного хода в учебных заведениях состоялись церковные богослужения и торжественные акты «с соответствующим событию чтением». В частности, во втором городском начальном училище подобное мероприятие включало более 15 пунктов программы — музыкальные, стихотворные и прочие номера в исполнении воспитанников и преподавателей [29, лл. 9, 9 об.].

22 февраля в зале Благородного собрания в рамках празднования 300-летия Дома Романовых — торжественное соединенное собрание представителей и чинов правительственных и общественных учреждений города с произнесением речей от лица учреждений. Затем завтрак по подписке. За организацию собрания и чтений отвечал директор учительской семинарии М. Х. Соколов, за организацию завтрака — офицер-воспитатель Полоцкого кадетского корпуса подполковник В. П. Викентьев [29, лл. 9 об.].

22 февраля полицмейстер Тетерский просит городскую управу об устройстве «в возможно скорейшем времени кладей через реку Полоту» для нормализации сообщения с Заполотьем, так как река Полота покрылась водой, и из-за воды прекратилось сообщение с этой частью города [15, л. 24].

28 февраля Городская Дума рассматривает вопрос о переправе через реку Полоту, так как «можно ожидать вскрытия реки». Постановили: допустить Гильку Трифсика к аренде, «обязан сегодня же устроить переправу для беспрепятственного передвижения подвод и людей». Ввиду окончания 1 января 1913 г. срока предыдущей аренды, городское самоуправление приняло предложение Г. Трифсика с платой 350 рублей в год с уплатой вперёд и внесения 100 рублей залога за аренду переправы. Но решение было приостановлено, так как поступили жалобы от жителей Заполотья и Экимани на «буйный характер и предосудительное поведение» Трифсика и жалобы предыдущей содержательницы переправы Соколинской. В жалобах она отмечает, что «местным жителям не желателен кто-либо другой» в качестве содержателя переправы. До передачи аренды Трифсику содержательницей переправы числилась Гинда Соколинская (с уплатой 220 рублей в год), хотя в докладе Городской управы отмечалось, что она частным образом передала содержание переправы Михелю Дрбкину, который и являлся фактическим арендатором. Когда ему было предложено арендовать на новых условиях, отказался, как отмечалось городской управой, «в надежде, избавившись каким-либо путём от конкурента, воспользоваться арендой переправы за прежнюю цену, а для этого и затеял жалобу от жителей Заполотья» [15, лл. 3, 3 об., 4 об, 18, 23].

В марте 1913 г. поднимается вопрос об ассигновании средств на приспособление железнодорожного моста Николаевской железной дороги через реку Западную Двину для экипажного движения. Вопрос инициируется военным начальством, поскольку размещённый в Задвинье 5-й железнодорожный батальон отрезан от центра города [23, л. 312].

6 марта губернатор высылает полицмейстерам и уездным исправникам предписание вследствие письма товарища министра внутренних дел «иметь наблюдение за тем, чтобы все без исключения авиаторы в пределах города-

уезда были приписаны к тому или другому аэроклубу и на производство полётов имели надлежащее свидетельство, выданное клубом под его ответственность» [5, лл. 8].

7 марта принято постановление Городской думы о покрытии расходов по празднованию юбилея 300-летия Дома Романовых в размере 287 рублей 32 копейки [13, лл. 75 об.].

5 апреля и 20 июня 1913 г. прошли выборы гласных в городскую думу на новое 4-летие, которые были отменены 17 августа Губернским по городским и земским делам присутствием в связи с поступившими жалобами на нарушение процедуры выборов [19, лл. 335, 335 об.].

10 апреля в Полоцком уезде появился первый автомобиль у владельца имения Булавки Артейковской волости дворянина Евгения Евгеньевича Рошковского (исполнял обязанности секретаря римско-католического благотворительного общества Полоцка). Он приобрёл 5-местный 40- сильный автомобиль марки «Бенц» [2, л. 10].

5 мая Полоцкий полицмейстер доносил, что в городе Полоцке «автомобильных кружков и владельцев автомобилей не имеется» [2, л. 28].

18 мая департамент полиции извещает губернатора о том, что Императорское Российское автомобильное общество изготовило бланки международных свидетельств нового образца, их стоимость составила 25 копеек [5, лл. 120].

13 июня прекратил свою деятельность Комитет по оказанию помощи погорельцам города Полоцка, пострадавшим от пожара 28 июля — 1 августа 1912 г., о чём послано отношение в редакцию «Витебского вестника» [4, лл. 156].

16 июня полоцкий полицмейстер поддержал ходатайство Полоцкого вольно-пожарного общества об устройстве телефонной пожарной сигнализации [32, л. 3].

16 июля принято постановление Полоцкой городской думы о заключении контракта с Василием Овчинниковым (арендатором скотопригонного двора) об отдаче в аренду каменной городской скотобойни (с января 1914 г.). Срок аренды — 6 лет, плата — 5731 рублей в год (цена осталась на уровне прежнего контракта), арендатор также обязался внести наличными деньгами 1500 рублей на расширение скотобойни. Сдача скотобойни в аренду была одной из наиболее прибыльных статей городского дохода [19, лл. 434, 434 об.].

16 июля Городская дума отмечает, что хлопоты об открытии мужской гимназии увенчались успехом, в Министерстве народного просвещения обещано открыть гимназию во второй половине 1914 г. Рассматривается вопрос об организации депутации в составе члена управы Подхилко, протоиерея Дм. Гнедовского и товарища директора банка Киселёва для вторичного поддержания ходатайства об открытии в городе мужской гимназии, т.к. в скором времени будет обсуждаться вопрос о штатах гимназии. Постановление это было приостановлено в августе месяце. В начале декабря Попечитель Виленского учебного округа сообщает (в письмах губернатору и городскому голове) о необходимости принять меры к своевременному открытию этого учебного заведения не позже 1 июля 1914 г. [21, лл. 3, 6].

1 августа руководство Полоцкого кадетского корпуса отправляет Начальнику Главного управления военно-учебных заведений представление о

производстве офицера-воспитателя В.П. Викентьева (автора книги по истории Полоцкого кадетского корпуса) в следующий чин полковника с последующим увольнением. Назначена пенсия в размере 1763 рублей [28, л. 10].

11 и 12 августа Полоцкое римско-католическое благотворительное общество организует спектакль и танцевальный вечер в зале Благородного собрания в пользу общества [8, лл. 291].

15 августа Витебский губернатор издаёт обязательные постановления по правилам автомобильного движения по общественным дорогам Витебской губернии [31, л. 43].

20 августа возбуждено уголовное преследование по обвинению городского полоцкой городской полицейской команды Карпа Борисовича Герасимова в нанесении побоев при исполнении служебных обязанностей. Находясь на посту при переправе через реку Западную Двину в г. Полоцке, он нанёс лёгкие побои Мефодию Дойлидовичу и лёгкую рану и побои его сыну Митрофану Дойлидовичу «без явной необходимости». Пострадавшие были освидетельствованы городским врачом Ольденбургом. В ходе разбирательства выяснилось, что во время инцидента 16 сентября 1912 г. Карп Герасимов «был выпивши, ... он вообще человек склонный к спиртным напиткам и в нетрезвом виде привязчив к публике». Следствие было начато 21 августа, окончено 23 октября. Губернское правление на слушаниях 20 декабря 1913 г. принимает решение: уголовное преследование прекратить, отменив принятую в отношении Герасимова меру пресечения, — «подписку о неотлучке», так как раны у пострадавших были лёгкие, инцидент произошёл 16 сентября 1912 г., уголовное дело начато 20 августа 1913 г., т. е. по истечении полугодового срока (подследственному грозил арест до 3-х месяцев) [6, лл. 3 об., 4, 7 об, 10, 11 об.].

27 августа городская управа отмечает, что ходатайства о строительстве моста через Двину, в чём город имеет большую необходимость, безуспешны. В связи с этим поднимает вопрос об установлении таксы за переправу через реку Двину в городе Полоцке через предполагаемый мост после его постройки, что позволило бы городу взять кредит в банке на постройку моста и погашать кредит за счёт этого сбора, который должен был составить 10—15 тыс. рублей [22, лл. 3, 3 об., 10].

28 сентября бывшая учительница Смольного института Анна Феликсовна Пальчевская (проживающая по адресу: ул. Стрелецкая, д. 23) подаёт прошение об открытии музыкальных курсов в Полоцке. Цель курсов: дать всем желающим возможность получить музыкальное образование. В прошении она указывает, что имела музыкальные курсы в Санкт-Петербурге в течение 10 лет (до июня 1913 г.). Плата за обучение на курсах устанавливалась 8 рублей в месяц, занятия планировались с 1 сентября по 1 мая. Курсы открыты в феврале 1914 г. [11, лл. 1, 9, 12].

29 сентября состоялся спектакль (шла пьеса «Самоубийца») и танцевальный вечер на станции Полоцк Николаевской железной дороги в пользу Собрания служащих станции [8, лл. 155].

1 октября Полоцкое благотворительное общество провело лотерею. Билетов было продано на сумму 960 рублей 50 копеек. Разыгрывалось 100 предметов. Главный выигрыш — прибор чернильный серебряный в дубовом футляре. Чистый остаток составил 445 рублей [8, лл. 204].

10 октября бывший наставник Полоцкой учительской семинарии В. Г. Соловьёв передаёт имущество метеорологической станции при семинарии наставнику той же семинарии И. Я. Митрошенко [41].

12 октября вновь проходят выборы гласных в Городскую думу, в ходе которых избран 21 гласный и 5 кандидатов в гласные. Результаты этих выборов были оставлены в силе, хотя и здесь не обошлось без нарушений. В частности, Парравичини, Бакаев и Голубов жаловались на «агитацию», которую во время выборов проводил Родзевич (Ф. М. Родзевич служил частным поверенным при Полоцком уездном суде). Факт этих действий подтвердил и городской голова: «Родзевич вёл себя вызывающе, игнорировал положение о выборах, стеснял свободу других, сам же не стеснялся незаконными приёмами воздействия на избирателей путём раздачею записок». Городской голова Н. Лоскович был вынужден призвать нарушителя к порядку [19, лл. 481, 482, 485].

В октябре завершился ремонт здания Полоцкого кадетского корпуса [38, с. 2].

6 ноября состоялся спектакль в помещении кинематографа «Гигант» в пользу новобранцев-евреев города Полоцка [8, лл. 417].

7 ноября газета «Полоцкий листок» сообщала об обнаружении во время ремонта Софийского собора подземного хода на глубине около 20 сажен, ведущего от собора к Западной Двине [33, с. 3].

8 ноября это же издание отмечает, что у всех содержателей гостиниц и заезжих домов города с целью борьбы с проституцией взята подписка о недопущении в свои помещения женщин лёгкого поведения [34, с. 2].

В начале ноября в одном из зданий кадетского корпуса «были похищены из кладовых, принадлежавших двум преподавателям корпуса, разные съестные припасы» [39, с. 3]. Тогда же «из бакалейной торговли Козелло (Александровская улица) совершена дерзкая кража. Воры проникли со стороны Спасской улицы и через отверстие в крыше прошли в магазин. Похищен ящик макарон и ещё кое-что из товара». Также, во время переезда на новую квартиру владелицы парикмахерской Тевелевой похищена ручная швейная машинка [40, с. 2].

8 ноября 1913 г. в газете «Полоцкий листок» опубликован фельетон за подписью Б. Невельского «К остатку городского пирога» с критикой деятельности городского головы [35, с. 2].

8, 9, 10, 11 ноября в кинематографе «Гигант», принадлежащем М. Аронову, демонстрируется «небывало сенсационная» драма в 3-х частях «Маяк смерти». Сверх программы предлагается выступление исполнительницы цыганских романсов м-ль Джоффе [36, с. 1; 37, с. 1].

20 ноября Городская управа подтвердила заказ на пожарный колокол весом в 5 ½ пудов и «с особо ярким звоном» гг. Аленчикову и Зимину (город Москва) по 25 рублей за пуд, выполнение заказа предполагалось в течение 3-х недель. Необходимость заказа была обусловлена тем, что набатный колокол расплавился во время пожара летом 1912 г. Ранее (16 июля) этот вопрос рассматривался, делались запросы о цене и условиях продажи колокола [6, лл. 28 об.].

21 ноября Полоцкое церковное братство во имя св. Николая и преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой организует благотворительный спектакль и лотерею «аллегри» в пользу богадельни и детского приюта, которые содер-

жатыся братствам. Получена в пользу этих заведений 664 рублей 20 копеек [3, лл. 1061].

25 ноября директор учительской семинарии М. Х. Соколов обращается к попечителю Виленского учебного округа с прошением о денежной помощи для участия 26-31 декабря во втором съезде по экспериментальной педагогике (ранее был участником первого съезда) [27, лл. 19].

26 ноября полицмейстер Полоцка отвечает на запрос по поводу «Праздника трезвости» на 3-й и 4-й день Пасхи в 1914 г., что «препятствий не встречается» [9, лл. 16].

30 ноября — 9 декабря Витебским губернатором М. В. Арцимовичем проводится ревизия Полоцкой городской управы. По результатам ревизии были отмечены ряд недостатков в работе. Обращалось внимание городской управы на нежелательность хранения слишком больших сумм в городской кассе (на момент ревизии — 4140 рублей 61 копейка), указывалось на необходимость вносить их в банк. Также указывалось, что подписи некоторых получателей денежных сумм «учинены весьма неразборчиво», и отмечалась необходимость требовать от получателей денег «отчётливые подписи». Обнаружены были недостатки в учёте городского движимого и недвижимого имущества, в акте ревизии указывалось на необходимость принять меры к немедленному составлению инвентарных описей. Обнаружено, что некоторые денежные поступления не проходят по всем книгам или наблюдаются несоответствия в суммах, что городская управа объясняет «умышленными» записями бывшего служащего управы Чумакова. Приводятся также примеры «крайне позднего исполнения» постановлений городской думы, отмечается, что «в делопроизводстве городской управы, вообще, замечается большая медленность» [6, лл. 2, 9 об., 10, 26].

4 декабря дано разрешение Полоцкому уездному предводителю дворянства Вырубову на заграничный отпуск на одну неделю [7, л. 624].

21 декабря начальник Смоленского почтово-телеграфного округа в бытность в Полоцке обратил внимание, что «сеть электрических проводов значительно расширилась, в некоторых местах пересекает телеграфные провода», в связи с этим отмечает необходимость освидетельствования городской электрической сети [30, лл. 71, 71 об.].

23 декабря начальник женской гимназии М. Х. Соколов обращает внимание управы на её долг за наём помещения гимназии (2400 рублей) [25, л. 9].

В 1913 г. в полоцкой типографии Н.А. Сролиовича опубликована книга «Детские забавы. В былые годы». Драма в 5 действ и 7 картинах. Автор — Серафима Аргамасова, жена бывшего инспектора классов Полоцкого кадетского корпуса генерал-лейтенанта Александра Павловича Аргамасова [1, с. 316].

В 1913 г. состоялось 165 постановлений городской думы [24, л. 22].

В 1913 г. преподаватель Полоцкой учительской семинарии и городской голова Н. И. Лоскович получил орден Св. Анны 2-й степени [26, л. 38 об.].

Представленные выше данные и материалы, отражающие бытовые проблемы, скандальные происшествия, праздники, появляющиеся нововведения, умственные интересы жителей города, вносят дополнительные штрихи к портрету жизни города накануне Первой мировой войны.

Источники и литература

1. Кніга Беларусі. 1517—1917: зводны каталог / склад. Г. Я. Галенчанка і інш. — Мінск: БелСЭ, 1986. — 615 с.
2. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). — Ф. 1416. — Оп. 3. — Д. 20112. О переписи самодвижущихся машин (автомобилей) по Витебской губернии.
3. НИАБ. — Ф. 1416. — Оп. 2. — Д. 24992. По обвинению городского Полоцкой городской полицейской команды Герасимовича в нанесении побоев Мефодию Дойлидовичу и Митрофану Дойлидовичу.
4. НИАБ. — Ф. 1430. — Оп. 1. — Д. 48260. О пожаре в городе Полоцке 28 июля 1912 года.
5. НИАБ. — Ф. 1430. — Оп. 1. — Д. 48505. Циркуляры МВД и губернатора о допуске частных лиц к полётам на аэропланах, запрещении продажи грампластинок с записью проповедей сектантов и др.
6. НИАБ. — Ф. 1430. — Оп. 1. — Д. 48549. Отчёт о ревизии Полоцкой городской управы, произведенной Витебским губернатором М. В. Арцимовичем.
7. НИАБ. — Ф. 1430. — Оп. 1. — Д. 48616. Наряд рапортам исправников с протоколами и дознаниями о происшествиях по Витебской губернии.
8. НИАБ. — Ф. 1430. — Оп. 1. — Д. 48617. С отчётами по устройству спектаклей, маскарадов и литературно-музыкальных вечеров с благотворительной целью по Витебской губернии.
9. НИАБ. — Ф. 1430. — Оп. 1. — Д. 48652. По циркуляру Департамента духовных дел о проведении в 1914 году праздника трезвости в Витебской губернии.
10. НИАБ. — Ф. 1430. — Оп. 1. — Д. 48694. По циркуляру Департамента полиции об издании обязательных постановлений по борьбе с хулиганством.
11. НИАБ. — Ф. 1430. — Оп. 1. — Д. 48709. По ходатайству бывшей учительницы Смольного института Анны Феликсовны Пальчевской об открытии музыкальных курсов в г. Полоцке.
12. НИАБ. — Ф. 2508. — Оп. 1. — Д. 5318. По жалобе жителей города Полоцка на взыскание с них платы за перевоз через реку Двину.
13. НИАБ. — Ф. 2508. — Оп. 1. — Д. 5330. Смена доходов и расходов на 1913 год города Полоцка.
14. НИАБ. — Ф. 2508. — Оп. 1. — Д. 5353. По жалобе крестьянина Лица на постановление Полоцкой городской думы о закрытии трактирного заведения «Маньчжурия».
15. НИАБ. — Ф. 2508. — Оп. 1. — Д. 5400. По жалобе Василевского и других на отдачу в аренду перевоза через реку Полоту в городе Полоцке.
16. НИАБ. — Ф. 2508. — Оп. 1. — Д. 5403. Об отпуске правительственной беспроцентной ссуды на постройку зданий, сгоревших во время пожара в городе Полоцке.
17. НИАБ. — Ф. 2508. — Оп. 1. — Д. 5443. О бездействии по службе должностных лиц Полоцкой городской управы.
18. НИАБ. — Ф. 2508. — Оп. 1. — Д. 5450. О созыве Полоцкого очередного земского собрания.

19. НИАБ. — Ф. 2508. — Оп. 1. — Д. 5462. Журналы Витебского губернского по земским и городским делам присутствия за 1913 г.
20. НИАБ. — Ф. 2508. — Оп. 1. — Д. 5604. Об издании обязательных постановлений и утверждении такс по городу Полоцку.
21. НИАБ. — Ф. 2508. — Оп. 1. — Д. 5678. Об организации депутации для вторичного поддержания ходатайства об открытии в городе Полоцке гимназии.
22. НИАБ. — Ф. 2508. — Оп. 1. — Д. 5688. Об установлении таксы платы за переправу через реку Двину в городе Полоцке.
23. НИАБ. — Ф. 2508. — Оп. 1. — Д. 5727. Переписка присутствия с разными лицами о выдаче пособий.
24. НИАБ. — Ф. 2508. — Оп. 1. — Д. 5755. Сведения о деятельности Витебского губернского по земским и городским делам присутствия за 1913 г.
25. НИАБ. — Ф. 2523. — Оп. 1. — Д. 10. Об уплате городской управой арендных денег за помещение женской гимназии.
26. НИАБ. — Ф. 2566. — Оп. 1. — Д. 335. Формулярный список о службе наставника семинарии Н.О. Лосковича.
27. НИАБ. — Ф. 2568. — Оп. 1. — Д. 120. Дело о назначении М. Х. Соколова начальником Полоцкой женской гимназии.
28. НИАБ. — Ф. 2613. — Оп. 1. — Д. 204. О назначении пенсии подполковникам Широкову В.С. и Викенъеву В.П.
29. НИАБ. — Ф. 2669. — Оп. 1. — Д. 58. О праздновании 300-летия царствования Дома Романовых.
30. НИАБ. — Ф. 3209. — Оп. 1. — Д. 1598. Об устройстве дворянином Григорием Лясковским-Тендетниковым электрического освещения в городе Полоцке.
31. НИАБ. — Ф. 3209. — Оп. 1. — Д. 1724. По ходатайству Балтийского автомобильного и аэроклуба об издании обязательных постановлений о порядке езды на автомобилях по общественным дорогам Витебской губернии.
32. НИАБ. — Ф. 3209. — Оп. 1. — Д. 1758. Об устройстве вольно-пожарным обществом телефонной пожарной сигнализации.
33. Подземный ход // Полоцкий листок. — 1913. — № 1. — С. 3.
34. Борьба с проституцией // Полоцкий листок. — 1913. — № 2. — С. 2. Невельский, Б. К остатку городского пирога / Б. Невельский // Полоцкий листок. — 1913. — № 2. — С. 2.
35. Полоцкий отдел объявлений // Полоцкий листок. — 1913. — № 2. — С. 1.
36. Полоцкий отдел объявлений // Полоцкий листок. — 1913. — № 3. — С. 1.
37. Ремонт кадетского корпуса // Полоцкий листок. — 1913. — № 3. — С. 2.
38. Кража из корпусных зданий // Полоцкий листок. — 1913. — № 5. — С. 3.
39. Кражи // Полоцкий листок. — 1913. — № 6. — С. 2.
40. Овчинникова, Р. Гидрометеорологические наблюдения в Полоцке / Р. Овчинникова // Геоверсум [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.geoversum.by/blogs/tapan-m-ka/gidrometeorologicheskie-nablyudenija-v-polocke-1518.html>. — Дата доступа: 15.01.2015.

НЕМЕЦКИЕ ДОЛГОВРЕМЕННЫЕ ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ В ПОЛОЦКЕ НА ВИТЕБСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

Полоцк в планах немецкого командования занимал достаточно важное место, в первую очередь как железнодорожный узел, через который проходило снабжение группы армий «Север». Соответственно, город должен был быть укреплен как полевыми, так и долговременными фортификационными сооружениями. Но в начальный период войны вермахт, стремительно продвигающийся на восток, не придавал значения вопросам укрепления местности. Оборонительные мероприятия сводились в основном к созданию постов-застав вокруг населённых пунктов, железнодорожных станций и на узлах коммуникаций. В основном эти мероприятия предназначались для предохранения коммуникаций от возможных ударов партизан [7]. Долговременные фортификационные сооружения появились в Полоцке в более поздний период — в 1943—44 гг. [4, с. 16].

После поражения под Москвой немцы стали больше уделять внимания вопросам укрепления местности. От отдельных систем постов-застав они перешли к развитой системе опорных пунктов и узлов обороны. Оборонительные рубежи представляли собой цепь усиленных узлов обороны и опорных пунктов, седлающих командные высоты, в большинстве своём группирующихся вокруг населённых пунктов и расположенных на расстоянии от 2 до 4 км друг от друга. Промежутки заполнялись пулемётными и стрелковыми окопами и отдельными огневыми сооружениями. Узлы обороны и опорные пункты немецкой обороны представляли собой 1—2 линии траншей и ходов сообщения, с подготовленными в большом количестве ячейками и площадками для всех видов огневых средств, наблюдательными пунктами, а также укрытиями, убежищами и блиндажами для солдат и офицеров [5, с. 4].

Все опорные пункты связывались между собой хорошо разветвлённой сетью дорог — радиальных и рокадных, обеспечивающих возможность широкого манёвра и переброски резервов из глубины обороны. Такая система построения обороны, с явно выраженными опорными пунктами и слабо защищаемыми промежутками, не могла противостоять мощным ударам Советской армии с её тактикой глубоких обходов и охватов [7].

1943 г. характеризуется повсеместным переходом немцев к обороне. Свою оборону немцы строили на хорошо продуманной, чётко организованной системе огня всех видов оружия, боевых порядков пехоты, располагаемых со сгущением на тактически важных командующих районах местности и на активных действиях резервов. Инженерно-фортификационное обеспечение обороны в основном сводилось к обеспечению тактической живучести огневых средств, надёжности системы огня, главным образом, перед передним краем и на флангах, укрытиями живой силы и материальной части, быстроты

1. Долговременная огневая точка с одной амбразурой, ул. Суворова, 32

2. Железобетонное укрытие, ул. Суворова, 25

3. Долговременная огневая точка типа «тобрук», ул. Ленинградская, 109а

4. Долговременная огневая точка с одной амбразурой на пересечении ул. Ленинградской и 2-го пер. Циолковского

5. Железобетонный командный пункт, ул. Ленинградская, 75

6. Кольцевой бетонный дворик для зенитного орудия с укрытием для личного состава у ж/д переезда на ул. Суворова

7. Долговременная огневая точка у ж/д полотна, напротив ул. Тросницкой

8. Железобетонное укрытие в насыпи у южной оконечности ж/д моста

манёвра резервами и вооружением. Передний край рубежа, как правило, обеспечивался непрерывной траншеей наиболее оборудованной огневыми сооружениями, в виде простейших открытых огневых площадок. За первой, на тактически более важных направлениях, располагались вторая, третья, а иногда и четвёртая линия траншей. Неукреплённых промежутков между опорными пунктами, как правило, не было [7].

1944 г. в отношении фортификационного оборудования местности характерен тем, что немецкие войска пытались укрыться за крупными естественными преградами, за заблаговременно подготовленными валами и задержать наступление. Они наскоро усиливали высокие берега крупных рек, усиливали существующие долговременные рубежи [1, с. 322—323].

Особенностью немецкой обороны являлось развитие мощных противотанковых и противопехотных препятствий и заграждений, а также применение сплошных траншей. Применение бетона, быстро твердеющего цемента, бронеколпаков и механизация инженерных работ обеспечивали противнику создание большого количества огневых точек долговременного типа. Основой опорных пунктов противника являлись деревоземляные и долговременные огневые точки (ДЗОТ и ДОТ). С целью улучшить обзор и обстрел отдельные ДОТ и ДЗОТ строились впереди узлов сопротивления и, как правило, эти ДОТ и ДЗОТ прикрывались соответствующими препятствиями и огнём пехоты. Каждое отделение опорного пункта имеет один-два блиндажа для размещения отдыхающих солдат и одну-две ДЗОТ, которые соединяются между собой ходами сообщения. Широко применяются ложные сооружения (ДЗОТ и окопы), причём для создания видимости действительных сооружений из них периодически ведётся огонь [3, с. 4—5].

Населённые пункты, входящие в состав оборонительной полосы, подготавливались и использовались немцами в качестве опорных пунктов или узлов обороны. Особенность подготовки населённых пунктов к обороне состояла в том, что наряду с устройством развитой сети траншей и ходов сообщения немцы приспособляли к обороне отдельные строения, группы их и развали-

ны строений. Первая, основная, траншея в большинстве случаев отрывалась на окраине населённого пункта. Вторая, а иногда и третья траншеи подготавливались внутри населённого пункта и за ним. В целях маскировки траншеи и ходы сообщения, проходящие внутри населённого пункта, располагались за заборами, оградами, изгородами. В ряде случаев траншеи отрывались под строениями. Участки траншей, примыкающие к строениям, обычно перекрывались, что обеспечивало пользование ими во время пожаров. Деревянные строения приспособлялись к обороне относительно редко. Они в большинстве случаев использовались как маски для огневых позиций, расположенных в траншеях, а также обеспечивали скрытое передвижение гарнизона в опорном пункте [6].

При выборе типов сооружений и при посадке сооружений на местности использовались местные условия и предметы: населённые пункты, отдельные строения, крутые скаты, деревья и кустарники, дорожные насыпи и т.п. Тщательный учёт местных условий обеспечивал естественную маскировку отдельных сооружений и системы обороны в целом от наземной и воздушной разведки. Фортификационные сооружения были чрезвычайно разнообразны как по конструкции, так и по планировке. В каждом случае тип сооружения, его конструкция и планировка определялись огневой задачей, местом расположения и наличием подручных материалов [6].

Для непосредственной обороны Полоцка немецким командованием было построено несколько оборонительных рубежей. Их строительство началось в марте 1944 г. и осуществлялось немецкими строительными и инженерными частями. Широко привлекались советские военнопленные, а также узники полоцкого лагеря для гражданского населения, располагавшегося в Громах [4, с. 16].

Немецкие сооружения в восточной части Полоцка группировались в основном вокруг ж/д узла Громы. Их задача — не только защита ж/д узла от сухопутных сил Красной Армии, но и объектовая противовоздушная оборона, о чём говорит наличие кольцевых бетонных дворики, предназначенных для зенитных орудий.

Большинство сохранившихся немецких сооружений на витебском направлении относятся к железобетонным убежищам и укрытиям для личного состава. За железнодорожной насыпью (ул. Ленинградская) сохранились два командных пункта, соединённых, по утверждению местного жителя, подземным переходом. Это вполне вероятно, так как крупные немецкие долговременные фортификационные сооружения часто соединялись подземными переходами — потернами [2, с. 42].

Долговременных огневых точек сохранилось незначительное количество. В основном это небольшие сооружения для ведения фронтального огня, с пулемётным вооружением и гарнизоном в 2—4 человека. К примеру — в районе авторемонтного завода находятся две универсальные долговременные огневые точки типа «тобрук», рассчитанные на гарнизон из 2-х человек. Они были вооружены либо одним пулемётом в бронеколпаке, либо выполняли задачу ведения наблюдения за противником, для чего вместо вооружения в бронеколпаке устанавливались оптические приборы [1, с. 216—218].

Малое количество сохранившихся огневых точек можно объяснить уничтожением большей их части во время освобождения Полоцка в июне-июле

1944 г. В свою очередь, хорошая сохранность укрытий и убежищ для личного состава — следствие того, что они не представляли боевой ценности и не были приоритетной целью для огневого воздействия.

Сохранившиеся немецкие долговременные фортификационные сооружения на витебском направлении:

1. Долговременная огневая точка с одной амбразурой, ул. Суворова, 32.
2. Железобетонное укрытие, ул. Суворова, 25.
3. Долговременная огневая точка типа «тобрук», ул. Ленинградская, 109а.
4. Долговременная огневая точка типа «тобрук», ул. Ленинградская, 109а.
5. Железобетонное укрытие, ул. Чайко, 4.
6. Долговременная огневая точка с одной амбразурой, на пересечении ул. Ленинградской и 2-го пер. Циолковского.
7. Железобетонный командный пункт, ул. Ленинградская, 75.
8. Железобетонный командный пункт, ул. Ленинградская, 75.
9. Бетонное укрытие, на пересечении ул. Ленинградской и ул. Сенной.
10. Кольцевой бетонный дворик для зенитного орудия, пер. Ленинградский, 4.
11. Кольцевой бетонный дворик для зенитного орудия, с укрытием для личного состава, у ж/д переезда на ул. Суворова.
12. Долговременная огневая точка, у ж/д полотна, напротив ул. Тросницкой.
13. Железобетонное укрытие, ул. Гагарина, 151а.
14. Кольцевой бетонный дворик для зенитного орудия, с укрытием для личного состава, на пересечении ул. Ручьевой и ул. Гагарина.
15. Железобетонное укрытие, в насыпи у южной оконечности ж/д моста.
16. Железобетонное укрытие, в насыпи у южной оконечности ж/д моста.

Список литературы:

1. Кауфман, Дж. Э. Фортификация Второй Мировой войны 1939—1945. III рейх / Дж. Э. Кауфман, Г. У. Кауфман. — М.: Эксмо, 2006. — 352 с.
2. Киселев, П. Типы и конструкции немецких фортификационных сооружений под Ленинградом / П. Киселев, С. Жарков, З. Брауде // Военно-инженерный журнал. — 1944. — № 10. — 154 с.
3. Кожевников, М. М. Действия танков в составе штурмовой группы при атаке ДОТ и ДЗОТ / М. М. Кожевников. — М.: Военное издательство НКО СССР, 1944. — 28 с.
4. Копыл, С. П. «Пятый сталинский удар»: Полоцкая фронтовая наступательная операция 29 июня — 4 июля 1944 г. / С. П. Копыл. — Полоцк: Полоцкое книжное издательство, 2014. — 71 с.

5. Оборона и полевые фортификационные сооружения немецкой армии. — М.: Военное издательство НКО СССР, 1942. — 97 с.
6. Нижегородское Объединение Военно-Исторических Клубов [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://novik.3nx.ru/viewtopic.php?t=549>. — Дата доступа: 16.11.2014.
7. Альбом чертежей фортификационных сооружений немецкой обороны [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://rufort.info/library/album/album.html>. — Дата доступа: 02.12.2014.

А. А. Салаўёў

ДА ВЫНІКАЎ АРХЕАЛАГІЧНАГА НАГЛЯДУ ЗА БУДАЎНІЧЫМІ РАБОТАМІ НА ПРАСПЕКЦЕ К. МАРКСА Ў ГОРАДЗЕ ПОЛАЦКУ Ў 2002 Г.

У сувязі з падрыхтоўкай Полацка да святкавання «Дажынак 2002» у гістарычным цэнтры горада вяліся маштабныя будаўніча-земляныя работы па яго добраўпарадкаванні. Шэраг работ быў звязаны з рамонтам дрэнажу па праспекце К. Маркса (зараз Ф. Скарыны) каля дамоў №№ 1—7. Яны праводзіліся ў сакавіку—красавіку 2002 г. Планавалася замена існаваўшых камунікацый. Але замест гэтага была распачата пракладка новых труб паралельна старым па некранутаму культурнаму слою. Акрамя таго, не быў заключаны дагавор на археалагічны нагляд нават з НППКМЗ, у ахоўную зону якога ўваходзіць дадзеная тэрыторыя. У выніку гэтых работ было знішчана каля 380 м² культурнага слоя, частка траншэі даўжынёй каля 72 м прарэзала яго да мацерыка. Зямля вывозілася на тэрыторыю былога аэрапорта для засыпкі ям.

Археалагічныя даследаванні прылеглых да праспекта тэрыторый праводзіліся Н. І. Здановіч у раёне Дзіцячай мастацкай школы каля жаночага інтэрната (дом № 3). Там з 1989 па 1990 г. у сувязі з узвядзеннем новага будынка для школы былі распачатыя раскопкі Н. І. Здановіч [1, с. 112]. У 1988 г. за будаўнічымі работамі назіраў С. В. Тарасаў [2, с. 117].

Даследуемая намі тэрыторыя знаходзіцца ў самым цэнтры Вялікага пасада, які ўжо ў XII ст. дасягаў сучаснай вуліцы Гогаля. Згодна з пла-

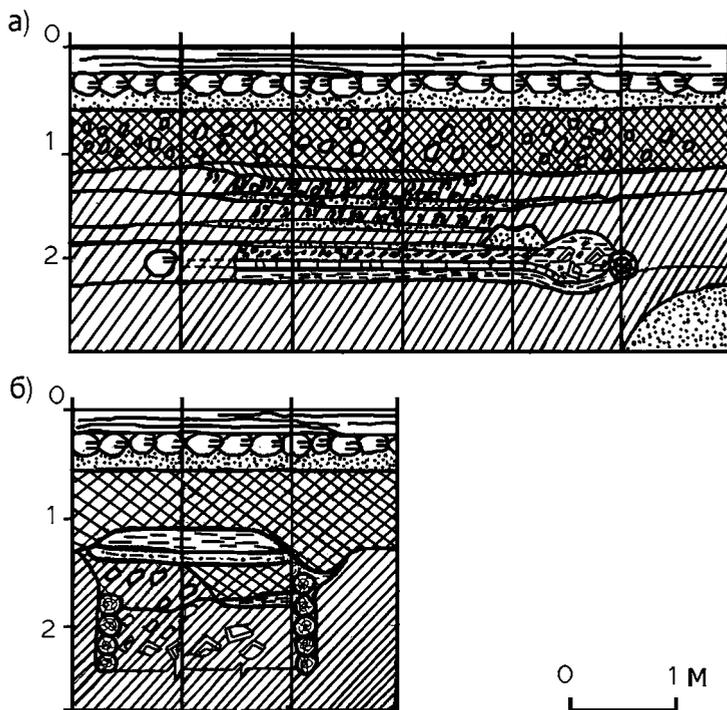

Мал. 1. План размяшчэння вывучаемых аб'ектаў

нам С. П. Вікенцева [2, с. 112], гэта самая старажытная частка пр. К. Маркса. Вуліца злучала галоўную гарадскую плошчу перад езуіцкім калегіумам (зараз пл. Свабоды) з рынкам каля сцяны, які знаходзіўся на месцы сквера насупраць пажарнай станцыі і кінатэатра «Радзіма» [2, с. 117]. З узвядзеннем у 1501 г. [3, с. 113] пасадскай сцяны яна стала адной з самых прэстыжных вуліц. На карце 1910 г. яна называецца вул. Віцебская (*мал. 1*).

Траса новага дрэнажу прайшла па «чырвонай лініі» былой вуліцы Віцебскай пачатку XX ст. з паўднёвага боку. У выніку гэтага паўднёвая сценка траншэі ўтрымлівала стратыграфію кварталаў і рэшткі пабудовы са знесенымі паўночнымі сценамі. Паўночная сценка ўяўляла сабой стратыграфію праезджай часткі вуліцы. З-за вялікай хуткасці работ прасачыць і зафіксаваць стратыграфію на працягу ўсёй траншэі не было магчымасці, таму перш за ўсё даследаваліся адрэзкі сценак, дзе былі рэшткі канструкцый і найбольш выразная і цікавая стратыграфія. Найбольшую цікавасць уяўляюць сабой два адрэзкі культурнага пласта (*мал. 2*). Яны захоўваюць выразныя сляды канструкцый, якія дазваляюць не толькі даследаваць іх, але і вызначыць месца гэтых аб'ектаў у структуры Вялікага пасада Полацка ранняга Новага часу.

Першы з іх — гэта рэшткі драўлянага дома (*мал. 2: а*). Пабудова прасочана ў паўднёвай сценцы траншэі на глыбіні 1,6 м ад дзённай паверхні на даўжыню 4,5 м. Для яе даследавання зачышчаны адрэзак паўднёвай сценкі траншэі даўжынёй 6,0 м. Стратыграфія і знаходкі дазволілі датаваць пабудову канцом XVII — пачаткам XVIII ст. Пад баластам XIX—XX стст. магутнасцю 0,4—0,6 м ішлі прапласткі чорнай, цёмна-шэрай і светла-шэрай зямлі, будаўнічага смецця і гною агульнай магутнасцю каля 0,8 м. Стратыграфія самой пабудовы ўяўляла сабой тры прапласткі агульнай таўшчынёй каля 0,35 м і ўключала таксама завал кафлі і рэшткі бервяна заходняй сцяны (*мал. 2: а*). Месца ўсходняй сцяны можна вызначыць прыблізна, паміж канцом падлогі і камнем, які стратыграфічна знаходзіцца ў гэтых прапластках і мог належаць да падмурка. Ускосна аб блізкасці сцяны пабудовы сведчаць кавалкі аконнага шкла і шклянкі, знойдзеныя недалёка ад камня з межамі дома (*мал. 2: а*). Самая ніжняя прапластка — чырвоная ўтрамбаваная гліна, яе слой быў падмуркам для падлогі і печы (ці коміна), рэшткі развалу якой знаходзіліся ў заходняй частцы пабудовы. Таўшчыня гэтай прапласткі каля 15 см. Падлога складзена з квадратных тэракотавых плітак 21,0х21,0х3,5 см (*мал. 2: а*). У заходняй частцы дома яна, як і гліняная падушка, дэфармаваная і рэзка паніжаецца, не даходзячы каля метра да бяргвення. Паміж ім і падлогай выяўлены завал з кафлі, гліны, вугалькоў і венца збана магутнасцю каля 0,4 м. Стратыграфічна бяргвенне знаходзіцца на ўзроўні глінянай падушкі, таму яго можна лічыць рэшткамі заходняй сцяны дома. Дыяметр бяргвення каля 20—25 см; вызначыць яго даволі складана з-за дрэннай захаванасці. Побач з ім выяўлена трохшыпная падкоўка XVII ст., дужка якой была пастаўлена на рабро. Культурны слой на гэтым адрэзку траншэі ўвогуле ўтрымлівае вельмі мала вільгаці, таму дрэнна захоўвае арганіку. Кафля з завалу мела аднаўступную шырокую рамку. У ёй быў змешчаны шляхецкі герб, выява якога, на жаль, не захавалася. Мяркуючы па прасочаных абрысах, гэта магла быць выява сэрца. Удалося рэканструяваць абрысы геральдычнага шчыта, кароны і дзвюх лаўравых галінак, аздабляўшых

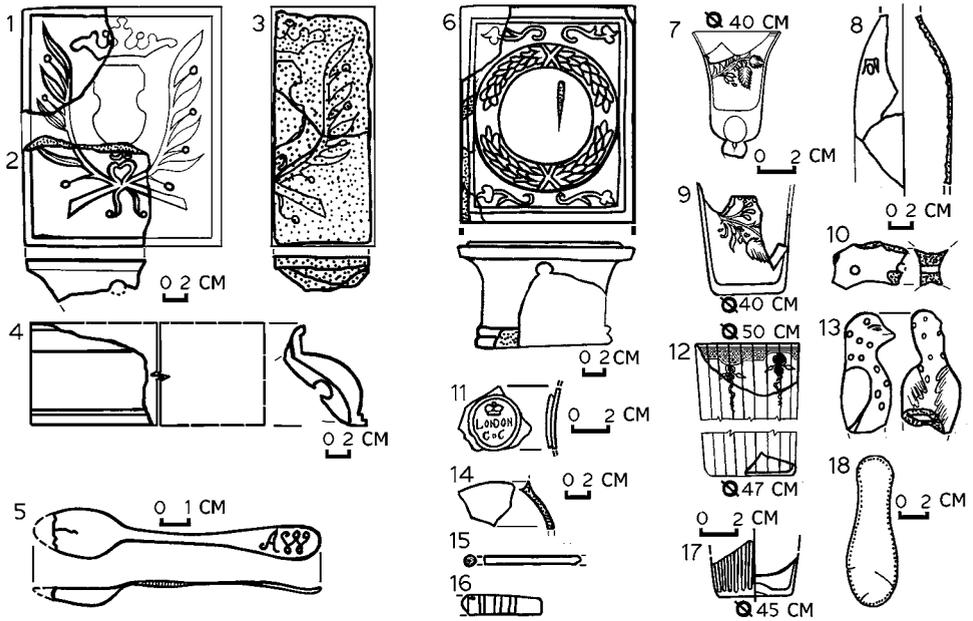
Мал. 2: а) стратыграфія развалу дома, б) рэшткі зруба

кафлю, але дакладна вызначыць уладальніка герба немагчыма з-за адсутнасці абрэвіатуры (мал. 3: 1–3). Быў знойдзены кавалак кафлі з медальёнам у вянку. Адзіны фрагмент гладкай гзымсавай кафлі дазваляе вызначыць вышыню карніза (мал. 3: 4). З’яўленне сярод элементаў дэкору кафлі лаўраў і медальёнаў у вянках характэрна для канца XVII — пачатку XVIII ст., [1, с. 73–74], што і дазволіла вызначыць датаванне комплексу. Гэта ж пацвердзіў і фрагмент збана з роспісам, пафарбаваным ангобам [1, с. 56]. Апошні прапластак пабудовы — гэта след буйнога пажару. Магутнасць прапласткі вугалькоў і камкаватай зямлі каля 0,15 м. На падлогавых плітках шмат копаці. Адзіная знаходка з яе — лыжка з мяккага каляровага металу ці сплаву з ініцыяламі «AW» (мал. 3: 5). Формай лыжка падобна на сучасныя.

Пад развалам апісанага намі дома да самага дна траншэі ішоў аднародны культурны слой шэрай камкаватай зямлі. Ён не захоўваў арганіку, знаходак у ім не выяўлена з-за абмежаванасці часу даследавання. Мацярык падчас даследавання не выяўлены.

Не глядзячы на абмежаванасць даследавання, удалося высветліць прыкладныя памеры дома і печы і на падставе наяўнага матэрыялу зрабіць іх рэканструкцыю.

Паўночная сцяна дома выходзіла непасрэдна на «чырвоную лінію» вуліцы, якая была вузейшай за сучасную прыкладна на 3,0 м. Уваход быў з поўдня ці за-

Мал. 3: 1–5 — матэрыялы з развалу дома; 6–18 — знаходкі з запаўнення зруба

хаду. Гэта цалкам тлумачыць характар размяшчэння печы, якая, будучы звернутай вусцем у бок дзвярэй, стварала «цеплавы бар’ер». Улічваючы планіроўку традыцыйнага жылга, можна меркаваць аб наяўнасці двух ці чатырох акон (па 1–2 у паўднёвай і ўсходняй сцяне), зашклёных зялёным шклом. Высокі кошт гарадской зямлі не дазволіў узвесці больш значнай пабудовы. Дом (з усходу на захад) быў каля 5 м шырынёй, падлога выкладзена з квадратных тэрака-тавых плітак. Улічваючы, што аднакамернае жылло было бліжкім да квадрата, можна меркаваць, што плошча знойдзенага намі дома была каля 20,0 м². На падставе наяўнага матэрыялу і апісанняў традыцыйнага жылга магчыма часткова аднавіць яго выгляд. Не выключана таксама, што дом быў двухкамерным (хата+сені) ці трохкамерным (хата+сені+хата або хата+сені+камора). Пры гэтым ён быў выцягнуты з поўдня на поўнач. Такой формай і размяшчэннем ён нагадваў домік Пятра Першага, які першапачаткова заходнім фасадам выходзіў на «чырвоную лінію» былога «ўзвозу». Гэта дом небагатага шляхціча, які (за выключэннем печы з геральдычнай кафляй) практычна не адрозніваўся ад мяшчанскага ці сялянскага [4, с. 303]. Шмат з іх былі раздушаны падчас эксплуатацыі. Падлога, відавочна, прымыкала ўшчыльную да сцяны будынка, аб чым сведчыць выразная мяжа заканчэння ўсіх трох прапластак. Мяркуючы па завалу ў пабудове, асноўная частка печы (ці коміна) была знесена разам з паўночнай сцяной дома экскаватарам. Магчыма, яна і стала прычынай пажару, бо пад яе цяжарам падлога і гліняная падушка дэфармаваліся, што і прывяло да яе разбурэння. Пасля гэтага здарэння цэлая кафля і цэгла былі выбраны, аб чым сведчаць перамешаныя зямля, вуголле і гліна.

Печ XVII—XVIII стст. была складаным архітэктурным збудаваннем, якое часам налічвала па некалькі відаў сцянной і гзымсавай кафлі. У мемуарнай літаратуры вядома апісанне печая маёнтка Горсплі на Полаччыне: «былі гэта нібы вялізныя шкафы, выкладзеныя кафлямі з адным скляпеннем і комінам, сцены ў іх былі тоўстыя цагляныя... вось чаму сценкі такіх печак, грубкамі званых, смярдзелі гарэлым...». В. М. Ляўко адзначае іх шырокую распаўсюджанасць на Віцебшчыне, таксама вядомы шчыты і сценкі [5, с. 96]. Кафляная печ са шчытком 1926 г. ёсць у Экімані ў хаце В. П. Зелянкевіч. Развал даследуемай печы з геральдычнай кафлі, якая выяўлена падчас даследавання рэшткаў дома пачатку XVIII ст. на праспекце К. Маркса, дазваляе меркаваць, што гэта магла быць грубка. Гэтыя печы былі найбольш практычныя, бо звычайна ў плане былі блізкія да квадрата з бокам даўжынёй каля 1 м. Топка грубка знаходзілася ў ніжняй частцы і дзякуючы квадратнай форме і памерам дазваляла выкарыстоўваць яе для прыгатавання ежы, паколькі шырыня і вышыня яе вусця дазваляла змяшчаць там невялікія пячныя гаршкі альбо катлы.

Другі не менш цікавы аб'ект — сметнік (*мал. 2: б*), які ўяўляў сабой зруб ад разбуранага склепа ці калодзежа, які да паловы напоўнены перамешанымі артэфактамі (*мал. 3: 6—18*) канца XVIII—XIX стст. З мэтай яго даследавання быў зачышчаны адрэзак паўднёвай сценкі траншэі даўжынёй 3 м. Зямля гэтага пласта светла-шэрая і вельмі рыхлая, таму пры яго даследаванні вышэйляжачыя пласты часта абвальваліся. Ад дзённай паверхні ён залягаў на глыбіні 1,3 м. Зверху, акрамя баласту, яго перакрывалі прапласткі карычневай гліны таўшчынёй каля 0,15 м і светлага мацерыковага суглінку магутнасцю каля 5 см. Сам зруб знаходзіўся на глыбіні 1,8 м. Прасочаны на вышыню ў чатыры венцы. Над ім на заходняй сценцы бачны рэшткі спаранелых зрушаных бярвенняў. Шырынёй зруб каля 1,7 м. Дыяметр бярвенняў прыблізна 20 см. Сярод іншых арганічных матэрыялаў можна ўзгадаць падэшву абутку (*мал. 3: 18*). Самымі раннімі знаходкамі гэтага комплексу з'яўляюцца кафлі, упрыгожаныя вячком і медальёнам 21,5x17,0 см і 20,5x16,0x10,0 см. Яны пакрыты карычневай палівай, якая ўваходзіць у шырокі ўжытак з апошняй чвэрці XVII ст. [1, с. 54]. Некаторыя з іх захаваліся амаль цалкам і ў запаўненні румп мелі чырвоную гліну. Разам з імі сустракаліся і абломкі гладкіх вырабаў, характэрных для канца XVIII — пачатку XX ст. Там жа сустракаліся абломкі цэгля-пальчаткі. Да XVII—XVIII стст. можна аднесці цыбук ад галандскай белаглінянай люлькі (*мал. 3: 15*) [5, с. 52], фрагменты цацак — дудкі, распісанай чырвонай глінай (*мал. 3: 16*) і распісанай падпаліўнымі фарбамі птушкі (*мал. 3: 13*), абломак кварцы з нізкакаснага шкла, клеймы бутэлек з выявай кароны і надпісам «LONDON» (*мал. 3: 11*), аналагічныя віцебскім матэрыялам [6, с. 468]. Канцом XVIII—XIX стст. датуюцца абломкі «Рэйнскіх бутэлек» (*мал. 3: 8, 14*) [1, с. 65]. Канцом XVIII — XIX стст. датуюцца таксама часткі шклянак і келіхаў з крышталёвага шкла, аздобленыя раслінным арнамантам, выразаным дыямантам. Гэтая тэхналогія вядома ў нас з XVII ст., але распаўсюджваецца з узнікненнем мануфактурнай вытворчасці і росквітам вытворчасці мастацкага шкла ў XVIII ст. [7, с. 51]. Найбольш познімі з'яўляюцца фрагменты танкаснага начыння з пазалотай і распісам белай фарбай у стыле ракако (*мал. 3: 7, 9, 12*), а таксама кавалкі фаянсавых вырабаў (*мал. 3: 10, 13*). Іх можна датаваць сярэдзінай XVIII — пачаткам XIX ст. Гэты

сметнік утвораны падчас новага будаўніцтва і зносу будынка XVIII ст., які знаходзіўся паблізу. Гэта было звязана з рэканструкцыяй Полацка па класічнаму ўзору, распачатай у апошняй чвэрці XVIII ст. Праект прадугледжваў спрамленне старажытнай вулічнай сеткі Вялікага пасада і пашырэнне галоўных вуліц. Кварталам надавалася правільная геаметрычная форма, таксама праводзілася карэкціроўка межаў і абрысаў «пляцаў». Менавіта гэтыя абставіны прывялі да зносу дома і калодзежа, што, зыходзячы з плана Полацка 1786 г., адбылося да яго складання. Сам зруб можна датаваць першай паловай XVIII ст. і лічыць сінхронным знесенаму дому XVIII ст. Знойдзены намі зруб мог належаць калодзежу альбо склепу, які ў плане быў блізкі да квадрата. Ад апісанага намі вышэй дома з геральдычнай кафляй яго аддзяляла вуліца, частка якой ліквідавана падчас стварэння пасля Вялікай Айчынай вайны сквера. Культурны пласт, у які быў упушчаны зруб, аднародны. Зямля цёмна-шэрая, камкаватая, вільгаці ўтрымлівае мала, таму арганіку не захоўвае, больш дэталёва даследаваць калодзеж і прылеглы да яго культурны пласт не ўдалося. Мацярык у абодвух выпадках не выяўлены.

Спіс літаратуры і крыніц

1. Здановіч, Н. І. Беларуская паліваная кераміка XI—XVIII стст. / Н. І. Здановіч, А. А. Трусаў; пад рэд. Г. В. Штыхава. — Мінск: Навука і тэхніка, 1993. — 183 с.: іл.
2. Тарасаў, С. В. Полацк IX—XVII стст.: гісторыя і тапаграфія / С. В. Тарасаў. — Мінск: Беларуская навука, 1998. — 183 с. іл.
3. Ткачэў, М. А. Замкі Беларусі / М. А. Ткачэў. — Мінск: Беларусь, 2002. — 200 с.: іл.
4. Мальдзіс, А. Як жылі нашы продкі ў XVIII стагоддзі / А. Мальдзіс. — Мінск: Лімарыус, 2001. — 384 с.
5. Левко, О. Н. Гончарство Северо-Восточной Белоруссии XIV—XVIII вв. / О. Н. Левко. — Минск: Наука и техника, 1975. — 61 с.
6. Археалогія Беларусі: у 4 т. / пад рэд. В. М. Ляўко і інш. — Мінск: Беларуская навука, 2001. — Т. 4. Помнікі XIV—XVIII стст. — 597 с.: іл.
7. Яніцкая, М. М. Гісторыя шкляной вясёлкі: кн. для вучняў / М. М. Яніцкая. — Мінск: Нар. асвета, 1986. — 111 с.: іл.

С. А. Сверх

ПРИРОДООХРАННЫЕ ТЕРРИТОРИИ ПОЛОТЧИНЫ

Природоохранная зона — территория, требующая особой охраны из-за её природных, культурных или иных особенностей.

Республика Беларусь является стороной Конвенции о биологическом разнообразии с 1993 г. и приняла на себя обязательства по сохранению естественных экологических систем, биологического и ландшафтного разнообразия для настоящего и будущих поколений. Одним из эффективных механизмов сохранения биологического разнообразия является формирование и обеспечение функционирования системы особо охраняемых природных территорий [6].

Какие природные территории объявляются особо охраняемыми? Это болота, реки, озёра, луга, леса, на которых располагаются уникальные, эталонные природные объекты, обитают редкие виды животных и растений либо которые сами являются таковыми. Например, комплексы верховых и переходных болот, леса на озах, пойменные дубравы, естественные дистрофные озёра и другие.

В Беларуси к особо охраняемым природным территориям относятся заповедники, национальные парки, заказники и памятники природы.

Международным союзом охраны природы разработана и утверждена международная классификация охраняемых природных территорий. Согласно этой классификации в Полоцком районе выделяют следующие охранные территории:

I. Геологические заказники местного значения. На этих территориях представлены различные формы ледникового рельефа. Выделение их в качестве природоохранных объектов связано не только с их живописностью и привлекательностью для краеведов и туристов, но и с их огромным научно-теоретическим значением в области геологии антропогена и геоморфологии [8].

В Полоцком районе к геологическим заказникам относятся:

1. «Белоозёрские золотые гряды» (Белаазёрскія выдмы) — ландшафтный геолого-геоморфологический заказник местного значения. Комплекс выработанных золотых форм эталонного очертания, возникших 9—13 тыс. лет назад в результате деятельности ветра, который переработал песчаные отложения древнего Полоцкого приледникового водоёма. Расположен на территории Малоситнянского сельсовета и Дретунского лесхоза Арлейского лесничества на крайнем северо-востоке Полоцкого района на границе Российской Федерации и административной границе Городокского района. Площадь территории 2900 га.
2. «Гряда замок Глинская» (Града замак Глінская) — ландшафтный геолого-геоморфологический заказник местного значения. Участок рельефа водно-ледникового происхождения. Здесь в эталонной форме представлены озовый и камовый рельеф, сформировавшийся примерно 15—13 тыс. лет назад при накоплении моренных суглинков, песка, гравия, гальки и валунов в трещинах и на поверхности ледника во время

его отступления. Отдельные формы рельефа имели культовое значение. Расположен на территории Ветринского сельсовета, ГЛХУ «Полоцкий лесхоз» Ветринского лесничества в западной части района с правой стороны дороги Ветрино — Шпаковщина до восточной окраины дер. Быковщина. Площадь 580 га.

3. «Гора гряды (оз) Гомовщинская» (Гара града Гамаўшчынская) — ландшафтный геоморфологический заказник местного значения. Типичная озовая гряда, образовавшаяся во внутриледниковой трещине во время накопления песчаного и песчано-гравийно-галечного материала примерно 15—13 тыс. лет назад при отступлении последнего ледника. Расположен на территории Островщинского сельсовета в 0,2 км на восток от восточной окраины дер. Гомовщина. Площадь 195 га.
4. «Высшая точка полотчины Рябчёнкі» (Найвышэйшае месца Полаччыны Рабчонкі) — ландшафтный геоморфологический заказник местного значения. Абсолютная отметка высоты достигает 195,6 м. Образец типичного конечно-моренного рельефа, образовавшегося в результате накопления ледникового (моренного) материала примерно 18 тыс. лет назад во время максимального наступления последнего ледника. Расположен на территории Бобыничского сельсовета в 3 км на запад-юго-запад от южной окраины дер. Рябчёнкі. Площадь 140 га [8].

II. Ландшафтный геоморфологический заказник республиканского значения «Козьянский». Создан в 1999 г. с целью сохранения уникальных ландшафтов Белорусского Поозерья, редких и исчезающих видов растений и животных.

Общая площадь составляет 26 060 га.

Заказник представляет собой сложный мозаичный комплекс верховых болот, лесов, заливных лугов, озёр и сельскохозяйственных земель. Территория характеризуется разнообразием и контрастностью экологических условий, наличием уникальных природных комплексов: крупных массивов верховых и переходных болот и открытых низинных болот, многочисленных рек и озёр, песчаных дюн, а также малоизменённых лесов, в том числе и фрагментарных дубрав.

Речная сеть этого региона относится к бассейну реки Западная Двина. Главный её приток — река Оболь — протекает вдоль восточной и южной границ заказника. На территории заказника Оболь принимает два правых притока — реки Ценица и Глыбочка. Поймы рек слабовыраженные, русла — извилистые. Существенную роль в формировании ландшафтов заказника играют озёра, наиболее крупные из них — Мошна, Рассолай и Красомай. Практически все они — дистрофирующие, мелководные, с низкими заболоченными берегами и зарастают водной растительностью.

На гнездовании в заказнике отмечено 175 видов птиц, 44 вида занесены в Красную книгу Беларуси.

Особенности фауны заказника обусловлены наличием разнообразных местообитаний. Занесённые в Красную книгу виды млекопитающих формируют здесь довольно устойчивые ареалы: барсук *Meles meles* (10 поселений),

рысь *Felis linx* (5—8) и бурый медведь *Ursus arctos* (3—5 поселений). Обитают и другие животные, занесённые в Красную книгу Республики Беларусь: чернозобая гагара, большая выпь, чёрный аист, орлан-белохвост, змеяяд, малый и большой подорлики, беркут, скопа, пустельга, кобчик, дербник, чеглок, белая куропатка, серый журавль, средний и большой кроншнеп, большой улит и др.

Группа редких исчезающих высших растений, включённых в Красную книгу Беларуси, довольно многочисленна и представлена 21 видом. Кроме них здесь встречается множество редких видов мохообразных. Из растений, включённых в Красную книгу Республики Беларусь, встречаются: сфагнум Линдберга, менагация пробуравленная, баранец обыкновенный, берёза карликовая и другие. Площадь лесов 78,8%. Преобладают березняки и сосняки, есть ельники, черноольшаники, встречаются осинники, насаждения ольхи серой, отдельные участки дубрав и ясенников [2].

III. Гидрологический заказник республиканского значения **Республиканский гидрологический заказник Глубокое — Большое Островито в Полоцком районе Витебской области.**

Создан в 1979 г., преобразован в 2007 г. в целях сохранения в естественном состоянии уникальных озёрных экологических систем Глубокое — Чербомысло и Большое Островито, растений и животных, включённых в Красную книгу Республики Беларусь.

Территория заказника входит в состав Поозёрской провинции озёрно-ледниковых, моренно- и холмисто-моренно-озёрных ландшафтов. Расположена на границе двух ландшафтных районов: озёрно-ледникового с сосновыми и мелколиственными лесами, а также камово-моренно-озёрного и водно-ледникового с сосняками.

Преобладающие абсолютные высоты 153—160 м над уровнем моря. Характерен расчленённый рельеф со множеством (до 10—20 на 1 га) заваленных мелких и крупных камов с перепадами высот от 3—5 м, отдельных до 25 м. Распространены дерново-подзолистые почвы. Флора типична для Белорусского Поозерья. Важной особенностью заказника является небольшое количество сорных видов растений.

В пределах заказника встречается охраняемый вид флоры — полушник озёрный.

В прибрежной полосе озёра Большое Островито растут тростник, рогоз широколистный, сабельник болотный, осоки. Надводная растительность образует полосу вдоль берега шириной до 10 м. Кроме полушника в озере встречается еще один вид — ежеголовник злаковидный.

Территория относится к подзоне широколиственно-еловых (дубово-темнохвойных) лесов. Полоцкий комплекс лесных массивов относится к Западно-Двинскому лесорастительному району. Основной лесобразующей породой в заказнике является сосна. Наиболее распространёнными типами леса являются мшистый, черничный, сфагновый, кисличный, вересковый. Леса заказника в связи с их расположением в северной части республики имеют наиболее выраженный облик таёжных лесов.

В заказнике обитают животные, занесённые в Красную книгу Республики Беларусь: чернозобая гагара, змеяяд, чеглок, трёхпалый дятел [1].

IV. Биологический заказник республиканского значения Лонно.

Создан в 1979 г., преобразован в 2007 г. в целях сохранения и рационального использования ценных лесоболотных экологических систем, мест произрастания клюквы болотной, животных и растений, включённых в Красную книгу Республики Беларусь.

Общая площадь составляет 443,07 га.

Территория заказника представлена плоскобугристыми и волнистыми озёрно-ледниковыми ландшафтами с сосняками, березняками и болотами. Болотный массив расположен на торфяном месторождении Лонница (средняя глубина торфяной залежи 3,52 м). В центральной части заказника расположено озеро Лонно.

Леса занимают около 80% общей площади заказника. Почвы торфяно-болотные, дерново-подзолистые заболоченные. В растительном покрове преобладают сосново-кустарничково-сфагновые ассоциации. На минеральных участках произрастают сосна, берёза, ольха, ель. Объект экологического туризма.

Флора заказника представлена более чем 180 видами сосудистых растений. Из редких видов растений здесь произрастают морошка приземистая и клюква мелкоплодная. Значительны запасы хозяйственноценных растений: клюквы, брусники, куманики (ежевика), черники, малины [7].

V. Водно-болотный заказник республиканского значения Дрожбитка-Свина. Дата создания 4 февраля 2015 г. Площади 6727,25 га. Он включает земли лесного фонда Дретунского лесхоза и водного фонда. Территория заказника является водно-болотным угодьем международного значения. Там выделено 15 групп редких биотопов и экологических систем площадью 2403,4 га (35,6% территории), в том числе редкий для Белорусского Поозерья комплекс переходных и низинных болот в пойме рек Дрожбитка и Свина (8%), сохранившийся в естественном состоянии и составляющий ядро заказника. Там же на 2900 тыс. га находится низинное болото Сосница-Дрожбитка [2].

Неблагоприятные факторы.

Наибольший ущерб биологическому разнообразию нанёс военный полигон. Чтобы обеспечить его существование, большая часть лесов была вырублена, населённые пункты снесены, а люди, которые там жили, переселены. Сейчас полигон не действует, а земли переданы Министерству лесного хозяйства.

Гидромелиоративные работы у границ охранной территории проводились в 70-е годы XX столетия, а в 90-е годы между озером Болныря и рекой Свина был проложен канал. Это привело к падению уровня воды в озере, уменьшению стока по реке Дрожбитка, что сказалось и на озере Дрогово, через которое она протекает. Снижение уровня грунтовых вод на низинном болоте, которое прилегает к реке, усилило процесс его зарастания, а местами привело к полной смене растительных формаций.

Необходимые меры охраны.

Для сохранения этого уникального природного комплекса необходимо создать на его территории республиканский ландшафтный заказник, Необходимо также разработать план управления с акцентом на восстановление гидрологи-

ческого режима и регулирование хозяйственной деятельности. Потенциально угоды можно использовать для развития экологического туризма.

В границах заказника установлены ограничения лесохозяйственной деятельности [2].

VI. Памятники природы местного значения.

1. Гидрологический памятник природы местного значения «Гомельский родник» расположен на территории Гомельского сельсовета между дер. Горовые и одноименным озером в 1 км восточнее дер. Гомель. Площадь 1,0 га).
2. Геоморфологический памятник природы местного значения «Городецкие пригорки Туржецкие» (Гарадзецкія пагоркі Туржэцкія). Типичный конечно-моренный угловой массив, образовавшийся примерно 20—18 тыс. лет назад в результате накопления моренных суглинков между ледниковыми лопастями во время последнего оледенения. Расположен на территории Гомельского сельсовета, южная окраина деревни Туржец-2 и в 1 км от восточной окраины дер. Святица. Площадь 80 га.
3. Геоморфологический памятник природы местного значения «Гора Подлозенка Гомельская» (Гара падлозенка Гомельская) — фрагмент типичного углового массива, образовавшийся примерно 20—18 тыс. лет назад между ледниковыми лопастями. Расположен на территории Гомельского сельсовета на южной окраине дер. Горовая. Площадь 32 га.
4. Геоморфологический памятник природы местного значения «Гора городище Званская» (Гара гарадзішча Званская) — типичный кам смешенного строения, образовавшийся примерно 13—15 тыс. лет назад при накоплении песчаного материала из потоковых и бассейновых отложений при таянии и отступлении последнего ледника. Расположен на территории Азинского сельсовета в 3 км на запад от дер. Азино. Площадь 18 га.
5. Геоморфологический памятник природы местного значения «Гора замок Вороничская» (Гара замак Вароніцкая) — эталонная и уникальная конечно-моренная форма рельефа. Образовалась примерно 18-20 тыс лет назад в результате накопления моренного и водно-ледникового материала, который был выдавлен изо льда во время остановки края последнего ледника. Расположен на территории Вороничского сельсовета, дер. Вороничи. Площадь 13 га.
6. Геоморфологический памятник природы местного значения «Гора замок Замошская» (Гара града Замошская) — типичный камовый пригорок, образовавшийся примерно 15—13 тыс. лет назад в результате накопления водно-ледниковых песков и гравия в надледной полости ледника. Расположен на территории Горянского сельсовета, западная окраина дер. Замошье. Площадь 8,5 га.

Важными реликтами ледниковых эпох и процессов являются большие валуны, принесённые Поозёрским ледником.

Исследования их состава и определение закономерности размещения на территории позволяют установить питающие провинции, т. е. места, откуда

Большой камень Биккульничский

Группа валунов Биккульничская

принесены эти валуны.

Кроме того, валуны в большинстве содержат никель, хром, кобальт, ванадий и другие микроэлементы. Количество этих микроэлементов на порядок выше, чем в окружающей почве, поэтому ледниковые валуны, являясь естественными концентратами, при разрушении обогащают почву этими микроэлементами.

На крупных валунах обычно селятся мхи и лишайники и даже водоросли. Среди таких растений встречаются реликтовые виды, часть их занесена в Красную книгу Беларуси. Изучая такие скопления, биологи находят много интересной информации о развитии растительного покрова в прошлом и современности.

К отдельной группе принадлежат камни, с которыми связаны легенды, предания, исторические события, у которых есть имена, отметки древнего поклонения и т. д.

7. Геологический (минералого-петрографический) памятник природы местного значения «Большой камень Биккульничский» (Вялікі камень Бікульніцкі) — ледниковый валун гранита рапакиви среднезернистого. Принесён ледником из юго-западной Финляндии примерно 20—18 тыс. лет назад. Масса видимого фрагмента около 22 тонн. Расположен на тер-

Большой камень Святыцкий

Гряда Замок Глинский

- ритории Гомельского сельсовета, дер. Биккульничи в 1 км на восток от деревни. Площадь 0,015 га.
8. Геологический (минералого-петрографический) памятник природы местного значения «Большой камень Косаревский» (Вялікі камень Косараўскі) — ледниковый валун гранита крупнозернистого. Принесён ледником из Скандинавии примерно 20—18 тыс. лет назад. Масса видимого фрагмента более 23 тонн. Расположен на территории Вороничского сельсовета в 0,3 км на запад-северо-запад от западной окраины дер. Косарево. Площадь 0,015 га.
 9. Геологический (минералого-петрографический) памятник природы местного значения «Перун камень Полоцкий» (Пярун камень Полацкі) — ледниковый валун гнейса мелкозернистого. Принесён ледником из Скандинавии примерно 20—18 тыс. лет назад. Масса видимого фрагмента более 21 тонны. Сохранились легенды о нём, имел культовое значение. Расположен на территории Вороничского сельсовета, дер. Грицковщина в 1,2 км на юг (бывшая дер. Мушино). Площадь 0,015 га.
 10. Геологический (минералого-петрографический) памятник природы местного значения «Большой камень Глинский» (Вялікі камень Глінскі) — ледниковый валун гранита рапакиви крупнозернистого. Принесён ледником примерно 20—18 тыс. лет назад с территории Ленинградской области России (окрестности г. Выборг). Масса видимого фрагмента более 16 тонн. Имел культовое значение. Расположен на территории Ветринского сельсовета, дер. Глинские в 1 км на северо-восток. Площадь 0,015 га.
 11. Геологический (минералого-петрографический) памятник природы местного значения «Борисов камень Полоцкий» (Барысаў камень Полацкі) — ледниковый валун гранита рапакиви крупнозернистого. Принесён ледником примерно 20—18 тыс. лет назад с территории Ленинградской области России (окрестности г. Выборг). Масса более 28 тонн. Имел культовое значение. Расположен в центре г. Полоцка, возле Софийского собора.
 12. Геологический памятник природы местного значения «Большой камень Туржецкий» (Вялікі камень Туржэцкі) — ледниковый валун гранита крупнозернистого. Принесён ледником примерно 20—18 тыс. лет назад с территории Скандинавии. Масса видимого фрагмента более 10 тонн. Расположен на территории Гомельского сельсовета в 1 км на юго-восток от окраины дер. Туржец-2. Площадь 0,015 га.
 13. Геологический (гидрологический) памятник природы местного значения «Святой колодец («святуха») Угловский» (Святая студня (святуха) Вуглаўская) — естественный источник выхода подземных вод. Имеет культовое значение. Расположен на территории Бобыничского сельсовета в 1,5 км на юго-запад от окраины дер. Углы. Площадь 2 г.
 14. Геологический (минералого-петрографический) памятник природы «Группа валунов Биккульническая — язычницкое святилище Яново» (Група валуноў Бікульніцкая — язычніцкае свяцілішча Янава). Ледниковые валуны гранита рапакиви. Принесены ледником примерно 20—18 тыс.

лет назад с территории Ленинградской области России с окрестностей г. Выборга. Здесь была своеобразная обсерватория, а валуны имели культовое значение.

15. Геологический (минералого-петрографический) памятник природы «Большой камень Святицкий» (Вялікі камень Свяціцкі) — ледниковый валун гранита рапакиви крупнозернистого. Принесён ледником примерно 20—18 тыс. лет назад с территории Ленинградской области России (окрестности г. Выборг). Масса около 20 тонн.
16. Геоморфологический памятник природы «Гора Волотовка (Толкочёвка)» (Гара Валатоўка (Таўкачоўка) — типичная форма водно-ледникового рельефа для области последнего оледенения — флювиокам. Образовался примерно 15—13 тыс. лет назад при накоплении песка и песчано-гравийного материала в подлёдной области. Расположен возле деревни Святица [8].

Геологическим памятникам природы наибольший вред наносят:

- добыча полезных ископаемых на их территории;
- мелиорация;
- дорожное строительство;
- вырубка леса;
- прокладка траншей и каналов;
- бурение скважин;
- взрывные работы;
- разработка карьеров.

Валуны запрещено перемещать, наносить на их поверхности выбоины, царапины, надписи; вблизи них распахивать почвы [3].

На территории криниц (родников) запрещено:

- осушать болота;
- использовать прилегающие водоёмы в мелиоративных целях;
- уничтожать болотную, водную и береговую растительность;
- загрязнять территорию [4].

Список литературы

1. Садовская, Е. На получение Рамсарского статуса претендуют еще 10 водно-болотных угодий Беларуси / Е. Садовская [Электронный ресурс]. — Минск, 2014. — Режим доступа: <http://bezbolot.net/2014/11/06/ramsar/#more-6447>. — Дата доступа: 03.01.2014.
2. Садовская, Е. В Беларуси появились 9 новых республиканских заказников, еще 5 преобразованы / Е. Садовская [Электронный ресурс]. — Минск, 2015 — Режим доступа: <http://bahna.land/2015/02/09/novye-zakazniki/>. — Дата доступа: 10.02.2015.
3. Цапенко, М. М. Антропогенные отложения Белоруссии / М. М Цапенко, Н. А. Махнач. — Минск, 1959. — 225 с.

4. Якушко, О. Ф. Основы Геоморфологии / О. Ф. Якушко. — Минск: Вышэйшая школа, 1986. — 205 с.
5. Государственные природоохранные учреждения, осуществляющие управление заказниками [Электронный ресурс]. — Минск, 2015. — Режим доступа: <http://www.minpriroda.gov.by/ru/uchrezhdenia-ru/>. — Дата доступа: 03.02.2015.
6. Развитие сети особо охраняемых природных территорий — один из основных национальных интересов страны в экологической сфере [Электронный ресурс]. — Минск, 2015. — Режим доступа: http://www.minpriroda.gov.by/ru/press_sluzhba-ru/view/razvitiie-seti-osobo-okhranjaemyx-prirodnux-territorij-odin-iz-osnovnyx-natsionalnyx-interesov-strany-v-1644. — Дата доступа: 02.02.2015.
7. Скарбы прыроды Беларусі / Іваноўскі У. В. [і інш.] — Мінск: Беларусь, 2005. — 215 с.
8. Справаздача навукова-даследчай працы «Выявіць эталонныя ў навуковых, а таксама каштоўныя і геамарфалагічныя аб'екты і скласці на гэтай падставе схемы ахоўных прыродных тэрыторый Полацкага раёна Віцебскай вобласці» / пад кіраўніцтвам НДП Вінакурава В. Ф. — Мінск: Беларусь, 2000.

Т. Р. Смирнова

ГЕНДЕРНЫЙ ФАКТОР В ФОРМИРОВАНИИ ТВОРЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ В ПРОСТРАНСТВЕ ДЕТСКОГО МУЗЕЯ

В «Концепции непрерывного воспитания детей и учащейся молодёжи в Республике Беларусь» определено, что основной целью воспитания является формирование социально, духовно и морально зрелой творческой личности, субъекта своей жизнедеятельности [5].

В формировании личности активно участвуют все социальные институты: семья, детский сад, школа, учебные заведения, музеи, библиотеки, СМИ и др.

Проблема гендерной социализации личности является актуальной в нашем обществе.

Современная гендерная теория не пытается оспорить существование биологических, социальных, психологических различий между женщинами и мужчинами. Гендерный подход основан на идее о том, что важны не биологические или физические различия между мужчинами и женщинами, а то культурное и социальное значение, которое придаёт общество этим различиям [2, с. 41].

Гендерный подход в образовании представляет собой традиционную систему взглядов на предназначение мужчины и женщины в обществе в соответствии с их биологическими характеристиками, воспитание мальчика и девочки соответственно тем нормам, требованиям, стандартам, которые предъявляет общество к человеку в данный конкретный культурно-исторический период [2, с. 39].

Почему педагоги, психологи и другие специалисты обращаются к этой теме? Социальные изменения, происходящие в современном обществе, привели к разрушению традиционных стереотипов мужского и женского поведения. Демократизация отношений полов повлекла смешение половых ролей, феминизацию мужчин и оужествление женщин.

Стратегия обучения, формы и методы работы с детьми, применяемые в детском саду, в некоторой степени, в школе, чаще всего рассчитаны на девочек. При этом воспитывают и девочек, и мальчиков чаще всего женщины: дома — мама или бабушка, а в детском саду — женщины-воспитатели. В результате для многих мальчиков гендерная устойчивость формируется всё чаще без участия мужчин, что приводит к формированию «общества без отцов», «общества без власти» [12].

Вместе с тем многое из опыта народной педагогики остаётся за пределами знаний педагогов и родителей, а потому не используется на практике. Обратимся к истории.

На ранних стадиях развития человеческого общества уход за детьми и их воспитание было делом всей родовой общины, поэтому на каждом члене общины лежала обязанность заботиться о детях, воспитывать и обучать их.

В крестьянских семьях с 3-х лет дети принимали пищу за общим столом. Девочку брала к себе на колени мать, а мальчика — отец. И с этого момента вся ответственность за воспитание детей ложилась на плечи родителей: за девочек отвечали матери, а за сыновей — отцы. Отцу отводилась главная роль в определении стратегии и тактики семейного воспитания, а мать наполняла её конкретным содержанием и следила за её реализацией, добиваясь результата [12].

На основе многочисленных исследований учёные пришли к выводу, что в настоящее время ориентироваться только на биологический пол нельзя. Был введён термин «гендер», который означает «социально-психологический пол человека, совокупность его психологических характеристик и особенностей социального поведения, проявляющихся в общении и взаимодействии» [3].

«Пол — это комплекс телесных, репродуктивных, поведенческих и социально-культурных признаков, определяющих человека как мужчину или женщину, мальчика или девочку» [2, с. 39].

Диапазон трактовки термина «гендер» в современной научной литературе достаточно широк.

«Гендерная социализация — это процесс усвоения индивидом культурной системы гендера того общества, в котором он живет, своеобразное общественное конструирование различий между полами» [2, с. 40].

Особенности гендерной социализации изучает раздел педагогики — «Гендерная педагогика». Предметом гендерной педагогики является специфика воспитания и обучения детей разного пола. Проблема дифференцированного подхода в воспитании детей разного пола нашла отражение в трудах многих известных педагогов прошлого: Ж.-Ж. Руссо, И. Ф. Богдановича [3].

Глубоко осознавал необходимость дифференцированного подхода в воспитании представителей разного пола выдающийся педагог XIX в. К. Д. Ушинский.

В начале XX столетия известный психолог М. М. Рубинштейн рассматривал вопрос воспитания представителей разного пола как проблему «философии культуры», подчёркивая равную ценность, но не тождественность мужской и женской психики. Возобновление исследований в области психологии пола в отечественной науке связано с именем психолога Б. А. Ананьева, который обосновал необходимость изучения половых характеристик как первичных свойств личности. В дальнейшем вопросы становления психологического пола, половых психических различий на разных возрастных этапах изучались в исследованиях В. В. Абраменковой, И. В. Дубровиной, В. С. Мухиной, И. С. Кона, Я. Л. Коломинского, Т. А. Репиной. В центре внимания гендерных исследований современных учёных находятся культурные и социальные факторы, определяющие отношение общества к мужчине и женщине, поведение индивидов в связи с принадлежностью к тому или иному полу, стереотипные представления о мужских и женских качествах — т.е. всё то, что переводит проблематику пола из области биологии в сферу социальной жизни, культуры [2, с. 42].

Современные требования общества к формированию самобытной и способной к самореализации личности не могут игнорировать гендерные характеристики. Гендерный подход предполагает гармонизацию полоролевого взаимодействия на основании равных прав и возможностей личности независимо от половой принадлежности [4, с. 92].

Гендерное воспитание предполагает правильное усвоение детьми гендерных ролей, подразумевающих в будущем гендерное равенство, отсутствие гендерных предрассудков и дискриминации по половому признаку.

В результате анализа психолого-педагогических исследований, проведённых в нашей стране и за рубежом, было установлено, что именно в период дошкольного детства у всех детей, живущих в разных странах мира, происходит принятие гендерной роли [4, с. 93].

С момента рождения и на протяжении всей своей жизни человек является действительным членом сообщества. Первым социальным механизмом, который играет важную роль в воспитании ребёнка и становлении у него гендерной идентичности, является семья. Из семьи ребёнок заимствует образцы поведения, внешние отличительные признаки своих родителей, некоторые черты их характера, такие, как доброта, мягкость, отзывчивость, решительность, мужественность, стойкость.

Музей также играет немаловажную роль в формировании современной личности. Нужно ли и как применить гендерную технологию в музейном пространстве?

Для ответа на этот вопрос мы предположили, что процесс общения (сотрудник музея-ребёнок, ребёнок-ребёнок, родитель-ребёнок) является главной составляющей в организации гендерного подхода в воспитании и образовании детей дошкольного и младшего школьного возраста в музее, позволяющей благоприятно воздействовать на личностное развитие ребёнка и способствующей формированию его творческой активности.

На первом этапе нашего исследования мы изучили предметно-развивающую среду дошкольного учреждения № 29 г. Полоцка, провели наблюдения за игрой детей, их взаимоотношениями, ролью воспитателя (наблюдения про-

дились в 4-х группах (80 человек) детей старшего дошкольного возраста и двух группах (30 человек) детей среднего дошкольного возраста).

Как известно, большую часть времени ребёнок находится в дошкольном учреждении. Игра является ведущим видом деятельности ребёнка дошкольного возраста, поэтому для изучения мы выбрали именно этот вид деятельности.

В группах указанного дошкольного учреждения в предметно-развивающую среду с учётом гендерного подхода введены следующие элементы:

- мини-уголки мужского и женского труда, содержащие оборудование, необходимое для формирования мужских и женских умений (мастерских с наборами детских инструментов, например, «Часовая мастерская», фрагменты кухонного блока: столы для приготовления пищи, шкафы с посудой и др.);
- куклы-мальчики и куклы-девочки со всеми необходимыми атрибутами и аксессуарами, способствующие выполнению различных социальных ролей;
- схемы-действия, отражающие культурные эталоны поведения представителей мужского и женского пола; карточки-символы добра, красоты, честности, смелости, силы, обозначающие социально ценные качества мальчика и девочки и т. п.;
- уголок для сюжетно-ролевой игры «Парикмахерская», позволяющий ребёнку самостоятельно привести в порядок свой внешний вид;
- мини-среда светского этикета («Театр», «Концерт», «Приём гостей»), где сосредоточены предметы, дающие возможность ребёнку самостоятельно проигрывать разнообразные мужские и женские роли.

Затем составили карты, в которых фиксировали результаты наблюдений, проводимых отдельно за мальчиками и девочками.

Табл. 1.

<i>Пол</i>	<i>Мальчики</i>
Выбор партнёра	Для игры выбирают себе в партнёры чаще мальчика.
Предпочитаемые игры и роли в них	«Железная дорога» — мастер, машинист; «Часовая мастерская» — часовщик; «Война» — солдат; «Парикмахерская» — в качестве клиента; «Больница» — доктор; «Семья» — отец, сын (если позовут девочки); «Конструктор» — строитель.
Поведение в игре	При распределении ролей не спорят, устанавливают правила игры, разбирают игрушки, разворачивают сюжет игры. В процессе игры бегают, шумно и эмоционально разговаривают друг с другом, отвлекаются, но быстро включаются в игру.

Роль воспитателя	Благодарит за хорошие взаимоотношения.
	Девочки
Выбор партнёра	Избирательны в выборе своего партнёра, иногда предпочитают играть с мальчиком.
Предпочитаемые игры и роли в них	«Семья» — мама, сестра, тётя, подруга; «Пикник» — подруги; «Парикмахерская» — мастер; «Больница» — доктор, медсестра, мама; «Аптека» — фармацевт, покупатель; «Магазин» — продавец, покупатель; «Куклы на балу» — наряжают кукол; «Конструктор» — строят домики для кукол.
Поведение в игре	Девочки избирательны к партнёру по игре, долго договариваются и распределяют роли, обижаются, спорят, ссорятся. Мальчиков в игру принимают с желанием, но стараются руководить их действиями. В такой группе всегда находится лидер (чаще им является девочка), который управляет процессом игры, делает замечания товарищам.

Результаты проведённых наблюдений позволили нам сделать некоторые выводы:

- наблюдаются различия девочек и мальчиков данной группы в выборе игр, ролей;
- в то же время, много сюжетов дети разворачивают совместно, любят в них выполнять некоторые роли как мальчики, так и девочки;
- при совместном воспитании мальчиков и девочек воспитатель группы старалась решить важную педагогическую задачу: преодолеть разобщённость между детьми в организации совместных игр, в процессе выполнения ролей учила их действовать сообща, но в соответствии с гендерными особенностями.

Такие же наблюдения мы провели за детьми в Детском музее во время проведения музейно-педагогических занятий (далее — МПЗ), индивидуально-го посещения, проведения Дня рождения в музее, экскурсий.

Табл. 2.

<i>Пол/Формы работы</i>	<i>Мальчики</i>
МПЗ	Активны, отвечают на вопросы с большим интересом.
Индивидуальное посещение	Предпочитают тематические комплексы «Часы», «Весы», «Колокола», «Звуковоспроизводящая аппаратура», «Фотоаппараты».
День рождения	Были только в качестве приглашённых.

Экскурсия	Активны, больше любят действовать, чем общаться с сотрудником, предпочитают индивидуально выполнять задания, хотят услышать оценку своих действий, иногда недисциплинированны.
Выставка личной коллекции	Коллекции солдатиков, военной техники, киндер-сюрпризов, динозавров.
	Девочки
МПЗ	В группе выделяется лидер, который активно отвечает на вопросы, остальные чаще слушают сотрудника музея.
Индивидуальное посещение	Предпочитают тематические комплексы «Часы», «Весы», «Колокола», «Самовары», «Марки», «Открытки».
День рождения	Очень внимательно прислушиваются ко всем словам, характеризующим их поступки, внешний вид, характер. Эмоционально реагируют на рассказ мам об их детстве.
Экскурсия	Дисциплинированы, любят фотографироваться, для них важно, с кем они стоят во время проведения экскурсии, наблюдают за товарищами во время их ответа, выполнять задания предпочитают парами.
Выставка личной коллекции	Коллекции кукол, лошадок, колокольчиков, черепах, мягкой игрушки, фигурки ангелов, изделия из бисера.

Можно сказать, что наши посетители отождествляют себя с определённым гендером, относятся к себе как к представителю определённого пола, демонстрируют соответствующую этому полу форму поведения и качества характера.

В работе с посетителем мы делаем ставку на общение, которое является основой взаимодействия взрослого и ребёнка, ребёнка и ребёнка, поэтому стремимся общаться, уважая мнение каждого члена группы, обращая внимание всех на каждого; учим согласовывать индивидуальные действия с действиями других членов группы, коллектива. При проведении любого мероприятия мы учитываем не только разный пол присутствующих, главное — направляем их общение и восприятие друг на друга, обращаем их внимание на положительные качества одноклассников, просим производить действия, согласовывая их с другими партнёрами по общению.

Почему для нас важным является формирование общения детей друг с другом?

Несомненно, что ребёнок в любом возрасте нуждается в помощи взрослого, который способен понять его интересы, уважить его желания, учесть возможности, чтобы потом вместе ответить на вопросы: «Что я узнаю об этом?», «Что хочу узнать?», «Что для этого надо сделать?». Взрослый и ребёнок в наших проектах, на МПЗ, развлечениях участвуют в совместном поиске решений проблемных ситуаций.

Чаще нашим посетителем является ребёнок дошкольного и младшего школьного возраста, поэтому особое внимание хочется обратить на тот факт, у детей дошкольного возраста приоритетом в общении является сверстник. Главным содержанием общения детей среднего дошкольного возраста становится деловое сотрудничество. При ситуативно-деловом общении дошкольники заняты общим делом, поэтому они должны согласовывать свои действия и учитывать активность своего партнёра для достижения общего результата. Такого рода взаимодействие называется сотрудничеством. Потребность в сотрудничестве со сверстником становится главной для общения. Опыт первых отношений со сверстниками является тем фундаментом, на котором строится дальнейшее развитие личности ребёнка. Этот опыт во многом определяет характер отношения человека к себе, к другим, к миру в целом. Взрослый несёт для ребёнка культурно нормированные образцы поведения, а сверстник создаёт условия для индивидуальных, ненормированных, свободных проявлений ребёнка [8, с. 43].

Приходит время, когда дошкольник становится школьником и уже школьный класс является важнейшей группой принадлежности ребёнка. Взаимоотношения между мальчиками и девочками развиваются под непосредственным влиянием учителя. Но, с другой стороны, дети вступают в общение не только по установленным взрослыми нормам. Любой школьный класс дифференцируется на группы и подгруппы по разным признакам:

- социального расслоения, проявляющегося в неравенстве материальных возможностей, в характере жизненных планов;
- официального статуса учащегося на основе успеваемости и принадлежности к «активу»;
- дифференциации авторитетов, статусов и престижа на основе неофициальных ценностей, принятых в самой ученической среде [8, с. 44].
- Итак, при проведении музейно-педагогических занятий с детьми дошкольного и младшего школьного возраста, педагог должен выстраивать общение между детьми следующим образом:
- обращать внимание каждого участника диалога на умение учитывать желание сверстника, определять его предпочтения, замечать настроение, радоваться успехам;
- формировать желание помочь товарищу;
- создавать атмосферу общения следует с определения ценности своей личности для сверстников: что ты сам считаешь в себе интересным для других, чем можешь обогатить своих друзей, что можешь сделать сам, например, прочитать стихотворение, спеть песню, сыграть на любом музыкальном инструменте, быть остроумным собеседником, умелым слушателем и т. д.

Ведь каждый ребёнок ищет в обществе сверстников подкрепления самоуважения, признания своей человеческой ценности. Общение — это воспитание себя и других, это взаимовоспитание, а не просто совместное времяпрепровождение.

Полноценным и насыщенным пребывание ребёнка в музее будет в том случае, если он почувствует себя активным «деятелем», открывателем чего-то нового, если ребёнок приобщается к опыту, которым владеют взрослые.

Что для нас является составляющей активной деятельности на занятиях? Рассмотрим этот вопрос на примере работы по музейно-педагогической программе «История привычных вещей»:

- создание проблемной ситуации на занятии «Весы и меры веса» (определить, на каких весах можно взвесить тот или иной товар);
- задание-размышление на примере сказки «Как портной шил платье для Луны» (дети приходят к выводу о том, что луна имеет разные формы при прохождении определённых фаз);
- занятие-эврика «История одной фотографии» (ребята работают по подгруппам и проводят опыты со светом);
- игра для активизации речевого общения «Юный исследователь» проводится на занятии «Бенефис одного экспоната. Граммофон». Детям предлагается ряд вопросов познавательного характера в такой последовательности, чтобы при ответе на них получился связный рассказ о предмете. Но, главное, что педагог во время активной деятельности детей, которая иногда кажется неорганизованной, шумной, хаотичной, организует личностное общение, формирует его, руководит, работает с каждым.

Необходимо также продумать виды поощрения инициативы каждого ребёнка, формы обращения, виды эмоционального контакта. Для формирования творческой личности в музее мы должны создать психологически комфортную, информационно и эмоционально насыщенную атмосферу, которая оптимальным образом будет влиять на формирование личностных качеств мальчиков и девочек, а также будет выстраивать их взаимоотношения на здоровой, положительно эмоционально окрашенной основе.

Такой подход к работе создаст условия для стимулирования творческой активности личности. Рассмотрим понятия «активность», «творчество».

Активность (лат. *activus*) в переводе с латинского означает усиленную деятельность, деятельное состояние.

«Активность — личностно-деятельное отношение человека к миру, способность человека производить общественно значимые преобразования материальной и духовной среды на основе общественно-исторического опыта человечества» [11].

Особо нужно обратить внимание на то, что в результате организации активной деятельности мы развиваем познавательную активность ребёнка.

«Познавательная активность — это черта личности, которая проявляется в её отношении к познавательной деятельности, предполагающая состояние готовности, стремление к самостоятельной деятельности, направленной на усвоение ребёнком социального опыта, накопленных человеческих знаний и способов деятельности» [11]. Результатом развития интеллектуальной активности является сформированность устойчивого познавательного интереса к окружающему миру, который проявляется в творческой деятельности.

В 60–70-х годах XX столетия Д. Б. Богоявленская предложила выделить «интеллектуальную активность» как «единицу исследования» творческого потенциала личности. Следует обратить внимание на существенный момент, отражённый в работе Д. Б. Богоявленской, а затем подтверждённой Л. А. Парамоновой и её учениками: у детей уже в дошкольном возрасте ярко проявляется интеллектуальная активность, однако данное «...важнейшее качество должно быть востребовано в разных видах деятельности. В противном случае оно затухает» [1].

«Творческой называют такую деятельность человека, которая создаёт нечто новое, всё равно, будет ли это созданное какой-нибудь вещью внешнего мира или известным построением ума и чувства, живущим и обнаруживающимся только в самом человеке» [1]. На основе положений о саморазвитии ребёнка Н. Н. Поддъяков сформулировал концептуальный подход к формированию детского творчества. «Творческий ребёнок, творческая личность — это результат всего образа жизни дошкольника, результат его общения и совместной деятельности со взрослым, результат его собственной активности» [11]. Типы творчества соответствуют уровням проявления интеллектуальной активности. Интеллектуальная активность — психологический механизм процесса творчества. Первый уровень интеллектуальной активности — эвристический (развивается в дошкольном возрасте), второй уровень — креативный (возраст 10 лет), с 10 и до 16 лет происходит становление интеллектуальной активности. Основной базой для проявления умственной активности являются дидактические игры, в которых изменяется позиция ребёнка. Он проживает момент образовательного процесса в роли активного участника. Ребёнок ставится в инициативную (субъектную) позицию, музейный педагог занимает позицию партнёра-помощника. Поэтому субъект-субъектные отношения на музейно-педагогических занятиях важно направлять как на выявление собственных эмоциональных состояний, так и на поддержку индивидуальности другого [10, с. 39].

С идеями гендерного образования согласуется идея создания особой среды в пространстве Детского музея, в которой ребёнок проявляет себя в разных видах деятельности:

- образовательной;
- творческой;
- познавательной;
- имитационно-моделирующей;
- театральной.

Характер культурно-образовательной деятельности нашего учреждения ставит музейного педагога в коммуникативные ситуации, требуя проявления качеств, способствующих эффективному межличностному взаимодействию.

К таким качествам можно отнести:

- эмпатию;
- рефлексивность;

- гибкость;
- общительность;
- способность к сотрудничеству.

Именно эти качества стимулируют состояние эмоционального комфорта, интеллектуальной и творческой активности [1].

Почему мы уделили этим понятиям столь много внимания, какое отношение они имеют к вопросу гендера в социализации личности? Прямое.

На наш взгляд, самое главное в том, что, воспитывая мальчиков и девочек, мы учитываем их индивидуальные и психологические особенности, но при этом формируем активное деятельное познание окружающего мира как у мальчиков, так и у девочек. Независимо от пола дети, приходящие в музей, испытывают потребность в общении не только с музейным предметом, но и с педагогом, друг с другом, но главное — имеют право на получение новых впечатлений от воспринятого, от собственной деятельности и от общения. А как известно, любая деятельность человека имеет эмоциональную особенность, которая играет своеобразную ориентирующую и регулирующую роль в формировании отношений к людям, предметам, деятельности. Эмоциональное предпочтение возникает в процессе чувственно-предметной, познавательно-практической деятельности, оказывая специфическое влияние на актуализацию мотивов поведения. Это и есть основа для развития активной индивидуально-творческой личности.

Обращение к вопросу гендерной социализации личности предполагает организацию работы сотрудника музея с посетителем с учётом следующих принципов гендерной модели культурно-образовательной среды Детского музея:

Демократичность. При гендерном подходе на МПЗ, экскурсиях и др. формах работы мальчики и девочки имеют равные права на получение доступной информации о предметах, участие в процессе общения. Дети взаимодействуют друг с другом на основе партнёрских отношений.

Природосообразность. Признание личностного равноправия мальчиков и девочек не означает отрицания биологических и физиологических особенностей и различий в их жизнедеятельности.

Соответствие требованиям времени. При гендерном подходе в воспитании и обучении особенно актуальным является единство действий музейного сотрудника, ребёнка, родителей.

Список литературы

1. Богоявленская, Д. Б. Психология творческих способностей / Д. Б. Богоявленская // Учебное пособие [Электронный ресурс]. — 2002. — Режим доступа: http://www.goldbiblioteca.ru/online_psihologiya/online_psistr4/374.php. — Дата доступа: 02.02.2015.
2. Ильин, Е. П. Гендерные стереотипы, или мужчины и женщины в глазах общества / Е. П. Ильин // Дифференциальная психология мужчины и женщины / Е. П. Ильин. — СПб.: Питер, 2007. — Гл. 2. — С. 36—50.

3. Каменская, Е. Н. Гендерный подход в педагогике: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01 / Е. Н. Каменская. — Ростов-на-Дону, 2006. — 385 л. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lib.ua.ru.net/diss/cont/195715.html>. — Дата доступа: 15.02.2015.
4. Климина, Л. Теоретические основы реализации гендерного подхода в современном дошкольном образовательном учреждении. / Л. Климина // Дошкольное воспитание. — 2003. — № 12. — С. 91—97.
5. Концепция непрерывного воспитания детей и учащейся молодёжи в Республике Беларусь Приказ от 14 декабря 2006 г. № 125 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 2006. — № 125 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://agrocollege.by/index.php/be/index.php?option=com_content&view=article&id=247&catid=178&Itemid=64&lang=ru. — Дата доступа: 11.02.2015.
6. Копелянская, Н. Г. Музей как пространство образования: игра, диалог, культура участия / Н. Г. Копелянская [и др.]; под ред. А. А. Щербаковой // Музейные решения [Электронный ресурс]. — № 5. — 2010. — Режим доступа: <http://issuu.com/museumsolutions/docs/book>. — Дата доступа: 15.02.2015.
7. Котко, А. Н. Развитие творческой индивидуальности старшего дошкольника: учеб.-метод. пособие / Котко А. Н. — 2-е изд. — Минск.: АПО, 2006. — 320 с.
8. Мнишкур, Е. С. Социальная микросреда в отечественных психологических исследованиях. / Е. С. Мнишкур // Псіхалогія. — 2005. — № 4. — С. 41—44.
9. Смолер, Е. И. Развитие интеллектуальной активности детей дошкольного возраста: пособие для педагогов учреждений дошк. образования // Е. И. Смолер. — Минск: Нац. ин-т образования, 2012. — 104 с.
10. Смотрицкая, Г. Е. Гендерная социализация учащихся в условиях современной белорусской школы / Г. Е. Смотрицкая // Адукацыя і Выхаванне. — 2004. — № 8. — С. 35—43.
11. Суржанская, В. Познавательная активность ребёнка: что это такое? [Электронный ресурс]. — 2012. — Режим доступа: <http://doshkolyata.com.ua/voprosi-teorii/poznavatel'naya-aktivnost-rebenka/>. — Дата доступа: 20.02.2015.
12. Фадеев, С. Б. Проект «Формирование гендерной толерантности посредством использования народной культуры» / С. Б. Фадеев // Инновационные проекты в дошкольном образовании: сб. материалов по итогам конкурса среди ДООУ г. Перми [Электронный ресурс]. — Департамент образования администрации г. Перми, МОУ ДОВ «Исследовательский центр развития системы образования» г. Перми. — Пермь. — 2010. — С. 47—48. — Режим доступа: <http://www.dslib.net/teoriavospitania/narodnaja-kultura-kak-sredstvo-formirovanija-gendernoj-tolerantnosti-udetej.html>. — Дата доступа: 12.02.2015.

И. В. Сыревич

ПОЛОЧАНЕ — УЧАСТНИКИ ПАРАДА ПОБЕДЫ 24 ИЮНЯ 1945 ГОДА

Логическую точку в истории Великой Отечественной войны поставил Парад Победы на Красной площади в Москве 24 июня 1945 года. Участниками его стали более 32 тысяч человек. Никогда, даже в дни праздничных, самых пышных демонстраций, Красная площадь не вмещала сразу такое количество людей. Москва принимала героев, людей великого фронта. Как дивная картина несокрушимой силы и мощи, разворачивался на площади Парад Победы. Маршевая колонна состояла, кроме командования, из 1029 человек и 10 человек резерва. От каждого фронта присутствовало по 5 батальонов (две роты по 100 человек) и 19 человек командирского состава. Кроме фронтовиков, торжественным маршем прошли и воины, не принимавшие участие в боевых действиях — молодое пополнение Армии и Флота (курсанты военных училищ, солдаты 1 и 2 дивизий НКВД и 800 суворовцев). Основным документом для фронтовиков, подтверждающим участие в Параде Победы, являлось удостоверение к медали «За победу над Германией», в обложке красного цвета, вручённое с 5 по 23 июня 1945 года (рис. 1). Для остальных подтверждением были бланки благодарности и архивные справки об участии в Параде Победы [1, стр. 25—38].

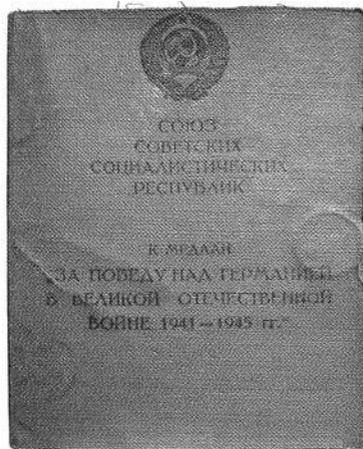

Рис. 1. Удостоверение к медали
За победу над Германией

Колонны войск стояли напротив Мавзолея. На трибуне, перед ними, Сталин, Будённый, Ворошилов, Молотов. По Красной площади проехал легендарный Г. К. Жуков, произнёс приветственную речь. Начался парад. Как только первые колонны пришли в движение, пошёл дождь. Несмотря на дождь, по Красной площади шли Победители. Этот Парад Победы, 24 июня, в Москве они запомнят навсегда. И те, кому время посеребрило голову, и те, у кого ещё не успел пробиться пушок над губой, все они на всю жизнь запомнят каждую деталь этих дней в Москве. Эти дни останутся в памяти людей, ставших счастливыми свидетелями и участниками их. И всем собравшимся думалось: сделает ли человечество нашей планеты вывод из этой страшной войны? [2, стр. 44]

Но была на Параде одна, наиболее знаменательная сцена. Она произошла, когда музыка на площади вдруг стихла и под звуки барабана подошла к трибунам колонна из 200-от бойцов, нёсших знамёна немецко-фашистских армий, захваченные в боях нашими частями. У Мавзолея бойцы делали крутой поворот и бросали эти знамёна к его подножию. Десятками, сотнями падали на мокрую

Рис. 2. С. А. Пашкевич

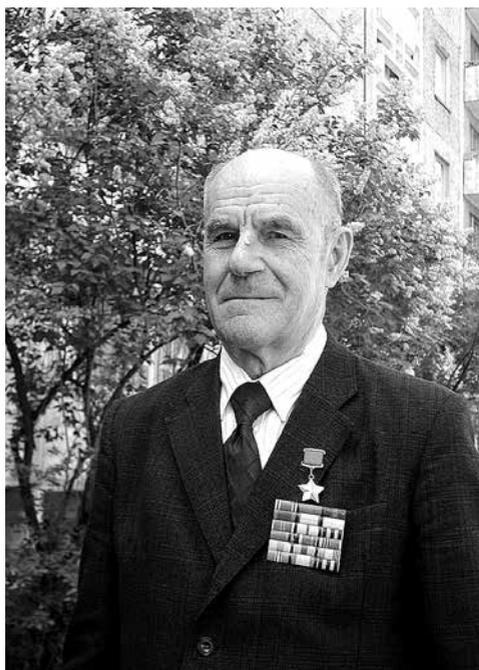

Рис. 3. С. А. Пашкевич

землю знамёна разбитых фашистских корпусов, дивизий, полков, знамёна, ещё недавно развивавшиеся над покорёнными странами Европы.

В сводных полках фронтов шли генералы и солдаты, пехотинцы, артиллеристы, лётчики, отмеченные Золотыми Звёздами, орденами Ленина, Красного Знамени, Суворова, Кутузова и др. Они несли знамёна, овеянные славой многочисленных битв, сияющие победной славой. Грохотали мощные самоходные орудия, танки, тягачи, машины. Шли представители армий стран, наших дружественных народов. Шеренга за шеренгой, резко рубя шаг, проходили тысячи его участников. У каждого на груди несколько орденов и медалей. Каждый из них герой [2, стр. 45, 11, стр. 38]. Среди удостоенных быть участником этого исторического события были и наши земляки.

Полочане хорошо знали *Степана Афанасьевича Пашкевича*, рослого и энергичного человека (рис. 2–3). Родился он 27 марта 1921 г. в Полоцке в семье рабочего. После окончания 8 классов стал помощником кузнеца. В армию был призван в октябре 1940 г. Никто не думал, что он покидает свой дом в Задвинье на 6 лет, что обратная дорога пройдёт через огонь и страдания, через смерти и невзгоды. В армии учился на сапёра — пантонера, в совершенстве овладел военной специальностью. Отдельный пантонно-мостовой батальон, в котором он служил, дислоцировался в Бессарабии. Войну встретили на границе с Румынией. Боевое крещение принял на Днестре. Переправляли подразделения через водный рубеж, взрывали мосты и минировали дороги. Первой наградой была медаль «За боевые заслуги». В боях на Дону и под

Рис. 4. С. А. Пашкевич с однополчанами

Рис. 5. С. А. Пашкевич на приёме в Кремле

Сталинградом, Степан Афанасьевич под огнём противника, в ненастье и стужу, в ледяной воде наводил переправы для наших частей, а когда был ранен командир отделения, заменил его. Грудь молодого бойца украсила медаль «За отвагу». В начале декабря 1944 г. 7 боевых рейсов совершил сержант Пашкевич со своим отделением, обеспечивая переправу бойцов и боевой техники через Дунай. Удостоен звания Героя Советского Союза Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24.03.45 г. Высшая степень отличия вручена ему за героизм, проявленный при форсировании Дуная. В мае 1945 года занимал должность командира отделения. Имел одно лёгкое ранение. Батальон Пашкевича прошёл долгими и нелёгкими дорогами Южного, Юго-Западного, Донского, Степного и 2-ого Украинского фронтов. Степан Афанасьевич вспоминал: «Фронтовые дороги, бои и потери, мои товарищи — всё помнится, будто это было вчера. Награждён орденами Ленина и Отечественной войны II степени, медалями «За победу над Германией», «За взятие Вены», «За взятие Будапешта» и мн. др. Участвовал в параде Победы в звании старший сержант в составе сводного полка 7-ого отдельного пантонного батальона 1-ой пантонной бригады 2-го Украинского фронта. На Параде при себе имел карабин. Рост 186 см, поэтому шёл в 1-ой шеренге правофланговым. Это великое историческое событие не забыть никогда». Также Степан Афанасьевич принимал участие в Параде Победы в 1985 году в Москве (рис. 4—5). В сентябре 1946 года демобилизовался. Звание Почётного гражданина города Полоцка присвоено 21 апреля 1979 года [6, 7, 9].

Участником Парада был *Прибыщук Роман Романович* (рис. 6). Родился 29 августа 1927 года в селе Крестьяново Ивановского района Пинской (ныне Брестской) области. Родственники Романа Романовича стали живыми свидетелями начала войны, потому что видели первых немецких диверсантов. Дом семьи находился недалеко от леса, и когда появились первые партизаны, Роман вместе с отцом стал активно им помогать. Они добывали сведения о противнике и собирали оружие после боёв. Затем Роман Романович попал в разведывательную группу отряда им. Сталина Пинской партизанской бригады. Ходил в разведку и на боевые операции. Командовал отрядом Конотопов

Рис. 6. Роман Романович Прибыщук

деления (400 чел.), этапировал пленных немцев в г. Костино Московской обл. Там их охраняли в составе бойцов 314-ого отдельного батальона войск НКВД. В июне 1945 года группу лучших сержантов и офицеров отправили в Москву и начали готовить для охраны Парада Победы. После этого Романа Романовича перевели в 544-ый отдельный батальон правительственной связи, организованный для защиты северных рубежей страны. Строили мачты на Кольском полуострове и Наримане. Затем вернулись в Москву в Горьковский военный округ. Окончил Высшую Краснознамённую школу Комитета Государственной Безопасности им. Держинского в Москве. Демобилизовался в 1950 г. Работал в Комитете Госбезопасности в Пинске, Бресте и Витебске. Затем перевели в г. Новополоцк на завод «Нафтан». В 1973-ем году ушёл на пенсию.

Протасов Василий Петрович родился в 05.03.1920 г. в г. Березники Пермской обл. (рис. 7). Годы юности Василия Петровича Протасова совпали с мировыми рекордами известных советских лётчиков. Василий идёт учиться в аэроклуб, работает в токарном депо ст. Усольская, а в 1939 году — он уже курсант Пермской авиашколы. В 1940 году его, как одного из лучших студентов, направляют лётчиком-инструктором в новую школу пилотов в г. Симферополь. Перед войной с подготовленной им группой пилотов он осваивает новую технику в линейной лётной части. С большим старанием готовился к заданиям, изучал маршрут полёта и местность. В Действующей армии с сентября 1941 г. Участник битвы под Москвой. В августе 1942 года Протасов прибывает на фронт в 701-й легкомобардировочный полк 284-й авиационной ночной бомбардировочной дивизии 15-й воздушной армии 2-го Прибалтийского фронта, которая дислоцируется возле

Иван Григорьевич. Постоянно меняли место дислокации, затем создали лагерь в районе Пинских болот. Запомнилась операция по разгрому немецкого штаба в д. Рыловичи Ивановского района. Было захвачено два пленных офицера и ящик с документами. В июле 1944 года соединились с 1-м Белорусским фронтом. Во время операции «Багратион» в составе 12-й Гвардейской стрелковой дивизии 9-го Гвардейского корпуса 61-й армии штурмовали г. Пинск. Затем из молодёжи было создано специальное отделение с целью выявления немецких диверсантов. Оно относилось к оперативно-разведывательному управлению Комитета Государственной Безопасности. После Белоруссии освобождали Восточную Пруссию. Там был ранен и контужен. После выздоровления в составе своего от-

Рис. 7. Василий Петрович Протасов

г. Воронежа. На вторые сутки после прибытия он уже вылетел на задание. Как вспоминал он сам: «Чтобы выйти на цель, нужно идти по проложенному маршруту. А тут только успели пересечь линию фронта, как сразу попали в лучи вражеского прожектора. На нас обрушился огонь зениток. Обстановка сложилась очень сложная. И вдруг прожектора погасли. Нам удалось выйти из зоны огня и успешно выполнить боевое задание. Уже позже мы узнали, что нас выручили другие экипажи. Увидев, в какой мы обстановке, они нанесли удары по прожекторам». В боях под Курском Протасов был уже опытным лётчиком. На его счету было 90 боевых вылетов. Все они усложнялись действием на приборы самолётов Курской магнитной аномалии. За умелые действия и проявленное мужество в боях под Курском Василия Протасова награждают орденом Красной Звезды. Это была первая его

боевая награда. Член КПСС с 1944 г. В составе своего полка он принимал участие в освобождении Белоруссии. Полк действовал в направлении Новосокольников — Дрисса (теперь Верхнедвинск). Рискованных и опасных вылетов было очень много. Всего Василий Протасов совершил 556 боевых вылетов. Он награждён двумя орденами Красной Звезды, орденом Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1 степени, медалями «За боевые заслуги», «За отвагу». В 1945 году лично М. И. Калинин вручил Василию Петровичу высшую награду Родины — орден Ленина. Войну Протасов закончил в Прибалтике на должности командира эскадрильи в звании капитана. Имел 7 юбилейных медалей. После окончания войны ему пришлось несколько раз переучиваться на новую технику. Лётчик 1-го класса передавал боевой опыт молодым. Был заместителем командира полка по лётной подготовке. В 1960 году в звании подполковника был уволен в запас. Затем он освоил ткацкие станки и 20 лет проработал на заводе «Стекловолокно». Из них 5 лет — помощником мастера, а остальные — на должности инженера по технике безопасности. Вёл большую работу по военно-патриотическому воспитанию молодёжи. Участвовал в параде Победы в сводном полку Ленинградского фронта от 701-го ночного легкомбардировочного авиаполка. Командир эскадрильи. Шёл без оружия в звании капитан в 3-й шеренге 4 или 5 место. Рост 172 см. На Параде имел: орден Ленина, орден Красного Знамени, Отечественной войны 1 степени, медаль «За Победу над Германией», «За отвагу», «За боевые заслуги» [10].

Рис. 8. *Василий Петрович Протасов*

Без оружия. Имел удостоверение «За участие в Великой Отечественной войне». Воинское звание «капитан» присвоено указом от 9 мая 1945 года. Медаль «За победу над Германией» № 00020698 вручена 25 июня 1945 года. С 8 августа по 3 сентября 1945 г. принимал участие в составе 1-й Армии Дальневосточного фронта в боях с японскими войсками в Манчжурии (Китай). Удостоверение за участие в боевых действиях против японских войск от 30.09.45 г. В 1970 году переехал в г. Полоцк. Работал в дистанции сигнализации и связи (ШЧ-15). В августе 1992 года ушёл на заслуженный отдых [8].

Кныш Григорий Васильевич (рис. 9) родился 12 марта 1924 г. в селе Чернобаевка Рузаевского района Кокчетавской области Казахской ССР. В армию призван в августе 1942 г. Прошёл боевой путь от солдата до командира отдельного механизированного полка гражданской обороны г. Партизан Приморского края. Демобилизовался в ноябре 1974 года. Воинское звание полковник. Участвовал в Параде Победы в составе полка Московского гарнизона в первом батальоне воздушно-десантных войск (слушатель курсов усовершенствования офицерского состава в Нахабино). Шёл без оружия на втором месте во второй шеренге. Рост 182 см. На Параде имел знаки: «Гвардейский», «Парашютиста» [8].

Лютко Пётр Степанович (рис. 10) на Параде Победы шёл в колонне Управления бронетанковых войск в полку самоходной батареи в звании лей-

Кадников Николай Васильевич стал ещё одним участником Парада Победы (рис. 8). Родился 29 ноября 1913 г. в г. п. Лух Лухского района Ивановской области. Начал трудиться с 1929 года в колхозе, в сентябре 1930 г. пошёл учиться в фабрично-заводское училище при фабрике им. Ногина в г. Вичуга. С 1933 года работал шлехтовальщиком на фабрике. После окончания вечернего техникума направлен на фабрику им. Калинина в г. Александров Владимирской области помощником мастера. В армию призван в 1935 года в 10-й полк связи г. Кострома. В 1937-м году начал учёбу в Военно-политическом училище им. Энгельса в г. Ленинграде. С 1938 года служил в стрелковом полку батальона связи Дальне-Восточного фронта. В 1944 году направлен на учёбу в политакадемию им. Ленина в Москву. Участвовал в Параде Победы как слушатель Военно-политической академии в сводном полку Московского гарнизона. Рост 176 см, шёл на Параде в первой шеренге на 17-м месте.

Рис. 9. Григорий Васильевич Кныш

тенант, командир батареи. Родился 21 декабря 1915 г. в д. Рутьевка Ветринского района Витебской обл. С августа по сентябрь 1939 г. участвовал в боевых действиях на Халкин-Голе. Из воспоминаний Петра Степановича: «Готовились к Параду на полигоне химической академии в лесу под Люберцами. Рост 171 см, поэтому шёл во втором ряду правофланговым. Имел медали: «За участие в Великой Отечественной войны», «За победу над Германией». Удостоверение № 0415913 к медали «За участие в Великой Отечественной войны» вручено 23 февраля 1948 года начальником Управления самоходной артиллерии бронетанковых войск и МВКА — генерал-майором Касаткиным. С 1945 по 1947 год был командиром маршевой батареи. С 1947 года демобилизовался и работал техником-нормировщиком «Главметалсбыта» в г. Перово. С 1948 по 1949 г. — инспектор по

штабу Полоцкого городского финансово отдела. С 1949 по 1954 г. — служба в органах МГБ и МВД. С 1957 по 1965 г. — председатель колхоза «Беларусь». С 1965 по 1976 г. — служба в органах МВД. С 1976 по 1979 г. — работа на заводе «Стекловолокно». С 1979 по 1984 г. — вневедомственная охрана г. Полоцка» [8].

Михееву Сергею Яковлевичу тоже посчастливилось участвовать в Параде Победы. Майор в отставке. Родился 8 августа 1922 года в д. Пушкарёвка Благовещенского района Башкирской АССР. В действующей армии с декабря 1941 года по май 1945 года. Участник битвы под Москвой. Воевал на Западном, Брянском, Прибалтийском и Ленинградском фронтах. В мае 1945 г. был штурманом звена. Старший лейтенант. На Параде Победы участвовал в сводном полку Ленинградского фронта в составе авиационного батальона. Шёл без оружия, имел кобур для пистолета. Рост 168 см. Место в строю — 9-я шеренга, 11-е место. На параде имел два ордена Красного Знамени, орден Отечественной войны 1 степени, 3 ордена Красной Звезды. Также медали: «За отвагу», «За оборону Москвы», «За Победу над Германией». Жил в Полоцке с 1969 по 1988 г. Работал в КЭЧ Полоцкого района [3].

Савченко Алексей Емельянович родился 20 февраля 1921 г. в д. Воротково Новосokolничевского района Псковской обл. Образование среднее. Работал слесарем по станкам в Ленинграде. 9 ноября 1940 г. Всеволожским районным военкоматом призван в Красную Армию. Служил в 201-й воздушно-десантной

Рис. 10. Пётр Степанович Лютко

бригаде в г. Старая Русса. В начале войны участвовал в боях на территории Латвии, а затем в битве под Москвой. В 1942 г. в составе 9-й воздушно-десантной дивизии 4-го воздушно-десантного корпуса десантировался в тыл врага под Смоленском. В тылу был дважды ранен (27.02.42 г., 28.04.42 г.), получил обморожение 2-й степени. В 1943 г. участвовал в десантной операции в составе 5-й воздушно-десантной бригады в районе Черкасс. В 1944 г. готовил спецгруппы и сопровождал их в тыл врага. В Параде Победы участвовал в составе войск Московского гарнизона от воздушно-десантных войск (слушатель курсов усовершенствования офицерского состава в г. Нахабино). Из воспоминаний Алексея Емельяновича: «На Параде был создан офицерский батальон (коробка) из лучших курсантов училищ в Нахабино и Звенигороде. Все десантные части тогда входили в резерв Ставки Верховного Главнокомандования. Я

шёл на Параде без оружия, в звании старший лейтенант. Рост 170 см, шёл в середине батальона, которым командовал полковник Уральский. Во время Парада у меня уже был орден Красной Звезды». Алексей Емельянович имел 20 правительственных наград, из них 3 ордена и две медали. Подполковник в отставке. Почётный гражданин г. п. Ура Смоленской области. Занесён в Книгу Почёта воздушно-десантных войск. Имел звание «Мастер СССР по парашютному спорту». Совершил 2000 прыжков с парашютом. Участник воздушных парадов в Москве (Тушино 1947 г.) и в ГДР (1957 г.). Готовил парашютистов-десантников поляков, югославов, вьетнамцев и др. О его боевых подвигах написано во многих книгах: «Земля-небо-земля» автор И. И. Лисов, «Дорогами воздушного десанта» автор А. И. Лукашенко, «Прописаны навечно» автор И. Н. Беляев и мн. др. Также о нём рассказывается в фильме «Высшее воздушно-десантное». С 1946 по 1962 год жил в Полоцке, затем был командирован в Африку, а с 1965 по 1972 год работал ст. преподавателем кафедры воздушно-десантной подготовки в Рязанском высшем дважды Краснознаменном воздушно-десантном училище. В 1972 году вернулся в Полоцк и работал мастером производственного обучения курсов гражданской обороны [4,5].

По-разному сложились судьбы этих людей. Но всех их объединяют военные годы и тот исторический Парад Победы.

Приложение 1. Анкета для участников Парада Победы

- В сводном полку какого фронта или московского гарнизона вы шли (ехали) или готовились к воздушному параду?
- В каком батальоне по роду войск вы шли (ехали)?
- С каким оружием шли (ехали)?
- В каком звании были на Параде?
- Ваш рост и примерное место в строю?
- Какие награды, знаки, нашивки, были у вас именно на параде?
- Кто были у вас командиры на параде: отделения, роты, батальона, сводного полка и его заместители (по строевой, политической подготовке и начальник штаба)?
- Кто нёс штандарт фронта (знамя академии, училища)?
- От какого полка, дивизии, корпуса, армии вы были на параде?
- Какую должность вы занимали в мае 1945 года?
- Сколько лёгких и тяжёлых ранений, контузий было у вас?
- Число, месяц, год и место вашего рождения?
- Ваша биография (боевая и трудовая).
- Сведения об удостоверении к медали «За победу над Германией»
- С какого месяца и года вы находились в действующей армии?
- В составе каких фронтов воевали?

Литература

1. Вольгемут, А. А. Салют Победы / А. А. Вольгемут. — Москва: Политиздат, 1976.
2. Лобарев, Г. П. Победа: календарь. 1975 / ред.-сост. Г. П. Лобарев, Н. Н. Семенова. — Москва: Политиздат, 1975.
3. Лисов, И. И. Земля-небо-земля / И. И. Лисов. — Москва: ДОСААФ, 1973.
4. Лукашенко, А. И. Дорогами воздушного десанта / А. И. Лукашенко. — 2-е изд. — Москва: Московский рабочий, 1978.
5. Беляев, И. Н. Прописаны навечно / И. Н. Беляев. — Смоленск: Московский рабочий, 1986. — Ч. 2. — 175 с.
6. Голесник, С. Подвиг на переправе / С. Голесник // Советская Белоруссия. — 2009. — 16 апреля. (о Пашкевиче).
7. Коленик, Е. Гимн победной весне / Е. Коленик // Полоцкий вестник. — 2010. — 8 мая.
8. Дедёла, М. Ветераны / М. Дедёла // Полоцкий вестник. — 1984. — 7 ноября.
9. Филимонова, Т. Солдат Победы / Т. Филимонова // Полоцкий вестник. — 2005. — 7 мая.
10. Тимуш, В. Ветераны войны — ветераны труда / В. Тимуш // Знамя коммунизма. — 1985. — 19 апреля.
11. Парад Победы 24 июня 1945 года. Планета. 1995.

Е. В. Шумович

ЕВАНГЕЛИЕ НАПРЕСТОЛЬНОЕ XVII В. В ФОНДАХ НПИКМЗ: К ВОПРОСУ ДАТИРОВКИ

В феврале 1998 г. в фонды заповедника поступило 7 книг XVII — начала XX вв. Книги были закуплены у жительницы г. Новополоцка. Принадлежали они её отцу Евстафию Зайцеву и ранее находились в д. Ловша Шумилинского района, где он был старостой у старообрядцев. Из них три книги — уникальные московские дониконовские издания: «Евангелие напрестольное» в окладе, «Триодь цветная» 1630 г., «Устав (Око Церковное)» 1641 г.

«Триодь цветная» и «Устав (Око Церковное)» были описаны ранее. Так как они имеют выходные сведения, проблем с датировкой этих изданий не возникло. «Евангелие напрестольное» (КП15-12780) сразу точно датировать не удалось, т.к. начало и выходные сведения утрачены. Очевидным было лишь то, что издание вышло в XVII в., предположительно в Москве, напечатано на Московском Печатном Дворе. В книге имеется запись 1678 г. На лл. 14а — 37а: «186 г. (7186 = 1678 г.) // Году // сентября // в 2(?) день // По Указу // Великого // Г(о)с(у)д(а)ря // Сия // кн(и)га // Евангелие // дана // ис Приказу // Большого // Дворца // его // Государя // Дворцовое // село // (срезано) // приселок // Николаевско // в церков(ь) // Б(о)гоявления // Господня».

Каждая книга кирилловского шрифта XVII в. является памятником печати и культуры, поэтому подлежит тщательному учёту, сохранению и изучению. В работе по исследованию и атрибутированию данного издания были использованы наработки и методические рекомендации А. А. Гусевой «Работа с редкими и ценными изданиями: идентификация экземпляров московских изданий кирилловского шрифта 2-й половины XVI—XVIII вв.: методические рекомендации» [1].

Наличие в книге фолиации и отсутствие пагинации говорит о том, что это московское издание. Важное значение в датировке старопечатных книг кирилловского шрифта имеют сигнатура и колонцифра. Тот факт, что колонцифра представлена изолированно, без знаков, подтверждает московское происхождение памятника, а положение колонцифры в правом углу под наборной полосой говорит о том, что книга была издана до 1655 г. [1, с. 8—11].

В качестве обязательного элемента характеристики изданий XVII в. исследователи приводят количество строк в наборной полосе основного и дополнительного текстов и размер шрифта. Данное издание имеет 17 строк на наборной полосе, следовательно, могло быть выпущено до середины 1650-х гг. [1, с. 11—12].

Ещё одним важным показателем для датировки книг кирилловской печати является кустод. Отсутствие кустода в книге указывает на то, что она была напечатана до 1655 г. («дониконовская»), наличие кустод позволяет отнести её к более позднему периоду [1, с. 13]. В нашем Евангелии кустоды отсутствуют в основном и в дополнительных текстах, что позволяет отнести его к дониконовскому периоду, что означает, что вышло оно до 1655 г.

Ещё один важный элемент для датировки (хотя и приблизительной) — это бумага. Данное «Евангелие на престольное» напечатано на бумаге ручного отлива XVII в. Хорошо просматриваются водяные знаки. Можно выделить три вида филиграней на бумаге «Евангелия»:

1. «Шут» или «Голова Шута». Филигрань «Шут» на бумаге русских изданий появляется в 1640-х гг. и заменяет «Кувшин». В русских источниках XVII в. бумагу с этим типом ВЗ называли «под дураком» или «под колпаком»; в историографии этот знак носит наименование «follscap» («фулскеп»). Бумага с таким ВЗ производилась в XVII в. во Франции, Голландии, Германии и Англии. Просматриваемые в данном издании филигранные «Шут» можно отнести к 1644, 1648—1650 гг. [2].
2. Разные гербы городов Западной Европы, такие, как гербовый щит с перевязью. Исследователи относят эти филигранные к первой половине XVII в. [2].
3. Лотарингский крест под короной с двумя буквами «С» (1646 г.).

Таким образом, можно сделать вывод, что бумага для данного издания была изготовлена в Западной Европе до 1650 г. [2]. Но при использовании полученной даты для датировки книги учитывается залежность бумаги. Должно было пройти некоторое время, прежде чем бумага попала от производителя к потребителю. Для русских книг XVII в. это особенно важно, потому что использовалась исключительно импортная бумага, которой необходимо было проделать долгий путь из Западной Европы в Восточную. Средние показатели залежности бумаги XVII в. составляют для Руси 5—7 лет. Таким образом, учитывая залежность бумаги, мы предположили, что книга «Евангелие на престольное» могла быть издана в период с 1653 по 1655 г.

Учитывая все вышеперечисленные данные, полученные в ходе исследования издания, идентификация была продолжена по описаниям каталогов старопечатных книг кирилловского шрифта. В каталоге «Московские кирилловские издания в собраниях РГАДА. Вып. 3. 1651—1675 гг.» под № 17 находится описание «Евангелия на престольного», идентичного нашему по нумерации листов, количеству листов в тетрадах, размеру шрифта [3]. Это Евангелие, изданное Московским Печатным двором 25 октября 1653 г. Таким образом, можно утверждать, что исследуемое издание — Евангелие. Москва: Печатный двор, 25.X.1653 г. (КП15-12780).

Литература

1. Работа с редкими и ценными изданиями: идентификация экземпляров московских изданий кирилловского шрифта 2-й половины XVI—XVIII вв.: методические рекомендации / сост. А. А. Гусева. — М., 1990.
2. Дадыкин, А. В. Методические указания по определению и датировке бумаги / А. В. Дадыкин [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rarus.ru/slavonic/1671-dadykin-paper-dating.html>. — Дата доступа: 02.02.2015.
3. Московские кирилловские издания в собраниях РГАДА: каталог. Вып. 3. 1651—1675 гг. / сост. Л. Н. Горбунова, Е. В. Лукьянова. — М., 2003. — № 17. — С. 53—54.

Т. В. Явич

МОНУМЕНТАЛЬНАЯ ЖИВОПИСЬ XIX В. СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКОЙ ЦЕРКВИ В ПОЛОЦКЕ: К ВОПРОСУ ДАТИРОВКИ

В 2014 г. в Художественной галерее Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника открылась новая экспозиция: стационарная выставка «Стенопись XII—XIX веков Спасо-Преображенского храма Спасо-Евфросиньевского монастыря в Полоцке». Основными экспонатами на ней являются отслоенные фрагменты стенописи XIX в. Как известно, ещё в XII в. стены Спасской церкви были расписаны фресками, а в XIX в. в храме было осуществлено два поновления стеной живописи: в тридцатые и восьмидесятые годы. Что касается даты этих поновлений, то в различных источниках можно встретить даты: 1832, 1833, 1834 г. — первого, 1885 и 1886 г. — второго. Установлению точной датировки монументальной живописи Спасской церкви первой половины XIX в., а также её авторства помогли архивные документы, хранящиеся в Национальном историческом архиве Беларуси и Российском государственном историческом архиве. Это переписка генерал-губернатора смоленского, витебского и могилёвского князя Хованского с министром внутренних дел, ведомости именным указам и высочайшим повелениям по Главному управлению путей сообщения и публичных зданий за период с 9 февраля 1833 г. по 21 января 1836 г., записи из журнала Святейшего Правительствующего Синода «К прокурорским делам» от 20 июля 1836 г., переписка Главного управления путей сообщения и публичных зданий с обер-прокурором Святейшего Синода, а также протокол заседания Полоцкой духовной консистории от 30 декабря 1841 г. о ремонте Полоцкой Спасо-Евфросиньевской церкви.

Названные документы датируются тридцатыми годами XIX в. и достаточно полно освещают события, имеющие непосредственное отношение к Спасской церкви.

28.02.1832 г. генерал-губернатор смоленский, витебский и могилевский князь Хованский на основании представления могилевского и витебского епископа Гавриила пишет письмо министру внутренних дел, в котором сообщает, что в Полоцке, «в казенном поиезуитском имении находится древнейшая церковь, именуемая по белорусскому наречию Спась-Юревичи, ...которая сохраняет еще донныне как по наружности, так и по внутренности своей неизгладимые признаки драгоценной священной древности. Архитектура, необычайная толстога каменных стен с малыми узкими окнами, внутреннее иконное расписание всей церкви, в старинном греческом вкусе, с надписями древнего русского письма, носит на себе живой отпечаток того века, к которому исторические сведения построения её относятся» [1, л. 1—2]. Также он сообщает, что могилевский и витебский епископ Гавриил при посещении в текущем году города Полоцка, осмотрел Спасскую церковь, удостоверился в совершенной ветхости крыши, повреждениях в стенах и живописи, которая к удивлению сохранилась «с ясными признаками древнего несовершенного Российского искусства», по-

сле чего и обратился к генерал-губернатору с просьбой передать в ведение Полоцкого Богоявленского греко-российского монастыря, а крышу на ней сделать новую, за счёт казны [1, л. 3]. Следует отметить, что такая оценка древней фресковой росписи неудивительна. По этому поводу весьма примечательны соображения архитектора Козлова, утверждавшего, что подлинно христианское искусство завершилось вместе с угасанием античной культуры. А искусство византийское есть упадочное (архитектор Козлов отстаивал использование академической живописи в оформлении Храма Христа Спасителя в Москве) [2, с. 24].

В цитируемом письме князь Хованский также просит у министра: исходатайствовать у его Императорского Величества высочайшее повеление на передачу каменного здания Спасской церкви из ведения Витебской казённой палаты в ведомство греко-российского епископа Белорусской епархии; ассигнование от казны суммы для необходимого ремонта церкви; снабжение её по распоряжению Святейшего Синода утварью и ризницею; на определении церковного причта с содержанием.

На основании этого донесения 9 апреля 1832 г. министр внутренних дел ходатайствует перед государем о передаче Спасской церкви [3], на что в этом же месяце было получено высочайшее повеление. После чего здание Спасской церкви из ведомства Витебской казённой палаты передано по описи протоиерею Полоцкого собора Копаевичу [4, л. 24].

От преосвященного Гавриила, епископа Белорусской греко-российской епархии получено одобрение о наружном и внутреннем исправлении Спасской церкви и иконостаса, о чём князь Хованский даёт предписание состоящему при строительстве Полоцкого кадетского корпуса архитектору Порто, чтобы тот составил общую смету, чертежи и рисунок иконостаса с иконами, также составил перечень повреждений внутри храма и всё, что нужно исправить, внёс предложения по исправлению стеновых росписей, сделал новую кровлю [4, л. 24 об.].

Уже 22 июля 1832 г., архитектор Порто рапортует князю Хованскому, что крыша покрыта, а крест сделан новый, но не установлен, и что в данный момент производится ремонт наружного карниза.

Из донесений генерал-губернатора министру внутренних дел, датированных июлем 1832 г. и январём 1833 г., мы узнаём, что вместо старой кровли, пришедшей в совершенную ветхость, сделана новая из гонта, вставлены в окна стёкла, исправлены полы, произведены внутри и снаружи некоторые штукатурные работы и на западном входе сняты две небольшие башенки, по Римскому обряду сделанные, и на всё это по смете издержано 1177 руб. 30 коп., выделенные Витебской казённой палатой [5, л. 36 об.].

Также князь Хованский сообщает, что поиезуитские крестьяне имения Спас числом более 700 пожелали присоединиться к православию, и что для торжественного обряда обращения необходимо срочно храм освятить и немедленно приступить в нём к богослужению, не дожидаясь полного восстановления Спасской церкви. Сделать это, по мнению князя Хованского, необходимо, «дабы крестьяне Спасского имения к присоединению не охладели, а противники Униты не посеяли между ими семя какого-либо соблазна, и чрез то предприятия сего, теперь столь лёгкого, не сделали бы затруднительным» [4, л. 25].

Для решения этого вопроса были предприняты следующие действия: епископ могилёвской епархии Гавриил определил к Спасской церкви особого священника; из Полоцкого Богоявленского монастыря временно перенесён имеющийся там небольшой иконостас, который установлен бесплатно русскими мастерами, находящимися в Полоцке при строительстве кадетского корпуса; а всё то, что требовалось для украшения престолов и самого необходимого, пожертвовано небольшим числом пребывающих в Полоцке дворян, граждан и разночинцев. Когда всё было готово, то 7 августа 1832 г. храм был освящён и богослужения в нём с тех пор стали отправляться постоянно [5, л. 37].

После освящения Спасского храма архитектор Порто по настоянию Епархиального архиерея продолжил заниматься составлением чертежей и сметы для окончательной отделки церкви, но, по мнению князя Хованского, unsuccessfully, ввиду преклонности лет архитектора и от большой занятости его по обустройству кадетского корпуса. По требованию генерал-губернатора Порто представил 3 чертежа, но без сметы. На первом были представлены: а) план церкви; б) существующий боковой фасад с некоторыми предполагаемыми исправлениями; г) фасад с западной стороны и с двумя башенками, которых уже нет; в) вновь спроектированная Порто колокольня и паперть. На втором чертеже: е) план проектируемой колокольни и паперти; д) предполагаемый вид церкви с западной стороны вместе с колокольней. На третьем чертеже: ж) иконостас для церкви. Князь Хованский остался проектом Порто неудовлетворён: «1) В боковом фасаде перпендикулярный отрыв от кровли на западной стороне, происходящий от устроенного тут фронтона, лишил сей фасад должной симметрии и приличия; 2) прожектируемая на западе колокольня с папертью заслоняет собою устроенные тут колонны и тем самым портит фасад и на сей западной стороне. А иконостас не соответствует той древности, простоте и иконной живописи на стенах, каковые внутри храма представляются» [5, л. 38]. Из Могилёва в Полоцк был вызван тамошний губернский архитектор Бусырский, воспитанник Императорской Академии художеств, отличившийся именно по архитектурному классу, с поручением осмотреть Спасскую церковь и потом составить чертежи и смету. Были и особые пожелания генерал-губернатора: церковь должна иметь приличную ограду и колокольню на достаточном расстоянии от церкви с симметричными одноэтажными строениями по сторонам: одно для часовни, другое для проживания священника.

Бусырский выполнил поручение и подготовил к январю 1833 г. четыре чертежа и смету. На первом чертеже представлены план церкви, боковой и западный её фасады в существующем виде, а также новые проекты Бусырского этих же фасадов (в примечаниях говорится, что на западной стороне по настоянию архиерея архитектором спроектирована небольшая паперть для входа в церковь, и что архитектор не нашёл способа сохранить симметрию и исправить фасад церкви с боковой стороны). На втором — изображения спроектированной Бусырским колокольни и двух зданий для часовни и проживания священника. На третьем — общий план и на четвёртом — иконостас. Бусырский сопроводил чертежи объяснительными записками. Например: «... в церкви, на левой стороне, от входа, произошла одновременная чувствительная осадка, причинившая трещины. Осадка сия последовала от ослабления фундамента во время владе-

ния сим храмом иноверцев, желавших в имеющихся тут подвалах распространить больше места для поставления гробов»; или: «В церкви не производить ни малейших ломок, имеющиеся трещины залить цементом, близким к каменному составу всего храма, а фундамент у одного оставшего столба, заделанный небрежно, обнести контрфорсами». Одна из объяснительных записок касалась настенной живописи: «Существующую на стенах древнейшую живопись греческого искусства оставить неприкосновенною, и только некоторые места, невеждами изглаженные исправить чрез искусного художника подражая во всём неотступно прежним изображениям и живописи» [5, л. 39 об.].

По смете, составленной Бусырским, предполагались следующие расходы:

1. На уже произведённые для первоначального исправления работы и употреблённые для этого материалы 1177 руб. 30 коп.
2. На окончательное исправление храма 13 691 руб. 70 коп.,

в том числе:

- а) на исправление стенной древней живописи 3000 руб.;
- б) на иконостас 8000 руб.;
- в) на предполагаемую постройку колокольни, двух флигелей, ограды и решётки 28 593 руб. 30 коп.;

Всего же на окончательное восстановление храма 43 462 руб. 30 коп. [5, л. 40].

Проект иконостаса, предложенный Бусырским, князю Хованскому не понравился, и генерал-губернатор в ходатайстве министру внутренних дел об утверждении сметы и ассигновании работ на восстановление Спасской церкви сделал вывод, что белорусские художники, по-видимому, предъявляемых им требований удовлетворить не могут.

9 февраля 1833 г. на основании доклада министра внутренних дел было дано императором высочайшее соизволение, чтобы проект, представленный генерал-губернатором князем Хованским, был предварительно в состоявшем при Министерстве внутренних дел строительном комитете рассмотрен, а потом сделан был запрос в Святейший синод для изыскания средств к совершению утверждённых комитетом построек и исправлений [6, л.10].

Строительный комитет признал нужным переделать проект, но при этом заключил, что устройство иконостаса можно допустить по чертежам, составленным могилёвским губернским архитектором Бусырским.

Проследить дальнейшую судьбу этого проекта позволяют статьи из Ведомости именным указам и высочайшим повелениям по Главному управлению путей сообщения и публичных зданий за период с 9 февраля 1833 г. по 21 января 1836 г. [7].

1933 г.:

- В июне 1833 г. комитет представил новые чертежи, после чего комитету поручено было составить смету издержек, необходимых по этим чертежам. Но смету составить не успели.
- 1 июля 1833 г. по высочайшему повелению упразднён строительный комитет Министерства внутренних дел с присоединением самой строительной части к Главному управлению путей сообщения и публичных зданий.

- Дело по восстановлению Спасской церкви было рассмотрено в Комиссии проектов и смет и 16 августа 1833 г. было представлено от неё заключение и после рассмотрения его в Совете путей сообщения и публичных зданий, проект был препровождён 21 сентября к генерал-губернатору князю Хованскому для составления на месте надлежащей сметы.

1834:

- 26 января 1834 г. генерал-губернатору был отправлен запрос о положении дел.
- 16 февраля получено уведомление от Хованского, что им сделаны для составления сметы соответствующие указания.
- Только 8 марта 1834 г. смета была получена Главным управлением путей сообщения и публичных зданий и препровождена в комиссию проектов и смет.
- Рассмотренные чертежи с исправлениями на 10 листах и смета 20 апреля препровождены Святейшему синоду для изыскания средств согласно высочайшему повелению.
- 25 сентября отправлен запрос обер-прокурору Святейшего синода о предоставлении информации, в каком положении находится дело.
- 11 октября получен от обер-прокурора Святейшего синода ответ, что проект препровожден от Святейшего синода на соображение епархиального начальства.

1835:

- 19 января 1835 отправлен запрос синодальному обер-прокурору о предоставлении информации, в каком положении находится дело по восстановлению Спасской церкви.
- 14 февраля получен ответ, что по этому проекту собираются ещё необходимые сведения от епархиального начальства.
- 15 марта получено от синодального обер-прокурора уведомление, что в связи с тем, что в Спасской церкви предполагается устроить загородный архиерейский дом, «с делом об исправлении упомянутой церкви делаются особые соображения».
- 23 июня отправлен запрос синодальному обер-прокурору о предоставлении информации, в каком положении находится дело.
- По причине отсутствия ответа 24 сентября отправлен повторный запрос.
- От синодального обер-прокурора 15 октября получено уведомление, что в Синоде в настоящее время ожидаются предложения об исправлении Спасской церкви и об устройении при ней загородного архиерейского дома от епархиального начальства.

1836:

- 21 января 1836 г. отправлен запрос синодальному обер-прокурору о предоставлении информации, в каком положении находится дело.
- Последний запрос обер-прокурору Святейшего синода датируется 3 июня 1836 г.

- И вот, наконец, 20 июля 1836 г. в Святейшем синоде был заслушан рапорт преосвященного Смарагда, архиепископа полоцкого, в котором была изложена позиция Епархиального начальства по поводу проекта восстановления Спасской церкви. Согласно рапорту, епархиальное начальство выступило: 1) за то, чтобы не делать исправлений, которые бы изменили вид церкви; 2) для придания церкви благовидности проектируемые помощником строительного комитета Лукиным и одобренные комиссией проектов и смет исправления могут быть допущены; 3) вместо строительства колокольни устроить перед церковью арку с фонарём для колоколов; 4) иконостас устроить по проекту могилёвского губернского архитектора Бусырского; 5) отказаться от строительства флигелей для причта и часовни. Всего по новой смете на восстановление Спасской церкви вместо ранее запланированных 51 124 руб. 53 коп. предполагалось запросить из казны 25 359 руб. 5 коп. и дополнительно 5000 руб. на приобретение колоколов, церковной утвари, ризницы и богослужебных книг.
- В Синоде согласились с мнением полоцкого епархиального начальства об устройстве церкви Всемилоственного Спаса и постановили предоставленные синодальному обер-прокурору чертежи и смету препроводить в главное Управление путей сообщения и публичных зданий для переделки чертежа согласно предложению епархиального начальства [8].

И последний документ этого периода — «Протокол заседания Полоцкой Духовной консистории от 30 декабря 1841 г. о ремонте Полоцкой Спасо-Ефросиньевской церкви» [9] информирует о том, что в мае 1837 г. были закуплены материалы для ремонта Спасской церкви по выгодным ценам у купцов, передвигавшихся по Двине с товарами. В результате пожара в Полоцке 15 июня 1837 г. в городе сгорели склады, и материалы те сильно пострадали. Использовать пострадавшие в огне материалы (листовое железо, четырёхгранное железо, гвозди всевозможных размеров) не представлялось возможным. Чтобы минимизировать расходы, они были проданы на торгах в городе.

Впоследствии сэкономили ещё на статье по закупке «утварных и ризничных вещей», т. к. князь Хованский подарил их церкви в достаточном количестве. Материалы были закуплены заново.

И, наконец, самое важное. Контрактные условия на возобновление Спасской церкви были заключены 12 июня 1837 г. с двумя подрядчиками *Василием Саваскевичем* и *Василием Скворцовым*. Первый обязался устроить новый иконостас за 10 400 руб. ассигнациями. Второй — все прочие работы за 13 950 руб. ассигнациями. Оба взяли подряд со своими мастерскими и вспомогательными материалами.

На производство всех работ было отпущено из казны 25 339 руб. 5 коп. Сверх того на утварные и ризничные вещи — 5 000 руб. Это полностью совпадает с суммой в смете, утверждённой Святейшим синодом 26 июля 1836 г.

Согласно протоколу, из них на устройство иконостаса и «внутреннееписание церкви» выдана подрядчику *Скворцову* вся вышеозначенная сумма по контракту; и за прочие работы подрядчику Ратнеру, коему передан подряд от купеческого сына Скворцова, за передачу ему последнему от купца

Саваскевича, выдано 8759 руб 9 коп. ассигнациями». Деньги выделялись из Витебского уездного казначейства [9, л. 5].

Таким образом, ни один из рассмотренных документов не содержит информации о работах по исправлению живописного убранства Спасской церкви ни в 1832, ни в 1833, ни в 1834 гг. Окончательно проект по восстановлению храма, как и смета, включающая отдельную статью на «исправление стенных росписей» были утверждены Святейшим синодом в июле 1836 г. В июне 1837 г. заключён контракт на выполнение работ по утверждённому проекту с подрядчиками Василием Саваскевичем и Василием Скворцовым. «Внутреннее расписание церкви» и устройство иконостаса в 1837 г. выполнила артель мастеров купеческого сына Василия Скворцова.

Выполненные росписи лишь приблизительно следовали древней системе и в целом до неузнаваемости изменили первоначальную живописную декорацию Спасского храма. Т. е., первоначальная установка на то, чтобы исправить только отдельные, наиболее пострадавшие участки, причём «подражая во всём неотступно прежним изображениям и живописи», пригласив для этого профессионального художника, не была исполнена. В этом нет ничего удивительного. Роспись церквей и писание икон, по суждению художников и критиков XIX в., были законной областью богомазов-ремесленников, и труд этот был не престижен среди подлинных художников-живописцев, признавался как бы нарушением его профессионально-творческой этики. К тому же выбор мастера осуществлялся на месте епархиальным начальством и во многом зависел и от местоположения храма — сыграла роль удалённость от столицы, и от наличия либо отсутствия местных мастеров, их опыта, и, наконец, от уровня образованности и вкусов заказчика. В целом, традиция церковной живописи в течение XIX в. неизменно отставала от передового станкового искусства. Само состояние церковной жизни было далеко от идеалов, носительницей которых церковь призвана быть. Это сказалось в том числе и на состоянии церковного искусства, которое также лишилось главной своей характеристики — догматичности. Достаточно отчётливых представлений о том, каким должно быть церковное искусство, не было. Лишь в трудах некоторых исследователей подмечены характерные тенденции её развития. Так, к концу XVIII—XIX вв. роспись православного храма обретает классицистическое направление, характеризующееся преобладанием академической манеры письма.

Источники и литература

1. Российский государственный исторический архив (РГИА) в С.-Петербурге. — Фонд 797. — Оп. 6. — Д. 22832. — Л. 1—4. Письмо Министру Внутренних Дел Департамента Духовных Дел Иностранных Исповеданий от Генерал-Губернатора Смоленского, Витебского и Могилевского Князя Хованского. От 28.02.1832 за № 27.
2. Козлов, А. Н. О развитии христианского искусства и основах его в применении к церковной живописи: реферат, читанный в Отделе иконоведения при Обществе любителей духовного просвещения 4 марта 1898 г. / А. Н. Козлов. — Москва: Типография Вильде, 1898. — 24 с.
3. РГИА в С.-Петербурге. — Фонд 797. — Оп. 6. — Д. 22832. — Л. 5—7. Письмо Его Императорскому Величеству от Министра Внутренних Дел Департамента Духовных дел Иностранных исповеданий. От 9.04.1832.
4. РГИА в С.-Петербурге. — Фонд 797. — Оп. 6. — Д. 22832. — Л. 24—29. Письмо Господину Министру Внутренних Дел Департамента Духовных дел Иностранных исповеданий от Генерал-Губернатора Смоленского, Витебского и Могилевского Князя Хованского. От 26.07.1832 за № 2790.
5. РГИА в С.-Петербурге. — Фонд 797. — Оп. 6. — Д. 22832. — Л. 36—41. Письмо Министру Внутренних Дел Департамента Духовных Дел Иностранных Исповеданий от Генерал-Губернатора Смоленского, Витебского и Могилевского Князя Хованского от 18.01.1833 за № 167.
6. РГИА в С.-Петербурге. — Фонд 797. — Оп. 4. — Д. 16087. — Л. 10—12. Письмо Его Превосходительству Обер-Прокурору святейшего Синода Степану Дмитриевичу Нечаеву от графа Карло Толь (?). От 20.04.1834 за № 1153.
7. РГИА в С.-Петербурге. — Фонд 797. — Оп. 4. — Д. 16087. — Л. 49—56. Копия статьи из ведомости Именным указам и высочайшим Повелениям по Главному управлению путей сообщения и публичных зданий за период с 9.02.1833 по 21.01.1836.
8. РГИА в С.-Петербурге. — Фонд 797. — Оп. 4. — Д. 16087. — Л. 58—60. Копия записи из журнала Святейшего Правительствующего Синода «К прокурорским делам» от 20.07.1836.
9. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). — Фонд 2531. — Оп. 1. — Д. 11. — Л. 1—10. Протокол заседания Полоцкой Духовной консистории от 30 декабря 1841 г. о ремонте Полоцкой Спасо-Ефросиньевской церкви.

ЗВЕСТКІ АБ АЎТАРАХ

Андрэева Наталля Аляксандраўна,
загадчык Дзіцячага музея — філіяла НППКМЗ.

Аніськовіч Марына Маратаўна, старшы навуковы супрацоўнік
Краязнаўчага музея — філіяла НППКМЗ.

Анучына Наталля Уладзіміраўна, старшы навуковы супрацоўнік Музея
беларускага кнігадрукавання — філіяла НППКМЗ.

Арлова Таццяна Апалінар’еўна,
загадчык навукова-рэстаўрацыйнага аддзела НППКМЗ.

Бараненка Таццяна Валер’еўна, старшы навуковы супрацоўнік Музея тра-
дыцыйнага ручнога ткацтва Паазер’я — філіяла НППКМЗ.

Воднева Ірына Пятроўна,
загадчык Краязнаўчага музея — філіяла НППКМЗ.

Гаўрылава Славіна Вячаславаўна, вядучы навуковы супрацоўнік
Краязнаўчага музея — філіяла НППКМЗ.

Гаўрылаў Віталій Уладзіміравіч,
загадчык навукова-інфармацыйнага аддзела НППКМЗ.

Даўгун Вольга Міхайлаўна,
старшы навуковы супрацоўнік аддзела фондаў НППКМЗ.

Зуева Галіна Паўлаўна, вядучы навуковы супрацоўнік Музея беларускага
кнігадрукавання — філіяла НППКМЗ.

Кісляк Анастасія Уладзіміраўна, старшы навуковы супрацоўнік
Краязнаўчага музея — філіяла НППКМЗ.

Лысенка Ларыса Міхайлаўна,
Загадчык Мастацкай галерэі - філіяла НППКМЗ.

Магалінскі Ігар Уладзіміравіч, старшы навуковы супрацоўнік навуко-
ва-рэстаўрацыйнага аддзела НППКМЗ.

Мароз Анастасія Пятроўна, старшы навуковы супрацоўнік Мастацкай
галерэі — філіяла НППКМЗ.

Нарэйка Канстанцін Аляксандравіч, вядучы навуковы супрацоўнік Музея
баявой славы — філіяла НППКМЗ.

Раманенкава Галіна Мікалаеўна, старшы навуковы супрацоўнік навуко-
ва-рэстаўрацыйнага аддзела НППКМЗ.

Рудакоў Павел Сяргеевіч, вядучы навуковы супрацоўнік Музея баявой
славы — філіяла НППКМЗ.

Салаўёў Аляксандр Аляксандравіч, вядучы навуковы супрацоўнік навукова-рэстаўрацыйнага аддзела НППГКМЗ.

Сверж Святлана Аляксандраўна, старшы навуковы супрацоўнік Прыродна-экалагічнага музея — філіяла НППГКМЗ.

Смірнова Тацыяна Рафаілаўна, вядучы навуковы супрацоўнік Дзіцячага музея — філіяла НППГКМЗ.

Сырэвіч Ірына Вікенцьеўна, вядучы навуковы супрацоўнік Музея баявой славы — філіяла НППГКМЗ.

Шумовіч Алена Уладзіміраўна, загадчык Музея беларускага кнігадрукавання — філіяла НППГКМЗ.

Явіч Тацыяна Уладзіміраўна,
намеснік дырэктара па навуковай рабоце НППГКМЗ.

Навуковае выданне

**МАТЭРЫЯЛЫ
НАВУКОВА-ПРАКТЫЧНАЙ КАНФЕРЭНЦЫІ**

*(па выніках навукова-даследчай работы супрацоўнікаў
Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага
музея-запаведніка ў 2014 г.)*

Укладальнік **Явіч Таццяна Уладзіміраўна**

Камп'ютарная вёрстка В. У. Гаўрылаў
Карэктар В. Я. Ашуева

Макет выкананы на абсталяванні
навукова-інфармацыйнага аддзела НПКМЗ
211400, г. Полацк, вул. Ніжне-Пакроўская, 22

Падпісана да друк 28.09.2018. Фармат 70x84 ¹/₁₆.
Папера афсетная. Друк лічбавы. Гарнітура «ПТ Сериф».
Ум. друк. арк. 24,5. Улік.-выд. арк. 16,4.
Наклад 50 ас. Замова 8448.

Выдавец і паліграфічнае выкананне:
таварыства з абмежаванай адказнасцю «Медысонт».
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў
№ 1/142 ад 09.01.2014.
№ 2/34 ад 23.12.2013.
Вул. Ціміразева, 9, 220004, Мінск.

Полоцкъ Софійскій Соборъ

Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі:
па выніках навукова-даследчай работы супрацоўнікаў
Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага
музея-запаведніка ў 2014 г. / уклад. Т. У. Явіч. — Мінск:
Медысонт, 2018. — 212 с.

*У зборніку прадстаўлены артыкулы ўдзельнікаў
канферэнцыі, у якіх знайшлі адлюстраванне пытанні
гісторыі і культуры Полаччыны, актуальныя праблемы
музейнай дзейнасці.*

*Выданне адрасуецца музейным спецыялістам,
гісторыкам, культууролагам.*

Нацыянальны Полацкі гісторыка-
культурны музей-запаведнік
Рэспубліка Беларусь, 211400,
Віцебская вобл., г. Полацк,
вул. Ніжне-Пакроўская, 22
<http://polotsk.museum.by>

ISBN 978 985 7199 29 7

9 789857 199297